ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 3 (102) 2022

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.
Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации
Подписной индекс по объединённому каталогу «Пресса России» 38836
Издаётся с июня 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074
Адрес типографии: ул. Гончарова, 30, Иркутск, 664017
тел.(3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953
Телетайп: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru
© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2022

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:
П. А. Капустюк, канд. экон. наук, начальник Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:
А. Н. Шаламова, канд. юрид. наук, доц., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Члены редакционной коллегии:
О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России
А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России
О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., директор Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России
А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области
В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета
И. В. Минникес, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета
И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., зав. отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета
В. В. Николюк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., гл. научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия
С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., заведующий центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Байкальского государственного университета
А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., заведующий отделом криминологических исследований Института правовых исследований Байкальского государственного университета
Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Юридического института Байкальского государственного университета
Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета
З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, первый проректор, проректор по науке и стратегическому развитию Центрально-Казахстанской академии
Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)
В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета
А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России
В. А. Юсупов, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры административного и информационного права Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии.
Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.
Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.
Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 29 сентября 2022 г. Дата выхода в свет 30 сентября 2022 г.
Цена свободная
Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 35,0
Тираж 1000 экз.
Первый завод 60 экз. Заказ № 75
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK
OF THE EAST SIBERIAN INSTITUTE
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 3 (102) 2022

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education
"East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)
PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016
The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results
of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science
recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation.
Since June 1997
The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
fax: (3952) 411-953,
Teletype: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2022

Editors

Chief Editor

P. A. Kapustuk, Candidate of Economic Sciences, Head of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Deputy Chief Editor

A. N. Shalamova, candidate of legal sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Members of the Editorial Board

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor,
Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

B. Y. Gavrilov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

I. V. Minikes, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University

I. A. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Institute of Legal Research, Baikal State University

V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

S. L. Nudel, Doctor of Law, Associate Professor, head of the centerof the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Chief Scientific Officer of the Baikal State University

A. L. Repetskaya, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminological Research Department of the Institute of Legal Studies of the Baikal State University

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Pro-Curatorial Supervision of the Law Institute Baikal State University

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminology, Forensic Examinations and Legal Psychology of the Baikal State University

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector for Science and Strategic Development of The Central Kazakhstan Academy

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

V. A. Yusupov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Information Law of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.
Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.
The republication is allowed after the Editorial board permission only.
Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 29th September 2022. Publication date 30th September 2022.
Price: free
Format 60 × 84/8
Conventional printed sheets 35,0. Issue 1000 copies
Fist issue 60 copies. Order No 75
Research and Editorial-Publishing Department

Содержание

Слово главного редактора 9
Черных В.В. Страницы истории: 60 лет ВСИ МВД России 10

12.00.01. Теория и история права и государства.
История учений о праве и государстве

Авдеева О.А., Авдеев В.А. Сущностно-ценностный дискурс в понимании права
в условиях развития правового государства 12

12.00.02. Конституционное право.
Конституционный судебный процесс. Муниципальное право

Нежинская К.С. Конституционно-правовые основы идеологии
в Российской Федерации 23
Цыреторов А.И. Отечественная федерология в новейшее время:
правовая природа федерации, её сущностные черты и предназначение 31
Шелегов Ю.В. О конституционно-правовых основах введения
режима чрезвычайного положения в Российской Федерации 45

12.00.08. Уголовное право и криминология.
Уголовно-исполнительное право

Бодрова Е.А. Отграничение самовольного оставления части или места службы
от смежных составов преступлений 56
Ермакова О.В. Проблемные аспекты отражения обязательных признаков
в составе применения насилия в отношении представителя власти 66
Жукова С.С. Вопросы квалификации преступлений против здоровья,
совершенных группой лиц без предварительного сговора 74
Ильин И.С. Меры предупреждения демонстративно-протестной преступности,
связанные с функционированием диалога в рамках взаимодействия полиции
и протестующих 85
Косыгин В.Е. Уголовная ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи)
в уголовном законодательстве зарубежных стран 95
Репецкая А.Л., Миронов А.О. Криптовалюта как объект уголовно-правового
и криминологического исследования 109
Фомина И.А. К вопросу о виктимологической профилактике краж скота 121

12.00.09. Уголовный процесс

Загорьян С.Г., Котельникова О.А. К вопросу о роли эксперта в российском уголовно-процессуальном законодательстве 131
Кащак А.В. Ознакомление участников уголовного судопроизводства с составом следственной группы 145

12.00.11. Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Евдокимов К.Н. Особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремисткой деятельности в Российской Федерации 155
Ермаченко С.В. Особенности деятельности природоохранных прокуратур на современном этапе 170

12.00.12. Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-розыскная деятельность

Агафонов А.С. Характеристика исходных следственных ситуаций и версионная работа по уголовным делам, связанным с изменением маркировочных обозначений транспортных средств 181
Задоров А.Г. Проблемы и возможности диагностического исследования красконаполненных печатей 194
Кудра Д.М. Некоторые аспекты нормативного правового регулирования розыска несовершеннолетних, пропавших без вести и самовольно ушедших из семей или специализированных государственных учреждений 204
Корытов Д.А., Третьякова Е.И. Заключение эксперта по результатам дактилоскопического исследования как доказательство: факторы его обоснованности и доброкачественности 215
Усачев С.И. О роли консультационной и справочной деятельности сведущих лиц при расследовании мошенничества в сфере автострахования 230
Харченко И.В., Гераськин М.Ю., Шеков А.А. Использование метода зонирования термических повреждений для установления очага пожара в автотранспортных средствах 241

12.00.14. Административное право. Административный процесс

Абакумова Е.Б. Антикоррупционное регулирование инвестиционной деятельности военнослужащих на рынке ценных бумаг 253
Карнаухов О.П. Вопросы совершенствования оценки деятельности службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России 264

Информация для авторов 275

CONTENTS

12.00.01. Theory and history of law and state; history of law and state doctrines

Editor-in-chief's address 9
Chernykh V.V. Pages of history: 60 years of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation 10

Avdeeva O.A., Avdeev V.A. Essential-value discourse in the legal understanding in the context of the development the rule of law 12

12.00.02. Constitutional law. Constitutional judicial process. Municipal law

Nezhinskaya K.S. Constitutional and legal foundations of ideology in the Russian Federation 23
Tsyretorov A.I. Russian federology in modern periods: the legal nature of the federation, it's essential features and purpose 31
Shelegov Yu.V. On the constitutional and legal foundations declare of the state of emergency in the Russian Federation 45

12.00.08. Criminal law and criminology Penal enforcement law

Bodrova E.A. Delimitation of unauthorized abandonment of a unit or a place of service from related elements of crimes 56
Ermakova O.V. Problematic aspects of the reflection of mandatory characteristics in the composition of the use of violence against when it comes to representative of authority 66
Zhukova S.S. Issues related to qualification of crimes against health committed by a group of persons without prior collusion 74
Ilyin I.S. Measures to prevent demonstrative protest crime related to the functioning of dialogue within the framework of interaction between police and protesters 85
Kosygin V.E. Criminal liability for bribery of an arbitrator in the criminal legislation of foreign countries 95
Mironov A. O., Repetskaya A.L. Cryptocurrency as an object of criminal law and criminological research 109
Fomina I.A. On the issue of victimological prevention of abaction thefts 121

12.00.09. Criminal proceedings

Zagorian S.G., Kotelnikova O.A. The question of the role of the expert Russian criminal procedure legislation 131

Kashchak A.V. Introducing the participants in criminal proceedings with the composition of the investigative group 145

12.00.11. Judicial activity, prosecutorial activity, human rights and law enforcement activity

Evdokimov K.N. Features of the prosecutor's supervision over the implementation of legislation on countering extremist activity in the Russian Federation 155
Ermachenko S.V. Features of the activities of environmental prosecutor's offices at the present stage 170

12.00.12. Criminalistics. Forensic expert activity. Operational and investigative activities

Agafonov A.S. Characteristics of initial investigative situations and versioning work on criminal cases related to the change of vehicle markings 181
Zadorov A.G. Problems and possibilities of diagnostic examination of ink-filled seals 194
Kudra D.M. Some aspects of the normative legal regulation of the search for minors, who have missed and arbitrarily departed from families or specialized state institutions 204
Korytov D.A., Tretyakova E.I. Expert's conclusion on the results of fingerprint examination as proof: factors of its validity and good quality 215
Usachev S.I. On the role of consulting and reference activities of knowledgeable persons in the investigation of fraud in the field of auto insurance 230
Kharchenko I.V., Geraskin M.Yu., Shekov A.A., Using the method of thermal damage zoning to establish a fire source in motor vehicles 241

12.00.14. Administrative law. Administrative process

Abakumova E.B. Anti-corruption regulation of investment activity of military employees in the securities market 253
Karnaukhov O.P. Issues of improving the assessment of the activities of the service of district police commissioners of the territorial bodies of the MIA of Russia 264

Information for authors 275

Уважаемые ветераны, сотрудники и работники, курсанты, слушатели и адъюнкты Восточно-Сибирского института МВД России, дорогие коллеги!

Искренне поздравляю Вас со знаменательным событием – 60-летием со Дня образования Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации!

История нашего института неразрывно связана с летописью четырех образовательных учреждений: Иркутского пожарно-технического училища МВД СССР, Иркутского факультета высшей инженерной пожарно-технической школы МВД СССР, Иркутского отделения Хабаровской высшей школы МВД СССР и Иркутского филиала Красноярской специальной средней школы милиции.

За годы существования учебного заведения подготовлено более 11 тысяч специалистов для правоохранительных структур, которые с честью несут нелегкую службу по обеспечению общественного порядка и борьбе с преступностью, пользуясь заслуженным уважением в нашем регионе и далеко за его пределами.

Сегодня наш институт обладает современной учебно-материальной базой, значительным научным потенциалом, командный и профессорско-преподавательский состав осуществляет качественную подготовку специалистов для органов внутренних дел.

Выражаю искреннюю признательность и благодарность постоянному составу и ветеранам института за ежедневный кропотливый труд, за то, что передаете курсантам и слушателям не только профессиональные знания, но и жизненный опыт.

Впереди еще много рубежей, которые предстоит всем нам преодолеть. И я верю в терпение, стойкость и оптимизм личного состава института. Искренне желаю нам новых свершений, осуществления смелых замыслов и ярких открытий, успехов в учебе и службе на благо Отечества! С Днем образования института!

Начальник Восточно-Сибирского института
МВД России,
кандидат экономических наук
полковник полиции П.А. Капустюк

Страницы истории: 60 лет ВСИ МВД России

60-летие Восточно-Сибирского института МВД России – знаменательная дата в истории Иркутска. Отмечая юбилей, мы с гордостью говорим о нынешних достижениях института и с благодарностью вспоминаем тех, кто стоял у истоков вуза, трудом и талантами способствовал его становлению и развитию.

В 1962 году открылось Иркутское отделение факультета заочного обучения Хабаровской высшей школы МВД СССР. Оно стало первым высшим учебным заведением Иркутска, готовившим юристов для органов внутренних дел и предшественником созданной в 1993 году Иркутской высшей школы МВД России, куда вошли Хабаровская высшая школа, Иркутское пожарно-техническое училище (ПТУ) МВД СССР, открывшееся в 1968 году; Иркутский факультет Высшей инженерной пожарно-технической школы (ИФ ВИПТШ) МВД СССР, созданный в 1978 году, и Иркутский филиал Красноярской специальной средней школы милиции (ИФ КССШМ), образованной в 1989 году.

Итак, в мае 1993 г. все вышеперечисленные учебные заведения были объединены, так появилась Иркутская высшая школа МВД России. Первоначально предполагалось создать в Иркутске высшее учебное заведение пожарного профиля для подготовки специалистов высшего звена: велась переписка с вышестоящими ведомствами, с Государственным комитетом РСФСР по чрезвычайным ситуациям, вопрос обсуждался на уровне администрации области, несколько раз встречались коллективы ВИПТШ и ИПТУ, обсуждая предстоящее объединение и переход на более высокий уровень образования. Но судьба распорядилась иначе: потребность региона в специалистах стала основанием создания образовательного учреждения Министерства внутренних дел для подготовки милиционеров и пожарных.

Тогда, в 1993 году, правоохранительная система страны получила мощный образовательный центр, который до 1998 года назывался Иркутская высшая школа МВД России, а с 1998 года и по настоящее время – Восточно-Сибирский институт МВД России. Для Иркутской области это стало событием, важность которого невозможно переоценить: область решила проблемы подготовки и переподготовки кадров правоохранительной системы всех уровней.

Первым начальником Иркутской высшей школы МВД России был назначен подполковник милиции Анатолий Викторович Чернов; заместителем по учебной работе был полковник внутренней службы Топорищев Андрей Андреевич; заместителем по служебно-боевой подготовке – полковник внутренней службы Григорьев Виктор Николаевич; заместителем по кадрам – Тутурин Николай Степанович; заместителем по науке несколько позже стал доктор технических наук, профессор С.И. Носков.

В юбилейный год мы с благодарностью вспоминаем тех, кто стоял у основания института, руководителей дочерних учреждений: начальника Иркутского отделения Хабаровской высшей школы МВД СССР полковника В.И. Афанасенко и сменившего его П.Н. Тупицина; руководителей ИПТУ МВД СССР А. П. Алифанова, М.Н. Агапитова, М.А. Деревскова; начальника ИФ ВИПТШ МВД СССР А.П. Алифанова и О.М. Волкова; начальника ИФ КССШМ М.А. Банникова, и, конечно, первого начальника ВСИ МВД РФ генерала А.В. Чернова, а также принявших у него управленческую эстафету полковников полиции С.А. Карновича и П.А. Капустюка.

Павел Анатольевич Капустюк, возглавляющий институт в настоящее время, является выпускником ВСИ МВД России, это наглядный пример преемственности и преданности профессии.

Институт выпустил несколько десятков тысяч специалистов, проявивших себя и в локальных боевых точках, и на ликвидации пожаров и иных стихийных бедствий, важнейших государственных мероприятий, в спортивных состязаниях самого высокого уровня. Институт гордится целой плеядой учёных, известных далеко за пределами Иркутска. Это И.В. Смолькова, А.М. Ефремов, В.П. Удилов, А.Н. Бабенко, А.В. Данеев, С.Н. Рубцов, Т.И. Грабельных, О.П. Грибунов. М.К. Гайдай, А.Е Смирнов, В.В. Черных, Г.С. Гаверов, И.Э. Звечеровский и др.

Сегодня ВСИ МВД России – крупное образовательное учреждение Российской Федерации. Его выпускники обладают уникальными знаниями, которые позволяют им занимать ведущие позиции органов внутренних дел и приносить пользу стране. Диплом ВСИ МВД России котируется далеко за пределами Иркутской области и служит надежной рекомендацией его обладателю.

Иркутский Восточно-Сибирский институт МВД России достойно встречает свой 60-летний юбилей. Последние несколько лет – время напряженной работы, осуществления многих проектов и большого объема научных исследований. Подготовка специалистов системы органов внутренних дел – главная забота института. ВСИ МВД России всегда, а в трудные периоды истории особенно, со своей страной, со своим народом.

Профессор кафедры философии
и социально-гуманитарных дисциплин ВСИ МВД России,
доктор исторических наук, профессор В.В. Черных

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 12–22.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 12–22.

12.00.01. Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Научная статья
УДК: 340.1
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.95.27.001

СУЩНОСТНО-ЦЕННОСТНЫЙ ДИСКУРС В ПОНИМАНИИ ПРАВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Авдеева Ольга Анатольевна[1], Авдеев Вадим Авдеевич [2]
[1]Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, Иркутск, Avdeeva_O_A@mail.ru
[2] Югорский государственный университет, Российская Федерация, Ханты-Мансийск, vadim.avdeevich@mail.ru

Введение: статья посвящена рассмотрению одной из ключевых теоретико-правовых категорий – «сущности права». В статье пристальное внимание уделяется специфике институциональной и функциональной реализации сущности права на современном этапе развития общества в условиях совершенствования основ социального и правового государства. Исследованию подлежат доктринальные подходы к пониманию сущности права, ее признаков и свойств; особенности регламентации критериев общесоциальной сущности права в национальном законодательстве на основе признаков социального государства, предусмотренных нормами международного права.

Материалы и методы: исследование теоретико-правовой категории «сущность права» основывается на проведении сравнительно-правового анализа норм международного и национального права, сочетании формально-юридического, социологического и иных частнонаучных методов познания, осмыслении юридической доктрины и анализе материалов официальной статистики.

Результаты исследования: сформулированы выводы о соотношении признаков правового и социального государства, определены критерии оценки общесоциальной сущности права в условиях социального государства и совершенствования основ правовой государственности, раскрыта специфика институционально-функциональных и субъективно-деятельностных признаков и свойств общесоциальной сущности права с учетом развития демократических основ политической системы, реализации на внутригосударственном и международном уровнях правовой политики по созданию правовых гарантий социальных прав и свобод человека.

© Авдеева О. А., Авдеев В. А., 2022

Выводы и заключения: функционально-институциональные характеристики общесоциальной сущности права в условиях правового государства предусматривают комплекс субъективно-деятельностных признаков и свойств права, реализуемых посредством общесоциального и юридического воздействия на систему общественных отношений; развитие правовой государственности предусматривает создание условий для «стабильной и фактической реализации общесоциальных и правовых благ»; развитие социального государства в условиях правовой государственности обусловливает формирование правовых основ социальной ответственности; претворение в жизнь концепта «социального государства» на уровне реализации права, наделяемого общесоциальной сущностью, предполагает осознание места и роли социальной ответственности в системе мер общесоциального и правового воздействия; актуальным является институционализация субъектов социальной ответственности, задействованных в механизме реализации права на основе принципа социальной солидарности.

Ключевые слова: право, правопонимание, сущность права, правовое государство, социальное государство, общесоциальная сущность права.

Для цитирования: Авдеева О.А., Авдеев В.А. Сущностно-ценностный дискурс в понимании права в условиях развития правового государства / О.А. Авдеева, В.А. Авдеев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 12–22.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.95.27.001

**12.00.01. Theory and history of law and state;
history of the doctrines of law and the state**

Original article

ESSENTIAL-VALUE DISCOURSE IN THE UNDERSTANDING IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE RULE OF LAW

Olga A. Avdeeva [1], Vadim A. Avdeev [2]
[1] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, Avdeeva_O_A@mail.ru
[2]Yugra State University, Russia, Khanty-Mansiysk, vadim.avdeevich@mail.ru

Introduction: the article is devoted to the consideration of one of the key theoretical and legal categories – "the essence of law". The article pays close attention to the specifics of the institutional and functional realization of the essence of law at the present stage of development in conditions of improving the foundations of a social and legal state. The study is subject to doctrinal approaches to understanding the essence of law, its signs and properties; features of the regulation of the criteria of the general social essence of law in national legislation on the basis of the signs of the social state provided for by the norms of international law.

Materials and methods: the study of the theoretical and legal category "the essence of law" is based on a comparative legal analysis of the norms of international and national law, a combination of formal legal, sociological and other private scientific methods of cognition, comprehension of legal doctrine and analysis of official statistics.

The results of the study: the conclusions on the correlation of the features of the legal and social state are formulated, the criteria for assessing the general social essence of law in the conditions of the social state and improving the foundations of legal statehood are determined, the specifics of institutional-functional and subjective-activity signs and properties of the general social essence of law are revealed, taking into account the development of the democratic foundations of the political system, the implementation at the domestic and international levels of legal policy on the creation of legal guarantees of human social rights and freedoms.

Findings and Conclusions: the functional and institutional characteristics of the general social essence of law in the conditions of the rule of law provide for a complex of subjective and activity characteristics and properties of law, implemented through a general social and legal impact on the system of public relations; the development of legal statehood provides for the creation of conditions for "stable and actual realization of general social and legal benefits"; the development of the social state in the conditions of legal statehood determines the formation of legal fundamentals of social responsibility; the implementation of the concept of a "social state" at the level of realization of the right endowed with a general social essence implies awareness of the place and role of social responsibility in the system of measures of general social and legal impact; the institutionalization of subjects of social responsibility involved in the mechanism of realization of the right on the basis of the principle of social solidarity is relevant.

Keywords: law, legal understanding, essence of law, legal state, social state, general social essence of law.

For citation: Avdeeva O.A., Avdeev V.A. Sushhnostno-cennostnyj diskurs v ponimanii prava v uslovijah razvitija pravovogo gosudarstva [Essential-value discourse in the legal understanding in the context of the development the rule of law]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102), pp.12–22 (in Russ.).
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.95.27.001

На современном этапе развития правовой государственности, характеризуемом активизацией правотворческой деятельности по оптимизации механизма правового регулирования, активному обсуждению на доктринальном и правоприменительном уровнях подлежат вопросы стратегических направлений дальнейшего совершенствования основ социального и правового государства [1, с. 9–19; 2, с. 62–65]. Стоит отметить, что проблема развития основ социального государства получила пристальное внимание в связи с появлением новых видов угроз и рисков, создающих опасность для прогрессивного развития мирового сообщества.

Подтверждением тому является принятие ООН в 2015 г. Концепции устойчивого развития общества на период до 2030 года, в которой в качестве актуальных направлений признается минимизация и устранение проблем, имеющих место в политико-правовой, социальной и экономической сферах жизнедеятельности общества и создающих угрозу миру и безопасности человечества в целом. При этом мировое сообщество в качестве приоритетных целей отмечает актуальность проведения основанной на ценностях социальной ответственности и международных принципах защиты права человека политики, содействующей обеспечению благополучия общества и удовлетворению социальных потребностей в области здравоохранения, образования и социальной защиты.

Обращаясь к проблеме сущности права, стоит отметить, что категория «сущность» стала активно применяться в процессе становления философско-правового мировоззрения. Рассматривая вопрос о соотношении таких категорий, как «материя» и «сознание», философы обращали внимание на сущность исследуемых явлений, под которой подразумевали совокупность наиболее значимых отношений, характеризующих внутренние связи данного явления.

Дальнейшая разработка научных подходов к пониманию права как социального явления сопровождалась введением в понятийно-категориальный аппарат в теоретико-правовой науке категории «сущность права» [3, с. 35–43]. В современной науке теории государства и права под сущностью права принято понимать совокупность наиболее устойчивых отношений, раскрывающих природу, качественные характеристики, назначение данного социального явления и отражающих внутренние его процессы. Вследствие этого использование в науке теории государства и права категории «сущность права» предусматривает раскрытие внутренних характеристик права, которые объясняют условия и причины его возникновения, целевое предназначение и механизм действия права как социального явления [4, с. 40–45].

Рассматривая проблему сущностно-ценностного дискурса в понимании права, стоит отметить непосредственную обусловленность сущности права как социального явления сущностью государства [5, с. 211–239]. Государство, выступая политической организацией общества, призванной обеспечить единство и целостность народонаселения в рамках установленных территориальных границ посредством аппарата государственной власти и механизма государственного принуждения, обладает отличительным от иных социальных, в том числе действовавших в условиях становления и развития первичных форм организации первобытного общества и действующих на современном этапе политических образований, признаком, который заключается в формировании институтов политический системы, обладающих при осуществлении публично-властных полномочий государственной властью. Вследствие этого раскрытие сущности государства предполагает рассмотрение внутренних отношений в рамках данного явления, позволяющих определить: 1) кому принадлежит государственная власть; 2) кто участвует в формировании органов государственной власти; 3) в чьих интересах государственная власть реализуется.

Исходя из теоретико-правового подхода к сущности государства, можно сделать вывод о том, что сущность права подлежит раскрытию посредством установления следующих аспектов: 1) кому принадлежит правообразующая функция (законодательная власть) по созданию (разработке, принятию, одобрению) правовой нормы; 2) кто имеет доступ к участию в осуществлении правотворческой деятельности; 3) с какой целью и в чьих интересах реализуется правотворческая деятельность; 4) при помощи каких методов воздействия на участников общественных отношений принятые правовые предписания подлежат практической реализации.

Принимая во внимание причинную обусловленность сущности права сущностью государства, в науке теории государства и права разграничивают классовую и общесоциальную сущность права [6]. Ретроспективный анализ развития права как социального явления позволяет сделать вывод о том, что сущность права реализуется как с учетом особенностей политико-правового развития государства, так и конкретных исторических условий, в рамках которых непосредственно происходит реализация

права, а также сложившихся политико-правовых, социальных и экономических реалий, социокультурного уровня развития личности, общества и государства в целом.

Так, классовая сущность права, порождаемая классовой сущностью государства, явилась закономерной особенностью в условиях развития рабовладельческой, феодальной, капиталистической общественно-экономических формаций. Определяя особенности классовой сущности права, профессор О.Э. Лейст писал, что право изначально возникло в неоднородном обществе, стратификация которого предполагала выделение классов, сословий, групп, слоев и иных социальных образований [7, с. 3–11]. В рамках данной стратификации общества имело место разграничение политико-правовых и социально-экономических интересов вплоть до «противостояния друг другу». В результате назрела потребность в поддержании определенного порядка, который может быть обеспечен с помощью правовых средств и методов нормативного регулирования, опирающегося на принуждение. Право используется как нормативная форма упорядочения общественных отношений, охраняемых государственным принуждением.

Таким образом, при классовой сущности государства законодательная регламентация правового статуса подданных, предусматривающая деление общества на классы, сопряжена со следующим: предоставлением государственной (законодательной, исполнительной и судебной) власти экономически господствующему классу; правом представителей указанной категории лиц формировать органы государственной власти посредством права избирать и быть избранным, права на доступ к управлению государством и доступ к государственной службе; реализацией экономически господствующей категории государственной власти в целях удовлетворения политических, социальных и экономических интересов данной категории; избрание методов и средств практической реализации правовых предписаний – дозволений и запретов, характеризующих особенности антидемократических, а именно восточно-деспотических, авторитарных, тоталитарных, расистских и фашистских политических (государственно-правовых) режимов, основанных на подавлении субъектно-волевой деятельности представителей отдельных категорий населения и преобладании принудительных мер правового воздействия, ориентированных на лишение или ограничение естественных прав и свобод человека.

Между тем глобализационные процессы, связанные с ростом военного противостояния государств в период империостроительства, направленного на расширение государственных границ посредством завоевания территории иных государств, и внутригосударственные тенденции, обусловленные углублением внутренних противоречий и активизацией буржуазно-демократических институтов, обострили проблему военной экспансии, работорговли. Социокультурная оценка негативных последствий мировых войн, нанесших ущерб интересам всего мирового сообщества, повлекла формирование международных организаций, деятельность которых направлена была на мирное урегулирование международных отношений и признание незыблемости естественных прав и свобод человека.

Закономерно актуализируется деятельность международного сообщества по детальной регламентации правовых основ, обеспечивающих качество жизни каждого человека и уровень его развития [8, с. 375–381]. Вследствие этого ключевые положения концепции социального государства получили отражение во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (ст. 16, 22–28) и подлежали детализации в Международ-

ном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. Принцип социальной сущности государства на внутригосударственном уровне подлежит последовательному закреплению в актах национального законодательства, в том числе в Основных законах (Конституциях) государств, например, в ст. 7 Конституции РФ.

Однако практическая реализация провозглашаемых критериев «социального и правового порядка» предопределила необходимость создания на международном и внутригосударственном уровнях правовых гарантий [9, с. 614–631]. В сложившихся условиях на доктринальном уровне активизируется деятельность по рассмотрению вопроса относительно соотношения критериев правового и социального государства, призванного как создать условия для достойной жизни и свободного развития каждого человека, так и обеспечить формирование эффективного механизма их реализации и защиты посредством правовых методов и средств.

По мере формирования правовых основ социального государства изменению подлежит и сущность права, которая приобретает общесоциальные черты. Определяя признаки общесоциальной сущности права, профессор Р.З. Лившиц указывает на создание системы охраны общественного порядка, предусматривающей учет интересов различных слоев общества. Общесоциальная сущность права, по его мнению, должна заключаться в выражении в нормах права согласованной воли всего общества на основе компромисса многообразных интересов в социально значимых отношениях. Общесоциальная сущность права предполагает сбалансированность воли общества, представленной в форме общеобязательных предписаний меры свободного поведения человека.

В свою очередь, О.Э. Лейст предлагает к ключевым признакам общесоциальной сущности права отнести нормативность, стабильность и авторитетность, которые должны способствовать установлению «прочного правопорядка», обеспечиваемого соответствующим аппаратом правоохранительных органов. Примечательно, что разработка на доктринальном уровне вышеуказанных критериев оценки общесоциальной сущности права позволила ученым ввести в научный оборот категорию «всенародная сущность», когда государство и право признаются «народными», а общество рассматривается как «союз равноправных людей».

Между тем развитие государственности на современном этапе характеризуется провозглашением наряду с принципом социального государства таких принципов государственного строительства, как демократизм и правовая государственность. Признание в национальном законодательстве государства правовым обозначило проблему как доктринальной трактовки критериев, отграничивающих его от социального государства, так и разработки правовых основ их практико-ориентированной реализации [10, с. 95–144]. Декларирование обеспечения в правовом государстве прав и свобод человека как высшей ценности повлекло, в свою очередь, актуализацию проблемы, связанной с определением специфики критериев общесоциальной сущности права в условиях правового государства [11, с. 35–37].

Представляется, что при определении организационно-правовых особенностей общесоциальной сущности права в условиях правовой государственности необходимо выделить следующие отличительные характеристики:

1) право осуществления нормотворческой деятельности (законодательная власть) предоставляется социуму (народу), каждый член которого наделяется равными

политическими правами: правом избирать и быть избранным в органы законодательной (представительной) власти, правом на доступ к управлению государством, правом на доступ к государственной и муниципальной службе;

2) право участия, которым обладает социум (народ) непосредственно или опосредованно, в правотворческой деятельности, в том числе в инициировании, разработке, обсуждении и принятии нормативно-правовых актов;

3) право в форме правовых норм создается в целях удовлетворения интересов всех членов социума (народа) и выражает их волю; приоритетными в процессе правообразования являются потребности социума (народа);

4) для достижения целей и удовлетворения потребностей социума (народа) в качестве методов правового воздействия на участников общественных отношений используются правовые методы, основанные на:

- сочетании убеждения и принуждения;

- установлении правовых гарантий обеспечения естественных прав человека, предусмотренных нормами международного и национального права;

- введении запрета на применение внеправовых методов, направленных на использование средств, посягающих на жизнь, здоровье и свободу человека, унижающих честь и достоинство личности.

Что касается социального государства, то в современных условиях последовательное осуществление мер по повышению уровня демократизации политической системы государств, несмотря на полицентричность мирового сообщества, предопределило закрепление в качестве стратегических приоритетов:

1) создание в национальных правовых системах механизма правового регулирования общественных отношений на основе принципа равенства правового статуса членов общества, независимо от пола, расы, национальности, происхождения, места жительства, рода деятельности и иных признаков;

2) разработку и осуществление государственно-правовой политики по созданию условий для достойной жизни граждан посредством повышения качества реализации мер по обеспечению права на жизнь, охрану здоровья, жилище, частную собственность, труд, вознаграждение за труд, минимальный размер оплаты труда, а также личной и имущественной безопасности;

3) реализацию государственно-правовой политики по созданию условий для свободного развития личности путем предоставления права на образование, свободу научного, технического и иных видов творческой деятельности, доступ к учреждениям культуры, развитие физкультуры и спорта и т.д.;

4) формирование на внутригосударственном уровне правового механизма, обеспечивающего практическую реализацию мер социальной защиты населения.

В условиях социального государства, принимая во внимание, что первостепенную роль в правовом государстве играет специфика институционально-инструментальных средств и методов гарантирования прав и свобод, признанных высшей ценностью, актуализации подлежит деятельность по разработке и осуществлению мер, направленных на создание правовых гарантий как реализации социально-значимых прав и свобод человека, так и их защиты. В результате в рамках национального отраслевого законодательства детальной регламентации подлежат объекты правовой охраны и меры правового воздействия. При этом законодательная регламентация объектов

правовой охраны, которыми выступают основы конституционного строя, права и свободы личности, сопровождается детализацией механизма правового обеспечения, предусматривающего реализацию правосубъектным лицом права на обжалование незаконных действий (бездействия) со стороны как государства (органов государства, должностных лиц), так и иных субъектов правоотношений. Предоставляемое право на защиту предусмотренных законом интересов подлежит осуществлению с помощью национальных, региональных (Европейский суд по правам человека) и международных (Международный суд по правам человека) средств. На национальном уровне предусмотрена реализация права на защиту в рамках внесудебной процедуры и непосредственно в ходе судопроизводства, характеризующегося возможностью потерпевшего обжаловать принятое судом решение.

Функционально-институциональные характеристики общесоциальной сущности права в условиях правовой государственности предусматривают комплекс субъективно-деятельностных признаков и свойств права, реализуемых посредством общесоциального и юридического воздействия на систему общественных отношений. Правовое воздействие как на систему общественных отношений, так и на участников общественных отношений предполагает реализацию правом регулятивно-охранительной, компенсационной, восстановительной, социокультурной, информационно-просветительской, воспитательной и иных функций, содействующих упорядочению и стабилизации общественных отношений, укреплению законности и правопорядка, развитию правового сознания, правового просвещения, преодолению правового нигилизма и росту правовой культуры. В основу формирования законности и правопорядка положены общесоциальные культурные ценности, такие как справедливость и гуманизм, признанные правовыми принципами в механизме правового регулирования юридической ответственности.

С учетом Концепции устойчивого развития общества 2015 г. основным концептом общесоциальной сущности государства и права на современном этапе развития правовой государственности является создание условий для «стабильной и фактической реализации общесоциальных и правовых благ». Представляется, что построение социального государства в условиях развития правовой государственности предусматривает актуализацию мер по формированию правовых основ социальной ответственности.

Претворение в жизнь концепта «социального государства» на уровне реализации права, наделяемого общесоциальной сущностью, предполагает осознание места и роли социальной ответственности в системе мер общесоциального и правового воздействия. Требуется институционализация субъектов социальной ответственности, задействованных в механизме реализации права на основе принципа социальной солидарности [12, с. 174–180].

Что касается государства, то Концепция устойчивого развития мирового сообщества, разработанная на период до 2030 г., ориентирует на устранение негативных тенденций, связанных с кризисом политической и экономической систем, обусловившим резкое падение качества жизни и высокий уровень миграционных процессов. С целью повышения уровня социальной ответственности государства необходимым является правовое регулирование, исходя из назревших современных потребностей человека, общества и государства, экономической системы, содействующее наращива-

нию экономического потенциала, развитию предприятий частного сектора, сокращению уровня бедности и повышению качества жизни. Роль государства заключается в создании и реализации правового порядка, гарантирующего незыблемость общесоциальных и правовых благ с учетом признания прав и свобод человека как высшей ценности и их реализации на основе принципов социальной справедливости, равенства, свободы, законности и гуманизма.

В социальной сфере ответственность государства предполагает своевременное принятие комплексных мер в области здравоохранения и социальной защиты, в том числе – социального страхования и иных программ социальной поддержки.

Для повышения уровня социальной ответственности общества и личности предусматривается реализация государством мер по формированию «общества знаний», в котором будет проводиться политика по увеличению инвестиций в образование и гарантированию доступности образовательного процесса для различных категорий населения, бюджетного финансирования научных исследований, повышению качества профессиональной подготовки кадров, принятию мер по распространению идеологии, препятствующей правонарушающему поведению и ориентированной на создание основ для стабильного развития общества.

Парадигма устойчивого развития современного общества основывается на укреплении социальных, в том числе нравственных ценностей, способствующих снижению уровня социальной конфликтности и установлению гражданского мира и согласия. Вследствие этого иные субъекты социальной ответственности, включая каждого человека, семью, политические институты, общественные объединения и предприятия различной формы собственности, должны быть ориентированы на повышение профессионализма, качества воспитательной работы и создание благоприятных условий для всестороннего и гармоничного развития личности. При этом актуализируется создание устойчивых правовых связей между государством и иными субъектами социальной ответственности, основанных на признании взаимных прав и обязанностей, принимая во внимание современные подходы к проблеме «государственного патернализма».

Таким образом, право, характеризующееся общесоциальной сущностью, в условиях развития правовой государственности: выполняет функции общесоциального и правового регулирования общественных отношений в интересах всех членов общества; обеспечивает функционирование общества как единого социального организма; формирует правовые гарантии для установления в общественных отношениях правопорядка, основанного на соблюдении равенства прав и свобод человека и гражданина; промульгирует в качестве правовых гарантий незыблемость естественных прав и свобод человека, в том числе равенство, независимо от пола, расы, языка, имущества, должностного статуса и т.д.; основывается на системе общесоциальных ценностей, накопленных в процессе поступательного развития государства и права; реализует механизм правового воздействия путем формирования механизма правовой защиты прав и свобод личности, применения правовых методов и средств в ходе реализации юридической ответственности и гарантирования недопустимости использования насилия и подавления личности. Вместе с тем уровень общесоциальной сущности права как нормативного регулятора в правовом государстве зависит от степени развития демократии, парламентаризма и институтов гражданского общества, действующих на основе принципа социальной солидарности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авдеева, О.А., Авдеев, В.А. Стратегические направления правового воздействия в контексте реализации концепции устойчивого развития современного общества / О.А. Авдеева, В.А. Авдеев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 1 (100). – С. 9–19.

2. Мушинский, М.А. О соотношении доктрин правового и социального государства и их реализации в российской политико-правовой практике в контексте современных социальных и политических перемен / М.А. Мушинский // Теория государства и права. – 2019. – № 1 (13). – С. 62–70.

3. Тененбаум, В.О. О сущности права // Правоведение. – 1980. – № 1. – С. 35–43.

4. Байтин, М.И. Сущность права: современное нормативное правопонимание на грани двух веков. – Саратов, 2001. – 408 с.

5. Павлов, В.И. Синергийная антропология и постклассическая антропология права: к вопросу об антропологическом подходе к пониманию права // Фонарь Диогена: человек в многообразии практик. – 2015. – Т. 1. № 1. – С. 211–239.

6. Лившиц, Р.З. Государство и право в современном обществе: необходимость новых подходов // Советское государство и право. – 2000. – № 10.

7. Лейст О.Э. Три концепции права // Государство и право. – 1991. – № 12. – С. 3–11.

8. Трофимов В.В. Правовой интерес и правовая идея в структуре правообразовательного процесса современного российского общества / В.В. Трофимов // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2012. – Вып. 9 (113). – С. 375–381.

9. Червонюк, В.И. Правообразование, правообразующие интересы, законодательные технологии и техника: проблема взаимосвязей в контексте современной социогуманитарной концепции права / В. И. Червонюк // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 614–631.

10. Кондуров, В.Е. Правовые институты и нормы: проблема действительности и действенности права в юридическом институционализме / В.Е. Кондуров, А.А. Краевский // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14. – № 6. – С. 95–144.

11. Антонов, М.В. Методы теоретического правоведения в контексте глобализации / М.В. Антонов // Труды Института государства и права РАН. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 35–57.

12. Станкевич, А.А. Устойчивое развитие систем: от концепции к социальной устойчивости // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. – 2018. – № 2. – С. 174–180.

REFERENCES

1. Avdeeva O.A., Avdeev V.A. Strategic directions of legal impact in the context of the implementation of the concept of sustainable development of modern society / O. A. Avdeeva, V. A. Avdeev // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 1 (100). – P. 9–19.

2. Mushinsky M. A. On the relationship between the doctrines of the legal and social state and their implementation in Russian political and legal practice in the context of modern social and political changes // Theory of State and Law. – 2019. – No. 1 (13). – Pp. 62–70.

3. Tenenbaum V. O. About the essence of law // Jurisprudence. – 1980. – No. 1. – P. 35-43.

4. Baitin M. I. The essence of law: modern normative legal understanding on the verge of two centuries. – Saratov, 2001. – 408 p.

5. Pavlov V. I. Synergetic anthropology and postclassical anthropology of law: on the question of an anthropological approach to understanding law // Diogenes' Lantern: a Man in a variety of practices. – 2015. – Vol. 1. No. 1. – P. 211-239.

6. Livshits R. Z. State and law in modern society: the need for new approaches // Soviet State and law. – 2000. – № 10.

7. Leist O. E. Three concepts of law // State and Law. – 1991. – No. 12. – Pp. 3–11.

8. Trofimov V. V. Legal interest and legal idea in the structure of the law-formation process of modern Russian society // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. – 2012. – Issue. 9 (113). – P. 375-381.

9. Chervonyuk V. I. Law formation, law-forming interests, legislative technologies and technology: the problem of relationships in the context of the modern socio-humanitarian concept of law // Legal Technique. – 2012. – No. 6. – P. 614-631.

10. Kondurov V. E. Legal institutions and norms: the problem of the validity and effectiveness of law in legal institutionalism / V. E. Kondurov, A. A. Kraevsky // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2019. – T. 14. – No. 6. – P. 95–144.

11. Antonov M. V. Methods of theoretical jurisprudence in the context of globalization / M. V. Antonov // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2017. – T. 12. – No. 4. – Pp. 35–57.

12. Stankevich A. A. Sustainable development of systems: from concept to social sustainability // Scientific Bulletin: Finance, Banks, investments. – 2018. – No. 2. – P. 174–180.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеева Ольга Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин. Восточно-Сибирской институт МВД России. 664028, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
ORCID: 0000-0002-5771-4237
Авдеев Вадим Авдеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Юридического института. Югорский государственный университет. 828012, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16.
ORCID: 0000-0002-8614-6996

INFORMATION ON AUTHORS

Avdeeva Olga Anatolyevna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664028, Russia, Irkutsk, st. Lermontova, d. 110.
ORCID: 0000-0002-5771-4237
Avdeev Vadim Avdeevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Law Institute. Yugra State University. 828012, Russia, Khanty-Mansiysk, st. Chekhov, 16.
ORCID: 0000-0002-8614-6996

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 23–30. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 23–30.

12.00.02. Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Научная статья
УДК: 342.41
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.95.78.002

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Нежинская Ксения Сергеевна
Дальневосточный юридический институт МВД России, Российская Федерация, Хабаровск, ymatno@gmail.com

Введение: целью исследования стало изучение различных подходов к трактовке понятия идеология, процесса его закрепления в нормативно-правовых актах страны на различных этапах ее развития, а также его влияния на формирование правовой культуры общества.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, федеральное и региональное законодательство, затрагивающее вопросы формирования идеологических основ процессов воспитания и целеполагания в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Методологическим фундаментом исследования выступает общий диалектический метод научного познания, а также методы дедукции, сравнительно-правовой метод, анализ, синтез и другой инструментарий, посредством которого можно познать правовое регулирование в проблематике конституционных основ идеологии в Российской Федерации.

Результаты исследования: дают возможность пересмотреть правовые основы идеологии в Российской Федерации и ее значение в формировании правового государства и гражданского общества. В статье предпринята попытка доказать необходимость установления конституционной идеологии в Российской Федерации, а также возможность ее нормативного закрепления.

Выводы и заключения: в ходе анализа норм, регулирующих общественные отношения в сфере идеологической функции российского государства, выявлены существенные недостатки и предложены пути их устранения.

Ключевые слова: идеология, конституционно-правовые основы конституционной идеологии, конституционные ценности, многонациональное государство, идеологическая деятельность государства

Для цитирования: Нежинская К.С. Конституционно-правовые основы идеологии в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 23–30.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.95.78.002

© Нежинская К. С., 2022

12.00.02. Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Original article

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES OF IDEOLOGY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ksenia S. Nizhynskaya
Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Khabarovsk, ymatno@gmail.com

Introduction: The aim of the study was to study various approaches to the interpretation of the concept of ideology, the process of its consolidation in the legal acts of the country at various stages of its development, as well as its influence on the formation of the legal culture of society.

Materials and Methods: the normative basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, federal and regional legislation, which affects the formation of the ideological foundations of the processes of education and goal-setting in the activities of state authorities and local self-government. The methodological foundation of the study is the general dialectical method of scientific knowledge, as well as deduction methods, the comparative legal method, analysis, synthesis and other tools through which one can learn legal regulation in the problems of the constitutional foundations of ideology in the Russian Federation.

The results of the study: provide an opportunity to reconsider the legal foundations of ideology in the Russian Federation and its significance in the formation of the rule of law and civil society. The article attempts to prove the need to establish a constitutional ideology in the Russian Federation, as well as the possibility of its normative consolidation.

Findings and Conclusions: in the course of the analysis of the norms governing social relations in the sphere of the ideological function of the Russian state, significant shortcomings were identified and ways to eliminate them were proposed.

Keywords: ideology, constitutional and legal foundations of constitutional ideology, constitutional values, multinational state, ideological activity of the state.

For citation: NizhynskayaK.S. Konstitucionno-pravovye osnovy ideologii v Rossijskoj Federacii [Constitutional and legal bases of ideology in the Russian Federation. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2022, no. 3(102), pp. 23-30 (in Russ.)
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.95.78.002

Определений понятия государства, так же, как и его признаков, в научной и учебной литературе существует великое множество [1, с. 16–23]. Рассматривать генезис становления учения о государстве, чтобы выделить сущностные характеристики данного института, ученые начинают еще с глубокой древности [2, с. 1–10]. Многообразие взглядов на государство обусловлено прежде всего тем, что само государство представляет собой чрезвычайно сложное, многогранное и исторически меняющееся явление. Однако все подходы к определению понятия государства имеют схожие сущностные характеристики, отличающие его от первобытного общества и других организаций, которые государствами не являются. В теории государства и права признаки государства

разделяют на две группы – обязательные и необязательные. В многообразии подходов к определению государства нельзя не согласится с мнением ученых, которые одним из основных обязательных признаков государства выделяют государственную идеологию [3, с. 6]. И данная точка зрения не является случайностью, стоит только обратиться к марксистско-ленинской теории. Так, исходя из сущностной характеристики любого государства, находящегося на том или ином историческом этапе развития, мы в первую очередь устанавливаем совокупность наиболее важных устойчивых свойств и связей между самим государством в лице его органов власти и обществом. Данная связь в последующем раскрывается через систему различных функций и принципов данного государства. Так, например, под сущностью рабовладельческого государства, мы подразумеваем выражение интересов класса рабовладельцев, а под основными функциями – подавление сопротивления зависимого класса и оправдание существующих порядков. Те же характеристики государства присущи и феодальной, и буржуазной общественно-экономической формации на начальных этапах ее развития.

К сожалению, анализ юридической терминологии и нормативно-правовых актов многих современных буржуазных государств указывает на существующие в научной, учебной и иной литературе разногласия, касающиеся определения сущности современных государств, в части их идеологической функции [4, с. 56–58]. Государственная идеология сегодня прямо запрещена государством (статья 13 Конституции РФ). Стоит отметить, что идеологическая деятельность государства не должна ограничиваться рассмотрением ее только с позиции государственной функции. Многие ученые предлагают рассматривать идеологическую деятельность государства как необходимый атрибутивный признак самого понятия.

Так, С.Ф. Мацко [5, с. 68] рассматривает идеологию как одну из составляющих государства, раскрывающую и обосновывающую его сущность, направленную на формирование ценностных ориентаций общества и поведенческих установок граждан. Таким образом, идеология как государственная функция воплощает и раскрывает роль государства в качестве субъекта политической системы, а идеологическая деятельность подразумевает воздействие государства на все субъекты политической системы в целом.

Основным элементом политической власти является идеологическая регуляция общества, следовательно, само существование государственной власти невозможно представить без идеологии [6, с. 54–62].

Таким образом, идеология является атрибутивным элементом государства, исходя из сущностных характеристик самой власти. Конституция РФ в ч.1 и ч.2 статьи 13 признает идеологическое, а вместе с ним и политическое многообразие, подтверждая тем самым сущность государственной власти, которая формируется посредством борьбы различных элементов политической системы государства. Политическое и идеологическое противоборство является важнейшим фактором существования демократического режима. Это вполне естественное явление политической жизни, развертывающееся на открытом пространстве, и позволяющее, с одной стороны, властям контролировать ход этой конфликтности (ч.5 ст. 13 Конституции РФ), а с другой – населению обозревать этот процесс и делать соответствующие выводы и выбор, реализуя свое активное и пассивное избирательное право.

Следовательно, уже только из анализа ст. 13 Конституции РФ прослеживается явное противоречие. Исходя из теории правового государства (а Россия провозглашает

себя таковым ч.1 ст. 1 Конституции), власть должна быть выборной. В нашем государстве власть, а также право выбора, кому ее делегировать, принадлежит народу. Выбирая кандидата на управление государством, народ исходит из внутренних убеждений, основанных на социальных нормах, являющихся в свою очередь основными составляющими идеологии, которую тот или иной кандидат и политическая партия представляет в ходе своей предвыборной кампании. Население страны выбирает определенную программу, идею, в соответствии с которой выборное должностное лицо должно осуществлять власть в государстве. Но исходя из толкования ст. 13 Конституции РФ, как только выборная власть получает статус легитимной государственной власти, ее идеология становится запрещенной и является, в крайнем случае, необязательным принципом осуществления ее полномочий. В связи с этим возникает и логичное объяснение, почему предвыборные обещания никогда не выполняются на практике. Но это только негативные факторы, характеризующие сущностные характеристики современной государственной власти.

Способность государства устанавливать и регулировать общественные процессы определяется его регулятивными рычагами, теми механизмами, с помощью которых оно может мобилизовать людские, материальные и финансовые ресурсы для достижения поставленных целей и задач. И в правовом демократическом государстве такими рычагами являются отнюдь не механизмы управления и подавления. Активное вовлечение населения в управление общественными процессами и построение развитого гражданского общества – вот та цель, к которой стремится любое современное государство, принимая или нет во внимание марксистскую теорию. Но о какой активности граждан может идти речь, если в обществе отсутствует самое важное, то, от чего берет начало и развивается любая деятельность, идеологическая основа государства: цели, задачи, методы, механизмы, принципы деятельности и т.п. Это те составляющие, которые каждому члену общества дают ответ на вопрос: для чего он проявляет свою активную гражданскую позицию и для чего вообще живет именно в этом государстве.

В содержательном смысле идеология влияет на способность государства своевременно обобщать общенациональные интересы и реализовывать их в своей практической деятельности, создавая для собственных граждан некие ориентиры в различных сферах общественных отношений. Таким образом, государственная идеология, наряду с правовыми нормами, механизмом управления и принуждения, является необходимым средством реализации государственных целей и политики государства.

Как справедливо отмечает А.И. Клименко [7, с. 70–83], результатом размытости социально значимых ценностных установок в российском государстве является возникновение различных радикальных политических групп с собственной субкультурой и идеологией, которые, несомненно, представляют серьезную опасность для государства и общества в целом. Данная ситуация является прямым следствием неэффективности идеологии государства. Поэтому, по его мнению, конструктивный подход к анализу правовой и политической действительности в России необходимо проводить с учетом и изучением идеологической сферы жизни общества и государства. Данный вывод вполне обоснован с практической точки зрения. Так, анализ данных статистики с 2003 года по настоящее время о состоянии преступности в Российской Федерации показывает, что отсутствие на протяжении 25-ти лет в России ценностных государственных ориентиров в обществе привели к необратимым последствиям. Произошло

увеличение количества правонарушений экстремистского характера; значительно снизился уровень гражданской активности населения; возросли показатели правового и морального нигилизма в обществе; произошел рост резонансных преступлений, совершенных с особой жестокостью; возрос уровень недоверия и критики действующей власти; отсутствие чувства патриотизма и любви к своей Родине – и это далеко не все негативные общественные явления, которые на сегодняшний день характеризуют российское общество.

Процесс идеологизации общества имеет длительный временной промежуток и связан прежде всего с деятельностью государства в отношении всех возрастных и социальных групп населения. Идеология существовала в советском государстве и представляла собой целенаправленную деятельность государства по формированию у населения целостного представления об устройстве общества и государства. Привитие идеологических основ развития личности начиналось еще с раннего возраста. Октябренок – пионер – комсомолец – член Коммунистической партии. У каждого гражданина с рождения была цель, к которой он стремился, и эта цель совпадала с государственными идеалами и ценностями всего общества. Вместе с правовыми и государственными ориентирами социалистическая идеология прививала элементарные моральные и духовные ценности, которое общество до прихода советской власти находило в религии.

Общественные отношения, как и нормы права, не стоят на месте, развиваясь, они отражают сущность государства и потребности всего общества. Социалистические ценности с принятием Конституции 1993 года к новому российскому государству стали неприемлемы, на их место должны были прийти демократические принципы свободного общества, стремящегося к построению правового государства. Вместо того, чтобы закрепить законодательно государственную идеологию нового государства и в соответствии с ней разработать новый механизм ее становления и развития, закон ее полностью запретил. При этом законодательно получило закрепление понятие идеологии экстремизма и терроризма. Изучение нормативно-правовых основ противодействия экстремизму и терроризму в России неизбежно приводит к выводу, что деятельность органов государственной власти направлена на предупреждение и предотвращение негативных тенденций в данной сфере общественной жизни, но только не на профилактику. Эффективными мерами профилактики в данном случае послужило бы создание правовых основ конституционной идеологии в Российской Федерации. Таким образом, органы государственной власти имели бы четкие рамки развития общества и координации собственной деятельности в сфере обеспечения национальной безопасности государства.

Примечательно, что в современной российской науке существуют абсолютно противоположные подходы к содержанию понятия национальной идеологии России. Дискуссионным в данном аспекте является вопрос, должна ли совпадать российская и европейская идея или же российский вариант явно выходит за рамки западной. Противники европейского пути развития современной России настаивают на необходимости обращения к восточному историческому опыту. По их мнению, российскому государству необходимо учесть недостатки европейского узкого прагматизма и рационализма и заменить их обращением к духовности Востока. Так, В. Иноземцев, Р. Инглхарт, О. Антипина [8, с. 12–14] утверждают, что те силы, которые способны воздействовать на западное общество, начинают свое формирование в самой западной цивилизации. Европейское население в большей

степени ориентировано на приоритет общечеловеческих ценностей, а не экономических, как это имеет место в России. В данном контексте интересна позиция В. Межуева [9, с. 10], который в своих научных положениях приходит к выводу о необходимости не только разведения основ идеологического развития России и Европы, но и создания самобытной российской идеологии, развивающей общечеловеческие ценности с учетом исторической самобытности российского народа. Таким образом, решающим аспектом альтернативы европейской идеологии для современной России является вопрос о включенности в нее русской этничности. Взятые в отдельности этнические идеологемы не могут обладать мобилизующей силой для такого многонационального государства, как Россия. Поэтому конституционная идеология России должна формироваться на основе культур всех этносов и национальностей, населяющих Российскую Федерацию. Менталитет, обычаи и традиции каждой национальности, проживающей на территории России, формировались на протяжении столетий и нашли свое отражение в национальных идеологиях, в основе которых лежат общие социальные нормы. Однако в России, цитируя главу нашего государства В. Путина, «при всем обилии взглядов, мнений, у нас были и есть общие ценности, которые сплачивают и позволяют называть нас единым народом» [10]. Алексий II, размышляя о государственной идеологии, отмечал: «Часто раздаются голоса, что нужно найти национальную идею. Наш национальный опыт и является такой национальной идеей. Для государства его история является фундаментом» [11, с.3]. Основной функцией российского государства сегодня является создание российской конституционной идеологии, которая отразит и обобщит исторический опыт и национальные ценности, и только тогда сможет объединить все общество на основе общих нравственно-духовных приоритетов, разделяемых основной частью населения. Конституционная идеология станет ориентиром, указывающим общую цель и направление движения государства, общества и личности. Она прояснит смысл исторического развития народов и оправдает сложнейший и зачастую противоречивый путь развития российского государства.

Стоит отметить, что данные научные взгляды стали приобретать практическую окраску. Так, правотворческая работа в направлении выстраивания четкой линии формирования государственной идеологии ведется довольно активно. И началась эта работа не с Основного закона нашего государства, а с нормативно-правовых актов, регулирующих формирование институтов гражданского общества в России. Например, федеральные образовательные стандарты для всех уровней образования обязательно включают в себя компетенции, формирующие взаимосвязанные ориентации, знания, умения, навыки, стереотипы поведения, необходимые для осуществления продуктивной деятельности личности. Последние поправки в Конституцию также указывают на повышенное внимание власти к формированию идеологических ориентиров развития личности и деятельности органов государственной власти в развитие данных ориентиров. Декларативные нормы, закрепляющие такие приоритеты, как: «дети – важнейший приоритет государственной политики», «справедливость и солидарность поколений», «институт брака как союз мужчины и женщины» и другие, стали новацией российской Конституции, показав динамичность в развитии идеологической основы государства и необходимость конституционного регулирования данной сферы общественных отношений, ни в коем случае не умаляя конституционный принцип приоритета прав и свобод личности в рамках существования демократического государства.

К сожалению, общество редко пытается изучить закон и вникнуть в основную идею, которую закладывает законодатель в каждую норму. Именно это и создает благоприятную

основу для искажения основного содержания принимаемых правотворческими органами норм в интересах противостоящих легитимной власти политических сил. В данном контексте видится насущная необходимость в принятии отдельного декларативного акта, закрепляющего основные положения конституционной идеологии. Во избежание негативной реакции, связанной с опасениями формирования тоталитарного режима в стране, целесообразно назвать его «Конституционные стандарты развития российского государства», а в содержании раскрыть заложенные в Конституции Российской Федерации идеологические принципы, оказывающие неоспоримое воздействие на формирование и развитие государства, общества и личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев, П.В. Социальная философия ценности - мораль - идеология. / П. В. Алексеев; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Философский факультет. – Москва: Проспект, 2005. – 608 с.

2. Вольтер, О.В. Феномен российской государственной идеологии как духовно-политической основы государственной целостности России: история и современность: политологический аспект : автореф. дис… д-ра полит. наук. Ростов н/Д., 2010. – 55 с.

3. Возьмитель, А.О российской власти и общенациональной идее // Власть. 1999. № 7.

4. Кутафин, О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. – с.6-8.

5. Мацко, С.В. Государственная идеология и право современной России (Теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 : Уфа, 2003. – 204 с.

6. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 08 марта 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. Ст. 3031.

7. Клименко, А.И. Сущность и механизмы современной правовой идеологии государства: монография. М.: Моск. ун-т МВД России, 2007. – 150 с.

8. Волков, Ю.Г. Идеология гуманизма в становлении российской идентичности // Социально-гуманитарные знания. 2006. – №2. – с.12–14.

9. Гросул, В.Я., Итенберг, Г.С., Твардовская, В.А. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. – М., 2000. – 439 с.

10. Послание Президента Российской Федерации Путина В.В. Федеральному Собранию Российской Федерации: «Государство Россия. Путь к эффективному государству» от 8.07.2000. // Российская газета. – 11.07.2000. – С. 4.

11. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Церковь и народ на путях духовного возрождения // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 3. – с.3–5.

REFERENCES

1. Alekseev P.V. Social philosophy of value - morality - ideology. / P. V. Alekseev; Moscow state un-t im. M. V. Lomonosov, Faculty of Philosophy. - Moscow: Prospect, 2005. - 608 p.

2. Voltaire O.V. The phenomenon of the Russian state ideology as the spiritual and political basis of the state integrity of Russia: history and modernity: political aspect : Abstract of the thesis. dis… doc. polit. Sciences. R-on-D., 2010. - 55 p.

3. Taker A. About the Russian authorities and the national idea // Power. 1999. No. 7.

4. Kutafin O.E. Russian constitutionalism. M.: Norma, 2008. - p.6-8.

5. Matsko S.V. State Ideology and Law of Modern Russia (Theoretical and Legal Research): Dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.01: Ufa, 2003. - 204 p.

6. On countering extremist activity: Feder. Law of July 25, 2002 No. 114-FZ (as amended on March 08, 2015) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 30. Art. 3031.

7. A.I. Klimenko. Essence and mechanisms of modern legal ideology of the state: Monograph. M.: Mosk. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. - 150 p.

8. Volkov Yu. G. The ideology of humanism in the development of Russian identity // Social and humanitarian knowledge. 2006. No. 2. - p.12-14.

9. Grosul V.Ya., Itenberg, G.S., Tvardovskaya V.A. Russian conservatism of the 19th century. Ideology and practice. M., 2000. - 439 p.

10. Message from the President of the Russian Federation Putin V.V. Federal Assembly of the Russian Federation: "The State of Russia. The path to an effective state" dated 8.07.2000. // Russian newspaper. 07/11/2000. p. 4.

11. Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. Church and people on the paths of spiritual revival // Social and humanitarian knowledge. 1999. No. 3. - p.3-5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нежинская Ксения Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин. Дальневосточный юридический институт МВД России, пер. Казарменный, д. 15, г. Хабаровск, 680020
ORCID: 0000-0002-1177-1455
ResearcherID: GRE-7681-2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nezhinskaya Ksenia S., PhD in Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines. Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, per. Kazarmenny, 15, Khabarovsk, 680020
ORCID: 0000-0002-1177-1455
ResearcherID: GRE-7681-2022

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 31–44.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102). pp. 31–44.

**12.00.02. Конституционное право;
конституционный судебный процесс; муниципальное право**

Научная статья
УДК: 342.24
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.59.62.003

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФЕДЕРОЛОГИЯ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ФЕДЕРАЦИИ, ЕЁ СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Цыреторов Алексей Иванович
Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, Иркутск, Alex.tsi@mail.ru

Введение: исследования в области федерализма и федеративного устройства в отечественной науке не утрачивают своей актуальности, поскольку по настоящее время страна находится в поиске оптимальной формы организации государственной власти. В научном исследовании федерализма и его существенных черт крайне важное значение имеет системный подход, исключающий односторонность в трактовке его сущности и правовой природы. Особую актуальность данный вопрос приобретает в связи с произошедшими за последние три десятилетия изменениями: распадом Советского Союза, переходом к демократической модели управления. В этой связи требуют своего анализа и переосмысления научные наработки советских ученых по вопросу федерализма, что позволит взглянуть на правовую природу федеративного устройства по-новому.

Материалы и методы: решение исследовательских задач было достигнуто посредством анализа и сравнения научных наработок советских и современных правоведов по вопросам федерализма и федеративного устройства. Методология работы включает применение как общенаучных методов (анализ, наблюдение, обобщение, сопоставление, описание), так и специальных методов юридической науки, в том числе историко-правовой и формально-юридический.

Результаты исследования: показали, что, несмотря на изменение общественно-политического строя, наработки советских правоведов по вопросам федерализма не утратили своей актуальности и во многом согласуются с современным его пониманием.

© Цыреторов А. И., 2022

Выводы и заключения: проведенный обзор продемонстрировал множество теоретических подходов к пониманию сущности федерализма, его предназначения и перспективы развития России как федеративного государства. Автором показано, что на протяжении своего существования концепция федерализма наполняется новым содержанием, она развивается и в свете полученного опыта федеративного строительства, вскрываются новые ее черты, появляются новые модели и поэтому крайне затруднительно подвести это явление под один знаменатель. Тем не менее среди всех описанных подходов мы находим общее, характерное для всех федераций: федерация представляет собой государство, в котором составляющие ее части – субъекты федерации обладают юридически определенной самостоятельностью: от крайне широкой, где, например, даже уголовное законодательство в значительной мере входит в компетенцию субъектов, до узкой, где в сферу полномочий субъектов входит небольшой перечень полномочий, в основном в социально-культурной сфере.

Ключевые слова: федерация, федеративное устройство, субъекты федерации, автономия, советский федерализм, президентская республика, разделение государственной власти.

Для цитирования: Цыреторов, А.И. Отечественная федерология в новейшее время: правовая природа федерации, её сущностные черты и предназначение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 31–44.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.59.62.003.

12.00.02. Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Original article

RUSSIAN FEDEROLOGY IN MODERN PERIODS: THE LEGAL NATURE OF THE FEDERATION, IT'S ESSENTIAL FEATURES AND PURPOSE

Alexey I. Tsyretorov
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk, Alex.tsi@mail.ru

Introduction: the study of federalism and the federal structure in domestic science does not lose its relevance, since the country is still in search of the optimal form of organization of state power. In the scientific study of federalism and its essential features, a systematic approach is extremely important, excluding one-sidedness in the interpretation of its essence and legal nature. This issue is of particular relevance in connection with the changes that have taken place over the past three decades: the collapse of the Soviet Union, the transition to a democratic model of governance. Scientific developments on federalism by Soviet scientists require their own analysis and comprehension, which will allow us to look at the legal nature of the federal structure in a new way.

Materials and methods*:* the solution of research problems was achieved by analyzing and comparing the scientific developments of Soviet and modern jurists on issues of federalism and the federal structure. The methodology of the work includes the use of both general scientific methods (analysis, observation, generalization, comparison, description) and special methods of legal science, including historical and legal and formal legal.

The results of the study: showed that despite the change in the socio-political system, the developments of Soviet jurists on federalism have not lost their relevance and are largely consistent with its modern understanding.

Findings and Conclusions: the review has demonstrated many theoretical approaches to understanding the essence of federalism, its purpose and the possibility of Russia's development as a federal state. Throughout its existence, the concept of federalism is filled with new content, it develops in the light of the experience gained in federal construction, its new features are revealed, new models appear, and therefore it is extremely difficult to bring this phenomenon under one denominator. Nevertheless, among all the campaigns described, we find something in common, characteristic of all federations: a federation is a state in which its constituent parts — the subjects of the federation, have a legally defined independence: from an extremely wide one, where, for example, even criminal legislation is largely falls within the competence of the subjects, to a narrow one, where the scope of powers of the subjects includes a small list of powers, mainly in the socio-cultural sphere.

Key words: federation, federal structure, subjects of the federation, autonomy, Soviet federalism, presidential republic, division of state power.

For citation: Tsyretorov A.I. Otechestvennaja federologija v novejshee vremja: pravovaja priroda federacii, ejo sushhnostnye cherty i prednaznachenie [Russian federology in modern time: the legal nature of the federation, its essential features and purpose]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no, 3 (102), pp.31-44 (in Russ.).
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.59.62.003.

В 1964 году У. Райкер писал: «Мы живем в эпоху федерализма» [1, с. 124], обосновывая данное положение тем, что больше половины земного шара управляется правительствами, которые в той или иной мере, пусть иногда незначительной, практикуют федерализм. В начале XXI века проблемы федерализма во всем их многообразии и в целом вопросы территориальной организации публичной власти не утрачивают своей актуальности, оставаясь в фокусе правовой науки. Трудно переоценить значимость и вместе с тем противоречивость понятий «федерализм» и «федерация» применительно к отечественной практике государственного строительства. Даже в вопросах трактовки этих категорий и их соотношения в юридической литературе нет единого мнения.

Федерация (латинское слово federatio) – в переводе означает союз, объединение. Хотя многие черты, характерные для федераций, мы находим и в государственных образованиях Древнего мира (например, союзы полисов Древней Греции) и в Средние века (Речь Посполитая), все же первая федерация в современном понимании этого феномена – США – появилась лишь в конце 18 века. Столь «молодой» возраст данной формы территориального устройства государства объясним тем, что федерация характеризуется сложностью системы органов государственной власти и предполагает определенную деконцентрацию политической власти и разделение властей, а также «зрелость» общества, которое разделяет ценности демократии. История показывает примеры как эволюционного, так и революционного зарождения федерализма, но их объединяет то, что во всех случаях федерация явилась результатом целенаправленной сознательной деятельности. В качестве основателей федерации могут выступать видные деятели, как например, было в США (отцы-основатели США: Д. Адамс, Д. Вашингтон,

Т. Джефферсон и др.), применительно к государствам – бывшим колониям нередко федерализация инициировалась страной – бывшей метрополией. При этом оба способа образования федерации – конституционный и конституционно-договорный предполагают необходимость достижения консенсуса между объединяющимися (присоединяющимися) субъектами.

Проблема трактовки понятия «федерализм» является следствием его многранности, поскольку это понятие по своей сути является родовым, вбирающим в себя весь опыт федеративного строительства. Практика государственного строительства в зарубежных странах наглядно показывает, насколько сильные различия могут быть между государствами-федерациями в силу того, что данный феномен отражает в себе правовые и социально-политические реалии (кроме того, каждая нация, союз, привносит в данное явление свои культурные особенности), т.е. федерализм поливариантен. Именно по этой причине о какой-либо универсальной формуле, эталоне федерализма говорить не приходится**.** Однако вне зависимости от избранной модели федерации общей их чертой остается функция децентрализации власти путем ее разделения.

Справедливости ради необходимо заметить: несмотря на то, что идеи федерализма зародились не в нашей стране, федерализм занимал умы правоведов – наших соотечественников, и их теоретические разработки обогатили федерологию. Значительный вклад в изучение проблем федерализма внесли А.С. Ященко, Г. Гурвич, С.А. Авакьян, А.А. Белкин, Н.М. Добрынин, Н.В. Витрук, М.В. Глигич-Золотарева, Л.М. Карапетян, А.Н. Кокотов, Ю.А. Тихомиров, И.А. Умнова, В.Е. Чиркин, Т.Я. Хабриева и другие. Более того, при кажущейся чуждости федерализма дореволюционной истории нашего Отечества, в литературе высказывались мнения о федеративной природе Древней Руси.

Один из первых исследователей Советского федерализма Н.И. Палиенко, разделяя местное самоуправление, областную автономию и федеративное государство, при рассмотрении вопроса о распределении власти от центра к частям государства, указывает**,** что ситуация, при которой центральная власть сосредотачивает на себе полномочия по решению всех, даже местных дел, «представляет, особенно в большом государстве, вредное и тяжелое неудобство для всего населения» [2, с. 5]. По мнению ученого, «федеративное государство, в отличие от государства единого, или простого, является государством сложным, то есть государством, состоящим и образованным из государств» [2, с. 10]. Автономии же автор рассматривает как результат предоставления какой-либо части государства ряда прав. Однако областная автономия, несмотря на это, остается провинцией единого государства, не расчленяя его.

Справедливо мнение ученого о «промедлительности» центральной власти в решении дел, не владению последней информацией об обстановке. По этим причинам ученый считает оправданным предоставление большей или меньшей самостоятельности представителям власти на местах. При этом автор рассматривает федерализацию России в превращение ее частей в государства, которое повлечет «создание в государстве новых государственных центров, ослабляющих и раздробляющих государственное единство России; дальнейшее развитие государственности частей грозило бы распадением России» [2, с. 16]. В этой связи последний полагает разумным для российской государственности ограничиться предоставлением народностям России хозяйственно-культурных автономий и, в целом, в этом вопросе он ставит на первый план задачу сохранения могущества государства.

В своей последующей работе «Конфедерации. Федерации и Союз Советских Социалистических Республик» автор среди основных черт федерации называет: верховенство союзной власти над членами федерации и нерасторжимость союза для отдельных членов союза. Примечательно, что Н.И. Палиенко относит автономные республики в составе РСФСР к автономным областям, а не государствам: «автономия этих областей, – пишет Н.И. Палиенко, – носит административный, а не законодательный характер, законы же для автономных областей РСФСР издаются высшими центральными учреждениями РСФСР» [3, с. 13]. Таким образом, он отказывает им в статусе субъекта федерации, приравнивая к автономии в составе унитарного государства. Даже в характеристике РСФСР он лишь указывает на то, что «РСФСР восприняла известные федеративные начала» [3, с. 46].

В своей работе «Государство буржуазии и Р.С.Ф.С.Р» М.А. Рейснер в качестве преимущества федеративного устройства называет возможность «распределения задач и обязанностей как центральной, так и местной власти, при чем лишь этим способом, по его мнению, возможно обеспечивать и широкое привлечение масс к делу общественного управления» [4, с. 219-220]. Применительно к капиталистическому порядку, по мнению автора, эта идея искажается и «буржуазия использует аппарат федерации исключительно для себя» [4, с. 220]. Указывая на то, что «у составных частей Российской федерации (с маленькой буквы по оригиналу) оказались два признака: территориальный и социальный, он приходит к выводу, что в этом случае можно говорить «об особом применении федеративного начала или о более широком типе федерации» [4, с. 370]. На первоначальном этапе своего существования Советская республика, по мнению автора, была в большей мере конфедерацией, чем федерацией, и в результате долгой работы Советам удалось ввести в рамки независимость советских организаций. Исходя из анализа нормативной базы и решений, принятых ВЦИК, автор приходит к выводу о переходе Советов от независимости к включению в единую централизованную организацию. Поэтому, пишет автор, «если мы не можем теперь говорить в полном смысле слова о федерации Советов, то можем говорить о союзе советских национальностей» [4, с. 278]. Среди суверенных республик, выделившихся из состава бывшей империи, особое место, по мнению ученого, занимала Дальне-Восточная республика, выполнявшая роль буферного государства.

А.А. Алымов и С. Студеникин указывают, что «разрешение национального вопроса при диктатуре пролетариата основано на самоопределении наций» [5, с. 14]. Характерно, что буржуазные федерации ими определяются как союз территорий, а не наций. И вообще, по мнению авторов, к советскому федерализму никоим образом нельзя применять мерки буржуазного федерализма. Федеративное советское государство, по их мнению, не должно противоречить принципу демократического централизма, который «предполагает наличие твердого руководства со стороны единого центра и максимальное развитие инициативы мест, их широкой самодеятельности, которые являются неотъемлемой частью укрепления государства диктатуры пролетариата и советского федерализма» [5, с. 16, 19]. При этом какой-либо конкуренции между федерацией и демократическим централизмом нет, в этом контексте федерация выступает основой объединения различных национальностей. Очень интересен и в какой-то мере внутренне противоречив взгляд авторов на усиление компетенции центральной власти: «усиление руководства со стороны центра и усиление значения центральных органов нельзя рассматривать как ограничение прав национальных государственных

образований. Это усиление обеспечивает ускорение процессов ликвидации фактического неравенства» [5, с. 18]. Одновременно с этим авторы указывают на необходимость борьбы с двумя уклонами: местным национализмом и великодержавным шовинизмом.

В своих рассуждениях о том, является ли советский союз (указывается как в оригинале) федерацией, Г.С. Гурвич указывает на необходимость отказа от «юридических трафаретов» [6, с. 3]. «Советский федерализм – дело особого порядка и его понимание предполагает оценку с классовой точки зрения отношения пролетариата к национальному вопросу, мирового положения советского государства и буржуазной практики автономизма и федерализма». Если «в капиталистическом государственном строе та или иная форма автономии для той или иной области не есть вопрос справедливости и равенства, а только силы» [6, с. 24], то в советском государстве мы видим иную картину: «в советской многонациональной стране автономия и федерализм возникли из побуждений, отличных от тех, которыми они порождены у буржуазии, имеют совершенно иную цель, и, следовательно, иное содержание» [6, с. 27-28]. Очень упрощенно, по Г.С. Гурвичу, советский федерализм – союз равных, построенный на общем согласии, в противовес капиталистической федерации, воплощающей в себе разобщенность и тянущей общество к докапиталистическим временам.

Ряд выдвигаемых им гипотез имеет точки пересечения с дореволюционной наукой. Так, например, у него имеются точки пересечения во взгляде на будущее федерации с А.С. Ященко, который рассматривал федерацию как промежуточный этап, логическим завершением которого является унитаризм. Позиция Г.С. Гурвича почти аналогична, он рассматривает в качестве одной из существенных черт советской федерации ее способность быть переходной формой к полному единству трудящихся разных наций, в то же время уточняя, что «в буржуазных федерациях путь к этому лежит через обезличение и ассимилирование господствующей нацией всех других, в советской – момент полного политического единства совпадает с моментом достижения всеми нациями полного фактического» [6, с. 39]. Это возможно, по мнению автора, к тому времени, когда исчерпают себя исторические пережитки.

В вопросе суверенитета, который обстоятельно рассматривался и в работах дореволюционных правоведов, А.С. Гурвич лаконичен, по его мнению, «суверенитет – не обязательный признак государственной власти», а члены федерации – государства, лишенные суверенитета. Хотя для работ автора в значительной мере характерна идеализация объединительных процессов, происходивших под руководством «диктатуры пролетариата» («добровольный централизм», «добровольное объединение»), выпячиванием недостатков «капиталистического федерализма», при умалчивании их в отечественном государственном строительстве, и в целом вся его конструкция федерализма насквозь пропитана «марксистско-ленинскими» идеями; мы должны прекрасно понимать, что все это является «велением времени», многим пришлось работать в условиях «идеологической стесненности», и не стоит отрицать позитивность многих его положений. Так, неоценим его вклад в укрепление этических основ советской федерации («поддержка братской руки», «помощь отсталой нации» и т.д.).

И. Трайнин характеризовал советскую федерацию как не имеющую прецедентов в истории, его критика капиталистического государства очень близка положениям, выдвинутыми Г.С. Гурвичем: «капиталистическое государство организовывало единство нации в целях охраны интересов господствующих классов господствующей

нации, угнетало и всячески эксплуатировало слабые и подчиненные нации» [7, с. 67]. При диктатуре пролетариата государство оказывает им помощь в борьбе с отсталостью, «все нации свободно развиваются в тесном союзе и братстве в границах одного социалистического государства, построенного на основе демократического централизма». И у этого видного советского юриста мы встречаем идеализацию советского федерализма с его «добровольным» демократическим централизмом: «при советском демократическом централизме местные интересы не противопоставлены общим интересам всего государства. Именно советское государство всемерно учитывает национальные особенности, создает национальную государственность, не противоречащую единству СССР» [7, с. 78].

Одной из целей, стоящих перед федерацией, по мнению автора, является решение национального вопроса. При изучении этого вопроса автор указывает, что «централисты Маркс и Энгельс допускали федерацию как «шаг вперед» при известных условиях. Федерация допускалась ими для многонационального государства в тех случаях, когда она могла способствовать изжитию национального угнетения, восстановить доверие и сотрудничество между трудящимися различных наций и тем самым ускорить момент самоопределения пролетариата в рамках «единой нации» [7, с. 79–80].

Если правоведы 20-х гг. XX века оперировали категорией «самоопределение» в крайне широком понимании, в более поздней советской литературе «право самоопределения наций» более конкретизировано. Так, Н.В. Крупский считает, что «право наций на самоопределение вплоть до отделения должно быть подчинено интересам трудящихся и диктатуры пролетариата» [8, с. 63]. Примечательно, что в своей работе ученый характеризует субъекты СССР в качестве государств, обладающих суверенитетом, и допускает возможность их выхода из состава СССР. В целом, в проведенном исследовании видна сильная опора ученого на работы Сталина. Впрочем, если обратиться к иным работам этого времени, то зачастую львиная их часть представляет собой дифирамбы тов. Сталину и намеченному им курсу («Вождь нашей партии», «Великий корифей науки И.В. Сталин», «великий создатель единого многонационального государства т. Сталин»). Например, в характеристике советской федерации Н.В. Крупский полностью соглашается со Сталиным: «Федерация советских республик, основанная на общности военного и хозяйственного дела, является той общей формой государственного союза, которая дает возможность: а) обеспечить целостность и хозяйственное развитие, как отдельных республик, так и федерации в целом; б) охватить все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития, и сообразно с этим применять тот или иной вид федерации; в) наладить мирное сожительство и братское сотрудничество наций и народностей, связавших свою судьбу с судьбой федерации» [8, с. 65]. В этих словах, по сути, раскрывается интеграционное значение федерации, о котором говорил еще А.С. Ященко. Н.В. Крупский, приписывая открытие советского федерализма Ленину и Сталину, в качестве основ правовой организации советской федерации называет: во-первых – построение по национальному признаку, во-вторых – добровольность объединения и, в-третьих – национальное равноправие. Указывая на невозможность построения коммунизма без централизованного планирования и руководства в масштабе всего государства, автор, можно сказать, подводит нас к мысли, что федерализм в этом контексте выступает средством достижения этой цели. Переходя к «стандартной» для подобных работ того времени критике буржуазных федераций,

автор не признает субъекты буржуазной федерации в качестве государств и приравнивает их к административно-территориальным единицам унитарного государства.

М.П. Карева, развивая идеи Сталина, указывает на то, что «в Советах был найден ключ к решению национального вопроса, правильность детально разработанного товарищем Сталиным учения о социалистической федерации как той форме государственного устройства, которая в конкретных условиях нашей многонациональной страны оказалась единственно целесообразной, обеспечивающей построение социализма объединенными силами всех народов нашей страны, полную победу ленинско-сталинской национальной политики и дружбы народов» [9, с. 11–12]. Отмечая ведущее значение русского народа в отстаивании завоеваний революции, она считает, что социалистическая федерация в отличие от буржуазных федераций, создаваемых не по национальному, а по территориальному признаку, «имеет своей задачей полное и окончательное решение национального вопроса, обеспечение не только равноправия наций, но и фактического их равенства путем повседневной братской помощи со стороны наций, ушедших в своем развитии вперед, нациям отставшим» [9, с. 12]. Исходя из предназначения советского государства, автор идеализирует советскую социалистическую федерацию, расценивает ее как новый, «высший тип федерации». Упрекая буржуазную федерацию в том, что в ней централизация осуществляется за счет умаления прав субъектов федерации, автор указывает на отсутствие антагонизма между централизацией и правами субъектов в социалистической федерации, лукаво прикрываясь демократическим централизмом, который, по сути, ничем не отличается от централизации в буржуазных государствах.

В целом характерным для советских правоведов является признание права субъектов на выход из состава федерации, ставящее советскую федерацию по этому признаку в особое положение, близкое к конфедерации. Примечательно, что при этом данное обстоятельство не находит своего прямого отражения в числе основных признаков советской федерации. Так, советский правовед А.И. Лепешкин, рассматривавший советский федерализм как «всеобъемлющую политическую форму устройства Советского многонационального государства» [10, с. 6], относил к числу фундаментальных принципов советской федерации: добровольность объединения в федерацию ее субъектов, их равноправие, национально-территориальный критерий построения, единство интернационального и национального, демократический централизм. По его мнению, федерализм сохранится на весь период коммунистического строительства. В свою очередь, А. Малицкий рассматривал [11, с. 38] право свободного выхода из союза не как самостоятельный принцип федеративного устройства, а как принцип, вытекающий из принципа вхождения Республик в союз на основе добровольности и равноправия. Ученый полагал, что создание каких-либо правовых запретов и препятствий на выход из состава федерации было бы равнозначно оказанию на субъект давления, нарушением его прав и принципа равноправия каждой из союзных Республик и каждого из ее народов.

В качестве некого промежуточного вывода необходимо сказать: несмотря на то, что в своих работах, зачастую конъюнктурных, советские правоведы рассматривали федерализм через призму марксистко-ленинской идеологии, нередко выпячивая в качестве положительных сторон социалистической федерации те черты, которые по сути свойственны всем федерациям, – идеи советских ученых имеют колоссальное влияние на современную юридическую науку, поскольку зачастую под слоем «марксистского» наноса скрываются дельные мысли.

Наши современники В.Г. Введенский и А.Ю. Горохов определяют федерализм как принцип и форму государственного устройства и считают естественным «стремление компактно проживающих групп населения, в том числе национальных меньшинств, в создании обособленных от центра систем управления, вплоть до введения собственных законов» [12, с. 13]. По сути, в своей работе они ставят знак равенства между федерализмом и федерацией. Авторы отмечают, что «объединительная фаза в развитии федерализма в основном завершилась» [12, с. 15]. По их мнению, в дальнейшем основным способом образования федеративных государств будет федерализация унитарных, происходящая «на фоне продолжающегося распада федеративных государств» [12, с. 15]. Обзор зарубежного опыта позволил авторам сделать вывод о том, что в мире федерализм все активнее используется в качестве формы государственного устройства.

В какой-то мере напоминает советский подход к трактовке федерации, ее правовой природы мнение Н.А. Михалевой, применительно к России определяющей федерацию как «юридическую форму государственности многонационального сообщества, которая дает возможность в рамках единого суверенного государства обеспечить жизнедеятельность многочисленных этносов» [13, с. 94]. В своих рассуждениях о суверенитете автор на примере России отрицает наличие двух уровней суверенитета, признавая его только за федерацией.

А.Л. Бредихин дает крайне широкое определение федерализму, согласно которому федерализм – «это, прежде всего, идея об организации власти в государстве, основанная на относительном политико-территориальном обособлении его частей» [4, с. 11–12]. Федерация как форма государственного устройства, по его мнению, является проекцией идеи федерализма. Исходя из этой идеи, формируются отдельные модели организации власти, учитывая особенности конкретного государства. «Структурные элементы федерации, ее субъекты, органы власти различных уровней, а также отношения между ними составляют содержание федерализма» [14, с. 12].

По мнению И.А. Умновой**,** если рассматривать идею федерализма как принцип, он «воплощает в себе способ урегулирования разногласий и объединения людей и их образований на государственном уровне, … как режим и форма государственного устройства федерализм определяет разделение государственной власти по вертикали между территориальными образованиями различного уровня в едином государстве» [15, с. 22–23]. В своей работе автор указывает на недопустимость одностороннего изменения Конституции государства. Автор выделяет два типа федеративных государств: союзное, образовываемое на основе объединения независимых государств в результате договора, и децентрализованное, которое возникает в результате преобразования унитарного или квазифедеративного государства в федеративное.

Очень схожий взгляд на виды федеративных государств можно встретить в диссертационном исследовании С.А. Осипяна. Автор обозначает два типа: «союзная федерация, то есть федеративное государство, образовавшееся на основе союза независимых государств, и федерация на основе автономии, то есть федеративное государство, образованное верховной властью унитарного государства путем придания частям своей территории политической автономии» [16, с. 21]. В своей работе автор обосновывает идею отсутствия у субъектов федерации суверенитета, в противном случае, по мнению автора, речь шла бы не о федерации, а о конфедерации.

М.В. Глигич-Золотарева обосновывает необходимость рассмотрения федерализма в качестве частного случая полицентризма. В ее трактовке федерация – это «конституционно закрепленная форма государственно-территориального устройства, при которой структура государства сложна и включает в себя элементы – субъекты федерации, обладающие самостоятельностью вне сферы реализации общих для всей федерации целей и задач, а также возможностью участия в принятии общефедеральных решений» [17, с. 12]. В данной трактовке, по нашему мнению, развиты положения Г. Эллинека о праве государств, входящих в союзное государство, на участие в осуществлении государственной власти союзного государства, которое также было впоследствии отражено в работе А.С. Ященко, утверждавшего, что «члены федерального государства не только разделяют с центральной властью, подобно автономиям осуществление суверенитета на своей территории, но и участвуют в качестве членов федерального государства в самой сущности суверенитета, в образовании воли федерального государства в целом» [18, с. 295].

Федерализм же автор трактует крайне широко «как совокупность цивилизационных, политико-правовых, бюджетно-экономических, историко-социологических, социально-культурных, духовно-нравственных параметров федеративного государства, имеющего основные базовые составляющие: во-первых – собственно государство с отграниченной территорией, своим населением и публичной властью; во-вторых – особый способ построения государства; в-третьих – особого рода отношения, возникающие при осуществлении государственной власти» [17, с. 12–13].

Очень близка к позиции ранее указанного автора мнение Л.А. Алексеевой, которая пишет: «федерализм представляет собой и теорию, и идеологию, а главное – реальную политику и практику создания, построения, функционирования и развития федеративного государства. Федерализм охватывает собой процессы федерализации, которые происходят в недрах унитарного государства или конфедерации при их переходе к федеративному государству» [19, с. 72]. С этой позиции понятие «федерализм» намного шире понятия «федерация», и затрагивает отношения, существовавшие до оформления собственно федерации. Примечательно, что автор разграничивает «федеративную форму государственного устройства» и «федерацию». Так федеративная форма государственного устройства, по мнению автора – «это такая форма государственного устройства, при которой части сложного государства являются государствами либо же государственными образованиями, имеющими некоторые признаками государственности. Федерация, в свою очередь, представляет собой сложносоставное государство, объединяющее в себе несколько других государств или государственных образований» [19, с. 71–72]. Такая трактовка выводит нас на мысль об их соотношении как «метод» и «результат».

В.М. Платонов указывает на возможность [20, с. 528–530] рассмотрения федерализма в трех основных плоскостях: как структурно-функциональный принцип, характеризующего общество и публичную власть; как способ политико-территориальной организации государства, предполагающий сочетание элементов централизации и децентрализации; и как процесс, характеризующий общество в аспекте его демократизации. Как справедливо указывает автор, ряд элементов демократической политической организации общества в ее западном, либеральном понимании находит свое наиболее полное отражение в федерализме как специфическом концептуальном каркасе взаимоотношений индивида, общества и государства. Природу федерализма и демократии автор замыкает на понятии соглашения, договора, компромисса.

В понимании А.Д. Гулякова и А.Ю. Саломатина федерализм – «это одновременно и государственно-правовая, управленческая конструкция и в то же время идеологическая инфраструктура, обеспечивающая ее существование» [21, с. 64]. Федерализм начинается, по их мнению, с социального интереса, проявленного к новой двухуровневой организации государства, реализует себя в конституционных документах и политико-управленческой практике и укрепляет свою легитимность с помощью специальных доктрин и стереотипов массового сознания.

Э.С. Юсубов, используя методологическую концепцию историзма, отталкиваясь от прошлого и настоящего понимания этого феномена, «синтезирует федерализм и анализирует его как единый, но исторически многомерный объект и таким образом придает ему индивидуальное значение применительно к каждому этапу развития» [22, с. 118]. Этот подход предполагает, что содержательное наполнение «федерализма» от одной эпохи к другой меняется, но при этом последний составляет единый объект.

Среди наиболее передовых и неординарных научных разработок в сфере федерализма, можно отметить работу Н.М. Добрынина и М.В. Глигич-Золотаревой, которые в своем обстоятельном исследовании [23, с. 7-24] применили методологию прикладного системного анализа к области государственного-территориального устройства России. Среди динамических свойств федерации, которые заключаются в оценке соотносимости изменений системы с изменениями в окружающей среде, ими были обозначены: *стимулируемость*, то есть подверженность воздействиям извне и изменение ее поведения в связи с этими воздействиями, что позволяет управлять ее развитием, *изменчивость*, предполагающая что в системе со временем происходят изменения в значении внутренних параметров, составе и её структуре и *существование системы в изменяющейся среде*, обусловливающей необходимость приспособления системы к внешним переменам. Говоря о последнем свойстве, Н.М. Добрынин в своем дальнейшем исследовании отмечает: «Практика показала, что выживают только те системы, которым удалось это сделать» [24, с. 37]. Поэтому, обобщая высказанные положения, можно утверждать, что происходящие изменения в федеративных отношениях в ряде случаев можно расценивать как вынужденные меры, попытку дать достойный ответ на вызовы времени.

Как видно из представленного обзора эволюции идеи федерализма, существует множество теоретических подходов к пониманию его сущности, предназначения. Режим разделения государственной власти в федерации по вертикали может быть как делегированным (полномочия федерации устанавливаются объединяющимися в федерацию государствами), так и децентрализованным. По способу разграничения компетенции федерации и ее субъектов можно выделить: дуалистический федерализм, где граница между компетенцией федерации и ее субъектов четко очерчена, федерация и субъекты не вторгаются в не свои сферы компетенции; кооперативный федерализм предполагает нецентрализованную федерацию, где взаимоотношения между федерацией и субъектами исключают иерархию. Описанные виды (модели) не исчерпывают всего многообразия этого феномена.

Авторы по-разному трактуют его природу и свойственные для него черты: от признания наличия у субъектов федерации суверенитета до его отрицания; допускают выход из состава федерации или исключают полностью; находят приемлемым построение федерации на основе национального признака или категорически выступают против этого, видя в этом первый шаг к распаду государства; рассматривают в качестве

нормальной практики возможность сужения компетенции субъектов по желанию федерации либо критикуют подобные меры и расценивают их в качестве нарушения фундаментальных основ федерализма. Такое разнообразие подходов можно объяснить тем, что на протяжении своего существования концепция федерализма наполняется новым содержанием, она развивается и в свете полученного опыта федеративного строительства, вскрываются новые ее черты, появляются новые модели и поэтому крайне затруднительно подвести это явление под один знаменатель.

Тем не менее среди всех описанных позиций мы находим общее, характерное для всех федераций: федерация представляет собой государство, в котором составляющие ее части – субъекты федерации, обладают юридически определенной самостоятельностью (от крайне широкой, где, например, даже уголовное законодательство в значительной мере входит в компетенцию субъектов, до узкой, где в сферу полномочий субъектов входит небольшой перечень полномочий, в основном в социально-культурной сфере). Разумеется, данное определение носит крайне обобщенный характер, в какой-то мере под него подходит даже унитарное государство, имеющее в своем составе автономию. Что же касается федерализма – мы склонны различать «федерацию» и «федерализм». Очевидно, что федерализм как категория гармонично вплетает в себя цели и средства развития федеративного государства, сосредотачивает в себе как вопросы, относящиеся к структуре государственной власти, так и к ее функционированию, выполняя интегрирующую и дезинтегрирующую (в позитивном ключе) функции в государстве и обществе, затрагивает все сферы жизни общества в федеративном государстве. Более широкое определение, по нашему мнению, может включать в себя практику построения федерации, то есть затрагивать факты и отношения, возникшие до образования федерации, но непосредственно способствовавшие этому и, безусловно, систему идей, теоретических положений, лежащих в их основе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Riker W. H. Federalism – origin, operation, significance. Riker. Boston and Toronto: Little, Brown and Company, 1964. 169 p.

2. Палиенко, Н.И. Областная Автономия и Федерация / М.И. Палиенко ; Харьк. о-во грамотности. – Харьковъ: Тип. М. Х. Сергеева, 1917. – 16 с.

3. Палиенко, Н.И. Конфедерации. Федерации и Союз Советских Социалистических Республик. Одесса, 1923. – 72 с.

4. Государство буржуазии и Р.С.Ф.С.Р.: В трех частях. – М.; Петроград: Государственное изд-во, 1923. – 419 с.

5. Алымов, А.А. Советский федерализм и демократический централизм / А. Алымов, С. Студеникин // Советское государство. М., 1933. № 1–2. – С. 13–20.

6. Гурвич, Г.С. Принципы автономизма и федерализма в советской системе // Советское право. – М., 1924. – № 3. – С. 3–39.

7. Трайнин, И.П. Вопросы федерализма в «Государстве и революции» Ленина (Статья первая) // Советское государство. – М., 1937. – № 3–4. – С. 65–80.

8. Крупский, Н.В. Советская федерация – форма советского государственного устройства // Вестник Московского университета. Серия общественных наук. М., 1950. – Выпуск 3, № 7 (июль). – С. 61–78.

9. Карева М.П. Сталинская Конституция и социалистическая федерация // Советское государство и право. М., 1952. – № 2 (февраль). – С. 7–19.

10. Лепешкин, А.И. Советский федерализм. – М., «Юридическая литература», 1977. – 319 с.

11. Малицкий, А.Л. Союз ССР и суверенитет союзных республик // Вестник Советской Юстиции. Харьков, 1924. № 2 (15 января). – С. 37–40.

12. Введенский, В.Г., Горохов А.Ю. Россия: испытание федерализмом. Теория и практика отечественного и зарубежного опыта. – М.: Серебряные нити, – 2002. – 128 с.

13. Михалёва, Н. А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование). – М.: ЮРКОМПАНИ, 2010. – 366 с.

14. Бредихин, А.Л. К вопросу о понятии и сущности федерализма // Современное общество и право. – 2012. – № 1 (6). – С. 9–15.

15. Умнова, И.А. Конституционные основы современного федерализма: дис. ... д.ю.н. М., 1997. 398 с.

16. Осипян, С.А. Российский федерализм и конституционно-правовой статус прокуратуры: концептуальные проблемы: автореф. дис. ... д.ю.н. Москва, 2006. 58 с.

17. Глигич-Золотарева, М.В. Конституционно-правовые основы российского федерализма: проблемы теории, методологии и практики: автореф. дис. ... д.ю.н. Тюмень, 2009. 41 с.

18. Ященко, А.С. Теория федерализма: Опыт синтетической теории права и государства / А. Ященко. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1912. – X, 841 с.

19. Алексеева, Л.А. К вопросу о понятии и принципах федерализма // Экономические и гуманитарные науки. 2015. – № 11(286). – С. 71-76.

20. Платонов, В.М. Федерализм как продукт западной правовой культуры // Вестник РУДН. Серия : Юридические науки. 2017. – Т. 21. – № 4. – С. 528-540.

21. Гуляков, А.Д., Саломатин, А.Ю. Многовариантность развития федерализма (опыт сравнительного диахронного и синхронного исследования) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. – № 5. – С. 63-70.

22. Юсубов, Э.С. Некоторые проблемы теории российского федерализма // Российский юридический журнал. 2009. – № 4. – С. 117–123.

23. Добрынин, Н.М., Глигич-Золотарева М. В. Системные свойства федерации // Федерализм. 2010. – № 4 (60). – С. 7–24.

24. Добрынин, Н.М. Насущные задачи развития российской модели федерализма: онтологический дискурс о системных свойствах федерации // Государство и право. – 2017. – № 9. – С. 34–44.

REFERENCES

1. Riker W. H. Federalism — origin, operation, significance. Riker. Boston and Toronto: Little, Brown and Company, 1964. 169 p.

2. Palienko N.I. Regional Autonomy and Federation / M.I. Palienko; Kharkiv. about literacy. — Kharkov: Type. M. Kh. Sergeeva, 1917. 16 p.

3. Palienko N.I. Confederation. Federation and the Union of Soviet Socialist Republics. Odessa, 1923. 72 p.

4. The State of the Bourgeoisie and the R.S.F.S.R.: In three parts. — M.; Petrograd: State Publishing House, 1923. 419 p.

5. Alymov A.A. Soviet federalism and democratic centralism / A. Alymov and S. Studenikin // Soviet state. M., 1933. No. 1–2. pp. 13-20.

6. Gurvich G.S. Principles of autonomism and federalism in the Soviet system // Soviet law. M., 1924. No. 3. P. 3-39.

7. Trainin I.P. Issues of federalism in Lenin's «State and Revolution» (Article One) // Soviet state. M., 1937. No. 3–4. pp. 65-80.

8. Krupsky N.V. The Soviet Federation — a form of the Soviet state system // Bulletin of the Moscow University. Social Sciences Series. M., 1950. Issue 3, No. 7 (July). pp. 61-78.

9. Kareva M.P. Stalin's Constitution and the Socialist Federation // Soviet state and law. M., 1952. No. 2 (February). pp. 7-19.

10. Lepeshkin A.I. Soviet federalism. M., «Legal Literature», 1977. 319 p.

11. Malitsky A.L. The Union of the SSR and the sovereignty of the union republics // Bulletin of Soviet Justice. Kharkov, 1924. No. 2 (January 15). pp. 37-40.

12. Vvedensky V.G., Gorokhov A.Yu. Russia: the test of federalism. Theory and practice of domestic and foreign experience. — M .: Silver threads, 2002. 128 p.

13. Mikhaleva N. A. Constitutions and statutes of the constituent entities of the Russian Federation (comparative legal research). M.: YURKOMPANI, 2010. 366 p.

14. Bredikhin A.L. To the question of the concept and essence of federalism // Modern society and law. 2012. No. 1 (6). pp. 9-15.

15. Umnova I.A. Constitutional foundations of modern federalism: dis. ... d.j.n. M., 1997. 398 p.

16. Osipyan S.A. Russian federalism and the constitutional and legal status of the prosecutor's office: conceptual problems: author. dis. ... d.j.n. Moscow, 2006. 58 p.

17. Gligich-Zolotareva M.V. Constitutional and legal foundations of Russian federalism: problems of theory, methodology and practice: author. dis. ... d.j.n. Tyumen, 2009. 41 p.

18. Yaschenko A.S. Theory of federalism: Experience of the synthetic theory of law and state / A. Yashchenko. — Yuriev: Printing house of K. Mattisen, 1912. — X, 841 p.

19. Alekseeva L.A. To the question of the concept and principles of federalism // Economic and humanitarian sciences. 2015. No. 11(286). pp. 71-76.

20. Platonov V.M. Federalism as a product of Western legal culture // Vestnik RUDN University. Series: Legal Sciences. 2017. V. 21. No. 4. P. 528-540.

21. Gulyakov A.D., Salomatin A.Yu. Multivariance in the development of federalism (an experience of comparative diachronic and synchronous research) // Bulletin of the O.E. Kutafin (MSUA). 2018. No. 5. P. 63-70.

22. Yusubov E.S. Some problems of the theory of Russian federalism // Russian legal journal. 2009. No. 4. P. 117-123.

23. Dobrynin N.M., Gligich-Zolotareva M.V. System properties of the federation // Federalism. 2010. No. 4 (60). pp. 7–24.

24. Dobrynin N.M. Urgent tasks of the development of the Russian model of federalism: ontological discourse on the systemic properties of the federation // State and Law. 2017. No. 9. P. 34-44.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цыреторов Алексей Иванович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирской институт МВД России. 664028, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

INFORMATION ON AUTHORS

Tsyretorov Alexey Ivanovich, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664028, Russia, Irkutsk, st. Lermontova, d. 110.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 45–55.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 45–55.

**12.00.02. Конституционное право;
конституционный судебный процесс; муниципальное право**

Научная статья
УДК: 342.24
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.21.66.004

Шелегов Юрий Владимирович
Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, Иркутск, shelegoff@list.ru

О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ ВВЕДЕНИЯ РЕЖИМА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: в статье рассматриваются основания и механизм введения режима чрезвычайного положения, международные стандарты введения особого правового режима, порядок и условия ограничения прав граждан при чрезвычайном положении. Рассматриваются различные виды чрезвычайной ситуации, каждый из которых имеет свои особенности, что необходимо учитывать в теории и практике применения конкретных исключительных правовых мер, затрагивающих права человека и гражданина.

Материалы и методы: нормативная основа исследования включает международные правовые акты, Конституцию Российской Федерации, федеральные законы Российской Федерации. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, методы обобщения и описания, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения и анализа.

Результаты исследования: ограничения прав человека и гражданина в условиях чрезвычайного положения могут быть реализованы только на основе и во исполнение закона, ограничения прав вне закона об особом правовом режиме недопустимо в правовом государстве. Вопрос введения режима чрезвычайного положения в каждом конкретном случае решается индивидуально. Трудно определить грань, когда чрезвычайное положение должно быть введено, а когда можно обойтись тем правовым инструментарием, который применяется в обычных условиях. Механизм введения режима чрезвычайного положения зависит от исторических традиций государственного управления, от политического режима, формы правления и формы государственного устройства.

Выводы и заключения: Конституционно-правовой механизм введения чрезвычайного положения в Российской Федерации наиболее логичен и соответствует международно-правовым стандартам. Право введения чрезвычайного положения есть у главы государства, что обеспечивает оперативность реагирования на чрезвычайную ситуацию. Возможность Парламента отменить или утвердить решение Президента РФ о введении указанного особого правового режима в установленный законом срок дает дополнительные гарантии объективности принятого решения.

© Шелегов Ю. В., 2022

Введение рассматриваемого правового режима возможно лишь при условии реальной угрозы и в рамках установленных государством границ во времени и пространстве. Недостаточно продуманный механизм введения и реализации режима чрезвычайного положения несет в себе угрозу массовых нарушений прав человека и формирования антидемократического политического режима.

Ключевые слова: особые правовые режимы, чрезвычайное положение, обеспечение прав человека.

Для цитирования: Шелегов Ю.В. О конституционно-правовых основах введения режима чрезвычайного положения в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 45–55.
DOI 10.55001/2312-3184.2022.21.66.004.

12.00.02. Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Original article

ON THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL LEGAL FOUNDATIONS DECLARE OF THE STATE OF EMERGENCY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Yury V. Shelegov
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk, shelegoff@list.ru

Introduction: the article discusses the grounds and mechanism for the introduction of a state of emergency, international standards for the introduction of a special legal regime, the procedure and conditions for restricting the rights of citizens in a state of emergency. Various types of emergency situations are considered, each of which has its own characteristics, which must be taken into account in the theory and practice of applying specific exceptional legal measures affecting human and civil rights.

Materials and methods: the normative basis of the study includes international legal acts, the Constitution of the Russian Federation, federal laws of the Russian Federation. The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific cognition, methods of generalization and description, cognitive methods and techniques of observation, comparison and analysis.

***The results of the study*:** Restrictions on human and civil rights in a state of emergency can be implemented only on the basis and in compliance with the law, restrictions on rights outside the law on a special legal regime are unacceptable in a State of law. The issue of the introduction of a state of emergency in each specific case is decided individually. It is difficult to determine the line when a state of emergency should be introduced, and when it is possible to do with the legal tools that are used in normal conditions. The mechanism for the introduction of the state of emergency depends on the historical traditions of public administration, on the political regime, the form of government and the form of government.

Findings and Conclusions: The constitutional and legal mechanism for the introduction of a state of emergency in the Russian Federation is the most logical and complies with

international legal standards. The head of state has the right to declare a state of emergency, which ensures prompt response to an emergency situation. The possibility of the Parliament to cancel or approve the decision of the President of the Russian Federation on the introduction of this special legal regime within the time limit established by law provides additional guarantees of the objectivity of the decision taken.

The conduct of the legal regime in question is possible only under the condition of a real threat and within the boundaries established by the state in time and space. An insufficiently thought-out mechanism for the introduction and implementation of a state of emergency carries the threat of mass violations of human rights and the formation of an anti-democratic political regime.

Key words: special legal regimes, state of emergency, ensuring human rights.

For citation: Shelegov Yu. V. O konstitucionno-pravovyh osnovah vvedenija rezhima chrezvychajnogo polozhenija v Rossijskoj Federacii [On the constitutional and legal foundations declare of the state of emergency in the Russian Federation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no, 3 (102) pp.45-55 (in Russ.). DOI: 10.55001/2312-3184.2022.21.66.004.

Правовой режим чрезвычайного положения имеет существенное значение для обеспечения условий стабильного функционирования государственных механизмов во время обострения социальных противоречий, проблем техногенного, природного и экологического характера. Ни одно государство не обошлось в своем развитии без обострения подобных проблем, когда институты общества и государства не могут осуществлять свою деятельность в штатном режиме.

При возникновении условий, угрожающих жизни и здоровью граждан, существованию государственных институтов, должны включаться особые механизмы правового регулирования, всемерно отвечающие сложившейся ситуации. В противном случае государство не сможет обеспечить не только безопасность граждан, но и свой суверенитет, как внутренний, так и внешний.

Попытки государственного переворота и захвата власти, антигосударственные мятежи, равно как и мятежи на основе межконфессиональных или межнациональных конфликтов, несут в себе большую угрозу. Механизмы противостояния им должны быть четко продуманы и практически реализуемы. История цветных революции говорит, что далеко не все государства смогли создать правовые механизмы противостояния захвату власти группой лиц при финансировании третьих государств или организаций [1, 705]. Те правовые механизмы, которые были предусмотрены у государств, подвергшихся так называемым цветным революциям (при финансировании извне), показали свою слабую эффективность на практике и привели государство к распаду.

Примеров тому масса. Один из наиболее значимых для нашего государства – распад Советского Союза. Поэтому мы полагаем, что вопрос особенностей режима чрезвычайного положения в Российской Федерации крайне важен и для теории госу-

дарственного права, и для практики, т.е. практической возможности реализации, разработанной на основе теории, правовых положений обеспечения безопасности гражданина, общества и государства в условиях различного рода внутренних угроз.

Также нельзя забывать и о возможных проблемах техногенного, природного и экологического характера. Правовой режим чрезвычайного положения направлен на обеспечение безопасности и при возникновении такого рода угроз. Именно природные стихии, техногенные катастрофы могут вызвать массовое нарушение прав человека в своих локациях. Отсутствие еды и питьевой воды, гуманитарный коллапс, мародерство – все это угрожает в первую очередь гражданам.

В описанных выше чрезвычайных для государства условиях невозможно обеспечить правопорядок, используя стандартные правовые механизмы и стандартные меры, направленные на поддержание общественного порядка в государстве. В этих условиях нужны особые рычаги государственного управления, которые позволят обеспечить стабилизацию чрезвычайной ситуации и ликвидацию возникших в ее результате негативных послествий.

Практически в каждом государстве имеются предусмотренные на случай форсмажорных ситуаций правовые режимы. Эти режимы могут иметь разные названия, но суть их от этого не меняется – это особые правовые режимы, предусмотренные на случай возникновения опасных для общества и государства ситуаций. В Италии это режим состояния общественной опасности, в ФРГ – состояние напряженности, в Норвегии – состояние готовности, во Франции – режим осадного положения, в Канаде, США и Великобритании – режим чрезвычайного положения [2, с. 138].

Нормы права, регулирующие порядок отношений между обществом и государством при возникновении угроз конституционному строю, правам человека и безопасности общества в целом, предполагают использование нехарактерных для штатной ситуации мер, направленных на временное ограничение прав человека и гражданина с целью обеспечения общественного порядка и общественной безопасности [3, с. 176]. Ключевое отличие указанных мер заключается в том, что могут значительно ограничиваться права не только лиц, совершивших административный проступок или подозреваемых в совершении преступления, а всех без исключения граждан региона, в котором введен особый правовой режим чрезвычайной ситуации [4, с. 123]. Кроме того, на граждан при введении подобного режима накладываются дополнительные обязанности [5, с. 149], в том числе направленные на ликвидацию неблагоприятных последствий сложившейся чрезвычайной ситуации.

Ограничения прав граждан в рассматриваемых условиях могут быть реализованы только на основе и во исполнение закона. Ограничения прав вне закона об особом правовом режиме в правовом государстве недопустимо [6, с. 10].

Конечно, в разных государствах различны ограничительные меры и в целом механизмы реализации правового режима чрезвычайного положения. Более того, жесткость введенных государством мер зависит от тяжести положения, угрозы гражданам, обществу и государству.

В разные периоды истории подобные режимы вводились во многих государствах, и, надо отметить, на схожие чрезвычайные ситуации разные государства вво-

дили свои ограничительные меры. Специфика введенных мер одна и цель одна – стабилизировать ситуацию в государстве или на определенной территории государства, а вот конкретные меры принимаются разные и зависят от уровня демократичности государственной власти и правосознания граждан. Например, в государстве с тоталитарным политическим режимом правовые меры, принимаемые при чрезвычайной ситуации, будут характеризоваться максимальной жесткостью, бескомпромиссностью и, соответственно, значительными ограничениями прав граждан.

Как было отмечено, конституции большинства государств предусматривают возможность ограничения прав человека при реализации мер чрезвычайного характера в случаях возникновения реальной угрозы государству [7, с. 37]. Так, в соответствии со статьей 16 Конституции Франции, режим «осадного положения» может вводиться в случае угрозы институтам государственной власти, целостности территории государства, независимости нации. Конституция ФРГ также предусматривает применение чрезвычайных мер при возникновении в государстве «состояния напряженности», чрезвычайные меры направлены на отражение угрозы демократическому строю [7, с. 481–483]. Конституции Бразилии [7, с. 238], Швейцарии [7, с. 352-357] и США [7, с. 138] тоже предусматривают возможность введения мер чрезвычайного характера в условиях возникновения угрозы государству и обществу.

Российская Федерация также обладает широким арсеналом правовых мер, направленных на стабилизацию ситуации в условиях чрезвычайного положения. Правовая база, регулирующая отношения, которые возникают в условиях, создающих опасность для государства и общества, достаточно логична, соответствует Конституции РФ и высоким стандартам обеспечения прав человека.

Режим чрезвычайного положения в российской Федерации регламентируется Конституцией РФ, Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении», международными договорами, заключенными Российской Федерацией.

Режим чрезвычайного положения вводится в Российской Федерации при обстоятельствах, создающих угрозу обществу и государству. Основной закон оговаривает возможность введения режима чрезвычайного положения и в отдельных местностях, и на всей территории государства (ч. 2 ст. 56 Конституции РФ).

Необходимо отметить, что важный момент в реализации системы сдержек и противовесов учтен в механизме принятия решения о введении режима чрезвычайного положения. Так, в соответствии со ст. 88 Конституции РФ режим чрезвычайного положения вводится Президентом России, но с незамедлительным сообщением о принятии такого решения верхней и нижней палатам Федерального Собрания Российской Федерации. В соответствии со ст. 102 Конституции РФ Совет Федерации Федерального Собрания РФ утверждает Указ Президента России о введении чрезвычайного положения.

Порядок и основания введения режима чрезвычайного положения прописан в Федеральном конституционном законе №3-ФКЗ «О чрезвычайном положении». В соответствии с указанным федеральным конституционным законом рассматриваемый правовой режим вводится при наличии непосредственных угроз конституционному строю государства; жизни, здоровью и безопасности населения страны и только в том

случае, если устранение этих угроз не может быть реализовано без принятия государством мер чрезвычайного характера [8, с. 162–167].

Основанием для введения режима чрезвычайного положения будут следующие обстоятельства.

Попытки подрыва основ конституционного строя государства, в том числе его изменение насильственным путем, а также захват государственной власти путем переворота, вооруженного мятежа. Безусловно, основанием для введения режима чрезвычайного положения будут региональные и межконфессиональные конфликты, массовые беспорядки, захват незаконными формированиями каких-либо государственных объектов, блокирование инфраструктурных объектов, террористические акты и другие обстоятельства, в случае если они создают угрозу безопасности населения страны, препятствуют нормальному функционированию органов государственной и муниципальной власти.

Также основаниями для введения в стране и на отдельных местностях чрезвычайного положения будут техногенные и природные катастрофы, обстоятельства, связанные с критическим нарушением экологии окружающей среды.

Кроме того, в результате техногенных и природных катастроф, могут быть спровоцированы эпидемии и эпизоотии, которые сами по себе являются достаточным основанием для введения режима чрезвычайного положения, поскольку представляют угрозу жизни и здоровью большого количества человек на территории государства или отдельных его территориях. Введение режима чрезвычайного положения в перечисленных случаях необходимо для проведения неотложных спасательных мероприятий по ликвидации угроз населению и минимизации последствий.

В Федеральном конституционном законе «О чрезвычайном положении» говорится, что цель введения режима чрезвычайного положения – нормализация ситуации в стане и на отдельных ее территориях, устранение угроз безопасности жизни и здоровья лиц, находящихся в зоне поражения, оказание им необходимой помощи, восстановление правопорядка в государстве.

Как было отмечено ранее, содержание режима чрезвычайного положения зависит от ситуации и должно быть соразмерным, т.е. отвечать целям федерального вмешательства в сложившуюся нештатную ситуацию федерального или регионального значения.

Чрезвычайное положение может вводиться исключительно с целью необходимой защиты интересов граждан, общества и государства от угроз внутреннего характера. Безусловно, режим чрезвычайного положения не сводится только к силовым методам решения проблемы, это всегда комплекс мер, направленный на стабилизацию чрезвычайной ситуации и ликвидацию ее последствий.

Исходя из положений Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении», цель введения рассматриваемого правового режима не ограничивается стабилизацией ситуации и ликвидацией последствий. Важная составляющая реализации введенного режима – создание условий, исключающих возможность повторного возникновения подобной ситуации. Речь идет о контролируемых явлениях, таких как обострение криминогенной обстановки, антигосударственные мятежи, разного рода социальные волнения.

С целью стабилизации обстановки чрезвычайной ситуации специальным органам государственной власти предоставляются дополнительные полномочия, но могут ограничиваться полномочия органов государственной власти субъектов, на которых объявлен режим чрезвычайного положения, а также, как было отмечено ранее, могут ограничиваться права граждан с целью обеспечения их защиты в условиях чрезвычайной ситуации.

Вопрос введения режима чрезвычайного положения в каждом конкретном случае решается индивидуально, трудно определить грань, когда чрезвычайное положение должно быть введено, а когда можно обойтись тем правовым инструментарием, который применяется в обычных условиях [9, с.10]. В некоторых случаях при схожих обстоятельствах может быть введен режим контртеррористической операции. Например, в условиях образования на определённых территориях бандформирований, ставящих своей целью борьбу с государственным режимом, в том числе с использованием террора, может быть введен и режим чрезвычайного положения, и режим контртеррористической операции, при котором также могут значительно ограничиваться права человека и гражданина для обеспечения общества от возникших угроз терактов.

Независимо от того, какой из особых правовых режимов будет введен, нужно четко понимать общее для временных ограничительных мер правило – насколько бы ни были широки полицейские полномочия чрезвычайной власти, эти полномочия не должны выходить за пределы той цели, ради которой объявляется исключительное положение [10, с. 125].

Существует достаточно много видов чрезвычайных ситуаций, они могут выражаться как в государственной и общественной сферах, так и в природных, техногенных, экологических катастрофах. Каждый вид чрезвычайной ситуации может иметь свои особенности, и это нужно учитывать в теории и практике применения тех или иных исключительных правовых мер, затрагивающих права человека и гражданина. Можно выделить некоторые особенности чрезвычайных ситуаций в различных сферах.

В сфере государственного управления органы государственной власти субъекта Федерации надлежащим образом не выполняют свои функции, не исполняются решения федеральных органов государственной власти, осуществляются действия, направленные на подрыв основ конституционного строя и государственного управления.

В хозяйственно-экономической сфере региона происходит нарушение штатного функционирования организаций и предприятий, массовые забастовки, нарушение жизнеобеспечения населения – перебои с поставками продуктов питания, воды, энергоресурсов, сбои в работе общественного транспорта.

В сфере общественно-политических отношений возможны создание и активная деятельность незаконных бандформирований, сепаратистских организаций, националистических и экстремистских религиозных групп. Сюда же относится эскалация межнациональных и межконфессиональных конфликтов, когда участниками конфликта оказывается значительное количество граждан, проживающих в регионе.

В сфере борьбы с преступностью и охраны общественного порядка начинаются массовые беспорядки, убийства и другие преступления, которые охватывают опреде-

ленный субъект федерации или его часть; неэффективность правоохранительной деятельности на отдельных территориях; угроза жизни и здоровью граждан; захват в заложники представителей власти и местного самоуправления, а также сотрудников правоохранительных органов [11, с. 33–34].

Безусловно, с целью ликвидации подобных ситуации необходимо введение достаточно жестких мер – режима чрезвычайного положения.

Понимая всю значимость вводимых мер (в условиях чрезвычайного положения), при которых значительно, хоть и временно ограничиваются права человека, особый интерес представляет сам механизм принятия решения о введении подобного рода режимов. Ведь государство может быть формально правовым и соответствующим высоким стандартам правовой защищенности населения, но все эти формальные рамки будут запросто размываться, в случае если лидер государства имеет рычаги введения особого правового режима в любое время и на любой срок. В таких случаях правовая защищенность граждан становится лишь фикцией, формально закрепленной в Основном законе.

В разных государствах предусмотрен свой механизм введения чрезвычайного положения. Этот механизм зависит от исторических традиций государственного управления, от политического режима, формы правления и формы государственного устройства.

В большей части государств правом введения чрезвычайных режимов обладает исполнительная власть, такой порядок предусмотрен государственным правом Франции, Испании, Ирландии, Канады и США.

В Болгарии, Израиле и Германии правом введения режима чрезвычайного положения обладает Парламент. Необходимо отметить, что в некоторых из перечисленных государств право Парламента на введение режима чрезвычайного положения не абсолютно. Все зависит от вида чрезвычайной ситуации. Например, в Аргентине в случае стихийных бедствий, а также массовых беспорядков, конгресс вправе ввести осадное положение, в то же время в случае вторжения на территорию государства иностранного контингента осадное положение вводится уже непосредственно Президентом страны, при одобрении такого решения Сенатом [6, с. 151].

Представляется, что наиболее подходящий для правового государства механизм принятия решения о введения особого правового режима, временно ограничивающего права граждан, – введение его Парламентом или одной из его палат. Это больше отвечает принципам демократии. Коллегиальный способ принятия данного решения органом законодательной власти характеризует его как крайнюю необходимость, крайнюю меру, на которую пошло правовое государство для обеспечения безопасности личности, общества и государства в условиях реальных угроз [1, с. 26]. Такой же позиции придерживается Международный Комитет по обеспечению законодательства и прав человека Международной ассоциации права. Так, на Парижской конференции было принято решение, согласно которому ответственность за введение исключительного правового режима возлагается на законодательный орган государственной власти» [6, с. 151].

Нельзя не отметить и слабые стороны озвученной выше позиции. Законодательная власть не всегда может оперативно принять решение, поскольку имеет место плюрализм мнений и процедурные механизмы могут достаточно сильно затягивать время, которого очень мало в экстренной для страны ситуации.

У исполнительной власти или главы государства, не входящего ни в одну из ветвей власти, есть в этих вопросах значительные преимущества. Именно поэтому многие государства возлагают полномочия по введению рассматриваемых режимов именно главой государства или исполнительной властью. Но, как отмечалось ранее, делегирование таких полномочий исполнительной власти или главе государства позволяет сосредоточить в одних руках или руках группы лиц достаточно широкие полномочия на основе их же решения. Считаем, что при определенных условиях это может привести к формированию антидемократического политического режима. Именно поэтому в большинстве стран предусмотрен институт парламентского контроля над органами государственной власти, наделенными чрезвычайными (исключительными) полномочиями. Очень важно, чтобы в условиях чрезвычайной ситуации при введении, а также при реализации правового режима чрезвычайного положения четко была организована система сдержек и противовесов.

Конечно, законодательная власть не должна создавать препятствия исполнительной при ликвидации последствий, причин, условий чрезвычайной ситуации, но у нее должен оставаться рычаг воздействия на органы исполнительной власти с вытекающей ответственностью, о которой говорилось ранее. Органы законодательной власти должны быть наделены правом влиять на объем полномочий главы исполнительной власти или главы государства. Если глава государства (глава исполнительной власти) уполномочен вводить чрезвычайное положение, то законодательная власть должна проверить законность и обоснованность такого решения и в последующем признать необходимость такого решения и одобрить либо отменить введенный режим. Вопрос лишь в том, какое время должно быть установлено для проверки решения о введения чрезвычайного положения и какое большинство может утвердить или отменить решение главы государства о введение указанного режима.

Нужно отметить, что в конституционно-правовом механизме введения чрезвычайного положения в Российской Федерации учтены все описанные выше нюансы. И право введения чрезвычайного положения главой государства и возможность отменить или утвердить решение Президента РФ о введении указанного особого правового режима в срок не более 72 часов.

Подводя итог, нужно отметить, что современные реалии диктуют необходимость закрепления в конституционном праве каждого государства возможность введения чрезвычайного положения. Наиболее рациональный механизм нам видится в порядке введения особых правовых режимов в Российской Федерации, когда глава государства принимает решение о введении режима, а законодательный орган может в установленные сроки одобрить или отменить принятое главой государства решение. Ограничения прав, вводимые при режиме чрезвычайного положения, должны носить временный характер и, если это не предусмотрено законодательно, то есть угроза формирования, при определенных условиях, антидемократического политического режима.

В настоящее время государственно-правовой институт чрезвычайного положения – важнейший механизм обеспечения общественной безопасности государства в условиях

серьезных внутренних угроз безопасности с четко обозначенными правовыми границами. Введение рассматриваемого правового режима возможно лишь при условии реальной угрозы и в рамках установленных государством границ во времени и пространстве. Недостаточно продуманный механизм введения и реализации режима чрезвычайного положения несет в себе угрозу массовых нарушений прав человека и формирования антидемократического политического режима. Любые изменения и новшества в основаниях введения, порядке реализации рассматриваемого режима должны быть тщательно обдуманы и соответствовать как международным стандартам, так и доктринальным основам системы сдержек и противовесов в правовом государстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Римский, А.В., Рязанова, Н.А. Экстремизм и насилие в практиках «цветных переворотов»: «сакральная жертва» и «чрезвычайное положение» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. – Т. 44. – № 4. – С. 704–713.

2. Мелехин, А.В. Особые правовые режимы. М.: АУ МВД России, 2008. – 144 с.

3. Шадрин, В.В. Проблемы ограничения основных прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного положения // Крымский Академический вестник. 2017. – № 2. – С. 176–178.

4. Ковалев, В.В. Права и обязанности человека и гражданина в условиях чрезвычайного и военного положения // Современная научная мысль. – 2013. – № 3.– С. 123–128.

5. Домрин, А. К. Институт чрезвычайного положения в зарубежных странах. //Международная жизнь. – 1993. – № 5–6. – С. 149–152.

6. Бражник, В.А., Сидоренко, Д.А., Кушниренко, А.Г. К вопросу ограничения прав и свобод человека в условиях действия специального правового режима // Международный научный журнал Интернаука. – 2018. – Т. 3. – № 9 (49). – С. 10–14.

7. Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. проф. В.В. Маклаков. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: БЕК, 2002. – 592 с.

8. Смирнов, П.А. Понятие чрезвычайного и военного положений в законодательстве России и зарубежных стран // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 2 (259). – С. 162–167.

9. Аметчаев, Э.З. Правовые основы режима чрезвычайного положения // Крымский Академический вестник. 2017. – № 3. – С. 9–13.

10. Гессен, В.М. Исключительное положение. СПб.: юрид. кн. скл. «Право», 1908. VIII. – 410с.

11. Григорьев, В.М. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика). Дисс.... докт. юрид. наук. – М., 1993. – 565 с.

12. Авидзба, Р.С. Роль федерального собрания российской федерации в вопросах использования сил и средств обеспечения национальной безопасности // Юридический вестник. – 2021. – № 3 (7). – С. 25–28.

REFERENCES

1. Rimsky A.V., Ryazanova N.A. Extremism and Violence in the Practices of "Color Coups": "Sacred Victim" and "State of Emergency" // Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right. 2019. Vol. 44. No. 4. pp. 704–713.

2. Melekhin A.V. Special legal regimes. M. : AU MIA of Russia, 2008. - 144 p.

3. Shadrin V.V. Problems of restriction of fundamental rights and freedoms of a person and a citizen in a state of emergency // Crimean Academic Bulletin. 2017. No. 2. pp. 176-178.

4. Kovalev V.V. Rights and obligations of a person and a citizen in a state of emergency and martial law // Modern scientific thought. 2013. No. 3. P. 123–128.

5. Domrin A.K. Institute of emergency in foreign countries. //International life. 1993. #5–6. pp. 149–152.

6. Brazhnik V.A., Sidorenko D.A., Kushnirenko A.G. On the issue of restricting human rights and freedoms under the conditions of a special legal regime // International scientific journal Internauka. 2018. V. 3. No. 9 (49). pp. 10–14.

7. Constitutions of foreign states: Textbook / Comp. prof. V.V. Maklakov. Ed. 3rd, revised. and additional - M.: BEK, 2002. - 592 p.

8. Smirnov P.A. The concept of emergency and martial law in the legislation of Russia and foreign countries // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2005. No. 2 (259). pp. 162-167.

9. Ametchaev E.Z. Legal foundations of the state of emergency // Crimean Academic Bulletin. 2017. No. 3. pp. 9-13.

10. Gessen V.M. Exceptional position. St. Petersburg: jurid. book. skl. "Right", 1908. VIII. - 410s.

11. Avidzba R.S. The Role of the Federal Assembly of the Russian Federation in the Use of Forces and Means of Ensuring National Security // Legal Bulletin. 2021. No. 3 (7). pp. 25-28.

12. Grigoriev V.M. Investigation of crimes in emergency conditions (legal support, organization, methodology). Diss.... doc. legal Sciences. - M., 1993. 565 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шелегов Юрий Владимирович, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин. Восточно-Сибирской институт МВД России. 664028, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

INFORMATION ON AUTHORS

Shelegov Yury Vladimirovich, Candidate of Law, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines.East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664028, Russia, Irkutsk, st. Lermontova, d. 110.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 56–65.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 56–65.

12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Научная статья
УДК: 344.131
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.78.58.005

ОТГРАНИЧЕНИЕ САМОВОЛЬНОГО ОСТАВЛЕНИЯ ЧАСТИ ИЛИ МЕСТА СЛУЖБЫ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Бодрова Елена Алексеевна
аспирант кафедры уголовного права и криминологии Института юстиции.
Байкальский государственный университет, Российская Федерация, Иркутск, elenabodrova90@mail.ru

Введение: статья посвящена проблемам отграничения самовольного оставления части или места службы (статья 337 Уголовного кодекса Российской Федерации) от смежных составов преступлений. Проведен анализ квалифицирующих признаков преступлений, умысла виновного лица, цели уклонения от прохождения военной службы. Предлагается внести изменения в диспозицию ч.4 ст.337 УК РФ и установить максимальный срок нахождения вне воинской части или места службы 90 дней.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют положения Конституции Российской Федерации, уголовное законодательство, материалы судебной практики, регламентирующие ответственность за самовольное оставление части или места службы, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Методологическую основу исследования составляют всеобщие методы познания правовой и социальной реальности: логические методы анализа, синтеза, дедукции, индукции, сравнения. К используемым специальным (частнонаучным) методам можно отнести метод юридической герменевтики, сравнительно-правовой метод, различные методы толкования права.

Результаты исследования: позволяют выявить отграничения самовольного оставления части или места службы от смежных составов преступлений.

Выводы и заключения: целью самовольного оставления части или места службы в отличие от смежных составов является временное уклонение от исполнения обязанностей по прохождению военной службы. Преступление, предусмотренное ст. 337 УК РФ, имеет дополнительный объект – оставление части или места службы военнослужащим, отбывающим наказание в дисциплинарной воинской части. Также в диспозиции ст. 337 УК РФ дается указание на оставление части или места службы, а также неявку без уважительных причин. Кроме того, предлагается внести изменения в ч.4 ст. 337 УК РФ путем установления максимального срока пребывания вне расположения воинской части или места службы сроком до 90 дней.

© Бодрова Е.А., 2022

Ключевые слова: самовольное оставление части или места службы, военнослужащий, уголовная ответственность, дезертирство, уклонение от прохождения службы, стечение тяжелых обстоятельств, уважительные причины, крайняя необходимость, симуляция болезни, квалифицирующие признаки, специальный субъект.

Для цитирования: Бодрова Е. А. Отграничение самовольного оставления части или места службы от смежных составов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 56–65.
DOI 10.55001/2312-3184.2022.78.58.005

12.00.08. Criminal Law and criminology; criminal executive law

Original article

DELIMITATION OF UNAUTHORIZED ABANDONMENT OF A UNIT OR PLACE OF SERVICE FROM RELATED ELEMENT OF CRIMES

Elena A. Bodrova
A postgraduate student. Department of Criminal Law and Criminology, Institute of Justice. Baikal State University, Russian Federation, Irkutsk, elenabodrova90@mail.ru

Inroduction: The scientific article is devoted to the problem a delimitation of unauthorized abandonment of a unit (art. 337 of the Criminal Code of the Russian Federation) or place service from related offences. Conduct an analysis of the qualifying sings of crimes, the intent of the perpetrator, purpose of evading military service.

It is proposed to make changes to the disposition part 4 article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation, establish a maximum period of stay outside a military unit or place of service for up to 90 days.

Materials and methods: the normative basis of the research is formed by provisions of the Constitution of the Russian Federation, criminal law, judicial practice materials regulating liability for unauthorized abandonment of a unit or place service, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The methodological basis of the study is universal methods of cognition of legal and social reality: logical methods of analysis, synthesis, deduction, induction, comparison. The special methods used include the method of legal hermeneutics, comparative legal methods, different methods of interpreting the law.

The results of the study: reveal a delimitation of unauthorized abandonment of a unit or place of service from related offences.

Findings and Conclusions: The purpose of unauthorized abandonment of a unit or place of service a difference from related offences is a temporary evasion from performance of duties for military service. The crime provided for by article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation has an additional object- abandonment of a unit or place of service by a serviceman serving a sentence in a disciplinary military unit. Also, in the disposition of article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation, an indication is given to abandonment the unit or place of service, as well as failure to appear without good reason. In addition, it is proposed to make changes to the disposition part 4 article 337 of the Criminal Code of

the Russian Federation, establish a maximum period of stay outside a military unit or place of service for up to 90 days.

Keywords: unauthorized abandonment of a unit or place of service, serviceman, criminal liability, desertion, evasion of service, a set of difficult circumstances, good reason, emergency, disease simulation, qualifying sings, special subject.

For citation: **Bodrova E.A.** Otgranichenie samovol'nogo ostavlenija chasti ili mesta sluzhby ot smezhnyh sosta-vov prestuplenij [Delimitation of unauthorized abandonment of a unit or a place of service from related elements of crimes]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102), pp.56–65 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.78.58.005

Преступления, совершаемые против военной службы, несут в себе повышенную общественную опасность из-за посягательства на военную безопасность государства, его суверенитет.

Ответственность за оставление части или места службы впервые была введена в период Февральской Революции 1917 года.

Законодательством послереволюционной России была предусмотрена уголовная ответственность за уклонение от несения службы, как в мирное, так и в военное время.

Современным уголовным законодательством предусмотрена ответственность лишь за преступления, совершаемые в мирное время. Указанная ответственность закреплена в ст. 331 УК РФ.

Одним из самых часто совершаемых военнослужащими преступлений против военной службы является самовольное оставление военнослужащим части или места службы.

Самовольное оставление части или места службы влечет за собой уголовную ответственность военнослужащих, предусмотренную ст. 337 УК РФ.

Рассматриваемое преступление, имеет сложную юридическую природу, в результате чего возникает необходимось в отграничении его от смежных составов преступлений. Наиболее схожим по составу преступным деянием является дезертирство – самовольное оставление части или места службы, с целью уклонения от прохождения военной службы[1], а также уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами[2].

В соответствии с Постановлением Верховного суда Российской Федерации от 03.04.2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» ответственность по статьям 337, 338 и 339 УК РФ наступает за уклонение военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы, совершенное лишь указанными в диспозициях этих статей способами (самовольное оставление части или места службы, неявка в срок без уважительных причин на службу, симуляция

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Там же.

болезни, причинение себе какого-либо повреждения (членовредительство), подлог документов или иной обман)[1].

В соответствии с общепринятыми правилами разграничения составов преступления, необходимо сначала определить непосредственные объекты – общественные отношения, против которых направлено преступное посягательство [1, с. 54].

Данные составы преступлений имеют общий объект – это порядок прохождения военной службы.

Однако преступное деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 337 УК РФ, имеет дополнительный объект – исполнение правосудия, который подразумевает под собой оставление части или места службы военнослужащим, отбывающим наказание в дисциплинарной воинской части.

Рассматривая объективную сторону указанных преступлений, необходимо понимать, что это процесс, протекающий в пространстве и времени.

В диспозициях ст. 337 – 338 УК РФ последствия не указаны, а значит, эти составы являются формальными [2, с. 55].

Юридическим моментом окончания данных составов будет являться момент неявки или самовольного убытия из расположения военной части. Однако для самовольного оставления части или места службы фактическим моментом окончания преступления будет являться прибытие военнослужащего в военную комендатуру гарнизона либо военный следственный отдел и сообщение о себе, как о военнослужащем, самовольно покинувшем расположение военной части или место службы. Военнослужащие, совершившие дезертирство добровольно, о себе не заявляют, так как преследуют цель полного уклонения от исполнения военных обязанностей и задерживаются органами военного управления.

В диспозициях вышеуказанных статей объективная сторона выражается в оставлении воинской части или места службы, что зачастую вызывает затруднения при разграничении данных составов правоприменителем.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 338 УК РФ, выражается в умысле военнослужащего на полное уклонение от прохождения службы.

Вместе с тем самовольное оставление воинской части или места службы предполагает под собой временное уклонение от исполнения воинских обязанностей и временное отсутствие в воинской части или месте службы, то для дезертирства важна сама цель – это полное уклонение от прохождения военной службы, вне зависимости от времени отсутствия на месте службы[2].

Однако в практической деятельности у правоприменителя нередко возникают затруднения, которые связаны с правильной квалификацией данных составов, основным отличием которых является время оставления службы.

Основным критерием самовольного оставления части или места службы является срок отсутствия вне расположения военной части или места службы. Срок в данном случае исчисляется сутками и месяцами. При этом срок начинает исчислять с часа

---

[1] О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 03 апр. 2008 г.№ 3 // Российская газета. 2008. № 4633.

[2] О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы : Постановление Пленума Верховного суда РФ от 03 апреля 2008 г. № 3 // Российская газета.2008. № 4633.

убытия либо с часа неявки, следующего за установленным временем явки. Окончанием является задержание либо прибытие военнослужащего в органы военного управления. Срок исчисляется календарным месяцем, то есть в расчет не берётся количество дней в месяце, например, месячный срок, начавшийся с 5-го мая, оканчивается 5-го июня.

Уголовная ответственность за дезертирство наступает независимо от срока пребывания вне расположения военной части или места службы.

Кроме того, ч. 4 ст. 337 УК РФ предусматривает ответственность за оставление части военнослужащими срочной и контрактной службы свыше одного месяца.

Вместе с тем в диспозиции указанной части статьи отсутствует максимальное время оставление части, то есть верхний порог времени. В связи с этим возникают затруднения в правильной квалификации данного преступления, так как срок оставления части может быть от одного месяца до нескольких лет.

В качестве примера рассмотрим материалы дела, возбужденного военным следственным отделом гарнизона. Так, военнослужащий контрактной службы Б. 13.06.2017 года не явился в установленное регламентом время и проводил время по собственному усмотрению. Военнослужащий Б. явился в комендатуру гарнизона 27.09.2021 года и заявил о себе как о военнослужащем, самовольно оставившим воинскую часть.

Думается, что в связи с этим существует необходимость внести изменения в ч. 4 ст. 337 УК РФ и установить максимальное время пребывания военнослужащего контрактной и срочной службы вне расположения воинской части или места службы сроком до 90 дней.

Отличительным моментом является указание в ст. 337 УК РФ на способы совершения преступления: при увольнении из части, при назначении, переводе, возвращении из командировки, отпуска или медицинской организации[1]. В диспозиции ст. 338 УК РФ такое указание отсутствует.

Также одним из отличительных признаков является указание в диспозиции ст. 337 УК РФ и дифференциация наказания в зависимости от специального субъекта – военнослужащего по призыву либо по контракту.

Вместе с тем диспозиция ст. 338 УК РФ указывает на специальный субъект «военнослужащие» в общем смысле, не подразделяя их на категории.

При рассмотрении данных статьей может возникнуть ошибочное суждение в том, что субъекты данных преступлений не совпадают.

Согласно ч. 1 ст. 331 УК РФ субъектами преступлений против военной службы могут быть военнослужащие контрактной службы, военнослужащие срочной службы, а также граждане во время прохождения ими военных сборов.

При самовольном оставлении части или места службы дается четкое указание на специальный субъект, предполагается, что граждане во время прохождения ими военных сборов к таковым не относятся. При этом дезертирство может совершить любой из вышеуказанных субъектов, предусмотренных статьей 331 УК РФ.

Однако в соответствии с Постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации от 03.04.2008 года № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтерна-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер.закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

тивной гражданской службы» ответственность по статьям 337, 338 несут военнослужащие срочной службы, военнослужащие контрактной службы, а также граждане во время прохождения ими военных сборов[1].

Кроме того, по мнению некоторых авторов, в частности Х.М. Ахметшина, «в целях единообразного решения вопроса об уголовной ответственности за уклонение от военной службы, независимо от способа его совершения, следовало бы ст. 337 УК РФ дополнить частью, предусматривающей ответственность за самовольное оставление части или места службы гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов» [3, с. 5].

Нередко на практике возникают случаи, когда военнослужащий по призыву либо по контракту, самовольно оставивший место службы, в период предварительного следствия отслужил установленные законом сроки военной службы [4, с. 348]. Несмотря на это, военнослужащий будет привлечен к уголовной ответственности в связи с тем, что совершил преступление в период прохождения военной службы. Аналогичный подход используется при привлечении к уголовной ответственности по ст.ст. 337, 338 УК РФ.

Касаясь субъективной стороны исследуемых составов, необходимо отметить, что преступления, квалифицируемые по ст. ст. 337 – 338 УК РФ, совершаются только с прямым умыслом [5, с. 108]. Несмотря на то, что указанные составы имеют схожие признаки объективной стороны, основное их отличие в цели уклонения. Без установления указанной цели квалификация по ст. 337 УК РФ невозможна. Поэтому и в субъективной стороне данного состава цель является обязательным признаком [6, с. 77].

Представляется, что для разграничения указанных составов необходимо учитывать направленность умысла виновного. Так, при совершении дезертирства у виновного лица прямой умысел на отказ от прохождения военной службы. О направленности умысла свидетельствует и полный отказ от прохождения военной службы, трудоустройство на работу военнослужащего в период прохождения военной службы, предоставление фиктивных сведений, пересечение государственной границы. При самовольном оставлении места службы такие обстоятельства отсутствуют.

Аналогичная позиция изложена в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 03.04.2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы».

Кроме того, следует обратить внимание на указание в ст. 337 УК РФ об оставлении части или места службы или неявке без уважительных причин. В качестве уважительных причин может быть рассмотрено реальное отсутствие возможности прибыть к месту службы, такое как отсутствие транспортного сообщения, отсутствие денежных средств для прибытия к месту службы, заболевание военнослужащего, не позволяющее самостоятельно передвигаться и т.д. Вместе с тем ст. 338 УК РФ не содержит указания на наличие либо отсутствие уважительных причин при оставлении военной части либо места службы. При этом указанные деяния могут быть совершены в состоянии крайней необходимости, в случае если военнослужащему угрожает опасность, устранить которую иными способами невозможно. Кроме того, ст. ст. 337, 338 УК РФ имеют примечание, которое гласит, что военнослужащий, впервые совершивший деяние, может

[1] О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы : Постановление Пленума Верховного суда РФ от 03 апр. 2008 г.№ 3 // Российская газета. 2008. № 4633.

быть освобожден от уголовной ответственности вследствие стечения тяжелых обстоятельств [7, с. 127]. Примечание к ст.ст. 337, 338 УК РФ выступает как специальное основание освобождении от уголовной ответственности при оставлении воинской части или места службы.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. N 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» под стечением тяжелых обстоятельств следует понимать объективно существовавшие на момент самовольного оставления части (места службы) неблагоприятные жизненные ситуации личного, семейного или служебного характера, воспринимавшиеся военнослужащим как негативные обстоятельства, под воздействием которых он принял решение совершить преступление. К ним могут относиться, в частности, такие жизненные обстоятельства, которые обусловливают необходимость незамедлительного прибытия военнослужащего к месту нахождения близких родственников (тяжелое состояние здоровья отца, матери или других близких родственников, похороны указанных лиц и др.) либо существенно затрудняют его пребывание в части (в месте службы) в силу различных причин (например, из-за неуставных действий в отношении военнослужащего, невозможности получить медицинскую помощь). Если тяжелые обстоятельства устранены или отпали (например, отпала необходимость ухода за близким родственником), а военнослужащий продолжает незаконно пребывать вне части (места службы), за последующее уклонение от военной службы он подлежит уголовной ответственности на общих основаниях[1].

Необходимо отметить, что при совершении преступления, имеющего признаки дезертирства, установлена повышенная уголовная ответственность, в диспозиции статьи дается указание на дезертирство с оружием, а также дезертирство, совершенное группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой, в то время как самовольное оставление части или места службы не имеет подобных квалифицирующих признаков.

Также можно выделить один из смежных составов данного преступления, предусмотренного ст. 339 УК РФ, – уклонение от исполнения служебных обязанностей путем симуляции болезни или иными способами. Для отграничения данных составов необходимо выделить различие по объективной стороне преступления. Объективная сторона такого преступления выражается в совершении преступления путем обмана с целью уклонения от исполнения воинских обязанностей кратковременно либо на постоянной основе.

Необходимо отметить, что одним из способов совершения преступления, предусмотренного ст. 339 УК РФ, является подлог документов и их использование. Однако подлог документов образует состав другого преступления. Так, в качестве примера можно рассмотреть случай, когда военнослужащий не явился своевременно к месту службы вследствие болезни, при этом представив командованию воинской части фиктивный документ о болезни, а срок его отсутствия на военной службе составлял свыше

[1] О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы : Постановление Пленума Верховного суда РФ от 03 апр. 2008 г.№ 3 // Российская газета. 2008. № 4633.

10 суток, его действия следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 327 УК РФ и ч. 3 ст. 337 УК РФ [8, с. 7].

Также возникают случаи, когда военнослужащий срочной службы путем представления фиктивных документов, убывает в краткосрочный отпуск, своим деянием образуя состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 339 УК РФ. По истечении отпуска военнослужащий возвращается в расположение части с опозданием более 2-х или 10-ти суток. В таких случаях, так как ст. 339 УК РФ не имеет указания на срок отсутствия на военной службе без уважительных причин, данное деяние следует квалифицировать по ст. 337 УК РФ.

Кроме того, необходимо отметить, что основным отличием в данных составах преступлений является продолжительность уклонения от прохождения военной службы или исполнения обязанностей. Так, ст. 337 УК РФ предусмотрена дифференциация наказания в зависимости от продолжительности уклонения, может быть назначено вплоть до лишения свободы. При этом в ст. 339 УК РФ нет указания на конкретное время отсутствия, а наказание не предусматривает лишения свободы.

Также необходимо обратить внимание, что ст. 339 УК РФ не имеет примечания, которое выступает как специальное основание для освобождения от уголовной ответственности

Можно сделать вывод о том, что преступления, предусмотренные данными статьями, носят одинаковый характер, а именно уклонение от прохождения военной службы и исполнения своих обязанностей, несмотря на то, что совершаются разными способами.

Немаловажным обстоятельством, которое следует рассмотреть, является обстоятельство, исключающее преступность деяния как исполнение приказа или распоряжения, которое раскрывается в ст. 42 УК РФ, положения которой гласят о том, что преступлением не будет являться причинение вреда охраняемым законом интересам лицом, которое действовало по обязательному для него приказу или распоряжению. Так, срок отсутствия военнослужащего при увольнении или переводе исчисляется с даты, которая указана в приказе командира части об увольнении и исключении из списков личного состава. Однако на практике нередко возникают случаи, когда увольнение осуществляется путем устного распоряжения вышестоящего офицера, например, командира роты или командира взвода, которые не обладают полномочиями для увольнения военнослужащего.

Вследствие устного распоряжения увольнение военнослужащего будет являться неправомерным, при этом квалифицировать его как самовольное нельзя, в связи с тем, что военнослужащий покидает расположение части по устному указанию офицера. Ответственность за данное деяние несет не военнослужащий, убывший из расположения воинской части, а лицо, отдавшее приказ или распоряжение.

На основании вышеизложенного, можно сделать выводы о том, что при более детальном изучении указанных составов преступления можно достаточно четко определить критерии их разграничения.

Одним из главных признаков самовольного оставления части является время, то есть преступное деяние подразумевает под собой временный характер уклонения.

Кроме того, преступления, предусмотренные ст. 337 УК РФ, имеют дополнительный объект в составе преступления. Важным моментом при самовольном оставлении части или места службы является наличие либо отсутствие уважительных причин.

Однако существуют сложности в квалификации и отграничении важнейшего объективного признака – времени. В связи с этим необходимо внести изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, а именно в ч. 4 ст. 337 УК РФ и дополнить диспозицию статьи максимальным сроком нахождения вне расположения воинской части или места службы до 90 дней.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бобраков, И.А. Уголовное право : учебник. – Саратов : Вузовское образование. – 2018. – 736 с.

2. Степаненко, Н.Е. Вопросы разграничения самовольного оставления части и дезертирства / Н.Е. Степаненко, А.Г. Русак // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2020. № 2. – С. 50–58.

3. Ахметшин, Х.М. Самовольное оставление части или места службы (научно-практический комментарий к статье 337 УК РФ) // Право в Вооруженных Силах. – 2004. – № 4. – С. 5.

4. Агильдин, В.В. Военнослужащий как субъект преступления, связанного с самовольным оставлением части или места службы / В.В. Агильдин, Е.А. Бодрова // Академический юридический журнал. – 2021. № 4. – С. 343–351.

5. Петухов, Н.А., Уколов А.Т. Преступления против порядка пребывания на военной службе // Преступления против военной службы (Военно-уголовное законодательство Российской Федерации). Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 1999. – С. 108.

6. Степаненко, Н.Е. Вопросы совершенствования уголовно-правовой нормы об ответственности за самовольное оставление места службы / Н.Е. Степаненко, В.С. Лускан // Право в Вооруженных Силах. – 2019. – № 4. – С. 77–78.

7. Блинников, А.В. Уголовное право России. Части общая и особенная : учебник. – М., 2010. – С. 127.

8. Михеенко, С.В. Отграничение самовольного оставления части или места службы от смежных составов преступлений и дисциплинарных проступков // Военно-юридический журнал. – 2009. – № 3. – С. 6–10.

REFERENCES

1. Bobrakov I.A. Crimilal law : textbook. – Saratov : University education. – 2018. – 736 P.

2. Stepanenko N.E. Issues of delimitation of unauthorized abandonment of a unit and desertion / N. E. Stepanenko, A.G. Rusak // Law in the armed forces. 2020. № 2. – P. 50 существуют сложности в квалификации и отграничении 58.

3. Ahmetshin H.M. Unauthorized abandonment of a unit or place of service (scientific and practical commentary on article 337) // Law in the armed forces. 2004. № 4. – P. 5.

4. Agildin V.V. A soldier as a subject of a crime related to the desertion of a military unit or place of service / V.V. Agildin, E.A. Bodrova // Academic Law Journal. – 2021. № 4. – P. 343 существуют сложности в квалификации и отграничении 351.

5. Petuhov N.A., Ukolov A.T. Crime against the order of stay in military service // Crimes against military service (Military criminal legislation of the Russian Federation). Scientific and practical commentary on the Criminal code of the Russian Federation. M., 1999. P. 108.

6. Stepanenko N.E. Issues of improving the criminal law norm on liability abandonment of a place of service / N. E. Stepanenko, V.S. Luskan // Law in the armed forces. 2019. № 4. P. 77 существуют сложности в квалификации и отграничении 78.

7. Blinnikov A.V. Criminal law of Russia. General and special parts : textbook. M., 2010. P. 127.

8. Miheenko S.V. Delimitation of unauthorized abandonment of a unit or place of service from related offences and disciplinary offences // Military law journal. 2009. № 3. P. 6 существуют сложности в квалификации и отграничении 10.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бодрова Елена Алексеевна, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Института юстиции. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. ORCID : 0000-0003-2257-9415.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bodrova Elena Alekseevna, A postgraduate student. Department of Criminal Law and Criminology, Institute of Justice. Baikal State University. 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003.
ORCID : 0000-0003-2257-9415.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 66–73.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3(102). P. 66–73.

12.00.08. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Научная статья
УДК: 343.2.01
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.55.29.006

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОТРАЖЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ В СОСТАВЕ ПРИМЕНЕНИЯ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ

Ермакова Ольга Владимировна
Барнаульский юридический институт МВД России, Российская Федерация, Барнаул, ermakova_alt@mail.ru

Введение: представленная статья посвящена проблемам регламентации признаков потерпевшего и общественно опасного деяния в составе применения насилия в отношении представителя власти. Автором демонстрируется абстрактность понятия представителя власти, предложенного законодателем в примечании к ст. 318 УК РФ, а также непредусмотренность отдельных категорий потерпевших. Отдельное внимание уделяется проблемам применения правил совокупности с преступлениями против общественной безопасности и общественного порядка, а также в случае причинения того или иного объема вреда здоровью.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют уголовное законодательство, а также иные законы, закрепляющие понятие и статус отдельных разновидностей представителей власти. Методологической основой исследования послужил всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений, общенаучные методы исследования (анализ и синтез, дедукция и индукция, системно-структурный и другие). Кроме того, использовались частно-научные методы познания – логико-формальный и системного анализа.

Результаты исследования: позволили представить комплексное исследование законодательной регламентации состава применения насилия в отношении представителя власти, продемонстрировать недостатки построения предписаний уголовного закона.

Выводы и заключения: проанализированные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, позволили разработать правила отражения данного деяния в нормах Особенной части УК РФ, а также представить правила квалификации при сопряженности с иными преступлениями.

Ключевые слова: представитель власти; насилие, опасное для жизни и здоровья, насилие, не опасное для жизни и здоровья; преступления против порядка управления.

© Ермакова О. В., 2022

Для цитирования: Ермакова О. В. Проблемные аспекты отражения обязательных признаков в составе применения насилия в отношении представителя власти // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 66–73.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.55.29.006

12.00.08. Criminal Law and criminology; penal law.

PROBLEM ASPECTS OF THE REFLECTION OF MANDATORY CHARACTERISTICS IN THE COMPOSITION OF THE USE OF VIOLENCE AGAINST WHEN IT COMES TO REPRESENTATIVE OF AUTHORITY

Original article

Olga V. Ermakova
Barnaul law institute military of interior of Russia, Russian Federation, Barnaul,
ermakova_alt@mail.ru

Introduction: the presented article is devoted to the problems of regulating the signs of the victim and socially dangerous act as part of the use of violence against a representative of the authorities. The author demonstrates the abstract nature of the concept of a representative of power proposed by the legislator in the note to Art. 318 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the unforeseen nature of certain categories of victims. Special attention is paid to the problems of application of the rules in conjunction with crimes against public safety and public order, as well as in the case of causing one or another amount of harm to health.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by criminal legislation, as well as other laws that fix the concept and status of certain types of government representatives. The methodological basis of the study was the universal dialectical method of cognition of social and legal phenomena, general scientific research methods (analysis and synthesis, deduction and induction, system-structural and others). In addition, private-scientific methods of cognition were used — logical-formal and system analysis.

The results of the study: made it possible to present a comprehensive study of the legislative regulation of the composition of the use of violence against a representative of the authorities, to demonstrate the shortcomings in the construction of the prescriptions of the criminal law.

Findings and Conclusions: the analyzed signs of the crime under Art. 318 of the Criminal Code of the Russian Federation made it possible to develop rules for reflecting this act in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as to present the rules for qualification when associated with other crimes.

Key words: representative of the authorities, violence dangerous to life and health, violence not dangerous to life and health, crimes against the order of government.

For citation: Ermakova O. V. Problemnye aspekty otrazhenija objazatel'nyh priznakov v sostave primenenija nasi-lija v otnoshenii predstavitelja vlasti [Problematic aspects of the reflection of mandatory characteristics in the composition of the use of violence against when it comes to representative of authority]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD

Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102), pp.66–73 (in Russ.).
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.55.29.006

Состав применения насилия в отношении представителя власти характеризуется особенностями потерпевшего, деяния, а также мотива преступного поведения.

Так, в качестве потерпевших указаны две категории лиц: представители власти и их близкие. Подобное описание признаков потерпевшего отличается от ст. 317 УК РФ более широким содержанием, поскольку сотрудники правоохранительных органов, выступающие потерпевшими в ст. 317 УК РФ, являются только одной из разновидностей представителей власти.

Несмотря на то, что понятие представителя власти законодательно закреплено в примечании к ст. 318 УК РФ, его толкование нельзя признать однозначным [3, с. 5].

Исходя из буквального смысла законодательного предписания, следует выделять три вида представителей власти:

1. Должностные лица правоохранительных органов. Подобная формулировка свидетельствует о том, что не любые представители правоохранительных органов относятся к числу потерпевших, а лишь обладающие статусом должностного лица (примечание 1 к ст. 285 УК РФ).

Само понятие сотрудника правоохранительного органа и перечень таковых в каком-либо нормативном правовом акте отсутствует. В свою очередь, в научной литературе представлены точки зрения, включающие в его содержание адвокатов, нотариусов и иных лиц, обеспечивающих права граждан. Признание потерпевшими не любых сотрудников правоохранительных органов, а лишь должностных лиц значительно сужает действие уголовно-правовой нормы, исключая возможности распространения ст. 318 УК РФ на адвокатов, которые по своему юридическому оформлению относятся к некоммерческим организациям.

Отметим, что целесообразно в рамках уголовного закона выделить подобные действия по отношению к иным представителям правоохранительных органов, не являющихся должностными, в отдельную норму УК РФ. Так, интересна квалификация насилия в отношении адвокатов:

– в случае применения насилия со стороны должностных лиц (например, следователя, оперативного работника и т.д.) к адвокату, применению подлежит ст. 286 УК РФ. Например, оперуполномоченный ГУ МВД России по СКФО К. при проведении обыска применил физическую силу, а именно нанес удар по голове адвоката С. Его действия были квалифицированы по п. «а» ч.3 ст. 286 УК РФ[1]

– в случае же наличия общего субъекта преступления квалификация проводится по общим нормам преступлений против жизни и здоровья. Принимая во внимание особый статус адвоката, принадлежность данных лиц к представителям правоохранительных органов, полагаем, следует устранить указанный законодательный пробел путем введения соответствующей нормы в УК РФ либо включения таких потерпевших в уже существующие предписания закона.

2. Должностные лица контролирующих органов.

[1] https://www.advgazeta.ru (дата обращения: 17.02.2022).

3. Иные должностные лица, наделенные распорядительными полномочиями в отношении неподчиненных.

В этой части следует отметить, что вторая и третья разновидность представителей власти вообще отличается не ясным содержанием. В частности, перечень контролирующих органов в настоящее время отсутствует. В результате, вывод о принадлежности должностного лица к контрольно-надзорным органам можно сделать только исходя из анализа нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность конкретного подразделения.

Последняя разновидность представителей власти описана в законе путем открытого перечня, оставляя правоприменителю возможность включения в данную категорию неограниченного круга лиц.

Таким образом, понятие, закрепленное в примечании к ст. 318 УК РФ, нельзя признать удачным с точки зрения однозначности изложенного предписания, в связи с чем требуется детальная проработка категорий представителей власти.

Само по себе наличие специального потерпевшего не свидетельствует об обязательности применения ст. 318 УК РФ, поскольку в соответствии со ст. 5 УК РФ провозглашен принцип субъективного вменения и ответственности лишь за те деяния, которые охватывались умыслом виновного. Следовательно, квалификация по ст. 318 УК РФ возможна только при наличии прямого умысла, содержание которого охватывает осведомленность о статусе потерпевшего.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, характеризуется таким обязательным признаком, как действие, представляющее собой насилие, не опасное для жизни и здоровья либо угроза его совершения (ч.1) и насилие опасное (ч.2).

При этом применяемое насилие должно быть связано с представителем власти служебными обязанностями. Совершение деяния по иным мотивам (например, самооборона от незаконных действий сотрудников) препятствует применению ст. 318 УК РФ.

Так, Белгородским областным судом вынесен оправдательный приговор в отношении Р., обвиняемой в применении не опасного насилия к сотруднику инспекции по делам несовершеннолетних А. Как установлено апелляционной инстанцией, Р. применила насилие в целях обороны от незаконных действий сотрудников полиции. Составленные в отношении Р. протоколы об административных правонарушениях и возбужденные производства в соответствии с этими документами прекращены[1].

По своему характеру насилие, применяемое к представителю власти, может быть физическим или психическим (угрозы), а по степени общественной опасности неопасное для жизни и здоровья и опасное.

Применительно к рассматриваемому составу содержание насилия не раскрывается. Однако следует отметить то обстоятельство, что в иных составах насилие выступает способом и разъясняется на уровне постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Например, в постановлении от 27.12.2002 г. № 29 по делам о краже, грабеже и разбое

[1] https://www.advgazeta.ru/novosti/v-apellyatsii-ustoyal-opravdatelnyy-prigovor-obvinyaemoy-v-primenenii-nasiliya-v-otnoshenii-predstavitelya-vlasti (дата обращения 17.02.2022).

в п. 21 разъясняется: под насилием, не опасным для жизни или здоровья следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы.

Возникает вопрос, образует ли состав преступления, предусмотренный ч.1 ст. 318 УК РФ действия, не повлекшие ссадины, кровоподтеки?

Полагаем, наличие каких-либо повреждений не является обязательным, следовательно, преступление имеет место даже в случаях физической боли от действий виновного, без внешних проявлений следов на теле человека.

Например, кассационным определением Верховного Суда РФ отменен оправдательный приговор в отношении П., а дело направлено на новое судебное рассмотрение. Органами следствия П. обвинялся в том, что с целью воспрепятствовать законной деятельности сотрудника органов внутренних дел попытался нанести удар участковому по голове, но последний увернулся. Суд первой инстанции указал на недоказанность применяемого насилия[1].

При наличии угрозы применения насилия (как опасного, так и неопасного) виновный реально высказывает намерение применить немедленно физическое воздействие.

Например, приговором Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 318 УК РФ. В частности, препятствуя деятельности участкового уполномоченного полиции, он высказал угрозу нанесения удара кулаком своей руки в область головы потерпевшего[2]. В этой части следует обратить внимание на недостаточное описание характера угрозы и ее реальности в приговоре. Так, исходя из представленного текста, не ясно какое насилие охватывается умыслом виновного (поскольку голова жизненно важный орган, возможно умысел направлен на насилие, опасное для жизни и здоровья). О том, что угроза имела реальный характер можно сделать вывод только на основании одной фразы о том, что потерпевший воспринимал угрозу как реально осуществимую. Полагаем, правоприменительным органам следует более детально отражать реальность высказываемой угрозы, поскольку зачастую в большинстве приговоров этот признак устанавливается формально.

Еще одним сложным вопросом квалификации выступает возможность вменения стадий неоконченного преступления применительно к составу, предусмотренному ст. 318 УК РФ.

Полагаем, что квалификация действий в качестве покушения возможна только в том случае, если лицо, имея умысел на физическое воздействие, не доводит задуманное до конца по независящим от него обстоятельствам (например, замахивается с целью нанесения удара).

В том случае, если имеет место умысел на психическое насилие, и лицо подкрепляет угрозы физическими действиями (попытками нанести удар, демонстрацией оружия или предметов), то действия квалифицируются как оконченное преступление [2, с. 95–96].

---

[1] Дело 69-007-39 от 20.09.2007 г. // https://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=181212 (дата обращения 01.09.2021).

[2] Приговор № 1-422/2020 // https://sud-praktika.ru/precedent/551828.html (дата обращения 01.09.2021).

Таким образом, различия в квалификации действий в качестве оконченного преступления в виде угроз или покушения на применение физического насилия зависит от умысла виновного лица.

Например, Е., сопротивляясь сотрудникам полиции, взял со стола в рабочем кабинете канцелярские ножницы и замахнулся ими по направлению Ф., намереваясь ударить его острием указанных ножниц. Однако по независящим от него обстоятельствам довести до конца преступный умысел не смог, поскольку последний перехватил его руку[1]. Судом дана верная квалификация действия в качестве покушения на преступление. Но в части оценки применяемого насилия как неопасного, по нашему мнению, согласиться нельзя, так как Е. применял ножницы для осуществления удара, что представляет собой опасность для жизни и здоровья.

Необходимо отметить, что применение насилия в отношении представителя власти также предусмотрено в качестве признака в ряде иных составов преступлений против общественной безопасности и общественного порядка. Так, в составе массовые беспорядки предполагают такое альтернативное действие, как вооруженное сопротивление представителю власти (ч.1 ст. 212 УК РФ). Возникает вопрос о необходимости применения правил совокупности преступлений либо определении границ конкуренции этих составов между собой.

Во-первых, обращает на себя внимание, что в ст. 212 УК РФ речь идет только о вооруженном сопротивлении. В свою очередь в составе преступления, предусмотренном ст. 318 УК РФ, наличие оружия не требуется.

Во-вторых, сам по себе термин «сопротивление» не всегда предполагает применение насилия, поскольку лексическое значение означает противодействие, несогласие, препятствия чему-либо.

Несмотря на то, что в диспозиции ст. 212 УК РФ еще одним альтернативным действием, в котором могут проявляться массовые беспорядки, названо насилие, полагаем в этой части статьи речь идет об общем потерпевшем в виде любого гражданина, так, как о представителе власти прямо упоминается только применительно к вооружённому сопротивлению.

Таким образом, состав массовых беспорядков, исходя из буквального толкования предписания закона, в одной форме деяния предполагает насилие над гражданами, не являющимися представителями власти, а в другой – вооруженное сопротивление специальным потерпевшим в виде представителей власти.

В научном сообществе отсутствует однозначная позиция о квалификации массовых беспорядков с применением насилия к представителям власти. Так, В.С. Комиссаров предлагал применять правила совокупности при причинении представителям власти тяжкого вреда здоровью (либо смерти, но тогда совокупность ст. 317 и 212 УК РФ) [4, с. 287].

Д.П. Богомолов считает необходимым вменять совокупность преступлений во всех случаях, независимо от тяжести вреда здоровью представителям власти [1].

Последняя позиция поддерживается и судебной практикой. Так, в опубликованном решении по так называемому «болотному делу» в отношении К. (в том числе

[1] Приговор №1- 201/2020 // https://resheniya-sudov4.ru/7/108205/ (дата обращения 17.02.2021).

и в связи с жалобой в Европейский Суд по правам человека), который при участии в массовых беспорядках держал полицейского за руку и пытался схватить дубинку, неоднократно ударил его по рукам, вменена совокупность ч.1 ст. 318 и ч.2 ст. 212 УК РФ[1].

Четкая направленность судов на квалификацию по совокупности наблюдается и при анализе ч.2 ст. 213 УК РФ в части хулиганства с сопротивлением представителю власти. Так, в п. 8 и 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» указывается: хулиганские действия с применением насилия (опасного и неопасного) следует квалифицировать по совокупности ст. 213 и 318 УК РФ. При этом мысль о совокупности повторяется Верховным Судом РФ три раза применительно к ситуациям совершения насилия после хулиганских действий; во время их исполнения (при сочетании хулиганских действий и сопротивления представителю власти в виде насилия); при сопротивлении иному лицу, охраняющему или пресекающему нарушение общественного порядка. В последнем случае оговаривается необходимость вменения не ст. 318 УК РФ, а общих норм преступлений против здоровья в силу отсутствия специального потерпевшего в виде представителя власти.

В этой части разъяснение Верховного Суда РФ выглядит несколько сложным для восприятия, поскольку одна и та же мысль о совокупности преступлений упоминается в разных интерпретациях.

Представленные в постановлении Пленума применительно к хулиганству положения, а также сложившаяся практика по квалификации массовых беспорядков представляются не совсем обоснованными. Так, сопоставление санкций ч.1 ст. 212 УК РФ и ст. 318 УК РФ (каждой из частей) показывает, что наказание за совершение массовых беспорядков до 15 лет лишения свободы явно превышает санкцию ч.2 ст. 318 (а ч.1 тем более) – до 10 лет лишения свободы. Соответственно, состав массовых беспорядков должен в своем содержании охватывать применение насилия (даже опасного для жизни и здоровья) и не требовать совокупность со ст. 318 УК РФ.

Иная ситуация с хулиганством, санкция за совершение которого ограничена 7-ю годами лишения свободы. Значит, при сопротивлении представителю власти с опасным насилием требуется совокупность с ч.2 ст. 318 УК РФ.

Полагаем, вопросы квалификации возникают в связи с множественностью в рамках уголовного закона дублирующих предписаний в основных и квалифицированных составах, а также отсутствием конкретизации в каждом составе объема вреда, охватываемого той или иной конструкцией. В связи с чем предлагаем, несмотря на использование формальной разновидности составов, при включении определенного объема вреда конкретизировать его характеристики в норме УК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богомолов, Д.П. Некоторые дискуссионные вопросы квалификации применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) и отграничения от сходных составов преступлений // https://wiselawyer.ru (дата обращения: 17.02.2022).

2. Ермакова, О.В. Особенности толкования и квалификации применения насилия в отношении представителя власти // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции, 20–21

[1] Постановление Президиума Верховного Суда РФ по делу №21-П21 от 14.04.2021 г. // https://sudact.ru/vsrf/doc/PqkhKbHVt8La/ (дата обращения: 17.02.2022).

октября 2021 года / отв. ред. канд. пед. наук, доц. А. Г. Чириков. – Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2021. С. 95-96.

3. Грибунов, О.П. Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти: автореф. дис....канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 5.

4. Курс уголовного права. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: Зерцало, 2002. – 662 с.

REFERENCES

1. Bogomolov D.P. Some debatable issues of qualifying the use of violence against a representative of power (Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation) and delimitation from similar offenses // https://wiselawyer.ru (Accessed: 02/17/2022).

2. Ermakova O.V. Features of the interpretation and qualification of the use of violence against a representative of the authorities // The penitentiary system today: the interaction of science and practice: materials of the XXI All-Russian scientific and practical conference, October 20–21, 2021 / ed. ed. cand. ped. Sciences, Assoc. A. G. Chirikov. - Novokuznetsk: FKOU VO Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. pp. 95-96.

3. Gribunov O.P. Criminal liability for the use of violence against a representative of the authorities: author. thesis .... Ph.D. SPb., 2003. p. 5.

4. Course of criminal law. Special Part / Ed. G.N. Borzenkova, V.S. Commissioner. ¬ M.: Zertsalo, 2002. - 662 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ермакова Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, 656062, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.
ORCID:0000-0002-4664-582X
ResearcherID: U-3132-2017

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ermakova Olga Vladimirovna, associate professor of the department of criminal law and criminology Barnaul law institute military of interior of Russia, police lieutenant colonel, candidate of law sciences, associate professor
656062, Russia, Barnaul, Chkalova, 49.
ORCID:0000-0002-4664-582X

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 74–84.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 74–84.

12.00.08. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Научная статья
УДК: 343.6
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.35.80.007

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ, СОВЕРШЕННЫХ ГРУППОЙ ЛИЦ БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СГОВОРА

Жукова София Сергеевна
Волгоградская академия МВД России, Российская Федерация, Волгоград, Sofija-zhukova@rambler.ru

Введение: в статье рассмотрены вопросы, касающиеся регламентации ответственности за причинение вреда здоровью группой лиц без предварительного сговора. Несмотря на то, что признаки института соучастия достаточно исследованы в доктрине уголовного права, правоприменительная практика иллюстрирует разные подходы к установлению объема вины соучастников при совершении ими общественно опасных деяний.

Материалы и методы: включают разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, опубликованную судебную практику о преступлениях, совершенных группой лиц без предварительного сговора. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы: анализ, обобщение, аналогия, индукция.

Результаты исследования: позволили сделать вывод об отсутствии единообразного применения норм уголовного законодательства, регламентирующих ответственность за причинение вреда здоровью, совершенное несколькими лицами без предварительного сговора.

Выводы и заключение: на основании исследования автор приходит к выводу, что причинение вреда здоровью группой лиц без предварительного сговора характеризуется специфической причинно-следственной связью. Относительно действий соисполнителя, совершенных с косвенным умыслом, необходимо квалифицировать в соответствии с нормой, регламентирующей ответственность за посягательство, повлекшее наступлению тяжкого последствия.

Ключевые слова: группа лиц, причинение вреда, причинно-следственная связь, корреляция, совместность, соучастие, умысел.

Для цитирования: Жукова С. С. Вопросы квалификации преступлений против здоровья, совершенных группой лиц без предварительного сговора // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 74–84.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.35.80.007

© Жукова С.С., 2022

12.00.08. Criminal Law and criminology; criminal executive law

Original article

ISSUES RELATED TO QUALIFICATION OF CRIMES AGAINST HEALTH COMMITTED BY A GROUP OF PERSONS WITHOUT PRIOR COLLUSION

Sofiya S. Zhukova, Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia, Russian Federation, Volgograd, Sofija-zhukova@rambler.ru

Introduction: The given article deals with the issues related to the liability regulation for doing harm to human health by a group of persons without having previous conspiracy. Despite the fact that the features of the institution of complicity have been sufficiently examined in the context of the doctrine of criminal law, law enforcement practice displays different approaches related to establishing the extent of guilt of accomplices while their committing socially dangerous acts.

***The Materials and Methods*:** include interpretations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, published legal precedents on crimes committed by a group of persons without having previous conspiracy. The methodological basis of the given research was formed by general scientific methods such as analysis, generalization, analogy, induction method**.**

The results of the study: made the author conclude that there is no uniform application of the norms of the criminal legislation to regulate the liability for doing harm to human health committed by several persons without having previous conspiracy.

Findings and Conclusions: based on the given research the author of the article infers that doing harm to human health by a group of persons without having previous conspiracy is characterized by specific causal relationship. With regard to the actions of the co-executor committed with indirect intent, it is necessary to qualify them in accordance with the norm to regulate the liability for an encroachment that led to grave harm.

Key words: a group of persons, doing harm, causal relationship, correlation, conformity, complicity, intent.

For citation: Zhukova S. S. Voprosy kvalifikacii prestuplenij protiv zdorov'ja, sovershennyh gruppoj lic bez predvaritel'nogo sgovora [Issues related to qualification of crimes against health committed by a group of persons without prior collusion]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102), pp.74–84 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.35.80.007

Обеспечение прав и свобод человека представляется одним из приоритетных направлений уголовной политики Российской Федерации. На расширенном заседании коллегии МВД России от 3 марта 2021 года министром внутренних дел России

В.А. Колокольцевым отмечено снижение количества совершенных преступлений, посягающих на здоровье человека[1]. Несмотря на эффективность государственных мер и достаточное количество норм, регламентирующих ответственность за насильственное посягательство, в частности ст.ст. 111, 112, 115 УК РФ, до сих пор вопрос о правовой оценке данных деяний не утратил своей актуальности. Наибольший интерес представляет квалификация деяний, совершенных группой лиц без предварительного сговора, которая в некоторых случаях обусловливает неоднозначную правовую оценку посягательств.

Единая структура уголовного законодательства Российской Федерации указывает на взаимосвязь содержания понятия «соучастие» с его формами совместной деятельности нескольких лиц, подлежащих уголовной ответственности. Необходимо отметить, что при анализе института соучастия юридическая форма не универсальна, она представляет собой внешнее выражение содержания и в силу этого зависима от него. Для всех форм соучастия родовым понятием является «группа». С филологической точки зрения под группой понимается совокупность нескольких лиц, объединенных общностью интересов, профессии, деятельности [1, с. 147]. Однако необходимо различать группу лиц как базовое понятие института соучастия и группу лиц как форму соучастия. Как родовое понятие преступная группа характеризуется всеми признаками, характерными соучастию: 1) участие двух или более лиц, признаки которых отражены в ст.ст. 20, 21 УК РФ; 2) совместная деятельность; 3) причинная связь между действиями соучастников и 4) наступившими преступными последствиями (для материальных составов преступлений); 5) осознание совершения умышленного преступления в соучастии, выраженного в форме прямого или косвенного умысла. Неслучайно каждая форма соучастия выражается законодателем через данную дефиницию. Вместе с тем группе лиц, закрепленной в ч. 1 ст. 35 УК РФ, присущи все признаки соучастия, однако она не является базовым для последующих его форм. Таким образом, группа лиц без предварительного сговора должна соответствовать содержанию данного понятия, обладая всеми соответствующими признаками соучастия, отраженными в ст. 32 УК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении участвовали два или более исполнителей без предварительного сговора. Такая форма соучастия характеризуется наличием множественности исполнителей, непосредственно осуществляющих объективную сторону состава преступления в полном или частичном объеме. Одним из важных факторов признания совершения преступления группой лиц без предварительного сговора является учет временных границ осуществления объективной стороны состава преступления. Присоединение соисполнителей должно осуществляться к уже начавшемуся, но еще не окончившемуся посягательству. Объективно выраженным признаком данной формы соучастия является отсутствие сговора, исключающее возможность согласовывать действия до совершения преступления. Согласно статистическим данным МВД России за

[1] Расширенное заседание коллегии МВД России [Электронный ресурс] Президент России : официальный сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/ (дата обращения 12.08.2021).

2021 год, количество зарегистрированных преступлений, совершенных группой лиц без предварительного сговора, снизилось на 22,1 %[1].

В правоприменительной деятельности наибольшую сложность вызывает установление объективных и субъективных признаков соучастия, в частности при квалификации деяний нескольких лиц, направленных на причинение вреда здоровью. Рассмотрим два примера с неоднозначной уголовно-правовой оценкой. Согласно кассационному определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, действия М.В. Кишковского, М.Н. Костеши и Д.В. Кишковского квалифицированы по п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ. В решении суда отмечено отсутствие единого умысла у данных лиц на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшему. Заключение судебно-медицинской экспертизы свидетельствует о причинении вреда здоровью различного характера каждым подсудимым. Так, В.М. Кишковский нанес удары по телу, не повлекшие вреда здоровью; М.Н. Костеша нанесла удар ножом в ногу, повлекший легкий вред здоровью. Кроме того, она предоставила орудие преступления (деревянную палку) Д.В. Кишковскому, который нанес потерпевшему удары в область головы, повлекшие тяжкий вред здоровью. При данных обстоятельствах действия осужденных переквалифицированы с п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ: В.М. Кишковского на ч. 1 ст. 116 УК РФ, М.Н. Костеши на ч. 5 ст. 33 ч. 1 ст. 111 и ч. 1 ст. 115 УК РФ, Д.В. Кишковского на ч. 3 ст. 111 УК РФ[2].

Рассмотрим другой пример. По приговору Калужского районного суда Калужской области А.И. Лосев и Б.В. Жданович осуждены за совершение преступления в составе группы лиц, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ. В решении суда отмечено, что на почве личных неприязненных отношений А.И. Лосев нанес потерпевшему не менее двух ударов в область грудной клетки, не менее одного удара в область шеи и головы. Далее А.И. Лосев предложил Б.В. Ждановичу принять участие в причинении вреда здоровью потерпевшему. Действуя совместно Б.В. Жданович нанес последнему не менее двух ударов в область грудной клетки и ребер. В результате совместных действий подсудимых потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью[3].

Приведенные примеры судебной практики иллюстрируют неоднозначную реакцию со стороны правоохранительных органов на преступление против здоровья, совершенных группой лиц без предварительного сговора. Согласно субъективному вменению, ответственность исполнителей предусматривается за причинение того вреда, к нанесению которого стремился каждый исполнитель (ст. 5 УК РФ). Некоторыми авторами отмечается, что указанный принцип реализуется посредством принципа вины, но

---

[1] Министерство внутренних дел РФ [Электронный ресурс] : официальный сайт. – URL: https://мвд.рф (дата обращения 10.02.2022).

[2] Кассационное определение от 12 апреля 2011 года № 56-О11-6 Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.03.2021).

[3] Приговор Калужского районного суда Калужской области от 29 июля 2020 года № 1-338/2020 [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/EGOd88JYzaQx/ (дата обращения 10.03.2021).

не ограничивается только этим элементом состава преступления [2, с. 99]. Соответственно, соблюдение правоприменителями принципа субъективного вменения в некоторых случаях сопровождается рядом сложностей, вызванных определением психологического отношения виновных лиц к совершенному преступлению или наступившим последствиям. Согласимся с мнением Т.С. Коваленко, что психологическое отношение необходимо рассматривать «как восприятие субъектом происходящего в действительности, неразрывно связанное с эмоциями личности, сопутствующими совершению деяния, которое в последующем оценивается обществом с точки зрения соответствия социальным нормам» [3, с. 20].

Взаимодополняющие действия лиц, которые совершены в соучастии, являются причиной наступления единого преступного результата. Наличие единого умысла на совершение конкретного преступления и умышленного психического отношения лиц к совместным деяниям и наступившим последствиям указывает на неслучайное двойное указание на умысел в определении соучастия. Опираясь на буквальное толкование понятия «соучастие» правоприменители усматривают возможность совершения соисполнителями преступления с косвенным умыслом. Например, Белгородским областным судом А.И. Надырбабаев и Х.Х. Юсупов осуждены за совершение преступлений, предусмотренных п. «д», «ж», «з» ч. 2 ст. 105, п. «б», «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Отмечено, что действия подсудимых, выразившиеся в нанесении множественных (не менее 33) ударов потерпевшей, в том числе 11 – в область головы, свидетельствуют об осознании виновными общественной опасности своих действий и предвидении возможности наступления общественно-опасных последствий – смерти потерпевшей, а также о сознательном допущении данных последствий, то есть действиях с косвенным умыслом[1].

Направленность умысла каждого соисполнителя к наступившим последствиям в некоторых случаях характеризуется различной степенью. В настоящее время в доктрине уголовного права не достигнуто консенсуса относительно вида умысла посягательства, совершенного в соучастии. При многообразии точек зрения разделяем мнение ряда ученых, которые усматривают возможность соучастия не только с прямым умыслом, но и с косвенным [4, с. 18]. При этом отличительной чертой деятельности организатора и подстрекателя преступления является невозможность безразличного отношения к наступившим последствиям. Интеллектуальный элемент вины указанных соучастников характеризуется только осознанием общественной опасности совершенного совместного деяния и предвидением определенных деяний соучастников; волевой момент – желанием совершения конкретного деяния. В то время как в деятельности исполнителя и пособника цель совершения преступления может выходить за рамки умысла иных соучастников. Соответственно при совершении преступления исполнителем или пособником интеллектуальный элемент умысла характеризуется осознанием участвующими лицами общественной опасности совершенного совместного деяния и

[1] Приговор Белгородского областного суда от 21 августа 2020 года № 2-3/2020 [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/BRwVv71G6LWX/?regular-txt=косвенный+умысел&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1614538311389&snippet_pos=3596#snippet (дата обращения 01.09.2021).

предвидением возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий. Волевой момент отражает или желание наступления данных последствий, или сознательное допущение их наступления либо безразличное к ним отношение. Таким образом, при совместном причинении вреда здоровью соисполнители могут не желать наступления тяжкого последствия, однако сознательно допускать его наступления и предвидеть результат, который формируется в результате общих усилий [5, с. 274]. Согласимся с мнением А.Ю. Ширяева, что в условиях совместных насильственных посягательств необходимо применение принципа ответственности за умышленную поддержку более тяжкого преступления [6, с. 74].

Данный факт объясняется тем, что субъективная составляющая совместности как признака соучастия, предполагает взаимодополняющие деяния, находящиеся в причинно-следственной связи с причинением единого общественно опасного последствия. Некоторые ученые отмечают, что субъективная составляющая совместности характеризуется определенной психологической общностью [7, с. 40] и психологической связью между соучастниками [8, с. 103]. В доктрине уголовного права мнения по вопросу особенностей субъективной связи между лицами существенно разнятся. Однозначного ответа на вопрос, какой должна быть субъективная связь между соучастниками: односторонней или двусторонней, в доктрине нет. Согласимся с позицией А.И. Рарога о невозможности соучастия с односторонней субъективной связью, поскольку правовой институт подразумевает умышленную совместную деятельность, т.е. согласованную [7, с. 123]. Каждый соучастник должен осознавать, что преступный результат достигается совместными усилиями всех лиц. В некоторых случаях на данный факт указывают правоприменительные органы. Так, А.Е. Хоманов и Е.А. Сорокин, действуя совместно и согласовано группой лиц, применяя насилие, напали на ФИО1 и умышленно нанесли руками и ногами множество, не менее 114, ударов по голове, туловищу, верхним и нижним конечностям потерпевшего. Своими действиями виновные лица причинили ФИО1 средний вред здоровью. Согласно судебному решению каждым виновным выполнялась активная роль в совершении противоправных совместных посягательств, каждый из них выполнил объективную сторону единого преступления. Указанные деяния А.Е. Хоманова и Е.А. Сорокина квалифицированы в соответствии с п. «г» ч. 2 ст. 112 УК РФ[1].

По мнению Д.А. Безбородова, совместность отличается внутренней и внешней направленностью. Внутренняя характеризует степень организованности, а внешняя – функциональные особенности участников [9, с. 11]. Преступления в соучастии совершаются в реальной действительности, где наступление конкретных, объективных результатов не зависит от воли и желания индивида. При совместном совершении преступления, направленного на причинение вреда здоровью группой лиц, каждым соисполнителем вносится самостоятельный вклад, который выступает фактором наступления преступного результата. Вследствие этого необходимо отметить причинно-следственную корреляцию между совместными действиями соучастников и наступившим

[1] Приговор Ашинского городского суда Челябинской области от 12 мая 2020 года № 1-34/2020 [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/VsG9p1RMJk1j/ (дата обращения 10.03.2021).

единым результатом. Корреляционная связь между соисполнителями отражает изменчивость наступления результата при совершении действий одним лицом, находящегося в зависимости от другого лица.

На общественную опасность совершения преступления влияет не само участие в нем нескольких лиц, а возможность наступления более тяжких последствий при совместной деятельности. Каждый из соучастников группы лиц совершает разнородные по степени общественной опасности деяния, чье влияние на результат по отдельности может быть ничтожно. Однако при совместных действиях степень влияния усиливается. В этой связи придерживаемся точки зрения Б.Р. Аветисяна и В.Б. Батоева, что соучастники несут уголовную ответственность за единое и неделимое преступление, совершенное совместно [10, с. 20]. Однозначные последствия трансформируются в одно из возможных для непосредственного объекта состояния, в частности наступление наиболее тяжкого последствия. Таким образом, можно говорить о корреляционной взаимосвязи между совместным деянием и преступным результатом. Наступление тяжкого результата представляется закономерным, поскольку действия соучастника являются частью единой системы, приводящей к общему преступному последствию.

Не случайно в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27.01.1999 № 1 отмечено, что убийство необходимо признавать совершенным группой лиц вне зависимости от того, кем были причинены повреждения, повлекшие смерть (п. 10) [1]. Согласимся с мнением Г.В. Назаренко, что виновное лицо не задумывается об общественной опасности своего деяния, а осознается фактический характер и его неправомерность, с целью удовлетворения собственных потребностей [2, с. 101]. Одним из соучастников при совместном совершении преступления возможно причинение наименьшего вреда здоровью потерпевшего, однако при продолжении им совершения посягательства виновный относится безразлично к своим деяниям или сознательно допускает причинения тяжкого последствия другим соисполнителем. Например, согласно приговору Забайкальского краевого суда С.А. Козин осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ, К.А. Соболев осужден по п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ в апелляционном определении отмечено, что К.А. Соболев нанес удары ножом по ногам и туловищу потерпевшего, причинив тяжкий вред здоровью последнего. После чего уступил роль С.А. Козину, который причинил потерпевшему черепно-мозговую травму, повлекшую смерть потерпевшего. При этом К.А. Соболев наблюдал за действиями С.А. Козина и не пытался предотвратить убийство. Таким образом К.А. Соболев создал соучастнику условия для совместного совершения убийства. Судом указано, что прекращение одним из соучастников активных действий по причинению смерти нельзя признать добровольным отказом от преступления, если подобные действия продолжались другим соисполнителем и не было предпринято попыток предотвращения преступления. Ошибочная квалификация действий виновных лиц обусловили отмену

[1] О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 03.09.2021).

приговора нижестоящего суда и передачу уголовного дела на новое рассмотрение[1].

Вместе с тем необходимо учитывать фактическую роль каждого лица при совместном совершении преступлений. При квалификации посягательства, направленного на причинение вреда здоровью, совершенного несколькими лицами, два или более лица должны выполнить полностью или частично объективную сторону состава преступления. Таким образом, для квалификации деяний, совершенных группой лиц, не требуется причинение тяжкого вреда здоровью каждым соисполнителем [11, с. 7]. Аналогичной позиции придерживаются Д.А. Безбородов, отметивший, что при различном характере и степени участия соучастников в посягательстве присутствует наличие единой причины наступления общественно опасного последствия [9, с. 16].

С учетом вышеизложенного, ответственность за совершение преступлений группой лиц без предварительного сговора, посягающих на здоровье личности, характеризуются спецификой субъективного признака состава преступления (вины). При совершении совместного преступления, направленного против здоровья личности, направленность одного из исполнителей может характеризоваться косвенным умыслом. Данное лицо сознательно соглашается с действиями другого соисполнителя и допускает наступление тяжкого последствия либо относится к ним безразлично. Деяние, совершенное лицом с косвенным умыслом, в процессе совместного выполнения объективной стороны состава преступления является фактором закономерного изменения последствий (наступления вероятного результата). В соответствии с этим даже незначительный вклад соисполнителя при причинении вреда здоровью выступает причиной наступления единого результата.

Кроме того, одним из средств дифференциации уголовной ответственности является конструирование квалифицированных составов преступления с усилением санкций. Анализ дифференциации уголовной ответственности за групповое совершение преступления, посягающего на здоровье человека, позволяет сделать вывод, что групповой способ отражен вне зависимости от уровня общественной опасности различных форм соучастия (совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой). В большинстве случаев совершение преступления группой лиц отражено в качестве квалифицирующего признака. И только в одном составе данный вариант группового совершения преступлений закреплен в качестве особо квалифицирующего признака (ч. 3 ст. 111 УК РФ). При этом мотивы такого решения законодателя не вполне понятны. Так, применительно к статье 112 УК РФ групповое совершение данного преступления и его совершение из хулиганских побуждений образуют квалифицированный состав причинения вреда здоровью средней тяжести. Применительно к ст. 111 УК РФ причинение тяжкого вреда здоровью

[1] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 декабря 2019 года № 72-АПУ19-13 [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/ZQNjOyktiq5N/?vsrf-txt=были+причинены+каждым+из+них&vsrf-case_doc=&vsrf-lawchunkinfo=Статья+105.+Убийство%28УК+РФ%29&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1634137137578&snippet_pos=3360#snippet (дата обращения 10.08.2021).

из хулиганских побуждений образует квалифицированный состав, а групповое совершение данного преступления – особо квалифицированный.

К сожалению, в настоящее время конструирование санкций за групповое совершение преступлений отличается бессистемностью и непоследовательностью. Это особенно наглядно видно при сравнительном анализе санкций основных и квалифицированных составов преступлений, посягающих на один и тот же объект. Так, в основных составах преступлений, предусмотренных ст. 112 и 117 УК РФ, верхний предел санкций одинаковый – три года лишения свободы. Данные деяния относятся к преступлениям небольшой тяжести. Однако преступление, предусмотренное п. «г» ч. 2 ст. 112 УК РФ, относится к категории средней тяжести (лишение свободы на срок до пяти лет), а преступление, предусмотренное п. «е» ч. 2 ст. 117 УК РФ, является тяжким преступлением (лишение свободы на срок от трех до семи лет).

С целью установления единого подхода к дифференциации уголовной ответственности за совершение преступления представляется необходимым указанные способы посягательства закреплять в качестве квалифицирующего признака состава преступления. Данное отражение группового способа совершения преступления обусловит соблюдение правил формально-логического конструирования уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за совершение группового преступления, посягающего на здоровье личности.

Вместе с тем с принятием Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» был исключен нижний предел санкций за ряд преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких. В пояснительной записке к данному законопроекту подчеркивалось, что «суду предоставляется возможность проявлять более дифференцированный подход при назначении наказания за преступления указанных категорий»[1].

В уголовном законодательстве, регламентирующем ответственность за групповое совершение преступления, посягающего на здоровье личности, в большей степени в санкциях указан только максимальный размер наказания. Так, за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью группой лиц (п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ) в качестве основного вида наказания предусмотрено лишение свободы на срок до двенадцати лет. Неопределенность границ наказания обусловливает расширение судебного усмотрения, которое возникает в связи с индивидуализацией и дифференциацией ответственности. Поддерживаем точку зрения В.В. Намнясевой, отметившей, что «расширение судейского усмотрения способствует принятию судьями неправосудных решений, причиняющих ущерб интересам правосудия и государства в целом, формально не нарушая норм ни материального, ни процессуального законодательства» [12, с. 232]. Полагаем, что значительный диапазон между нижним (2 месяца) и верхним (12 лет) пределами наказания нарушает принцип справедливости. При действующем варианте построения санкций некоторых уголовно-правовых норм дифференциация ответственности фактически утрачивает свое предназначение.

[1] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» № 463704-5 [Электронный ресурс]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/463704-5 (дата обращения 10.08.2021).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 938 с.

2. Назаренко, Г.В. Содержательный и законодательно-технический аспекты принципа субъективного вменения (вины) в уголовном праве России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – №2 (50). – С. 97–104.

3. Коваленко, Т.С. Принцип субъективного вменения и проблемы его реализации в преступлениях с двумя формами вины : дис. канд. юрид. наук. – Владивосток, 2016. – 212 с.

4. Шарапов, Р.Д. Соучастие в преступлении и иные формы совместной преступной деятельности: закон, теория, практика : учебное пособие / Р. Д. Шарапов, Д. А. Безбородов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2019. – 167 с.

5. Энциклопедия уголовное право: Соучастие в преступлении. Т. 6. 2-е изд. / С.С. Аветисян, Е.А. Галактионов, Р.Р. Галиакбаров, Л.Д. Ермакова и др. – Санкт-Петербург : Издание профессора Малинина, 2011. – 592 с.

6. Рарог, А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. – М.: ООО «Профобразование», 2001. – 134 с.

7. Бурчак, Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / отв. ред.: Лановенко И.П. – Киев: Наук. думка, 1969. – 216 с.

8. Бурчак, Ф.Г. Соучастие : социальные, криминологические и правовые проблемы. – Киев: Вища шк., 1986. – 208 с.

9. Безбородов, Д.А. Методологические основы учения об уголовной ответственности за совместное преступное деяние: автреф док. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2007. – 33 с.

10. Аветисян, Б.Р. Соучастие при организации и проведении азартных игр вне игорных зон / Б.Р. Аветисян, В.Б. Батоев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2016. – № 1(76). – С. 20–29.

11. Гарбатович, Д.А. Вопросы квалификации причинения вреда здоровью группой лиц / Д.А. Гарбатович, Д.В. Сумский // Уголовное право. – 2014. – № 6. – С. 4–10.

12. Намнясева, В.В. Понятие и пределы судейского усмотрения // Современные проблемы уголовной политики : материалы VI Международной научно-практической конференции. – Краснодар: КрУ МВД России, 2015. – С. 231–236.

REFERENCE

1. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova; Russian Academy of Sciences. V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language. - 4th ed., supplemented. – Moscow: Azbukovnik, 1999. – 938 p.

2. Nazarenko G.V. Substantive, Legislative and Technical Aspects of the Principle of Subjective Imputation (Guilt) in the Criminal Law of Russia // Legal Science and Practice: Vestnik of the Nizhny Novgorod Academy of the Interior Ministry of Russia. – 2020. – № 2 (50). – P. 97–104.

3. Kovalenko T.S. Principle of Subjective Imputation and Problems of its Implementation in Crimes with Two Forms of Guilt: Dis. of Candidate of Juridical Sciences. – Vladivostok, 2016. – 212 p.

4. Sharapov R.D. Complicity in a Crime and Other Forms of for Co-operative Criminal Activity: Law, Theory, Practice: Textbook / R.D. Sharapov, D.A. Bezborodov. – St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2019. – 167 p.

5. Encyclopedia of Criminal Law: Complicity in a Crime. V. 6. 2nd Ed. / S.S. Avetisyan, Ye.A. Galaktionov, R.R. Galiakbarov, L.D. Yermakova and others. – St. Petersburg: Edition by Professor Malinin, 2011. – 592 p.

6. Rarog A.I. Subjective Aspect and Qualification of Crimes. – M.: «Profobrazovaniye» Limited Liability Company, 2001. – 134 pp.

7. Burchak F.G. Doctrine of Complicity in the Soviet Criminal Law / Resp. Ed: Lanovenko I.P. – Kiev: Nauk. Dumka, 1969. – 216 pp.

8. Burchak F.G. Complicity: Social, Criminological and Legal Issues. – Kiev: Vischaya Shkola, 1986. – 208 pp.

9. Bezborodov D.A. Methodological Foundations of the Doctrine of Criminal Liability for Co-operative Criminal Act: Author's Abstract of Doctor of Juridical Sciences. – St. Petersburg, 2007. – 33 pp.

10. Avetisya B.R. Complicity in the organization and gambling out of gambling zones / B.R. Avetisya, V.B. Batoev // Vestnik Eastern Siberia institute of the Ministry of the interior of the Russian Federation. – 2016. – № 1(76). – P. 20–29.

11. Garbatovich D.A. Issues to Qualify Harm to Human Health by a Group of Persons / D.A. Garbatovich, D.V. Sumsky // Criminal Law. – 2014. – № 6. – pp. 4–10.

12. Namnyaseva V.V. The concept and limits of judicial discretion // Modern problems of criminal policy : materials of the VI International Scientific and Practical Conference. – Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. – pp. 231–236.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жукова София Сергеевна, преподаватель кафедры уголовного права УНК по ПС в ОВД. Волгоградская академия МВД России, 400075, Россия, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.
ORCID: 0000-0002-4671-1540

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sofiya S. Zhukova, Lecturer at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia. St. Istoricheskaya, 130, Volgograd, Russia. 400075.
ORCID: 0000-0002-4671-1540

Статья поступила в редакцию 08.11.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 08.11.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 85–94.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 85–94.

**12.00.08 Уголовное право и криминология.
Уголовно-исполнительное право.**

Научная статья
УДК: 343.97
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.23.55.008

МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДЕМОНСТРАТИВНО-ПРОТЕСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ ДИАЛОГА В РАМКАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ И ПРОТЕСТУЮЩИХ

Ильин Илья Сергеевич
Управление Министерства внутренних дел России по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга, Российская Федерация, Санкт-Петербург, isilyin@yandex.ru
Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация, Санкт-Петербург, isilyin@yandex.ru

Введение: в статье рассматривается альтернативная силовому подавлению тактика коммуникативного, диалогового взаимодействия полиции и участников массовых акций. Практическая технология диалога между полицией и участниками публичных мероприятий апробирована в зарубежной практике в деятельности подразделений диалоговой полиции (Швеция, Германия), которая играет роль связующего звена между полицейским руководством и организаторами демонстраций до, во время и после проведения публичного мероприятия.

Материалы и методы: формально-логический, системный, структурно-функциональный и другие общенаучные методы исследования, а также научные методы аналогии, поиск закономерностей, сравнительного правоведения.

Выводы и заключения: Российское законодательство и предупредительная практика содержат существенные резервы для развития диалоговых тактик в деятельности полиции. Последовательное воплощение предписаний п. 1 ч. 3 ст. 14 Федерального закона от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» требует: а) обязательного назначения уполномоченного представителя органов внутренних дел для каждого публичного мероприятия; б) назначения не одного, а нескольких лиц, уполномоченных на взаимодействие между участниками публичной акции и органами власти, организующих и поддерживающих диалог между ними до, во время и после мероприятия; в) развития штата таких сотрудников и их специализированной подготовки (это может стать основой для формирования специальных подразделений полиции); г) конкретизации нормативного положения об «оказании содействия» в ведомственных актах, определение и тиражирование позитивного опыта предупреждения правонарушений во время проведения публичных мероприятий посредством диалоговых техник.

© Ильин И.С., 2022

Ключевые слова: протест, последствия, профилактика, предупреждение, преступление, безопасность, личность, диалог, обсуждение, переговоры.

Для цитирования: Ильин, И.С. Меры предупреждения демонстративно-протестной преступности, связанные с функционированием диалога в рамках взаимодействия полиции и протестующих / И.С. Ильин // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 85–94.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.23.55.008

12.00.08. Criminal Law and criminology; criminal executive law

Original article

MEASURES TO PREVENT DEMONSTRATIVE PROTEST CRIME RELATED TO THE FUNCTIONING OF THE DIALOGUE WITHIN THE FRAMEWORK OF INTERACTION BETWEEN THE POLICE AND PROTESTERS

Ilya S. Ilyin
Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Krasnogvardeisky district Saint Petersburg, Russian Federation, Saint Petersburg, isilyin@yandex.ru
Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Russian Federation, Saint Petersburg, isilyin@yandex.ru

Introduction: This article deals with the tactics of communicative, interactive interaction between the police and participants in mass actions, alternative to forceful suppression. The practical technology of dialogue between the police and participants in public events has been tested in foreign practice in the activities of the dialogue police units (Sweden, Germany), which plays the role of a link between the police leadership and the organizers of demonstrations before, during and after public events.

***The materials and methods*:** ormal-logical, systemic, structural-functional and other general scientific methods of research, as well as scientific methods of analogy, search for patterns, comparative law.

The results of the study: Russian legislation and preventive practice contain significant reserves for the development of dialogue tactics in the activities of the police. Consistent implementation of the requirements of paragraph 1 of part 3 of Art. 14 of the Law "On meetings, rallies, demonstrations, marches and pickets" requires: a) the mandatory appointment of an authorized representative of the internal affairs bodies for each public event; b) appointment of not one, but several persons authorized to interact between the participants of the public action and the authorities, organizing and maintaining a dialogue between them before, during and after the event; c) development of the staff of such officers and their specialized training, which can become the basis for the formation of special police units; d) specifying the normative provision on “assistance” in departmental acts, identifying and replicating the positive experience of preventing offenses during public events through dialogue techniques.

Keywords: protest, consequences, prevention, prevention, crime, security, personality, dialogue, discussion, negotiations.

For citation: Ilyin I. S. Mery preduprezhdenija demonstrativno-protestnoj prestupnosti, svjazannye s funk-cionirovaniem dialoga v ramkah vzaimodejstvija policii i protestujushhih [Measures to prevent demonstrative-protest crime related to the functioning of the dialogue within the framework of interaction between the police and protesters]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102), pp. 85–94 (in Russ.).
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.23.55.008

Превентивные меры, направленные на предотвращение и пресечение демонстративно-протестных преступлений, в силу принципа системности профилактики, должны базироваться на стратегии специальной профилактики и развивать ее основные идеи применительно к условиям динамично меняющейся ситуации протеста.

В связи с этим представляется, что в рамках теоретического исследования, достаточно схематично, они могут быть сгруппированы в несколько основных блоков, один из которых, предусматривающий функционирование диалога в рамках взаимодействия полиции и протестующих, рассмотрен в настоящей статье.

Специалисты правы, когда пишут, что «интересы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации диктуют необходимость учета своеобразия протестных акций в политической сфере, а также преступлений экстремистской направленности, совершаемых в ходе проведения данных акций, что, в свою очередь, обязывает совершенствовать деятельность органов внутренних дел Российской Федерации в этой сфере» [1, с.109].

Такое «совершенствование» – крайне непростая в теоретическом и практическом отношении проблема. Исследователи замечают: «Центральной проблемой для правительств является принятие решения о том, как реагировать на массовые протесты. Это сложный вопрос, который включает в себя суждения о том, что можно и нужно сделать. Способность полиции или вооруженных сил сдерживать протесты в разных странах неодинакова. И даже если потенциал для подавления протестов существует, он должен быть тщательно развернут. Неосторожное применение силы может вызвать негативную реакцию среди политически влиятельных избирателей. Это также может нарушить права на собрания и свободу слова, гарантированные Всеобщей декларацией прав человека и национальными конституциями. С другой стороны, есть риск дать слишком много свободы разгневанной толпе» [2]. Отсюда – закономерный вывод о том, что взаимодействие сил правопорядка и протестующих не может и не должно строится по одной, раз и навсегда избранной линии, оно должно быть гибким и дифференцированным, учитывающим особенности самого протеста, а также специфику социальной, экономической, политической ситуации в стране, характер взаимоотношений населения и полиции и целый ряд иных факторов.

Непосредственная реакция полиции и иных сил правопорядка на поведение протестующих всегда привлекает повышенное внимание общественности и имеет широкий резонанс. Отношение населения к действиям полиции во время протестных акций

во многом проецируется на общее отношение властей к инакомыслию и оппозиции, и уже только поэтому может иметь как профилактический, так и криминогенный эффект. В этой связи от действий полиции в каждой конкретной ситуации в целом зависят перспективы взаимоотношений общества и государства, населения и власти, различных социальных групп.

Один из ключевых вопросов, который возникает в связи с формированием полицейской стратегии реагирования на протесты, состоит в восприятии протестов самими полицейскими, и в восприятии полиции протестующими. Будет ли полиция рассматривать поведение толпы как протест или как преступление, имеет важные последствия для определения характера ее реакции в континууме, переходящем от коммуникации и взаимодействия до подавления и репрессий [3, с.145–164; 4, с.377–388]. В той же степени важно, будут ли протестующие воспринимать полицию как «рычаг государственной власти», призванный сохранить тот порядок вещей, против которого выступают участники акций протеста, и тем самым ассоциировать полицию с объектом протеста, либо же они будут воспринимать полицию как объективную силу, стоящую на защите прав человека, в том числе и от возможных или мнимых притеснений со стороны отдельных органов государственной власти.

Один из аспектов, «разводящих» полицию и протестующих по разные стороны, и тем самым усиливающий эффект противостояния, в том числе физического противостояния между ними, – сопоставительная ценность права на протест и права на порядок, их иерархическая представленность в сознании протестующих и полицейских. Есть все основания полагать, что ценности правопорядка в сознании представителей полиции превалируют над ценностью права на протест, в то время как в сознании протестующих, напротив, право на протест занимает ведущее место. Такое ценностное противостояние выступает, на наш взгляд, основным противоречием, определяющим полицейскую стратегию предупреждения демонстративно-протестной преступности. От того, насколько будет «сглажено» само это противоречие, зависит баланс коммуникативной и репрессивной тактики поведения полиции.

Сегодня ситуация не только в России, но и в иных странах такова, что основной вектор поведения полиции явно или неявно направлен на силовое противостояние и сдерживание протестующих, что объясняется укоренившимся стереотипом восприятия всех протестующих как нарушителей общественного спокойствия, девиантов, «чужих» в терминологии криминологии экстремизма. Такой стереотип со всей очевидностью должен быть преодолен [5, с.302], а право граждан на протест должно занять достойное место в иерархии ценностных ориентаций представителей сил правопорядка.

Это обстоятельство служит необходимым условием для корректировки курса полицейского участия в предупреждении демонстративно-протестной преступности и расширения коммуникативных тактик. Существенные возможности для этого предоставляет методологическая платформа «диалог» [6, с. 342–353].

Функционирование диалога в рамках взаимодействия полиции и протестующих является ценной стратагемой для сохранения общественного спокойствия. Связь между полицией и участниками (прежде всего, организаторами) протестов создает возможности для согласованных договоренностей, которые устанавливают параметры и ожидания поведения толпы, ограничивают сюрпризы и устанавливают некоторый

порядок. Хотя диалог и не является панацеей от всех возможных столкновений полиции и протестующих, в интересах как полиции, так и протестующих содействовать мирному протесту посредством содержательного диалога, когда это возможно [7, с. 83–104].

Практическая технология диалога между полицией и протестующими (и любыми иными демонстрирующими) уже многократно апробирована в зарубежной практике. Один из наиболее известных примеров здесь являет работа шведской диалоговой полиции. Специальное подразделение шведской полиции появилось в 2003 году, во многом как реакция на столкновения сил правопорядка и антиглобалистов во время саммита ЕС в Гетеборге в 2001 году. Впоследствии диалоговая практика была взята на вооружение другими странами. О создании диалоговой полиции активно говорят в Казахстане [8] и Белоруссии [9].

Деятельность диалоговой полиции является одним из элементов подхода, получившего название «Специальная тактика Шведской национальной полиции», которая основывается на принципах диалога, де-эскалации и бесконфликтности. Диалоговая полиция играет роль связующего звена между полицейским руководством и организаторами демонстраций до, во время и после проведения публичного мероприятий. Это долгосрочная работа по установлению устойчивого доверия, достижению последовательности и транспарентности действий полиции. Диалоговая полиция решает важную задачу, информируя демонстрантов о том, как полицейские операции обеспечивают безопасность и мирный характер протестов. Она также определяет границы дозволенного, дабы избежать ущерба здоровью индивида и крупномасштабных беспорядков.

Главное в работе диалоговых полицейских – взаимное уважение, чтобы обеспечить всем сторонам возможность реализации прав на свободу собраний и свободу высказывания, которые им гарантирует Конституция страны. Доказано, что если представители правопорядка общаются с представителями толпы в открытой и дружелюбной манере, уровень враждебности оказывается намного ниже, чем если бы сохранялась дистанция, отсутствовало неформальное взаимодействие, демонстрировалась подозрительность к собравшимся и т.п. [10].

Диалоговое предупреждение демонстративно-протестной преступности включает в себя ряд тактических приемов и средств, связанных с учетом психологии толпы, в целях профилактики наиболее агрессивных ее действий и предотвращения эскалации общественного недовольства.

Социально-психологические исследования выявляют ряд значимых особенностей толпы, которые могут быть использованы в деле предупреждения противоправных действий.

В толпе человек во многом утрачивает свойство индивидуальности, подчиняясь массовым настроениям и инстинктам, во многом утрачивает чувство персональной ответственности за собственные действия. Это вдохновляющее чувство вседозволенности и безнаказанности составляет важное условие массовидных действий. Вернуть участнику протестной акции, участнику толпы ощущение индивидуальности и чувство личной ответственности, обособить его от толпы в качестве «единицы» на психологи-

ческом уровне возможно за счет использования приемов *деанонимизации.* Суть их состоит в том, чтобы участник толпы, прежде всего наиболее активный и агрессивный, во-первых, убедился в том, что его деяния отчетливо фиксируются, и во-вторых, чтобы он сам смог увидеть свое поведение «со стороны». Достичь этого можно различными способами: агенты с фотоаппаратами или блокнотами, находясь в толпе, могут откровенно фиксировать самых активных индивидов; на крышах окружающих зданий могут быть размещены хорошо заметные камеры, на место проведения акции могут быть высланы мобильные группы телерепортеров, на электронных экранах, используемых в рекламных целях, могут транслироваться действия участников толпы и т.д. Демонстративные действия агентов фиксации правонарушений и беспорядков (с проверенными путями ухода от опасности) способствуют возвращению идентичности индивидам в толпе и снижению коллективного эффекта [11, с. 47–48].

Толпа имеет свою хронологию развития, отражающую переход от рациональных действий участников массовых акций к бессознательным действиям массы. Такое «превращение» может происходить спонтанно, т.е. без чьего-либо сознательного намерения, но может быть спровоцировано умышленно. Пока в группе преобладают нормативные отношения, она сглаживает агрессивные и экстремистские настроения своих членов и принимает более взвешенные решения; когда же начинают преобладать свойства толпы, мышление радикализируется. «У человека, охваченного эмоциональным кружением, повышается восприимчивость к импульсам, источник которых находится внутри толпы и резонирует с доминирующим состоянием, и одновременно снижается восприимчивость к импульсам извне. Соответственно усиливаются барьеры против всякого рационального довода. Поэтому в такой момент попытка воздействовать на массу логическими аргументами может оказаться несвоевременной и просто опасной. Здесь необходимы другие приемы, адекватные ситуации» [11, с. 24–25]. *На использовании свойства «превращаемости» группы людей в толпу строятся по большей части приемы манипуляции толпой с теми или иными целями. Следовательно, рациональные доводы и приемы, обращенные к разуму, способные «отрезвить» протестующих на первоначальных стадиях развития массовой акции, могут не сработать в момент, когда группа трансформировалась в толпу, утратив свойства рациональности и индивидуальности ее членов.*

Толпа как таковая не обладает позиционно-ролевой структурой и в процессе эмоционального заражения гомогенизируется. «Вместе с тем в толпе часто образуется свой параметр неоднородности, связанный с неравномерной интенсивностью циркулярной реакции. География толпы (особенно отчетливо фиксируемая при аэрофотосъемке) определяется различием между более плотным *ядром* и разреженной *периферией.* В ядре аккумулируется эффект эмоционального кружения, и оказавшийся там сильнее испытывает его влияние. Поэтому психологическое воздействие на толпу извне мы обычно рекомендуем нацеливать на периферию, внимание которой легче переключается. Для воздействия же изнутри агентам следует проникнуть в ядро, где гипертрофированы внушаемость и реактивность» [11, с. 39].

Эти и некоторые иные социально-психологические особенности толпы могут и должны учитываться в работе специальных полицейских подразделений (диалоговой полиции), представители которой (следуя шведской опыту – без оружия, специальной

экипировки и зачастую даже без официальной формы, лишь со специальными знаками распознавания) способны, признавая и уважая право граждан на мирный протест, обеспечить надежную коммуникацию протестующих и власти в их взаимных интересах и прежде всего в интересах предотвращения беспорядков, насилия и нарушений общественного спокойствия.

Российское законодательство и практика содержат существенные резервы в части развития диалоговых тактик. Согласно ст. 14 Закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», по предложению органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления, начальник органа внутренних дел, в обслуживании которого находится территория (помещение), на которой (в котором) планируется проведение публичного мероприятия, обязан назначить уполномоченного представителя органа внутренних дел в целях оказания организатору публичного мероприятия содействия в обеспечении общественного порядка и безопасности граждан. Назначение указанного представителя оформляется распоряжением начальника органа внутренних дел.

Обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, инициатива назначения специального уполномоченного со стороны полиции исходит от органов исполнительной власти или местного самоуправления, что само по себе существенным образом ограничивает возможности специального использования диалоговых технологий в работе полиции. И, во-вторых, что более важно, полномочия представителя органов внутренних дел, установленные законном, не содержат по большому счету предпосылок для реализации диалоговые техники.

Уполномоченный представитель органа внутренних дел, согласно закону, имеет право:

1) требовать от организатора публичного мероприятия объявления о прекращении допуска граждан на публичное мероприятие и самостоятельно прекратить допуск граждан на мероприятие в случае нарушения предельной нормы заполняемости территории (помещения);

2) требовать от организатора и участников публичного мероприятия соблюдения порядка, его организации и проведения;

3) по просьбе организатора публичного мероприятия удалять с места его проведения граждан, не выполняющих законных требований организатора публичного мероприятия, в том числе по соблюдению порядка его организации и проведения.

Он обязан:

1) оказывать содействие в проведении публичного мероприятия в пределах своей компетенции;

2) обеспечивать совместно с организатором публичного мероприятия и уполномоченным представителем органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления общественный порядок и безопасность граждан, а также соблюдение законности при его проведении.

Компетенция уполномоченного представителя органа внутренних дел, как видим, имеет подчеркнуто контролирующий, надзирающий, пресекающий характер. Общее положение об «оказании содействия в проведении публичного мероприятия»

законом не наполнено конкретным содержанием, не раскрывается оно и в ведомственных нормативных правовых актах.

Полагаем, между тем, что положения п. 1 ч. 3 ст. 14 Закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» следует рассматривать в качестве важной основы для развития диалоговых тактик предупреждения правонарушений в деятельности полиции во время проведения массовых публичных мероприятий. Их последовательное выполнение требует: во-первых, обязательного назначения уполномоченного представителя органов внутренних дел для каждой протестной акции и каждого публичного мероприятия; во-вторых – назначения не одного, а нескольких лиц, уполномоченных на взаимодействие между участниками публичной акции и органами власти, организующих и поддерживающих диалог между ними до, во время и после мероприятия; в-третьих – развития штата таких сотрудников и их специализированной подготовки, что может стать основой для формирования специальных подразделений полиции; в-четвертых, конкретизации нормативного положения об «оказании содействия» в ведомственных актах, определение и тиражирование позитивного опыта предупреждения правонарушений во время проведения публичных мероприятий посредство диалоговых техник.

Как уже было отмечено, диалог полиции с протестующими и участниками иных массовых мероприятий не является единственно возможной линией поведения правоохранительных сил. Он эффективен лишь там и тогда, где и когда возможно его применение: до того момента, пока участники массовых акций действуют рационально, и до того момента, пока массовые выступления сохраняют мирный характер.

Когда же массовая акция выходит за пределы рационального, группа протестующих трансформируется в толпу, а их поведение приобретает эмоциональный, импульсивный, агрессивный, характер, тактика диалога, если и сохраняет свое значение, то в крайне ограниченных масштабах. В такой ситуации на передний план предупредительной тактики полиции должны выйти иные приемы и средства, в том числе включающие в себя силовое противостояние и подавление агрессии толпы, которые будут нами рассмотрены в последующих работах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Омаров, Э.О. Пресечение преступлений экстремистской направленности, совершаемых в ходе протестных акций // Закон и право. – 2019. – № 3. – С. 109.

2. Roberts, A. (2011). Crowd Control: Economic Disruption and the Regulation of Mass Protest. Legal Studies Research Paper Series. Suffolk University Law School. Boston, Massachusetts. URL: http://ssrn.com/abstract=1963881

3. Earl, J., and Soule, S.A. (2006). Seeing Blue: A Police-Centered Explanation of Protest Policing. Mobilization, Vol. 11, № 2, pp. 145 – 164;

4. Wood, L.J. (2007). Breaking the Wave: Repression, Identity and the Seattle Tactics. Mobilization, Vol. 12, № 4, pp. 377 – 388.

5. Хотя стоит отметить, что даже в специальных научных сочинениях основные рекомендации по организации деятельности полиции во время массовых беспорядков и протестных акций исходят именно из этой, силовой предпосылки. См., например: Предупреждение преступности в России / под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: ВНИИ МВД России, 2014. – С. 302.

6. Пудовочкин, Ю.Е. Диалог как платформа предупреждения экстремизма: теоретические предпосылки и препятствия для использования в России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 4 (95). – С. 342 – 353.

7. Baker, D. (2013). Police and protester dialog: Safeguarding the peace or ritualistic sham? International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice, Vol. 38, № 1, pp. 83 – 104.

8. Внедрение подразделения «диалоговой полиции» обсудили в Алматы. URL: https://24.kz/ru/news/social/item/339914-vnedrenie-podrazdeleniya-dialogovoj-politsii-obsudili-v-almaty (дата обращения: 15.06.2021).

9. Тактика диалога вместо разгона демонстраций. Шведский опыт. URL: https://spring96.org/ru/news/86956 (дата обращения: 15.06.2021).

10. Тактика диалога вместо разгона демонстраций. Шведский опыт. URL: https://spring96.org/ru/news/86956 (дата обращения: 15.06.2021).

11. Назаретян, А.П. Психология стихийного массового поведения: учеб. пособ. – 3-е изд., доп. – М.: Юрайт, 2021. – С. 47 – 48.

REFERENCES

1. Omarov E.O. Presechenie prestuplenij ekstremistskoj napravlennosti, sovershaemyh v hode protestnyh akcij // Zakon i pravo. – 2019. – № 3. – pp. 109.

2. Roberts,A. (2011). Crowd Control: Economic Disruption and the Regulation of Mass Protest. Legal Studies Research Paper Series. Suffolk University Law School.Boston, Massachusetts. URL: http://ssrn.com/abstract=1963881

3. Earl,J., and Soule, S.A. (2006). Seeing Blue: A Police-Centered Explanation of Protest Policing. Mobilization, Vol. 11, № 2, pp. 145 – 164.

4. Wood,L.J. (2007). Breaking the Wave: Repression, Identity and the Seattle Tactics.Mobilization, Vol.12, № 4, pp.377 – 388.

5. Hotya stoit otmetit', chto dazhe v special'nyh nauchnyh sochineniyah osnovnye rekomendacii po organizacii deyatel'nosti policii vo vremya massovyh besporyadkov i protestnyh akcij iskhodyat imenno iz etoj, silovoj predposylki. Sm., naprimer: Preduprezhdenieprestupnosti v Rossii / pod red. YU.M. Antonyana. – M.: VNII MVD Rossii, 2014. 302 p.

6. Pudovochkin YU.E. Dialog kak platform preduprezhdeniya ekstremizma: teoreticheskie predposylki i prepyatstviya dlya ispol'zovaniya v Rossii // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. – 2012. –№4 (95). – pp. 342 – 353.

7. Baker,D. (2013). Police and protester dialog: Safeguarding the peace or ritualisticsham? International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice,Vol.38, № 1, pp. 83 – 104.

8. Vnedrenie podrazdeleniya «dialogovoj policii» obsudili v Almaty. URL: https://24.kz/ru/news/social/item/339914-vnedrenie-podrazdeleniya dialogovoj-politsii-obsudili-v-almaty (data obrashcheniya: 15.06.2021).

9. Taktika dialoga vmesto razgona demonstracij. SHvedskij opyt. URL: https://spring96.org/ru/news/86956 (data obrashcheniya: 15.06.2021).

10. Taktika dialoga vmesto razgona demonstracij. SHvedskij opyt. URL: https://spring96.org/ru/news/86956 (data obrashcheniya: 15.06.2021)

11. Nazaretyan A.P. Psihologiya stihijnogo massovogo povedeniya: ucheb. posob. – 3-e izd.,dop. –M.: YUrajt, 2021. – pp. 47 – 48.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Ильин Илья Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент. Начальник Управления Министерства внутренних дел России по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга. 195176, Санкт-Петербург, Краснодонская, 14.
Доцент кафедры правоведения. Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 199034, Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., 57/43.
orcid: 0000-0003-1362-0519

INFORMATION ON AUTHOR
I. S. Ilyin, kandidat of Law, Associate Professor. Head of the department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Krasnogvardeisky district, Saint Petersburg. 195176, Saint Petersburg, Krasnodonskaya, 14.
Associate professor of Law at Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of the National Economy Public Administration Public Administration. 199034, Saint Petersburg Middle Avenue V.O., 57/43.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 13.09.2022.
orcid: 0000-0003-1362-0519

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 95–108.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 95–108.

12.00.08. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Научная статья
УДК: 343.21
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.92.36.009

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОДКУП АРБИТРА (ТРЕТЕЙСКОГО СУДЬИ) В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Косыгин Всеволод Евгеньевич
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация, vsevolod.kosygin97@mail.ru

Введение: в статье рассматривается зарубежный опыт регламентации уголовной ответственности за подкуп арбитра (третейского судьи). Выделяется четыре группы государств в зависимости от правовой семьи: романо-германские, англосаксонские, социалистические и мусульманские. Исследуется уголовное законодательство: ФРГ, Франции, Великобритании, США, КНР и ОАЭ.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образует уголовное законодательство зарубежных стран в части регламентации ответственности за подкуп арбитра (третейского судьи). Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, сравнительно-правовой метод, приемы анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: обобщен зарубежный опыт правового регулирования уголовной ответственности за подкуп арбитра (третейского судьи).

Выводы и заключения: уголовно-правовые нормы об ответственности за подкуп арбитра (третейского судьи) предусмотрены во многих государствах. В зависимости от правовой семьи, в которую входит государство, выявлены разные подходы к регламентации уголовной ответственности за подкуп арбитра (третейского судьи). В государствах романо-германской правовой семьи (ФРГ, Франция) предусмотрены специальные статьи (части статей), посвященные именно арбитрам (третейским судьям), а в государствах англосаксонской правовой семьи (Великобритания, США) уголовная ответственность арбитра (третейского судьи) предусмотрена общими законами, предусматривающими ответственность за взяточничество должностных лиц. Обусловлено это включением или, напротив, не включением, третейских судов в судебную систему государства. В государствах социалистической правовой семьи (КНР) уголовной ответственности за подкуп арбитра (третейского судьи) не предусмотрено. Однако в КНР установлена уголовная ответственность за принятие арбитром заведомо незаконного решения вопреки фактам в арбитражном судопроизводстве (ст. 399-1 УК КНР). В государствах мусульманской правовой семьи (ОАЭ) на сегодняшний день уголовная ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи) отсутствует. Между тем до 2018 года такая ответственность имела место.

© Косыгин В.Е., 2022

Ключевые слова: подкуп арбитра (третейского судьи), получение выгоды, взятка, оплата деятельности третейского судьи, вынесение неправосудного решения, арбитраж (третейское разбирательство), арбитр (третейский судья), третейские суды, зарубежный опыт, сравнительно-правовой анализ.

Для цитирования: Косыгин, В.Е. Уголовная ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи) в уголовном законодательстве зарубежных стран / В.Е. Косыгин // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 95–108.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.92.36.009

12.00.08. Criminal Law and criminology; criminal executive law

Original article

CRIMINAL LIABILITY FOR BRIBING AN ARBITRATOR IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Vsevolod E. Kosygin
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation, vsevolod.kosygin97@mail.ru

Introduction: the article examines the foreign experience in the regulation of criminal liability for bribery of an arbitrator (arbitrator). There are four groups of states, depending on the legal family: Romano-Germanic, Anglo-Saxon, socialist and Muslim. Criminal legislation is being investigated: Germany, France, Great Britain, USA, China and UAE.

Materials and Methods: the normative basis of the study is formed by the criminal legislation of foreign countries regarding the regulation of liability for bribery of an arbitrator (arbitrator). The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as the methods of logical deduction, induction, the comparative legal method, methods of analysis, generalization and description.

The results of the study: summarized foreign experience of legal regulation of criminal liability for bribery of an arbitrator (arbitrator).

Findings and Conclusions: criminal law provisions on liability for bribery of an arbitrator (arbitrator) are provided in many states. Depending on the legal family, which includes the state, different approaches to the regulation of criminal liability for bribery of an arbitrator (arbitrator) have been identified. In the states of the Romano-Germanic legal family (Germany, France) there are special articles (parts of articles) dedicated specifically to arbitrators (arbitrators), and in the states of the Anglo-Saxon legal family (Great Britain, USA), the criminal liability of an arbitrator (arbitrator) is provided for by general laws, providing for liability for bribery of officials. This is due to the inclusion, or, on the contrary, not including, arbitration courts in the judicial system of the state. In the states of the socialist legal family (China), there is no criminal liability for bribery of an arbitrator (arbitrator). However, in the PRC, criminal liability has been established for an arbitrator of a knowingly illegal decision contrary to the facts in arbitration proceedings (Art. 399-1 of the Criminal Code of the China). In the states of the Muslim legal family (UAE), today there is no criminal liability for bribery of an arbitrator (arbitrator). Meanwhile, until 2018, such responsibility took place.

Key words: bribery of an arbitrator (arbitrator), obtaining a benefit, bribe, payment for the arbitrator's activities, making an unjust decision, arbitration (arbitration), arbitrator (arbitrator), arbitration courts, foreign experience, comparative legal analysis.

For citation: Kosygin V.E. Ugolovnaja otvetstvennost' za podkup arbitra (tretejskogo sud'i) v ugolovnom zako-nodatel'stve zarubezhnyh stran [Criminal liability for bribery of an arbitrator in the criminal legislation of foreign countries]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102), pp.95–108 (in Russ.).
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.92.36.009.

В мировой практике уголовная ответственность третейских судей – явление не новое. Так, можно выделить следующие государства, предусмотревшие уголовную ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи): Австрия, Великобритания, Германия, Греция, Испания, Молдова, США, Туркменистан, Украина, Франция, Южная Корея.

Не преследуя цель рассмотреть все возможные государства, остановимся лишь на некоторых из них.

Для целей настоящего исследования целесообразным будет разделить государства в зависимости от правовой семьи на четыре группы: государства романо-германской правовой семьи, государства англосаксонской правовой семьи, социалистические и мусульманские государства.

I. Государства романо-германской правовой семьи

ФРГ

В Уголовном уложении ФРГ есть следующие составы преступлений, предусматривающие ответственность за подкуп третейского судьи: получение выгоды (абз. 2 § 331), получение взятки (абз. 2 § 332), предоставление выгоды (абз. 2 § 333), дача взятки (абз. 2 § 334) [1, с. 443–447].

Состав преступления, предусмотренный абз. 2 § 331, сформулирован так: «Судья, член Европейского суда или третейский судья, требующие получение выгоды для себя или третьего лица, получают соответствующее обещание или принимают эту выгоду в качестве встречного обязательства за то, что они совершили или совершат в будущем судейское действе». Наказывается это деяние лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом. Покушение наказуемо.

Абзац 2 § 332 УУ ФРГ сформулирован аналогичным абз. 2 § 331 УУ ФРГ образом, однако после слов «совершат в будущем судейское действие» добавляется: «и тем самым нарушили или нарушат свои судейские обязанности». Судя по санкции абз. 2 § 332, Уголовное уложение ФРГ разграничивает получение взятки в более тяжких (лишение свободы на срок от одного года до десяти лет) и менее тяжких случаях (лишение свободы от шести месяцев до пяти лет или денежный штраф). «Менее тяжкие случаи» – это, как представляется, нечто иное, чем привилегированный состав получения взятки. Получение выгоды (абз. 2 § 331) наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом. Покушение наказуемо.

В абз. 2 § 333 и абз. 2 § 334 УУ ФРГ содержатся зеркально сформулированные по отношению к рассмотренным выше составам преступления, составы активного подкупа третейского судьи (предоставление выгоды и дача взятки).

Согласно абз. 2 § 333 УУ ФРГ: «Тот, кто предлагает, обещает или предоставляет судье, члену суда Европейского союза или третейскому судье выгоду для него или третьего лица в качестве встречного обязательства за то, что он совершил или совершит в будущем судейское действие», наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом.

В абз. 2 ст. § 334 УУ ФРГ после слов «за то, что он» добавляется: «1) совершил судейское действие и тем самым нарушил свои судейские обязанности или 2) совершит в будущем судейское действие и тем самым нарушит свои судейские обязанности». В первом случае наказывается деяние лишением свободы на срок от трех месяцев до пяти лет. Во втором – лишением свободы на срок от шести месяцев до пяти лет (покушение наказуемо).

Уголовное уложение ФРГ в § 335 предусматривает «Особо тяжкие случаи получения и дачи взятки», то есть квалифицированный состав получения и дачи взятки.

Параграф 337 УУ ФРГ содержит важное разъяснение: «Оплата деятельности третейского судьи является только в том случае выгодой в контексте § 331–335, если третейский судья требует, получает соответствующее обещание или принимает ее от одной процессуальной стороны за спиной другой процессуальной стороны, или если одна процессуальная сторона ему ее предлагает, обещает или предоставляет за спиной другой процессуальной стороны».

Рассмотренные преступления находятся в разделе 30 УУ ФРГ «Должностные преступные деяния». «Охраняемым правовым благом применительно к рассмотренным преступлениям является защита доверия общественности в безупречность представителей государственной власти и в объективность принимаемых ими решений» [1, с. 444].

Следует отметить различия в архитектонике уголовных законов ФРГ и РФ. В УУ ФРГ нет структурной единицы (раздела, главы), которая была бы посвящена преступлениям в сфере экономической деятельности (в УК РФ – это глава 22). Между тем есть разделы, посвященные отдельным разновидностям экономических преступлений (раздел 8 «Фальшивомонетчество и подделка знаков оплаты», раздел 21 «Укрывательство и скупка краденого» (только в части скупки краденого), раздел 24 «Преступные деяния, связанные с несостоятельностью», раздел 25 «Наказуемая корысть»). Иными словами, преступления в сфере экономической деятельности в УУ ФРГ «разбросаны» по разным разделам, а не сгруппированы в рамках одного раздела (главы), как это имеет место в УК РФ.

Предметом получения выгоды (абз. 2 § 331 УУ ФРГ) и получения взятки (абз. 2 § 332 УУ ФРГ) является выгода. Предметом подкупа арбитра (третейского судьи) (ст. 200^7 УК РФ) являются деньги, ценные бумаги, иное имущество, услуги имущественного характера и имущественные права. В этой связи можно отметить, что в УК РФ предмет аналогичного преступления (подкупа арбитра) сформулирован более полно и конкретно.

Специальный состав § 331 УУ ФРГ предусматривает уголовную ответственность за мздоимство, то есть пассивный подкуп посредством требования специальным субъектом деяния получения выгоды, получения соответствующего обещания или принятия выгоды за исполнение своих служебных обязанностей. Параграф 331 УУ ФРГ представляет собой деликт абстрактной опасности [9, с. 446].

Состав должностного коррупционного преступного деяния пассивного взяточничества, то есть получения взятки в контексте § 332 УУ ФРГ является специальным, поскольку адресован специальному субъекту, указанному в абзацах 1 и 2 и в § 335a УУ ФРГ [1, с. 444].

В отличие от составов мздоимства к неправомерному сговору в рамках составов взяточничества предъявляются особые требования о конкретном действии должностного лица, связанном с получением выгоды и нарушающим его служебные обязанности [1, с. 444].

Субъективная сторона рассматриваемых преступлений характеризуется виной в форме прямого умысла. Обязательным признаком состава этого преступления является наличие у подкупающего цели (абз. 2 § 333 и абз. 2 § 334 УУ ФРГ) побудить судью, члена суда Европейского союза или третейского судью совершить определенные действия в его интересах, а у подкупаемого (абз. 2 § 331 и абз. 2 § 334 УУ ФРГ) наличие корыстного мотива. Субъективная сторона подкупа арбитра (третейского судьи) (ст. 200^7 УК РФ) также характеризуется виной в форме прямого умысла и наличием у подкупающего цели побудить арбитра (третейского судью) совершить действия (бездействие) в его интересах, а у подкупаемого – наличием корыстного мотива.

Субъектами получения выгоды (абз. 2 § 331 УУ ФРГ) и получения взятки (абз. 2 § 332 УУ ФРГ) являются судья, член суда Европейского союза или третейский судья. Субъектом же пассивного подкупа арбитра (третейского судьи) (ч. 5-8 ст. 200^7 УК РФ) выступают только арбитры (третейские судьи).

Выводы:

1) по-разному понимается объект преступления. УУ ФРГ объектом (охраняемым благом) получения выгоды (абз. 2 § 331), получения взятки (абз. 2 § 332), предоставления выгоды (абз. 2 § 333), дачи взятки (абз. 2 § 334) признает веру общественности в безупречность представителей государственной власти и в объективность принимаемых ими решений, а УК РФ объектом подкупа арбитра (третейского судьи) (ст. 200^7 УК РФ) – общественные отношения, обеспечивающие установленный законом порядок осуществления арбитража (третейского разбирательства). В УУ ФРГ рассмотренные преступления относятся к должностным преступлениям, а в УК РФ – к преступлениям в сфере экономической деятельности;

Предмет преступлений также отличается. В УУ ФРГ он сформулирован более лаконично (выгода), в отличие от УК РФ, где предмет определяется путем перечисления объектов гражданских прав (деньги, ценные бумаги и т.д.);

2) субъектный состав в УУ ФРГ применительно к пассивному подкупу шире (судья, член суда Европейского союза, третейский судья), нежели в УК РФ, где субъектом пассивного подкупа выступает только арбитр (третейский судья).

Франция

Уголовная ответственность за подкуп арбитра предусмотрена в ст. 434-9, 435-4 УК Франции.

В абз. 1 ст. 434-9 УК Франции речь идет о деянии, совершенном каким-либо магистратом, присяжным заседателем или любым другим лицом, заседающим в каком-либо судебном органе, арбитром или экспертом, приглашенным либо судом, либо сторонами, или лицом, на которое судебной властью возложена обязанность примирения или посредничества, выразившемся в прямом или косвенном требовании или принятии, без законных на то оснований, подношений, обещаний, подарков, презентов или

каких бы то ни было преимуществ за совершение (воздержание от совершения) какого-либо действия, входящего в круг его обязанностей. Наказывается деяние десятью годами тюремного заключения и штрафом в размере одного миллиона франков[1].

Абзац 2 ст. 434-9 УК Франции предусматривает активный подкуп арбитра, который состоит в деянии, совершенном в любой момент, выразившемся в уступке требованиям лица, указанного в предыдущем абз. 1 этой статьи, или в предложении подношений и т.д. с целью добиться от одного из этих лиц совершения или воздержания от совершения какого-либо действия, входящего в круг его обязанностей. Наказывается деяние так же, как и пассивный подкуп.

Уголовный кодекс Франции специально предусмотрел в подотделе II «Об активной коррупции лиц, принадлежащих к иностранным государствам, иным, нежели государства – члены Европейского союза, и к публичным международным организациям, иным, нежели учреждения европейских сообществ» отдела II Главы V уголовную ответственность иностранных арбитров (ст. 435-4 УК Франции).

Обращает на себя внимание, что активный и пассивный подкупы арбитра французский законодатель уравнял в общественной опасности, что является редкостью. Как правило, действия арбитра признают обладающими более высокой общественной опасностью, чем действия подкупающего.

Уголовно-правовые нормы, предусматривающие пассивный (абз. 1 ст. 434-9 УК Франции) и активный (абз. 2 ст. 434-9 УК Франции) подкупы арбитра, расположены в главе IV УК Франции «О посягательствах на отправление правосудия».

Предметом рассматриваемых преступлений являются подношения, подарки, презенты или какие бы то ни было преимущества.

Объективная сторона пассивного подкупа арбитра (абз. 1 ст. 434-9 УК Франции) состоит в прямом или косвенном требовании или принятии, без законных на то оснований, предмета подкупа за совершение (воздержание от совершения) какого-либо действия, входящего в круг его обязанностей. Объективная сторона активного подкупа арбитра (абз. 2 ст. 434-9 УК Франции) состоит в уступке требованиями лица или в предложении предмета подкупа.

Субъективная сторона пассивного подкупа арбитра (абз. 1 ст. 434-9 УК Франции) характеризуется виной в форме прямого умысла и наличием корыстного мотива. Субъективная сторона активного подкупа арбитра (абз. 2 ст. 434-9 УК Франции) характеризуется виной в форме прямого умысла и наличием цели – добиться от арбитра (магистрата, присяжного заседателя и т.д.) совершения или воздержания от совершения какого-либо действия, входящего в круг его обязанностей.

Субъектами пассивного подкупа арбитра (абз. 1 ст. 434-9 УК Франции) являются магистрат, присяжный заседатель, любое другое лицо, заседающее в каком-либо судебном органе, арбитр, эксперт, то есть субъект специальный. Субъект активного подкупа арбитра (абз. 2 ст. 434-9 УК Франции) – общий (любое лицо, отвечающее требованиям Общей части УК Франции).

Показателен пример из французской судебной практики, наглядно демонстрирующий рассматриваемые преступления. Так, коллегия арбитров в составе трех судей, действуя в рамках фиктивного арбитражного учреждения, рассмотрела экономический

[1] Уголовный кодекс Франции // Российский правовой портал: библиотека Пашкова. URL: https://constitutions.ru/?p=25017 (дата обращения: 21.11.2021).

спор и вынесла итоговое решение, не проведя при этом ни одного слушания и сфальсифицировав протоколы судебных заседаний [2]. Суд большой инстанции Страсбурга приговорил арбитров к тюремному заключению, штрафу, а также обязанности возместить ущерб потерпевшей стороне.

Выводы:

1) нормы о подкупе арбитра в УК Франции размещены в главе IV «О посягательствах на отправление правосудия». В УК РФ, как уже отмечалось, подкуп арбитра (третейского судьи) посягает на отношения в сфере экономической деятельности (видовой объект).

Предметом подкупа арбитра в УК Франции являются подношения, подарки, презенты или какие бы то ни было преимущества. Предмет подкупа арбитра в УК Франции шире, чем в УК РФ;

2) круг субъектов пассивного подкупа в УК Франции шире, чем в УК РФ.

II. Государства англосаксонской правовой семьи

В странах англосаксонской правовой семьи статус арбитра приравнен к статусу государственного судьи [3, с. 41; 4, с. 222; 5, с. 395].

Великобритания

В Англии действует Закон об арбитраже 1996 г.[1] Согласно п. 1 ст. 29 «Иммунитет арбитра» данного Закона, «арбитр не несет ответственность за любые действия или бездействие при исполнении или предполагаемом исполнении своих функций в качестве арбитра, если только действие или бездействие не было доказано как недобросовестное».

Вместе с тем в Великобритании действует Закон 2010 г. «О взяточничестве»[2] (далее – Закон «О взяточничестве»), который предусматривает ответственность за дачу взятки другому лицу (ст. 1) и преступления, связанные с получением взятки (ст. 2). Отдельно предусматривается дача взятки гражданскому служащему иностранного государства (ст. 3 Закона «О взяточничестве»).

По смыслу ст. 1 Закона «О взяточничестве» лицо (взяткодатель) подлежит ответственности в случае совершения преступного деяния любого из двух видов деяния. Первая разновидность деяния заключается в предложении, гарантировании или предоставлении взяткодателем финансовой или иной выгоды другому лицу. При этом взяткодатель должен предполагать, что данная выгода (1) побудит другое лицо осуществить заведомо незаконное исполнение служебной обязанности или действие либо (2) послужит для вышеуказанного лица (взяткополучателя) вознаграждением за заведомо незаконное исполнение служебной обязанности или действие (ч. 2 ст. 1 Закона «О взяточничестве»). Вторая разновидность деяния состоит в предложении, гарантировании или предоставлении финансовой или иной выгоды другому лицу. При этом взяткодатель должен знать или предполагать, что принятие другим лицом (взяткополучателем)

---

[1] Arbitration Act 1996 // URL: https://arbitration.ru/upload/iblock/a23/uk-arbitration-act-1996.pdf (дата обращения: 08.12.2021).

[2] Закон Великобритании 2010 «О взяточничестве» // URL: https://www.nornickel.ru/files/ru/corporate_documents/others/Zakon_Velikobritanii_O_bor_be_so_vzyatochnichestvom._UK_Bribery_Act.pdf (дата обращения: 17.12.2021).

выгоды как таковое является заведомо незаконным исполнением служебной обязанности или действием (ч. 3 ст. 1 Закона «О взяточничестве»).

Закон «О взяточничестве» уравнивает данные деяния, независимо от того, совершены они лично или через посредника (ч. 5 ст. 1).

По смыслу ст. 2 Закона «О взяточничестве» лицо (взяткополучатель) подлежит ответственности в случае совершения любого из четырех предусмотренных видов преступных деяний. Первый вид – взяткополучаетель требует, соглашается получить или получает финансовую или иную выгоду, при этом он предполагает, что получение такой выгоды повлечет заведомо незаконное исполнение служебной обязанности или действие (взяткополучателем или другим лицом). Второй – взяткополучатель требует, соглашается получить или получает финансовую или иную выгоду, и требование, согласие получить или получение финансовой или иной выгоды как таковое является заведомо незаконным исполнением служебной обязанности или действием (ч. 2 ст. 2 Закона «О взяточничестве»). Третий – взяткополучатель требует, соглашается получить или получает финансовую или иную выгоду в качестве вознаграждения за заведомо незаконное исполнение служебной обязанности или действие (взяткополучателем или другим лицом) (ч. 3 ст. 2 Закона «О взяточничестве»). Четвертый – принимая во внимание планируемое или осуществляемое взяткополучателем предъявление требования, дачу согласия получить или получение финансовой или иной выгоды, заведомо незаконное исполнение служебной обязанности или действие осуществляется взяткополучателем или другим лицом по требованию, с согласия или молчаливого согласия взяткополучателя (ч. 4 ст. 2 Закона «О взяточничестве»).

В ч. 6 ст. 2 Закона «О взяточничестве» поясняется, что указанные четыре разновидности деяний признаются совершенными независимо от того, через кого именно требуется, достигается соглашение получить или получается выгода – лично или через посредника, а также независимо от того, кто является выгодоприобретателем – взяткополучатель или другое лицо.

Уголовно-правовые нормы, предусматривающие дачу взятки (ст. 1 Закона «О взяточничестве») и получение взятки (ст. 2 Закона «О взяточничестве»), отнесены Законом «О взяточничестве» к связанным со взяточничеством преступным деяниям неограниченного круга лиц. Объектом преступлений (дачи и получения взятки) являются общественные отношения, обеспечивающие интересы государственной службы, так как арбитры приравниваются в Великобритании к государственным судьям. Именно поэтому в Законе «О взяточничестве» нет специального состава преступления, который был бы посвящен именно арбитрам.

Предметом преступлений (дачи и получения взятки) является финансовая или иная выгода.

Объективная сторона:

– дачи взятки (ст. 1 Закона «О взяточничестве») заключается в предложении, гарантировании или предоставлении взяткодателем предмета взятки;

– получения взятки (ст. 2 Закона «О взяточничестве») состоит в требовании, выражении согласия получить или получении предмета взятки.

Преступления окончены с момента совершения хотя бы одного из альтернативно предусмотренных действия.

Субъективная сторона:

– дачи взятки (ст. 1 Закон «О взяточничестве») применительно к первой разновидности деяния (подп. «i» и «ii» п. «б» ч. 2 ст. 1) характеризуется предположением взяткодателя, что предмет дачи взятки (выгода) либо побудит другое лицо осуществить заведомо незаконное исполнение служебной обязанности или действие, либо послужит для вышеуказанного лица (взяткополучателя) вознаграждением за заведомо незаконное исполнение служебной обязанности или действие.

Применительно ко второй разновидности деяния (п. «б» ч. 3 ст. 2 Закона «О взяточничестве») заключается в осознании или предположении взяткодателем, что принятие другим лицом (взяткополучателем) выгоды как таковое является заведомо незаконным исполнением служебной обязанности или действием;

– получения взятки (ст. 2 Закона «О взяточничестве») характеризуется по первой разновидности деяния (ч. 2 ст. 2 Закона «О взяточничестве») предположением взяткополучателя, что получение такой выгоды повлечет заведомо незаконное исполнение служебной обязанности или действие (взяткополучателем или другим лицом.

Применительно к остальным трем разновидностям деяния (ч. 3-5 ст. 2 Закона «О взяточничестве») субъективная сторона этих преступлений характеризуется прямым умыслом и корыстным мотивом.

Субъект преступления:

– дачи взятки: общий;

– получения взятки: специальный (должностное лицо).

Вывод: в уголовном законодательстве Великобритании арбитры (третейские судьи) приравниваются к государственным судьям (являются должностными лицами), поэтому уголовная ответственность арбитров установлена в статьях, посвященных взяточничеству. В России арбитры (третейские судьи) не входят в судебную систему страны, в связи с чем уголовная ответственность за коррупционные преступления предусмотрена в главе 23 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», а не в главе «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

США

В США действует Федеральный закон от 1925 года «Об арбитраже»[1]. По смыслу п. 2 ст. 10 этого Закона, при наличии явной пристрастности или коррупции арбитров или любого из них суд Соединенных Штатов в округе может издать приказ об отмене вознаграждения по заявлению любой из сторон арбитража.

Как известно, в США нет единого федерального Уголовного кодекса (не считая примерного Уголовного кодекса), но, между тем, имеются уголовные законы в каждом штате. Вопрос об уголовной ответственности арбитра как субъекта получения взятки можно рассмотреть на примере УК штата Нью-Йорк.

[1] The U.S. Arbitration Act // URL: https://arbitration.ru/upload/iblock/1c5/us-arbitration-act.pdf (дата обращения: 08.12.2021).

В УК штата Нью-Йорк взяточничеству посвящены: § 200 «Взяточничество третьей степени», § 200.3 «Взяточничество второй степени», § 200.4 «Взяточничество первой степени», § 200.10 «Получение взятки третей степени», § 200.11 «Получение взятки второй степени», § 200.12 «Получение взятки первой степени»[1].

По большому счету из перечисленных шести параграфов можно выделить два самостоятельных состава преступления: дача взятки (§ 200, 200.3, 200.4, 200.5 УК штата Нью-Йорк), получение взятки (§ 200.10, 200.11, 200.12, 200.15 УК штата Нью-Йорк).

Такое изобилие параграфов вызвано спецификой уголовного права США, в котором дифференциация преступлений по степени тяжести осуществляется не в рамках одной статьи (параграфа), но в разных частях, как это имеет место в УК РФ, а в каждой статье отдельно предусматривается одно по степени тяжести преступление. Этим и обусловлена такая масса параграфов на два, по сути, основных преступления – дачу и получение взятки.

Продолжая рассматривать дифференциацию преступлений в УК штата Нью-Йорк, отметим, что Кодекс выделяет пять категорий наиболее тяжких преступлений (felonies): класса A, B, C, D, E. Кроме того, УК штата Нью-Йорк выделяет менее тяжкие преступления (misdemeanors), которые подразделяет на три категории: класса A, B и так называемые неклассифицированные проступки. За наиболее тяжкие преступления (felonies) уголовный закон штата Нью-Йорк предусматривает наказание в виде тюремного заключения свыше одного года. Следовательно, за менее тяжкие преступления (misdemeanors) наказание в виде тюремного заключения не может превышать одного года (и при этом быть менее пятнадцати дней) (§ 55.10).

Согласно § 200 УК штата Нью-Йорк, взяточничество третьей степени определяется так: «Лицо виновно во взяточничестве третьей степени, когда оно предоставляет, предлагает или соглашается предоставить какую-либо выгоду государственному служащему по соглашению или пониманию того, что голос, мнение, суждение, действие, решение или осуществление дискреционного полномочия такого государственного служащего окажут влияние на усмотрение государственного служащего». Данное преступление является тяжким преступлением класса D.

В § 200.3 УК штата Нью-Йорк, по сути, речь идет о квалифицированном составе взяточничества, предусмотренного § 200, и необходимым условием предоставления, предложения или согласия предоставить какую-либо выгоду, стоимость которой превышает $10 тыс. Данное преступление является тяжким преступлением класса C.

Параграф 200.4 УК штата Нью-Йорк предусматривает предоставление, предложение или согласие предоставить какую-либо выгоду государственному служащему, если это таким образом повлияет на расследование, арест, задержание, судебное преследование или заключение в тюрьму любого лица за совершение или предполагаемое совершение тяжкого преступления класса A, определенного в статье двести двадцать уголовного закона, или попытка совершения любого такого класса преступление. Данное преступление является тяжким преступлением класса B. Это своего рода особо

[1] New York State Law. Penal Law // URL: https://ypdcrime.com/penal.law/article200.php#p200.00 (дата обращения: 18.12.2021).

квалифицированный состав дачи взятки (§ 200 УК штата Нью-Йорк), который предполагает последствие в виде оказания влияния на расследование, арест, задержание, судебное преследование или заключение в тюрьму.

В § 200.10-200.12 УК штата Нью-Йорк предусмотрены зеркально сформулированные составы получения взятки.

В соответствии с § 200.10 УК штата Нью-Йорк «государственный служащий виновен в получении взятки третей степени, когда он вымогает, принимает или соглашается принять любую выгоду от другого лица по соглашению или пониманию, что его голос, мнение, суждение, действие, решение или осуществление дискреционных полномочий в качестве государственного служащего окажут влияние». Данное преступление является тяжким и относится к классу D.

Параграфы 200.11 и 200.12 содержат квалифицированный и особо квалифицированный составы, которые предусматривают получение взятки, стоимость которой превышает $10 тыс. (квалифицированный), и наличие последствия в виде оказания влияния на расследование, арест, задержание, судебное преследование или заключение в тюрьму (особо квалифицированный).

Кроме того, УК штата Нью-Йорк содержит следующие составы, посвященные взяточничеству: § 200.20 «Вознаграждение должностного лица за проступок второй степени», § 200.22 «Вознаграждение должностных лиц за проступки первой степени», § 200.25 «Получение вознаграждения за служебный проступок второй степени», § 200.27 «Получение вознаграждения за должностной проступок первой степени», § 200.30 «Незаконное вознаграждение», § 200.35 «Получение незаконных чаевых».

Уголовно-правовые нормы, предусматривающие рассмотренные составы преступления, находятся в разделе L «Преступления против государственной администрации», следовательно, объектом преступления будут общественные отношения, обеспечивающие интересы государственной службы.

Предметом преступлений является какая-либо выгода.

Объективная сторона:

– дачи взятки состоит в предоставлении, предложении или выражении согласия предоставить какую-либо выгоду государственному служащему;

– получения взятки состоит в вымогательстве, принятии или выражении согласия принять любую выгоду от другого лица.

Субъективная сторона:

– дачи взятки характеризуется пониманием того, что голос, мнение, суждение, действие, решение или осуществление дискреционного полномочия такого государственного служащего окажут влияние на усмотрение государственного служащего;

– получения взятки в законе прямо не указывается.

Субъект преступления:

– дачи взятки: общий;

– получения взятки: специальный (государственный служащий).

Выводы:

1) так же, как и в Великобритании, арбитры (третейские судьи) в США приравнены к государственным судьям, поэтому нормы, предусматривающие уголовную ответственность за коррупционные проявления арбитрами (третейскими судьями), предусмотрены в разделе о преступлениях против государственной администрации;

2) особенностью уголовного законодательства США является отсутствие единого федерального Уголовного кодекса, обусловленное особенностями американского федерализма.

Спецификой уголовного закона штата Нью-Йорк является «дробление» преступлений по параграфам в зависимости от категории преступления, в связи с чем вместо двух параграфов, один из которых был бы посвящен даче взятки, а другой – получению, в УК штата Нью-Йорк наличествует шесть параграфов (дача взятки – 200 (третьей степени), 200.3 (второй степени и 200.4 (первой степени) и получение взятки – 200.10 (третьей степени), 200.11 (второй степени) и 200.12 (третьей степени)).

III. Государства социалистической правовой семьи

Сразу оговоримся, что в социалистических странах отсутствует уголовная ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи). Однако, например, в Уголовном кодексе КНР в главе 9 «Должностные преступления» есть уголовно-правовые нормы, содержащие состав преступления, связанный с вынесением арбитром заведомо незаконного решения (ст. 399-1). Согласно ст. 399-1 УК КНР «лица, на основании закона, занимающие должности арбитра, вынесшие заведомо незаконные решения вопреки фактам в арбитражном судопроизводстве, при отягчающих обстоятельствах – наказываются лишением свободы на срок до трех лет или арестом; при особо отягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок от трех до семи лет» [6, с. 176].

В этой связи можно поставить вопрос о заимствовании опыта уголовно-правового регулирования Китая в части установления уголовной ответственности за вынесение арбитром заведомо незаконного решения, поскольку в Уголовном кодексе РФ такого состава преступления нет. Возможно, отсутствие в уголовном законе РФ данного состава преступления свидетельствует о пробельности нашего Кодекса.

IV. Государства мусульманской правовой семьи

ОАЭ

В 2017 году в Уголовный кодекс ОАЭ были внесены поправки, изменившие редакцию ст. 257, которая стала выглядеть следующим образом: «эксперт, арбитр, переводчик или следователь, который был назначен в судебном или административном порядке или избран сторонами и который принимает решение или выражает мнение, или предоставляет отчет, или выявляет причину, или доказывает факт происшествия в пользу лица или против него в нарушение обязанности действовать справедливо и беспристрастно».

Намерение этой поправки было вполне обоснованным, поскольку она направлена на объединение арбитров с назначенными судом экспертами и переводчиками для обеспечения их беспристрастного поведения. Как обоснованно замечают М. Туррини и А. Рошан, «это создало риск для арбитров, которые потенциально могли быть заключены в тюрьму, если против них было бы выдвинуто обвинение в предвзятости» [7]. Процесс расследования заявления о предвзятости может занять несколько лет, в течение которых арбитр должен сдать свое служебное удостоверение. Этот факт в сочетании с потенциальным ущербом репутации привели к тому, что действующие арбитры стали уходить со своих «должностей», а кандидаты в арбитры стали отказываться от назначений. Усугубило ситуацию и то, что практикующие юристы, в этой связи, стали

советовать своим клиентам переносить место арбитража (третейского разбирательства) из ОАЭ в другие государства [7].

Г. Бланк, комментируя новеллу, писал: «Статья действительно может использоваться проигравшей стороной в недобросовестном ключе, однако в большинстве своем эксперты уверены, что такие попытки будут пресекаться судебной системой» [8].

М. Туррини и А. Рошан также отмечали, что «в качестве реакции на эту поправку многие международные юридические фирмы наложили немедленный запрет на участие своих партнеров в качестве арбитров в третейских разбирательствах местом в ОАЭ и призвали тех юристов, которые уже выступают в таком качестве, сложить с себя полномочия» [7].

Как можно заметить, введение уголовной ответственности арбитров в ОАЭ было воспринято общественностью крайне негативно. Более того, был нанесен ущерб репутации экономики ОАЭ. Эмираты перестали быть «привлекательными» на международной арене в качестве платформы по рассмотрению арбитражных споров.

На этом фоне в октябре 2018 года законодатель ОАЭ вновь внес поправки в ст. 257 УК ОАЭ, исключив из текста статьи с указанием на арбитров. На сегодняшний день уголовной ответственности арбитров в уголовном законодательстве ОАЭ не предусмотрено. Данная поправка (об исключении указания на арбитров), а также принятие Закона об арбитраже улучшили положение ОАЭ и укрепили их статус как ведущего международного арбитражного центра, обеспечив при этом дополнительную безопасность для инвесторов.

А. В. Гребельский делает закономерный вывод: «На примере ОАЭ можно сделать эмпирический вывод о том, что страх перед потенциально возможным необоснованным уголовным преследованием арбитра снижает популярность страны как места арбитража» [9, с. 100]. С этим выводом можно согласиться.

Таким образом, Россия далеко не первое государство, которое предусмотрело уголовную ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи). Некоторые другие государства это сделали гораздо раньше. Во Франции уже в 1988 году была судебная практика по подкупу арбитра. Есть государства (ОАЭ), которые криминализировали деяния, связанные с подкупом арбитра (третейского судьи), и уже успели их декриминализировать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона / Под ред. Уве Хельмана, А.И. Рарога, И.М. Мацкевича, Г.А. Есакова, пер. с немецкого П.А. Головенков // Издательство Потсдамского университета. – 2021. – 489 с.

2. Clay T. Larbitre: Theses de doctorate n droit. Paris, 2001. – 626 p.

3. Pilar M., Viscasillas P. El seguro de responsabilidad civil en el arbitraje. Fundacion MAPFRE, 2013. – 349 p.

4. Pornbacher K., Knief I. Liability of arbitrators – judicial immunity versus contractual. CYArb. – 2012. – № 2. – 20 p.

5. Truli E. Liability vs. quasi-judicial immunity of the arbitrator: the case against absolute arbitral immunity // The American Review of International Arbitration. – 2006. – Vol. 17. – No 3. – 32 p.

6. Уголовный кодекс Китая / Под ред. А.И. Коробеева и А.И. Чучаева, пер. с китайского Хуан Даосю // М.: Юридическая фирма контракт. – 2017. – 256 с.

7. Turrini M., Roshan A. Criminal Liability of Arbitrators Repeated in the UAE // White & Case website. Publications. – URL: https://www.whitecase.com/publications/alert/criminal-liability-arbitrators-repealed-uae (дата обращения: 21.11.2021).

8. Blanke G. No More Penal Sanctions of Arbitrators and Party-Appointed Experts in the UAE // Kluwer Arbitration. – URL: http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/12/10/no-more-penal-sanctioning-of-arbitrators-and-party-appointed-experts-in-the-uae (дата обращения: 21.11.2021).

9. Гребельский, А.В. Ехал ГРЕКО через реку… О введении уголовной ответственности арбитров за преступления коррупционной направленности // Третейский суд. – 2020. – № 3/4. – С. 94–115.

REFERENCES

1. Criminal Code of the Federal Republic of Germany. Scientific and practical commentary and translation of the text of the law / Ed. Uwe Hellmann, A.I. Raroga, I.M. Matskevich, G.A. Esakov, trans. from German P.A. Golovenkov // Potsdam University Press. – 2021. – 489 p.

2. Clay T. Larbitre: Theses de doctorate n droit. Paris, 2001. – 626 p.

3. Pilar M., Viscasillas P. El seguro de responsabilidad civil en el arbitraje. Fundacion MAPFRE, 2013. – 349 p.

4. Pornbacher K., Knief I. Liability of arbitrators – judicial immunity versus contractual. CYArb. – 2012. – No. 2. – 20 p.

5. Truli E. Liability vs. quasi-judicial immunity of the arbitrator: the case against absolute arbitral immunity // The American Review of International Arbitration. - 2006. - Vol. 17. – No 3. – 32 p.

6. Criminal Code of China / Ed. A.I. Korobeeva and A.I. Chuchaev, per. from Chinese Huang Daoxu // M.: Law firm contract. – 2017. – 256 p.

7. Turrini M., Roshan A. Criminal Liability of Arbitrators Repeated in the UAE // White & Case website. Publications. – URL: https://www.whitecase.com/publications/alert/criminal-liability-arbitrators-repealed-uae (date of access 21.11.2021).

8. Blanke G. No More Penal Sanctions of Arbitrators and Party-Appointed Experts in the UAE // Kluwer Arbitration. – URL: http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/12/10/no-more-penal-sanctioning-of-arbitrators-and-party-appointed-experts-in-the-uae (date of access: 21.11.2021).

9. Grebelsky A. V. GRECO rode across the river ... On the introduction of criminal liability of arbitrators for corruption crimes // Arbitration Court. – 2020. – No. 3/4. – P. 94–115.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Косыгин Всеволод Евгеньевич
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация, vsevolod.kosygin97@mail.ru

Vsevolod E. Kosygin
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation, vsevolod.kosygin97@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 109–120.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 109–120.

12.00.08. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Научная статья
УДК: 343.851.3
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.78.15.010

КРИПТОВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Репецкая Анна Леонидовна[1, 2], Миронов Александр Олегович[2]
[1] Байкальский государственный университет, Российская Федерация, Иркутск, repetsk@mail.ru
[2] Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация, aleksandros1488@list.ru

Введение: Преступления, совершаемые сегодня с использованием информационно-коммуникационных технологий, являются наиболее динамично развивающимися. Они претерпевают не только количественные изменения, но и качественные, поскольку появляются новые способы совершения традиционных преступлений с использованием цифровых технологий, в частности криптовалюты. Такие преступления в юридической доктрине называются «криптопреступления». Между тем сама криптовалюта всего полгода как получила правовую регламентацию в России. Используя ее свойства (отсутствие единой оценки как финансового инструмента, анонимность), многие субъекты криминальных рынков товаров и услуг используют ее в качестве средства платежа или предмета хищений. Между тем основные криминологические риски использования криптовалюты подробному изучению подвергались лишь поверхностно. Возникновение этих рисков связано в первую очередь с огромным опозданием разработки правового регулирования использования виртуальных валют и бурным развитием криминальных рынков товаров и услуг.

Материалы и методы: Нормативную основу исследования составили: Федеральное законодательство, регулирующее отношения, связанные с цифровой валютой и цифровыми финансовыми активами, нормы отечественного уголовного законодательства; научная основа представлена результатами криминологических и уголовно-правовых исследований отечественных и зарубежных ученых. Методология исследования базируется на диалектическом подходе, а также ряде общенаучных методов, среди которых системный подход; метод индукции, дедукции, логический метод; а также частно-научных, среди которых сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Методику исследования составили метод экспертной оценки и контент-анализ.

© Репецкая А. Л., Миронов А.О., 2022

Результаты исследования: Авторы анализируют как существующие криминологические риски, так и проблемы, возникающие при квалификации преступлений, совершенных с использованием криптовалют. Приводятся классификации преступлений, составляющих криптопреступность, их характеристика.

Выводы и заключения: Авторами делается вывод о необходимости подробного изучения указанных преступлений с точки зрения их квалификации, определения ущерба и, как следствие, возможности дифференциации уголовной ответственности за их совершение. Анализируется необходимость криминологического изучения криптопреступности, с точки зрения разработки системы мер противодействия и подготовки кадров для его осуществления.

Ключевые слова: криптовалюта, криптопреступления, киберпреступность, криминальные рынки товаров и услуг, классификация криптопреступлений.

Для цитирования: Репецкая А.Л., Миронов А.О. Криптовалюта как объект уголовно-правового и криминологического исследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 109–120.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.78.15.010

12.00.08. Criminal Law and Criminology; penal law

Original article

CRYPTOCURRENCY AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL RESEARCH

Anna L. Repetskaya [1, 2], Alexander O. Mironov [2]
[1.] Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: repetsk@mail.ru
[2.] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: kafedra.upik@yandex.ru

Introduction: Crimes committed today with the use of information and communication technologies are the most dynamically developing. They are undergoing not only quantitative changes, but also qualitative ones, as new ways of committing traditional crimes using digital technologies, in particular cryptocurrencies, appear. Such crimes in the doctrine are called "crypto-crimes". Meanwhile, the cryptocurrency itself has received legal regulation in Russia for only six months. Using its properties (lack of a single assessment as a financial instrument, anonymity), many subjects of the criminal markets for goods and services use it as a means of payment or the subject of theft. Meanwhile, the main criminological risks of using cryptocurrency have been studied in detail only superficially. The emergence of these risks is primarily due to the huge delay in the development of legal regulation of the use of virtual currencies and the rapid development of criminal markets for goods and services.

Materials and Methods: The normative basis of the study was: Federal legislation governing relations related to digital currency and digital financial assets, norms of domestic criminal law; the scientific basis is represented by the results of criminological and criminal law studies of domestic and foreign scientists. The research methodology is based on a dialectical approach, as well as a number of general scientific methods, including a systematic approach; method of induction, deduction, logical method; as well as private-scientific ones,

among which are comparative-legal and formal-legal methods. The research methodology was based on the method of peer review and content analysis.

The results of the study: The authors analyze both the existing criminological risks and the problems that arise when qualifying crimes committed using cryptocurrencies. The classification of crimes that make up cryptocrime, their characteristics are given.

Findings and Conclusions: The authors conclude that it is necessary to study these crimes in detail in terms of their qualification, damage determination and, as a result, the possibility of differentiating criminal liability for their commission. The need for a criminological study of cryptocrime is analyzed from the point of view of developing a system of countermeasures and training personnel for its implementation.

Key words: cryptocurrency, crypto crimes, cybercrime, criminal markets of goods and services, classification of crypto crimes.

For citation: Repetskaya A. L., Mironov A.O. Kriptovaljuta kak ob#ekt ugolovno-pravovogo i kriminologicheskogo issledovanija [Cryptocurrency as an object of criminal law and criminological research]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102), pp.109–120 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.78.15.010

Информационные технологии как многофункциональный инструмент улучшения качества жизни достаточно давно закрепились в жизни современного общества. Они пронизывают практически все сферы человеческой жизни, от мгновенного доступа к огромному массиву информации до возможности получить государственную услугу в один клик на экране смартфона или персонального компьютера. Конечно, благодаря таким возможностям, не только жизнь человека претерпевает изменения, но и жизнь общества и государства в целом, и способы совершения преступлений в частности.

Преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, на сегодняшний день являются наиболее динамично развивающимися. Темпы прироста этих преступлений (так называемых киберпреступлений, или преступлений, совершенных с использованием IT- технологий) в 2020 г. составили более 70% за год. В 2020-2021 г. каждое четвертое зарегистрированное преступление в общей структуре преступности (25%) было совершено с использованием цифровых технологий, однако темпы прироста в 2021 г. резко снизились до 1,4%, оставляя их количество на очень высоком уровне[1].

Однако киберпреступления стремительно развиваются не только количественно. В современный период в значительной степени изменяются их структурные характеристики, связанные с развитием новых способов совершения традиционных преступлений. Эта тенденция детерминирована развитием блокчейн-технологий, появлением криптовалюты и токенов [1]. В научной литературе такие преступления, совер-

[1] См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 г./ Главный информационно-аналитический центр МВД РФ. М., 2021. – С. 4. [Электронный ресурс]. — URL: https://cisoclub.ru/v-2021-godu-kolichestvo-kiberprestuplenij-v-rossii-uvelichilos-na-14/

шенные с использованием виртуальной валюты, технологий, позволяющих ее использовать для совершения преступлений (в основном связанных с незаконным оборотом товаров и услуг), а также ее хищением, получили название криптопреступлений, а их совокупность стала называться криптопреступностью [2, 3].

Криптопреступность сегодня представляет собой новый феномен преступной деятельности, находящейся в виртуальном пространстве, посягающей на экономические, финансовые, информационные общественные отношения. Она занимает достаточно обособленное место в общей структуре преступности, пересекаясь с традиционными ее видами.

Криптовалюта, являясь производной от технологии «Blockchain», активно используется на территории России, однако происходит это зачастую вне правового поля и действия по ее использованию сводятся в основном к получению дохода. Между тем основные криминологические риски использования криптовалюты подробному изучению подвергались лишь поверхностно. Возникновение этих рисков связано в первую очередь, с огромным опозданием разработки правового регулирования использования виртуальных валют и бурным развитием криминальных рынков товаров и услуг [4].

Только 31.07.2020 г. в России был принят Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее ФЗ о ЦФА)[1], который вступил в действие 01.01.2021 г. Согласно названному ФЗ, сделки с криптовалютой не порождают денежных обязательств, вследствие чего она запрещена в расчетах за товары и услуги в РФ. Субъектами, имеющими право на операции с криптовалютами, являются только юридические лица, имеющие лицензию на такие операции. В целом криптовалюта признана имуществом и может использоваться только для определенных целей, в рамках обеспечения ряда федеральных законов.

Иными словами, статус цифровых валют в России на сегодняшний день имеет очень ограниченные правовые рамки, они не могут быть использованы физическими лицами как легальное средство платежа, что не мешает их использованию в виде основного средства обеспечения сделок на криминальных рынках товаров и услуг.

Кроме того, ни в современной России, ни в мире не выработана единая оценка криптовалюты как финансового инструмента и не определены параметры безопасности ее выпуска и оборота [2, с.15], она не признается объектом гражданских прав, используется анонимно. Все эти характеристики позволяют субъектам криминальных рынков товаров и услуг не только увеличивать их обороты за счет перенесения в виртуальное пространство, но и обезопасить себя и свой криминальный бизнес, используя в расчетах цифровые валюты, обеспечивающие анонимность и продавца, и покупателя.

В этой связи возникает необходимость изучения, с одной стороны, уголовно-правовой природы криптовалюты, ее места в совершении различных преступлений, а с другой – изучение влияния использования цифровых валют на механизм совершения традиционных преступлений, в части выбора способов их совершения, появления новых предметов преступления и т.п.

---

[1] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [Электронный ресурс]. — URL: https://base.garant.ru/74451466/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/ (дата обращения: 25.01.2022)

Так, например, появление криптовалюты вызвало появление сопутствующей ей инфраструктуры (майнинг, обмен, криптобиржи), которая детерминировала формирование направления преступной деятельности, связанной с этой инфраструктурой. Чаще всего это мошеннические действия, регламентируемые ст.159.6 УК РФ, представляющие собой разновидности целенаправленного воздействия программных средств на информационно-телекоммуникационную сеть, нарушающего процессы обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновным незаконно приобрести цифровой актив, т.е. право на соответствующие денежные средства, хранящиеся в криптовалюте [5, с. 850], позволяющие ее обналичивать и переводить. Кроме того, такими лицами осуществляется флипинг криптовалюты – увеличение инвестиций пользователя за определенную плату [6, с. 222]. Также распространены кражи оборудования для майнинга, мошенничества при его покупке и обслуживании.

В этой связи возникают проблемы уголовно-правовой квалификации, связанные, как уже указывалось, с проблемами правового регулирования оборота цифровых валют. Сходные проблемы наблюдаются и в соседних странах, с родственными правовыми системами [7, 8, 9]. При этом, например, в Таджикистане считают, что криптовалюта по правовому режиму и функциям не близка к наличным деньгам, но по форме похожа на безналичные расчеты и электронные деньги [8, с. 61]. Беларусь же, напротив, отчасти легализовала рынок криптовалют. Там, 21.12.2017 г. подписан Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики», согласно которому дается относительная налоговая свобода в указанной сфере, предпринята попытка регламентации основных понятий, предложены механизмы регулирования деятельности по производству и обмену криптовалют [9, с. 44].

В России, как уже указывалось, с принятием ФЗ о ЦФА государство четко определилось с понятием цифровых валют, порядком и субъектами их оборота. Между тем сразу встал вопрос об отнесении криптовалюты к цифровым валютам, обозначенным в законе. Поскольку их содержание имеет схожие признаки, которые относятся, прежде всего, к цифровым кодам или обозначениям, не имеющим предметного отражения в объективном мире, эти виды, несомненно, относятся к одному типу. Однако в ФЗ о ЦФА не дается определение таким неотъемлемым элементам криптовалютного обращения, как криптовалюта, майнинг, токен, смарт-контракт, цифровой кошелек [10, с. 53]. Возможно, это связано со сложностями технологии «Blockchain» и криптовалюты как ее производной, либо законодатель решил дать максимально широкое определение цифровой валюты, под которое бы подпадала и криптовалюта, и другие новые финансовые инструменты. Криптовалюту также следует отграничивать от электронных денег, поскольку отсутствие идентификации участников финансовых операций, их анонимность, создает угрозу использования криптовалют в схемах отмывания денег [11, с. 886].

Таким образом, уголовно-правовое изучение криптовалюты позволит определить способы ее использования для совершения преступлений, их учет при квалификации данных деяний, а также особенности регламентации в качестве предмета преступления. При этом анализ позволяет выделить несколько групп преступлений, используя как уголовно-правовые, так и криминологические критерии.

В доктрине предпринимались попытки таких классификаций, а также выделения отдельных видов преступлений, совершение которых возможно с использованием

криптовалют. Однако все они имеют ограниченный характер. Так, например, некоторые авторы указывают на: незаконную продажу психоактивных веществ (наркотических средств, психотропных веществ и др.), иных запрещенных товаров, контента или услуг; отмывание преступных доходов с использованием новой цифровой валюты; хищение криптовалюты и иные преступления против собственности [12, с. 87]. К предметам имущественных преступлений относит криптовалюту и Е.А. Ильяшенко [13, с. 53] Другие считают, что криптовалюту следует признать предметом таких преступлений, как дача и получение взятки, коммерческий подкуп, посредничество во взяточничестве и коммерческом подкупе [14, с. 412]. Кроме того, указывается, что криптовалюта, как совокупность электронных данных в виде числового обозначения или кода, существующая в пределах определенной базы данных (т.е. рассматриваемая в качестве компьютерной информации (см. примечание 1 к ст. 272 УК РФ), может стать предметом компьютерного преступления [15, с.19].

Систематизируя эти подходы, а также опираясь на классификацию криптопреступлений, предложенную А.Л. Репецкой [16, с. 63-64] следует указать на следующие группы преступлений, основным средством совершения или предметом которых является использование криптовалют.

Так, например, криминологическим критерием выделения исследуемых преступлений могут выступать *типы криминальных рынков*, в сфере которых осуществляется незаконный оборот товаров и услуг, реализуемых с помощью криптовалюты. Такой критерий позволяет выделить следующие доминирующие группы: **незаконный оборот запрещенных законом, или ограниченных в обороте товаров** (наркотики и сильнодействующие вещества, оружие, порнография); а также **реализация услуг, осуществляемых в рамках уголовного промысла** (легализация преступных доходов, коррупционные услуги, подделка документов, заказные убийства и др.).

Если классифицировать такие преступления по уголовно-правовому критерию, в качестве которого выступят *виды объектов посягательств*, то можно выделить следующие группы.

Преступления против собственности, в первую очередь, кражи и мошенничества, где предметом преступления является криптовалюта. Ущерб от них растет беспрецедентными темпами в среднем на 300% в год [3, с.18]. Поскольку виртуальное пространство не имеет границ, от хищений криптовалюты страдают пользователи во всем мире. Наиболее «перспективным» в развитии здесь является мошенничество, которое будет доминировать в сфере обмена криптовалют. Такого же мнения придерживаются некоторые ученые, полагая, что появление криптовалют и относительная неосведомленность населения, делает потенциально опасным распространение новых схем дистанционного мошенничества [17, с. 108].

Экономические преступления, внутри которых, помимо легализации преступных доходов, при условии цифровизации предпринимательской деятельности и соответственно, использовании при расчетах криптовалют, это могут быть преступления, совершаемые во внешнеэкономической деятельности; налоговые преступления; банкротство при аналогичных условиях; преступления, связанные с нарушением валютного законодательства, когда платежи по договорам перечисляются в виртуальной валюте, что позволит уйти от массы платежей и сборов, осуществляемых государством.

Преступления против здоровья населения и общественной нравственности, совершаемые с помощью криптовалют. Незаконный оборот большинства сильнодействующих, наркотических средств и психотропных веществ, и их аналогов в современной ситуации осуществляется через виртуальные платформы с расчетом в цифровых валютах. Так, например, по данным TOR Metrics Россия занимает 2 место в мире после США по числу пользователей теневого Интернета в секторе продажи наркотиков[1]. Исследователями отмечается, что криптонаркотизм уже перешел на этап формирования собственной инфраструктуры и криминальной специализации [3, с.18].

Сюда же относится и порнографический и другой, запрещенный в обороте, контент.

Должностные (или коррупционные) преступления с использованием криптовалют становятся более безопасными в совершении, возможность разоблачения должностных лиц, оказывающих коррупционные услуги, в таких ситуациях фактически отсутствует. Электронный кошелек, в который поступают средства от не идентифицированного пользователя, покупающего такую услугу, и пароль, известный только владельцу, также обеспечивает ему безопасность преступной деятельности. Представляется, что тренд на виртуализацию коррупционных услуг является реальностью ближайшего будущего.

Компьютерные преступления, где криптовалюта может быть и предметом преступления, и способом их совершения. Такие преступления в основном являются дополнительными условиями для использования криптовалюты при совершении преступлений.

Преступления против общественной безопасности, в первую очередь террористической и экстремистской направленности, а также организация различных видов преступных формирований, которая облегчается при использовании криптовалют. Различного рода преступные, а также террористические и экстремистские организации вполне могут использовать такой инструмент для финансирования собственной деятельности, так как относительная анонимность и простота в обращении и обмене существенным образом влияют на сокрытие финансовых следов организаторов.

Финансирование терроризма и экстремизма с использованием криптовалюты, в значительной степени облегчает и ускоряет доступ преступников к оружию, технике, средствам передвижения, документам; обеспечивает найм боевиков и прочие необходимые для их деятельности затраты. При этом отследить поступление средств и приобретение на них товаров и услуг не представляется возможным, поскольку все транзакции происходят в теневом секторе интернета.

Преступления против порядка управления, представленные в основном подделкой различных документов, оплачиваемой криптовалютой. Такие документы, в свою очередь связаны с другими видами преступной деятельности (паспорта, удостоверения, разрешительные документы и пр.), незаконным оборотом различных видов товаров (акцизные марки и др.), а также хищениями.

---

[1] TOR Metrics [Электронный ресурс]. — URL:https://metrics.torproject.org/ bandwidth.html (дата обращения: 10.02.2022).

Уголовно-правовой анализ указанных преступлений, с точки зрения использования при их совершении криптовалюты, позволит более адекватно противодействовать им как в плане предупреждения, так и в плане дифференциации уголовной ответственности. Кроме того, сложности при изучении указанного объекта, связаны и с определением ущерба, причиненного совершенным преступлением.

Федеральный закон о ЦФА внес поправки в ФЗ от 7 августа 2001 года N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и признал цифровую валюту для целей настоящего Федерального закона имуществом.[1] Указанные изменения приводят к ряду вопросов, связанных с квалификацией по ст.ст. 174-174.1 УК РФ. Если принять за основу, что криптовалюта является цифровой валютой, а цифровая валюта в свою очередь является иным имуществом, то каким образом будет исчисляться ущерб? Поскольку курс криптовалют очень нестабилен и вариативен в зависимости от ее разновидности, времени обмена и учреждения, где он осуществляется, вполне вероятно возникнут определенные сложности в определении суммы ущерба.

Соответственно, необходимы уголовно-правовые и криминологические исследования данного вопроса, которые позволят решить: устанавливать ли дополнительный квалифицирующий признак в виде совершения деяния с использованием цифровой валюты (криптовалюты), либо вводить самостоятельный состав, регламентирующий уголовную ответственность за ее незаконный оборот (в частности, такие предложения уже озвучены в доктрине уголовного права [18, с. 216]). Вероятно, этот вопрос можно решить и использованием норм Общей части. Но для того, чтобы законодатель получил какие-либо рекомендации по данному вопросу, необходимы его глубокие теоретические и эмпирические исследования.

Следует отметить, что если анализ распространенных групп криптопреступлений в целом представлен в научной литературе, то ситуацию с состоянием и развитием преступлений, связанных с криптовалютой оценить очень сложно, поскольку они имеют абсолютно разный характер и общим связующим звеном здесь выступает только сама криптовалюта. Кроме того, необходимы специальные знания, чтобы вычленить такие преступления и оценить динамику их состояния и структуры. Отсутствие официальных критериев (в частности, в уголовной статистике), позволяющих это сделать, и отдельно изучать закономерности развития совокупности таких преступлений, дополнительно усложняет ситуацию.

Поэтому криминологическое изучение криптопреступности имеет значительные сложности. В настоящее время попытки анализа состояния этого сегмента преступности опираются в основном на экспертные данные, косвенные аналитические показатели, которые в общем оценивают состояние данной проблемы, не показывая ее деталей.

Так, например, Европол, уделяющий значительное внимание вопросам кибер- и криптопреступлений, в последние два года посвятил им свои ежегодные доклады. В докладе за 2020 год криптовалюта была названа самым распространенным средством

[1] Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ec2c53eadd3ce1ee17c74d179a7d41b6a55fa389/ (дата обращения: 25.01.2022)

расчета при киберпреступлениях, а также главным средством расчета в обороте наркотических средств и психотропных веществ в Интернет-магазинах[1]. В аналогичном докладе за 2021 год, особый упор был, в частности, сделан на «Dark Net» и детскую порнографию [2], являющихся одними из основных сфер использования криптовалют. Но, вместе с тем, все представленные сведения дают общую криминологическую характеристику, и оперируют незначительным количеством не сопоставимых показателей.

Сегодня сведения о распространенности использования криптовалют для осуществления незаконного оборота различных криминальных рынков товаров и услуг базируются в основном на анализе детерминации распространения самих этих криминальных рынков в Интернет-сетях.

Это, в свою очередь, позволяет делать выводы о качественных изменениях в других сегментах преступности, в частности организованной, профессиональной, наркотической преступности. Но все эти выводы без предметных криминологических исследований имеют оценочный, субъективный характер, и не позволяют видеть закономерности и взаимосвязи, знание которых позволяет осуществлять противодействие преступности.

Между тем угрозы национальной безопасности со стороны криптопреступности в ряде стран оцениваются так высоко, что в 2018 г. был создан специальный альянс, который получил название J5. В него входят шесть ведомств: Австралийская комиссия по преступности (ACIC), Австралийское налоговое управление (ATO), Канадское налоговое агентство (CRA), Служба расследования налоговых преступлений Нидерландов (FIOD), Управление Ее Величества по налогам и таможенным пошлинам (HMRC) и Отдел криминальных расследований Налогового управления США (IRS-CI). Таким образом, США, Австралия, Канада, Нидерланды и Великобритания будут вместе пресекать отмывание денег, финансирование терроризма и незаконное обогащение, связанное с криптовалютами[3]. В Индии для расследования криптовалютных преступлений было создано специальное криптоподразделение национальной киберкриминалистической лаборатории (NCFL), которое названо Cypad [4].

В целом стоит констатировать, что с развитием цифровизации общественной жизни ускорится переход различных видов преступной деятельности корыстного характера в виртуальную сферу. Использование криптовалют при этом ускоряет и облегчает получение прибыли от различных видов преступного бизнеса и других преступлений и обеспечивает безопасность субъектам.

---

[1] Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2020 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/internet_organised_crime_threat_assessment_iocta_2020.pdf (дата обращения: 24.01.2022)

[2] Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2021 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/documents/ internet_organised_crime_threat_assessment_iocta_2021.pdf (дата обращения: 04.02.2022).

[3] Пять стран создали J5 — альянс против криптопреступлений [Электронный ресурс]. — URL: https://news4auto.ru/piat-stran-sozdali-j5-alians-protiv-kriptoprestyplenii/ (дата обращения: 10.02.2022)

[4] Индийское правительство учредило Национальную криптовалютную лабораторию [Электронный ресурс]. — URL: https:// www.thenhindu.com/news/cities/Delhi/ article26307171.ece/ (дата обращения: 10.02.2022)

Правоохранительные же органы вынуждены будут приспосабливаться, менять методики для выявления и расследования преступлений как полностью, так и частично совершаемых в киберпространстве. Это может изменить подходы к процессу подготовки кадров для правоохранительной системы, в целом изменить деятельность системы уголовной юстиции. Однако для этого необходимо иметь понимание происходящих процессов, которое может дать только всестороннее криминологическое исследование.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Долгиева, М.М. Социальная обусловленность возникновения уголовно-правовых запретов нарушений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты / М. М. Долгиева // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10(95). – С. 225-235. — DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.225-235.

2. Долгиева М.М. Криптопреступность как новый вид преступности: понятие, специфика // Современное право. – 2018. – № 10. – С.109–115

3. Сидоренко Э.Л. Криптопреступность как новое криминологическое явление // Общество и право. – 2018. – № 2(64). – С.15-20.

4. Репецкая, А.Л. Криминальный рынок России / специализированный учебный курс. – Саратов: Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, Сателлит. 2007. – 120с.

5. Мкртчян, С.М. Преступления против собственности, совершаемые в сфере функционирования блокчейна: новые преступные схемы и их уголовно-правовая оценка / С. М. Мкртчян // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 6. – С. 845–854. – DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(6).845–854.

6. Коренная, А.А. Квалификация преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-prestupleniy-sovershaemyh-s-ispolzovaniem-kriptovalyuty (дата обращения: 04.02.2022).

7. Temirzhanov, L. A. On the denition of cryptocurrency in the legislation of the Republic of Kazakhstan / L. A. Temirzhanov, A. Zh. Syzdykov, B. Zh. Sagymbekov // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Право. — 2020. — No 2(131). — P. 37-43. — DOI 10.32523/2616-6844-2020-131-2-37-43.

8. Меликов, У. А. Криптовалюта в системе объектов гражданских прав / У. А. Меликов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 60–66. – DOI 10.14529/law180110.

9. Усоский, В. Н. Криптовалюты и токены краудэкономики Беларуси / В. Н. Усоский // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2020. – № 5(224). – С. 44–55. – DOI 10.24411/2072-4098-2020-10502.

10. Кузнецов, А. Г. Криминальные риски использования блокчейн-технологий и криптовалюты на территории государств – участников СНГ / А. Г. Кузнецов // Вестник Поволжского института управления. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 48-55. – DOI 10.22394/1682-2358-2021-1-4-48-55.

11. Криптовалюты: легальные и криминально-теневые аспекты оборота / В. В. Дорофеева, Л. А. Каверзина, Д. В. Жмуров [и др.] // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 6. – С. 884-894. – DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(6).884-894.

12. Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции / С. В. Иванцов, Э. Л. Сидоренко, Б. А. Спасенников [и др.] // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 1. – С. 85-93. – DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(1).85-93.

13. Ильяшенко, Е. А. О перспективах привлечения к уголовной ответственности за использование криптовалют в преступных целях / Е. А. Ильяшенко // Российский следователь. – 2018. – № 8. – С. 51–54.

14. Коренная, А. А. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений / А. А. Коренная, Н. В. Тыдыкова // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 3. – С. 408-415. – DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(3).408–415.

15. Быкова, Е. Г. О правовой оценке противоправного безвозмездного изъятия криптовалюты / Е. Г. Быкова, А. А. Казаков // Уголовное право. – 2018. – № 2. – С. 16-19.

16. Репецкая А.Л. Криптопреступления как следствие цифровизации преступности // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения 21 января 2021г) // Сб. материалов I Всерос науч. конф. — Москва: Ун-т прокуратуры РФ. – 2021. – С.61–67.

17. Симаков, А.А., Неелов В. В. Схемы преступлений с использованием криптовалюты // Закон и право. 2020. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/shemy-prestupleniy-s-ispolzovaniem-kriptovalyuty (дата обращения: 04.02.2022).

18. Долгиева, М. М. Противодействие легализации преступных доходов при использовании криптовалюты / М. М. Долгиева // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 449. – С. 213–218. – DOI 10.17223/15617793/449/26.

REFERENCES

1. Dolgieva, M.M. Social’naja obuslovlennost’ vozniknovenija ugolovno-pravovyh zapretov narushenij, sovershaemyh v sfere oborota kriptovaljuty / M. M. Dolgieva // Aktual’nye problemy rossijskogo prava. – 2018. – № 10(95). – pp. 225-235. – DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.225-235.

2. Dolgieva M.M. Kriptoprestupnost’ kak novyj vid prestupnosti: ponjatie, specifika // Sovremennoe pravo. 2018. № 10. pp.109-115

3. Sidorenko Je.L. Kriptoprestupnost’ kak novoe kriminologicheskoe javlenie // Obshhestvo i pravo. 2018. № 2(64). pp.15-20.

4. Repeckaja A.L. Kriminal’nyj rynok Rossii / specializirovannyj uchebnyj kurs. — Saratov: Saratovskij centr po issledovaniju problem organizovannoj prestupnosti i korrupcii, Satellit. 2007. – 120p.

5. Mkrtchjan, S.M. Prestuplenija protiv sobstvennosti, sovershaemye v sfere funkcionirovanija blokchejna: novye prestupnye shemy i ih ugolovno-pravovaja ocenka / S. M. Mkrtchjan // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2020. – T. 14. – № 6. – pp. 845-854. – DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(6).845-854.

6. Korennaja A.A. Kvalifikacija prestuplenij, sovershaemyh s ispol’zovaniem kriptovaljuty // Problemy jekonomiki i juridicheskoj praktiki. 2018. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-prestupleniy-sovershaemyh-s-ispolzovaniem-kriptovalyuty (data obrashhenija: 04.02.2022).

7. Temirzhanov, L. A. On the denition of cryptocurrency in the legislation of the Republic of Kazakhstan / L. A. Temirzhanov, A. Zh. Syzdykov, B. Zh. Sagymbekov // Vestnik Evrazijskogo nacional’nogo universiteta im. L.N. Gumileva. Serija: Pravo. — 2020. – No 2(131). – pp. 37-43. – DOI 10.32523/2616-6844-2020-131-2-37-43.

8. Melikov, U. A. Kriptovaljuta v sisteme ob#ektov grazhdanskih prav / U. A. Melikov // Vestnik Juzhno-Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo. — 2018. – T. 18. – № 1. – pp. 60–66. – DOI 10.14529/law180110.

9. Usoskij, V. N. Kriptovaljuty i tokeny kraudjekonomiki Belarusi / V. N. Usoskij // Imushhestvennye otnoshenija v Rossijskoj Federacii. – 2020. – № 5(224). – pp. 44–55. – DOI 10.24411/2072-4098-2020-10502.

10. Kuznecov, A. G. Kriminal’nye riski ispol’zovanija blokchejn-tehnologij i kriptovaljuty na territorii gosudarstv – uchastnikov SNG / A. G. Kuznecov // Vestnik Povolzhskogo instituta upravlenija. – 2021. – T. 21. – № 1. – pp. 48-55. – DOI 10.22394/1682-2358-2021-1-4-48-55.

11. Kriptovaljuty: legal'nye i kriminal'no-tenevye aspekty oborota / V. V. Dorofeeva, L. A. Kaverzina, D. V. Zhmurov [i dr.] // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2019. – T. 13. – № 6. – pp. 884-894. – DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(6).884-894.

12. Prestuplenija, svjazannye s ispol'zovaniem kriptovaljuty: osnovnye kriminologicheskie tendencii / S. V. Ivancov, Je. L. Sidorenko, B. A. Spasennikov [i dr.] // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2019. – T. 13. – № 1. – pp. 85-93. – DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(1).85-93.

13. Il'jashenko, E. A. O perspektivah privlechenija k ugolovnoj otvetstvennosti za ispol'zovanie kriptovaljut v prestupnyh celjah / E. A. Il'jashenko // Rossijskij sledovatel'. – 2018. – № 8. – pp. 51-54.

14. Korennaja, A. A. Kriptovaljuta kak predmet i sredstvo sovershenija prestuplenij / A. A. Korennaja, N. V. Tydykova // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. — 2019. — T. 13. – № 3. — pp. 408-415. — DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(3).408-415.

15. Bykova, E. G. O pravovoj ocenke protivopravnogo bezvozmezdnogo iz#jatija kriptovaljuty / E. G. Bykova, A. A. Kazakov // Ugolovnoe pravo. — 2018. — № 2. — pp. 16-19.

16. Repeckaja A.L. Kriptoprestuplenija kak sledstvie cifrovizacii prestupnosti // Cifrovye tehnologii v bor'be s prestupnost'ju: problemy, sostojanie, tendencii (Dolgovskie chtenija 21 janvarja 2021g) // Sb. materialov I Vseros nauch. konf. — Moskva: Un-t prokuratury RF. 2021. pp.61-67.

17. Simakov A.A., Neelov V. V. Shemy prestuplenij s ispol'zovaniem kriptovaljuty // Zakon i pravo. 2020. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/shemy-prestupleniy-s-ispolzovaniem-kriptovalyuty (data obrashhenija: 04.02.2022).

18. Dolgieva, M. M. Protivodejstvie legalizacii prestupnyh dohodov pri ispol'zovanii kriptovaljuty / M. M. Dolgieva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2019. — № 449. — pp. 213-218. — DOI 10.17223/15617793/449/26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Репецкая Анна Леонидовна, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом криминологических исследований Института правовых исследований. Байкальский Государственный Университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. Профессор кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4796-3969; Researcher ID Q-5459-2016; repetsk@mail.ru
Миронов Александр Олегович, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
ORCID: https://orcid.org/ 0000-0002-1085-0696; aleksandros1488@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna L. Repetskaya, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Institute of Law Researches. Baikal State University, 664003, Russia, Irkutsk, st. Lenin, 11. Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074, Russia, Irkutsk, st. Lermontov, 110.
ORCID: 0000-0002-4796-3969; Researcher ID Q-5459-2016; repetsk@mail.ru
Alexander O. Mironov, Graduate student. East Siberian Institute of the MIA of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, Russia. 664071.
ORCID: 0000-0002-1085-0696; aleksandros1488@list.ru

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 121–130.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 121–130.

**12.00.08 Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

К ВОПРОСУ О ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ КРАЖ СКОТА

Научная статья
УДК: 343.988
DOI: **10.55001/2312-3184.2022.75.84.011**

Фомина Инна Анатольевна,
Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, Иркутск, iafomina@mail.ru

Введение: статья посвящена рассмотрению общих вопросов виктимологической профилактики краж скота, исходя из анализа судебной и правоприменительной практики, который свидетельствует о том, что данные преступления остаются распространёнными, несмотря на все меры, предпринимаемые государством. Общественная опасность данной преступной деятельности заключается в оказании влияния на общий уровень социального и экономического благополучия населения и его отдельных слоев. Одним из приоритетных направлений противодействия рассматриваемым преступлениям является профилактика. С учетом максимально эффективной направленности данной деятельности, представляется, что именно вовлечение жертвы в объект профилактического воздействия является наиболее востребованным и гуманным направлением. Виктимологическая профилактика как специализированная деятельность по устранению и нейтрализации факторов совершения краж скота путем работы с жертвами преступлений, способствует созданию более эффективной социальной защиты и, в конечном итоге, формированию высокого уровня правосознания и ответственности. В этой связи рассмотрение вопросов содержания (элементов профилактики) и претворения в жизнь выработанных мер виктимологической профилактики является той отправной точкой предупреждения, которая послужит наиболее качественному и системному подходу в рамках как предупреждения, так и борьбы с кражами скота.

Материалы и методы: определение основных направлений виктимологической профилактики краж скота базируется на исследовании положений Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, принятой 13 сентября 2007 г. и Европейской конвенции «О защите прав и основных свобод» от 4 ноября 1950 г. и юридической доктрины. Выводы, сделанные в работе, основаны на анализе статистических данных и материалов следственной и судебной практики рассмотрения краж скота. В ходе исследования были использованы формально-юридический и сравнительно-правовые методы, и методы дедукции, индукции, анализа, межотраслевого исследования, обобщения и описания.

© Фомина И. А., 2022

Результаты исследования: позволили обозначить основные направления осуществления виктимологической профилактики в рамках предупреждения краж скота, а также определить роль и степень участия жертвы и субъектов профилактической работы.

Выводы и заключения: описание и раскрытие автором основных направлений осуществления виктимологической профилактики краж скота позволяет, в рамках дальнейших исследований, разработать комплекс рекомендаций в рамках деятельности субъектов профилактики с учетом общего и индивидуального подходов. В заключении сделаны выводы о необходимости дальнейшего совершенствования института виктимологической профилактики кражи скота как наиболее действенного и способного минимизировать совершение данных преступлений в будущем.

Ключевые слова: кража скота, скотокрадство, виктимность, виктимное поведение, противодействие краже скота, профилактика кражи скота, виктимологическая профилактика.

Для цитирования: Фомина И.А. К вопросу о виктимологической профилактике краж скота // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 121–130.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.75.84.011

12.00.08 Criminal law and criminology; penal law

Original article

ON THE QUESTION OF VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF ABACTION THEFT

Inna A. Fomina
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk, iafomina@mail.ru

Introduction: the article is devoted to the consideration of general issues of victimological prevention of livestock theft, based on an analysis of judicial and law enforcement practice, which indicates that these crimes remain common, despite all the measures taken by the state. The social danger of this criminal activity lies in influencing the general level of social and economic well-being of the population and its individual strata. One of the priority areas of countering the crimes in question is prevention. Taking into account the most effective direction of this activity, it seems that it is the involvement of the victim in the object of preventive action that is the most demanded and humane direction. Victimological prevention as a specialized activity to eliminate and neutralize the factors of livestock theft by working with crime victims contributes to the creation of more effective social protection and, ultimately, the formation of a high level of legal awareness and responsibility. In this regard, consideration of the issues of content (prevention elements) and implementation of the developed measures of victimological prevention is the starting point of prevention, which will serve as the most qualitative and systematic approach in the framework of both prevention and combating livestock theft.

Materials and methods: determination of the main directions of victimological prevention of livestock theft is based on a study of the provisions of the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples, adopted on September 13, 2007 and the European Convention for the Protection of Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 and legal doctrine. The conclusions made in the work are based on the analysis of statistical data and materials of investigative and judicial practice of considering livestock thefts. In the course of the study, formal-legal and comparative-legal methods were used, and the methods of deduction, induction, analysis, cross-sectoral research, generalization and description.

The results of the study: made it possible to identify the main directions for the implementation of victimological prevention in the framework of the prevention of livestock theft, as well as to determine the role and degree of participation of the victim and the subjects of preventive work.

Findings and Conclusions: the description and disclosure by the author of the main directions for the implementation of victimological prevention of livestock theft allows, in the framework of further research, to develop a set of recommendations within the framework of the activities of prevention subjects, taking into account the general and individual approaches. In conclusion, conclusions are drawn about the need to further improve the institution of victimological prevention of livestock theft as the most effective and capable of minimizing the commission of these crimes in the future.

Keywords: livestock theft, livestock theft, victimization, victim behavior, counteraction to livestock theft, prevention of livestock theft, victimological prevention.

For citation: Fomina I.A. K voprosu o viktimologicheskoy profilaktike krazh skota [On the issue of victimological prevention of abaction theft]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no, 3 (102). pp.121-130 (in Russ.).
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.75.84.011

Наряду с другими преступлениями именно скотокрадство (разновидностью которого является конокрадство) со времён, когда человечество отловило и приручило первое дикое животное, является одним из древнейших и наиболее часто встречающихся преступных деяний, нашедших своё отражение как в нормативно-правовых источниках (кража скота фигурирует в кодексе Хаммурапи, 28 век до н.э.), так и при сложении легенд, былин, в древнем эпосе (например, «Угон быка из Куал(ь)нге»). При этом и по настоящий момент времени скотокрадство (в литературе ещё можно встретить такое синонимичное понятие как «угон скота») было и остаётся острой проблемой для тех регионов, местностей и народов (кочевники), для которых скот – это основной источник удовлетворения потребительских нужд и получения дохода. Соответственно, проблемы противодействия краже скота на сегодня актуальны, а предпринимаемые меры в данном направлении не удовлетворяют предъявляемых к этому институту требований, так как цель всё так же не достигнута, что в полной мере сказывается на экономическом и социальном положении общества в целом, и на материальном положении граждан регионов, где скот – основной источник существования, в частности. При нынешней экономической конъюнктуре регионов ущерб,

причиняемый гражданам хищениями сельскохозяйственных животных, значительно ухудшает их материальное положение, поскольку скот является единственным источником дохода многих граждан [1, с. 121]. Такое положение дел осложняется латентностью рассматриваемого вида преступных деяний. Согласно обобщенным статистическим данным за разные периоды времени, показатель раскрываемости уголовных дел, связанных с угоном скота, не превышает 40 %, а суммы ущерба исчисляются миллионами, при этом в фабуле уголовных дел как правило фигурируют формулировки «неизвестное лицо», «неустановленное лицо»[1].

Анализ специфики совершений хищений скота путём угона показывает, что, во-первых, поведение собственников или владельцев животных может быть беспечным, во-вторых, жертвы данных преступлений сами могут создавать условия, которые помогут совершить преступную деятельность.

Согласно существующей позиции законодателя и правоприменительной практике, кража скота – это совершенное тайно, с корыстной целью, противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Тайность, как обязательный критерий кражи, отделяющий данный вид хищения от других, характеризуется совершением данного действия в отсутствии собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них. В тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества[2], то есть кражей.

Скот относится к группе домашних животных и основное отличие этой группы животных от других из числа домашних – это целевое предназначение: его разводят для получения продуктов питания, жира, шкуры, костей, другой сырьевой продукции, для выполнения транспортных и иных рабочих функций. При этом существующий потребительский подход в основе охранительных норм скота, как природного ресурса и как имущества, вполне обоснован и оправдан, а также лежит в основе и предопределяет существующие в теории, законодательстве и на практике позиции относительно вопросов противодействия краже скота, как деятельность по профилактике и борьбе с рассматриваемыми преступлениями.

Постоянная динамика и совершенствование преступной деятельности требуют использование новых форм и методов профилактики и предупреждения их совершения. В то же время, как представляется, решение вопроса снижения количества рассматриваемых преступлений и предупреждение их совершения, должно основываться не только на изучении самой преступной деятельности как таковой, с целью выработки

---

[1] Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 25.02.2022).

[2] О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. №29 // Российская газета. №9, 18.01.2003

рекомендаций по борьбе с ней, но и на погружении в проблематику существования данных преступлений в целом, с изучением детерминантов их появления и экзистенциализмами относительно потерпевшего.

Преступная деятельность, как разновидность социальной, подчиняется общим правилам взаимодействия ее элементов в процессе реализации. Соответственно изучение личности преступника и личности потерпевшего в их взаимосвязи, взаимозависимое рассмотрение их поведение является той необходимой основой противодействия, которая обусловливает природу данного явления. В этой связи именно виктимологическая профилактика должна стать приоритетным направлением в рамках профилактики совершения краж скота, наряду с другими направлениями профилактической работы в целом, так как в её основе заложен закон самосохранения и защиты себя и своего имущества.

Согласимся с точкой зрения Л.Г. Абдулмуслимовой, что под виктимологической профилактикой следует понимать специфическую «деятельность социальных институтов, направленную на выявление и устранение (нейтрализацию, блокирование) факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение и в этом качестве детерминирующих совершение преступлений; установление групп риска и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности и воздействие на них в целях восстановления или активизации их защитных свойств; разработка либо совершенствование уже имеющихся специальных средств защиты граждан от преступлений и последующей виктимизации» [2, с. 210].

Изучение поведения потерпевшего и особенностей характеристики его личности позволяет, через призму личностных взаимосвязей с различными элементами механизма преступления, уяснить обстоятельства, которые обуславливают и предопределяют возможность совершения преступления, и в равной степени способствует выработке эффективных механизмов и средств противодействия конкретному преступлению. Вне рамок данного исследования рекомендованные меры будут носить либо точечный характер, либо являться бесполезными.

В этой связи существующие современные воззрения на виктимность поведения потерпевшего никак не должны связывать его с виновностью совершения в отношении него или его имущества преступных действий или перекладыванием части ответственности за преступление на саму жертву. Между тем отрицание необходимости изучения поведения жертв в целом, и при совершении кражи скота в частности, может привести к неполноте как самого исследования, так и бесполезности разрабатываемых рекомендаций.

Бесспорно, когда речь идёт о жертве преступного посягательства, сохраняющиеся тенденции к выделению провокационного поведения потерпевшего как основы совершения противоправного действия в отношении него, не позволяют увидеть и понять суть: любой может стать жертвой преступления. В связи с этим не имеет значения само поведение как таковое, если лицо имеет преступные намерения, то оно так или иначе найдёт жертву. Между тем нельзя отрицать того факта, что выбор жертвы зависит в том числе и от самой жертвы, а точнее от того, как воспринимает её и её поведение преступник, какими качествами она обладает, характеристика её поведения до,

в момент и после совершения преступления. Именно в этом контексте изучение поведения потерпевшего, как способного быть воспринятым негативно, позволяет выработать персонифицированные профилактические рекомендации, дающие возможность минимизировать риски, связанные с совершением преступления и его последствиями. Почему необходимо обязательно учитывать такую взаимозависимость, объясняется психологией личности преступника и природой человека в целом. Дело в том, что при выборе предмета преступного посягательства, жертвы преступления, способа действия, преступник руководствуется, в первую очередь, своими личными предпочтениями и потребностями. Кроме того, сама по себе преступная деятельность является изначально противоправной и несёт в себе негативные последствия и риски для тех, кто решил удовлетворить свои потребности таким способом. Соответственно, инстинктивно лицо будет стремиться снизить для себя негативные последствия и возможные трудности при реализации этой деятельности. Всё это влечёт за собой упрощение механизма совершения преступления, выбор более доступного предмета преступного посягательства и более знакомого способа достижения преступного замысла. Даже если лицо совершает преступление впервые, если оно спланировано, то в расчёт берутся всевозможные негативные обстоятельства, они же и влияют на выбор модели поведения и сопутствующих обстоятельств (так, совершить кражу скота в ночное время, когда он без присмотра, проще). В этой связи, профилактическое воздействие на потенциальную жертву будет являться, с одной стороны, более действенным, так как способствует сокращению возможностей совершения преступления (нет повода), с другой стороны – наиболее гуманным по отношению к предполагаемому преступнику, так как такая профилактика не предполагает негативное воздействие на него. Кроме того, мы должны помнить, что при решении вопросов профилактики с вовлечением жертвы, следует говорить именно об индивидуализации ее виктимологической характеристики, то есть возникает необходимость разработки профилактических мероприятий с учётом его психологических, социальных и физиолого-биологических особенностей, которые предопределяют её индивидуальную уязвимость.

Наряду с субъективным окрасом в рамках индивидуальной уязвимости, целесообразно говорить о существовании определенных факторов риска, обстоятельств и ситуаций социальной, демографической, политической и иной направленности общего порядка, которые могут повысить вероятность того, что человек станете жертвой преступления. При этом данные факторы, обстоятельства и ситуации могут меняться в зависимости от типа преступления. В связи с чем их выделение и изучение позволит органам государственной власти разработать программы, направленные на снижение риска преступности среди групп людей высокого риска, а подразделение факторов, обстоятельств и ситуаций на общие, не зависящие от вида преступного посягательства и специальные – характерные именно для конкретного вида преступлений, даст возможность сделать данные рекомендации более действенными. Более того, успех борьбы с преступностью будет более результативным, если государство пойдёт по пути минимизации потенциальных возможностей для преступника совершить конкретный вид преступления, и осуществляться это должно, в том числе, посредством воздействия на потенциальных жертв преступного посягательства.

Исходя из этого, учет определенных закономерностей и виктимологических особенностей поведения потерпевших в механизме совершения кражи скота, как основной элемент предупредительного воздействия, несомненно, является необходим для разработки как эффективных мер борьбы с данным видом преступных деяний в целом, так и при непосредственном выявлении, раскрытии и расследовании уголовных дел, с целью осуществления объективного, всестороннего и полного анализа всех обстоятельств произошедшего события, а равно причин и условий, способствовавших его совершению.

Расследование краж скота осложнено целым рядом проблем правового, социального, организационного и иного характера. Сама преступная деятельность в ряде случаев носит коррумпированный характер, так как для реализации мяса необходимо осуществить ряд подготовительных мероприятий, подготовить сопроводительную документацию, каналы реализации. На эффективность раскрытия преступлений данного вида негативно влияет ряд объективных причин, в том числе отсутствие высокой ответственности и профессионализма у сотрудников правоохранительных органов, легкость сбыта краденой мясной продукции в республике, оставление без надлежащего контроля и присмотра животных на пастбищах и другое [3, с. 50]. А ввиду повышенной латентности данных преступлений, целесообразнее направить усилия на предупреждения их совершения, тем более что, как правило, выбор предмета преступного посягательства напрямую зависит от предшествующего поведения владельцев скота.

Связь между жертвой кражи скота и злоумышленником в рамках механизма взаимодействия «жертва – преступник» всегда следует рассматривать через призму прогнозирования криминального поведения в рамках своевременного установления и борьбы с рассматриваемой преступной деятельностью. В этой связи в контексте рассматриваемых преступлений следует помнить, что взаимосвязь «преступник – жертва» является опосредованной, так как вред от преступления причиняется через предмет преступного посягательства – скот, собственником или владельцем которого является жертва. Соответственно необходимо учитывать это и рассматривать данную схему с учётом корректировки: как «жертва – предмет – преступник», что, несомненно, оказывает влияние на разработку мер профилактического характера и борьбы в рамках противодействия данной преступной деятельности, ведь схема «человек – человек» и «человек – предмет» неравнозначны. Отсюда и вытекает, что, в отличие от преступлений, например, насильственного характера, когда связь «жертва – преступник» прямая и рекомендации даются с учётом именно такой её специфики, здесь, в рамках опосредованного влияния, воздействие профилактических мер должно происходить в рамках схем «жертва – предмет» – «предмер – преступник» и, следовательно, разрабатываемые рекомендации должны учитывать природу и специфику такой корреляционной зависимости. Однако следует помнить, что несмотря на то, что сама по себе жертва рассматриваемого преступления претерпевает в основном материальные потери от данных преступных действий, это никоим образом не нивелирует её статус по сравнениями с жертвами, ставшими непосредственным предметом преступного посягательства (например, при изнасиловании или похищении). В связи с этим, аддивная

виктимность жертв кражи скота требует сосредоточить усилия именно на виктимологической профилактике как наиболее целесообразной и эффективной, ведь не секрет, что основными причинами совершения данных преступлений является инфантилизм в поведении их владельцев.

Следует помнить, что особенностью такой профилактики являются: объект такого воздействия – собственники или владельцы скота; специфичность реализуемых методов и средств; а также цель – изменения пренебрежительного, беспечного отношения к вопросам охраны своего имущества. Ведь в данном случае преступления могло бы и не быть (возможно их реальное снижение) при должной осмотрительности потерпевших.

Основная цель – стимулирование заинтересованности у потенциальных жертв и стремление к устранению детерминантов их виктимного поведения. Системный и комплексный подход предполагает разработку комплекса мероприятий профилактической направленности с учётом адресности проводимой работы, где воздействие происходит на личные качества (меры педагогической коррекции) и социальные факторы (в рамках рассматриваемых преступлениях это в первую очередь материальное обеспечение).

Взаимодействие преступника и жертвы в механизме кражи скота включает следующие поэтапные составляющие. Первоначально – это выбор предмета преступного посягательства, как первый элемент косвенного взаимодействия злоумышленника и потенциальной жертвы, где преступник руководствуется своими целями, с учётом сопутствующих факторов доступности предмета преступного посягательства – скота. Именно на этом этапе многое зависит от отношения собственников или владельцев скота к сохранности своего имущества. И только потом происходит определение способа, подбор средств совершения преступления, с учётом оптимального места и времени, и сами действия преступника по краже.

В этой связи профилактическая работа должна быть сосредоточена на изменении восприятия ситуации потенциальной жертвой, в связи с чем целесообразно сосредоточиться на предоставление населению информацию о:

– характерных способах действия преступников при угоне скота;

– потенциально компрометирующей обстановке, когда кража скота облегчается сопутствующими факторами (например, отсутствие запирающего устройства в месте содержания скота или оставление его без присмотра в ночное время);

– факторах, которые увеличивают риск стать потерпевшим от кражи скота.

Определенные трудности могут быть связанны с реализацией процесса просвещения потенциальных жертв краж скота. Конечно, есть вероятность того, что потенциальные жертвы не обратят внимание на профилактическую информацию, зато она может привлечёт возможных преступников. В этой связи, необходимо разработать, внедрить в различные сферы жизни и активно использовать разнообразные модели доведения профилактической информации до групп риска. Данные модели, в первую очередь, должны быть направлены на повышение бдительности и «профилактику невнимательного, неосмотрительного, небрежного и беспечного поведения потенциальных потерпевших» [4, с. 116].

Важным фактором является выбор субъектов виктимологической профилактики и времени её осуществления.

Важно понимать, что её эффективность в целях предотвращения или минимизации кражи скота немыслима без участия общественности и СМИ. Поэтому на уровне общей виктимологической профилактики их привлечение является обоснованным и оправданным.

При выборе субъектов специальной виктимологической профилактики предпочтение необходимо отдавать тем, кто имеет определённый авторитет у потенциальных жертв кражи скота: в какой-то местности это могут быть глава администрации, представители правоохранительных органов, органы, регулирующие природопользование и др. Не стоит опасаться внедрения и использование новых форм общественного воздействия. Нет единого органа или организации, так как «авторитетность» зависит от многих факторов, таких как:

– нахождение в постоянной взаимосвязи с потенциальными жертвами краж скота,

– личная осведомлённость об их потребностях и проблемах,

– личная демонстрация правового поведения и т.п.

Но именно она должна становиться предопределяющим критерием выбора субъектов виктимологической профилактики. И именно субъекты специальной виктимологической профилактики должны выявлять и установливать потенциальных жертв кражи скота, так как осуществляют непосредственное взаимодействие с ними и могут определить наиболее подверженных из общей массы.

Относительно временной характеристики – данную работу следует проводить на постоянной основе и усиливать в периоды непосредственно перед «обострением» преступной деятельности.

Подводя итоги, следует отметить, что «в нашей стране виктимологическая профилактика является пока очень слабым оружием в борьбе с преступностью, возможно, виной тому слабые рычаги воздействия на жертв, пострадавших от насилия» [5, с. 36]. Между тем виктимологическая профилактика, являясь составной частью предупреждения преступности, занимает в её структуре особое место, поскольку стимулируется личной заинтересованностью предполагаемых жертв, обладает гуманистической направленностью, так как не связанна с возможными репрессивными мерами воздействия на потенциальных виновников, а её основная цель – защита потенциальной жертвы – максимально способствует предупреждению преступной деятельности в целом. Конечно, достаточно проблематично выявить и сделать однозначные выводы относительно всех особенностей взаимодействия в схеме «жертва – злоумышленник» при совершении преступления, так как жертва здесь лишь составная часть механизма кражи скота. Однако в перспективе реальная работа по профилактике с включением в эту деятельность жертвы как объекта в итоге ведёт к минимизации виктимности, что, в свою очередь, будет способствовать уменьшению угона скота.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Ондар, А.Х.Э. Взаимодействие органов внутренних дел с компетентными органами приграничных государств при раскрытии краж сельскохозяйственных животных (по материалам МВД по Республике Тыва) // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 2 (38). – с. 120–123.

2. Абдулмуслимова, Л. Г. Виктимологиская профилактика и значение виктимологических исследований для организации виктимологической профилактики преступлений против жизни и здоровья человека // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 9 (88). – с. 210–212.

3. Монуш, А.С.О. Проблемы скотокрадства в республике Тыва: анализ практики расследования и меры противодействия // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. – 2019. – № 2 (44). – с. 47–55.

4. Камалова, А.К. Виктимологические аспекты механизма преступного поведения при совершении кражи // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 3. – с.114–117.

5. Покатилов, К.С., Бурцева Е.В. Виктимологическая профилактика семейного насилия // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных. – 2017. – с. 33–36.

REFERENCES

1. Ondar A.Kh.E. Interaction of internal affairs bodies with the competent authorities of border states in the detection of theft of farm animals (based on the materials of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Tyva) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2016. – No. 2 (38). – pp. 120–123.

2. Abdulmuslimova L.G. Victimological prevention and the significance of victimological research for the organization of victimological prevention of crimes against human life and health // Eurasian legal journal. — 2015. — No. 9 (88). – pp. 210–212.

3. Monush A.S.O. Problems of cattle stealing in the Republic of Tyva: an analysis of the practice of investigation and countermeasures // Vestnik of the Tuva State University. Social and human sciences. – 2019. – No. 2 (44). – pp. 47-55.

4. Kamalova A.K. Victimological aspects of the mechanism of criminal behavior when committing theft // Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – No. 3. – p.114–117.

5. Pokatilov K.S., Burtseva E.V. Victimological prevention of family violence // Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists. – 2017. – p. 33–36.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фомина Инна Анатольевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России.
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fomina Inna Anatolievna, Candidate of Law, Senior lecturer of the Department of criminal law and criminology East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664074, Irkutsk, st. Lermontov, 110

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022.№ 3 (102). С. 131–144.
Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (102). P. 131–144.

12.00.09. Уголовный процесс

Научная статья
УДК: 343.13
DOI 10.55001/2312-3184.2022.90.79.012

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЭКСПЕРТА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Загорьян Сергей Георгиевич[1], Котельникова Оксана Александровна[2]
[1]Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, Иркутск, zagoryah_sg@mail.ru
[2]Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, Российская Федерация, Владивосток, 267221@mail.ru

Введение: в рассматриваемой статье исследованы некоторые проблемные вопросы о роли эксперта в российском уголовно-процессуальном законодательстве на досудебных и судебных стадиях и пути их решения в уголовно-процессуальном законе Российской Федерации. Проведен анализ проблемных вопросов производства и назначения экспертиз, использования заключения эксперта как доказательства, предложены возможные пути их решения.

Материалы и методы: нормативную основу исследования роли эксперта в уголовно-процессуальном законодательстве составили уголовно-процессуальный закон и локальные нормативные правовые акты Российской Федерации. Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания социальных явлений и процессов, а также методы логической дедукции, познания, сравнения, системного подхода, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили отразить проблемные вопросы, возникающие в практической и научной деятельности вследствие недоработки уголовно-процессуального законодательства в сфере института экспертных исследований как одного из вида доказательств в российском уголовном судопроизводстве.

Выводы и заключения: в сфере практической деятельности и научных исследований в области использования экспертных исследований как вида доказательств возникает ряд проблемных вопросов вследствие недоработки уголовно-процессуального закона. Предлагается внести дополнения и некоторые изменения в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части, касающейся производства экспертиз и использования экспертных исследований как вида доказательств.

Ключевые слова: экспертное исследование, эксперт, заключение эксперта, следователь, дознаватель, суд, проблемные вопросы, доказательства, процессуальные действия, предварительное расследование, судебное следствие.

© Загорьян С. Г., Котельникова О. А., 2022

Для цитирования: Загорьян С.Г., Котельникова О.А. К вопросу о роли эксперта в Российском уголовно-процессуальном законодательстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 131–144.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.90.79.012

12.00.09. Criminal process

Original article

THE QUESTION OF THE ROLE OF THE EXPERT IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

Sergey G. Zagoryan [1], Oksana A. Kotelnikova [2]
[1]East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, zagoryah_sg@mail.ru
[2]Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Russian Federation, 267221@mail.ru

Introduction: this article discusses some problematic issues about the role of an expert in the Russian criminal procedure legislation at the pre-trial and trial stages and ways to solve them in the criminal procedure law of the Russian Federation. The analysis of the problematic issues of the production and appointment of examinations, the use of the expert's opinion as evidence was carried out, possible ways of solving them were proposed.

Materials and methods: the normative basis for the study of the role of an expert in criminal procedure legislation was formed by the criminal procedure law and local regulatory legal acts of the Russian Federation. The methodological basis of the study is the dialectical method of cognition of social phenomena and processes, as well as the methods of logical deduction, cognition, comparison, systematic approach, analysis, generalization and description.

The results of the study*:* allowed to reflect the problematic issues that arise in practical and scientific activities due to the flaws in the criminal procedure legislation in the field of the institute of expert research as one of the types of evidence in Russian criminal proceedings.

Findings and Conclusions: in the field of practice and scientific research in the field of using expert research as a type of evidence, a number of problematic issues arise due to shortcomings in the criminal procedure law. It is proposed to make additions and some changes to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in terms of the production of expert examinations and the use of expert studies as a type of evidence.

Keywords: expert study, expert, expert opinion, investigator, investigator, court, problematic issues, evidence, procedural actions, preliminary investigation, judicial investigation.

For citation: Zagoryan S.G., Kotelnikova O.A. K voprosu o roli jeksperta v Rossijskom ugolovno-processual'nom zakonodatel'stve [The question of the role of an expert in the Russian criminal procedure legislation Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD

Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102), pp.131–144 (in Russ.).
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.90.79.012

Несмотря на то, что тема роли эксперта в уголовном судопроизводстве Российской Федерации является в настоящее время одной из самых разработанных в юридической науке, необходимо отметить, что она не становится менее актуальной и полностью изученной. В связи с этим теоретическая и практическая значимость эксперта в уголовно-процессуальной деятельности всегда будет нуждаться в дополнительных исследованиях. И особое внимание при этом связано с деятельностью эксперта как одного из наиболее значимых иных участников уголовного процесса. Роль эксперта в доказывании по уголовному делу и в достижении назначения уголовного судопроизводства неоценима, в связи с чем его положение, связанное с участием в уголовном процессе при производстве экспертизы и формировании заключения как вида доказательства, неотделимо от процесса доказывания. Значимость судебной экспертизы как вида доказательства подтверждается и позицией Верховного Суда Российской Федерации, осуществившего на основе обобщения практики применения данного вида доказательства разъяснения правил федерального законодательства при производстве экспертизы и формировании заключения как вида доказательства в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г.№ 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

В данной работе нам хотелось бы осветить следующие вопросы:

- рассмотреть эксперта как одного из значимых участников уголовного процесса, его права и обязанности;
- исследовать участие эксперта в досудебном производстве;
- рассмотреть участие эксперта в судебном производстве;
- осветить структуру и содержание заключения эксперта.

Исследуя правовой статус эксперта, следует основываться, безусловно, на положениях уголовно-процессуального закона, определяющих эксперта как одного из иных участников уголовного судопроизводства, процессуальное положение которых получило регулирование в главе 8 УПК РФ.

По мнению ряда авторов, задача иных участников уголовного судопроизводства (в том числе и эксперта) состоит в выполнении неких вспомогательных функций для обеспечения уголовного судопроизводства. Относительно роли эксперта, выполняющего вспомогательные функции, мы позволим себе не согласиться с данной точкой зрения. Необходимость проведения судебной экспертизы в первую очередь обусловлена потребностью привлечения специальных знаний для получения доказательств по уголовному делу. Рассматриваемое следственное действие характеризуется определенной спецификой, что определяется как в организации производства, так и в постановке экспертных вопросов и дальнейшей методике проведения исследований [1, с.15]. Для этой цели привлекается в качестве эксперта лицо, обладающее специальными специфическими знаниями в различных областях и в связи с этим становящееся в уголов-

ном деле участником уголовного судопроизводства, от знаний которого зачастую зависит итоговое решение по уголовному делу. Эксперт как участник уголовного процесса участвует в производстве судебной экспертизы в связи с тем, что он обладает специальными специфическими знаниями, о чем говорится в ст. 57 УПК РФ, регулирующей процессуальное положение рассматриваемого участника. К примеру, при расследовании преступлений, связанных с транспортом, необходимо проведение автотехнической экспертизы для исследования технического состояния узлов и деталей транспорта, маркировочных обозначений транспортного средства [2, с.168]. Для проведения экспертизы в данном случае необходимы специальные знания в области транспорта. В сфере компьютерных и телекоммуникационных технологий при производстве экспертизы необходимы не только специальные специфические познания в данной области, но и умение использовать новейшие технико-криминалистические средства [3, с. 183]. Лицо, не обладающее необходимыми специальными знаниями, не может быть привлечено в качестве эксперта. Также немаловажно отметить еще один аспект правового статуса эксперта как то, что он должен одновременно иметь не только специальные знания, но и возможность их грамотного применения. Для этого необходимо иметь достаточный опыт практической деятельности, навыки использования данного опыта. Обладание специальными специфическими знаниями и практическими навыками одновременно образуют должную компетентность эксперта в уголовном процессе. Е.Р. Россинская также в круг компетенций включает круг полномочий, прав и обязанностей эксперта, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве [4, с. 59]. П.4 ч.3 ст.57 УПК РФ определяет право эксперту давать заключение в пределах его компетенции, что, безусловно, выглядит вполне органически и логически оправданным и само собой разумеющимся. Для эксперта устанавливается определенный уровень квалификации, который пересматривается каждые пять лет. Применительно к установлению компетенции эксперта ряд ученых-процессуалистов также справедливо указывают на необходимость обязательного выяснения прохождения экспертом аттестации, подлежащей в последующем подтверждения не реже одного раза в течение пяти лет, и наличия лицензии. Таким образом, если в ходе проверки при предварительном расследовании или в ходе судебного разбирательства квалификация эксперта будет определена как недостаточная для разрешения поставленных в постановлении о назначении экспертизы вопросов, то необходимо будет признать недопустимыми доказательства, которые были получены экспертом при проведении исследования. Однако, на наш взгляд, следует отметить, что это приемлемо только для штатных государственных экспертов. Специалисты, разово привлекаемые в качестве экспертов, такой возможности не имеют. Да им это и не нужно, такой специалист может привлекаться в качестве эксперта иногда всего лишь один раз в жизни.

Права эксперта в уголовном процессе сформулированы в ч.3 ст.57 УПК РФ. Положение эксперта, согласно вышеуказанной статье, достаточно специфично, от его участия зависит получение доказательства по различным важнейшим обстоятельствам преступления. Эксперту предоставлено право знакомиться с материалами уголовного дела, которые ему необходимы для производства экспертизы. Реализация данного права должна способствовать более полному и всестороннему исследованию в рамках экспертизы, что неизбежно повысит качество заключения эксперта. Следующее право

эксперта также направлено на более эффективное проведение судебной экспертизы, когда может оказаться недостаточным количество представленных на исследование материала и объектов. В связи с этим эксперт имеет право ходатайствовать перед лицом, осуществляющим расследование по уголовному делу, о предоставлении ему дополнительных объектов и материалов. В продолжение этого права эксперт может при необходимости ходатайствовать об участии при проведении экспертизы наряду с ним и других экспертов.

В ряде случаев на результаты экспертного исследования как положительное может влиять участие эксперта в некоторых следственных действиях, для чего ему предоставлено право заявлять об этом ходатайство (п.3 ч.3 ст. 57 УПК РФ). Использование специальных знаний при участии эксперта (специалиста) в следственных действиях позволяет выявить и зафиксировать следы преступной деятельности [3, с. 186]. Кроме того, при производстве следственных действий эксперт вправе задавать вопросы, связанные с предметом проводимой им экспертизы.

Для нормального построения процессуальных отношений эксперту предоставлено право на обжалование действий, ограничивающих его права со стороны лица, осуществляющего расследование, либо прокурора (п.5 ч. 3 ст. 57УПК РФ). Кроме этого, эксперт наделен правом отказаться от дачи заключения, если материалов для проведения исследования предоставлено недостаточно либо его познания недостаточны для проведения данной экспертизы. Мотивы отказа эксперт должен изложить в письменном виде (п. 6 ч.3 ст. 57 УПК РФ). Мотивы отказа эксперта в даче заключения могут быть следующие:

- для проведения экспертизы требуются познания в иной области, то есть необходимо привлечение специалиста иной области;
- вопросы, которые были поставлены перед экспертом, не требуют применения специальных знаний и могут быть разрешены следователем, дознавателем, судом самостоятельно;
- в настоящий момент наука не имеет способов и методов, которые могли бы разрешить поставленные в ходе расследования вопросы;
- процессуально неверное оформление документов;
- некорректно и неполно поставленные вопросы;
- недостаточная информированность по материалам, переданных эксперту;
- отсутствие в данном учреждении необходимых для проведения экспертизы материалов и другие.

В случае, если поставленные вопросы частично могут быть разрешены, а частично нет, то отдельного сообщения о невозможности дачи заключения по этим вопросам не составляется. В таком случае эксперт в заключении указывает, какие вопросы и почему не могут быть им разрешены.

Конкретно обязанности эксперта в уголовно-процессуальном законодательстве не сформулированы. Тем не менее, в части 4 статьи 57 УПК РФ определены действия, которые не вправе производить эксперт, т.е. определен запрет на проведение конкретных действий. Это запрет вести какие-либо переговоры с другими участниками уго-

ловного судопроизводства, самостоятельно осуществлять сбор материалов для исследования, без разрешения следователя, дознавателя, суда проводить исследования, которые могут повлечь изменение свойств объекта лидо его уничтожение. Также эксперт не вправе уклоняться от явки по вызову лица, проводящего расследование, разглашать сведения по уголовному делу, давать заведомо ложное заключение. На наш взгляд, целесообразно было бы ряд этих запретов конкретизировать и отнести в рамках законодательства к обязанностям.

Следует отметить, что судебная экспертиза – это одно из немногих следственных действий, производство которой предусмотрено законом на стадии доследственной проверки. Это, безусловно, прорыв в уголовном судопроизводстве. Однако наиболее широкое использование судебной экспертизы в качестве доказательства происходит в стадии предварительного расследования как один из способов получения доказательств путем назначения и производства различных судебных экспертиз [5, с. 25]. В основном назначение судебной экспертизы осуществляет следователь и дознаватель. Закон не запрещает назначение экспертизы органом дознания как неотложное следственное действие. Однако в практической деятельности эта правовая норма не действует. Так, может быть, эту «мертвую» правовую норму исключить из уголовно-правового закона.

В большинстве случаев решение о назначении экспертизы в досудебном производстве следователь, дознаватель принимают самостоятельно, за исключением, когда необходимо получить решение суда (п.3 ч.2 ст.29).

Проведение судебной экспертизы достаточно сложное следственное действие, исследовательскую часть которой проводит эксперт, и итоговым документом исследования является заключение, предусматривающее собой ответы на поставленные следователем, дознавателем или судом вопросы. В связи с этим очень значимо процессуально грамотное оформление решения (постановления) о назначении экспертизы с четко поставленными вопросами, входящими в компетенцию эксперта. В рамках оперативно-розыскной деятельности есть понятие «оперативное сопровождение» уголовного дела. В рамках уголовно-процессуальной деятельности и криминалистики ряд специалистов говорят о необходимости и значимости «экспертного сопровождения». На наш взгляд, это верная точка зрения. Лицо, производящее расследование по уголовному делу, не должно ограничиваться только вынесением постановления о назначении экспертизы. Необходимо тесное взаимодействие сначала со специалистом, затем с экспертом (желательно чтобы это было одно и то же лицо), от момента вынесения постановления о назначении экспертизы до момента вынесения заключения. Это, безусловно, позитивно повлияет на эффективность, в особенности на стадии предварительного расследования.

Исследуя аспект участия эксперта в уголовном процессе, необходимо уяснить, что полного и объективного производства экспертизы значимы такие структурные элементы постановления о назначении экспертизы, как описательно-мотивировочная часть. Процессуально грамотно сформулированные следователем, дознавателем либо судом вопросы, поставленные перед экспертом для их разрешения, и полнота представляемых для исследования материалов и иных объектов имеют немаловажное зна-

чение. В некоторых случаях имеет место некорректная формулировка вопросов эксперту, особенно на стадии предварительного расследования [6, с. 43]. Постановление о назначении экспертизы должно соответствовать всем требованиям законности и обоснованности.

Расширение полномочий эксперта предусмотрено в законе также в отношении представляемых на исследование материалов и объектов. Эксперт может ходатайствовать об их увеличении, что, скорее всего, не произойдет при «экспертном сопровождении» во время проведения предварительной консультации лица, производящего расследование, с будущим экспертом в качестве специалиста. Все возникающие вопросы, связанные с получением необходимых ответов в заключении эксперта, будут также решены на этапе консультации. На минимизацию таких отклонений оказывает влияние и накопленный практический опыт как эксперта, так и лица, осуществляющего расследование. В связи с этим у эксперта не возникнет необходимости прибегать к реализации вышеуказанных прав. А это в свою очередь заметно сокращает сроки производства экспертизы, а значит, и сроки расследования уголовного дела.

В связи с расширением этапов участия эксперта в уголовном судопроизводстве встает вопрос об ограничении сроков проведения экспертизы и на первоначальной стадии, когда заключение эксперта необходимо именно для принятия решения по материалам проверки (возбудить уголовное дело либо отказать в возбуждении). Проведение судебной экспертизы является одним из оснований для максимального срока продления проверки материалов о предполагаемом преступлении. И в данном случае тесное консультативное сотрудничество на первоначальном этапе между специалистом (в дальнейшем экспертом) и сотрудником, осуществляющим проверку информации о признаках преступления, позволит сократить сроки проверки для принятия решения.

При получении постановления о назначении экспертизы эксперт должен ознакомиться с постановлением и поставленными в нем вопросами, предоставленными для исследования материалами и иными объектами. В этой части уголовно-процессуальным законом не предусмотрено выполнение процессуального действия по ознакомлению эксперта, как участника уголовного судопроизводства, с постановлением о назначении экспертизы, в отличие, скажем, от свидетеля, потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого), защитника или законного представителя.

В практической деятельности следователь, дознаватель, суд в основном взаимодействуют на начальном этапе производства экспертизы не с самими экспертами, а с их руководителями как государственных, так и негосударственных экспертно-криминалистических учреждений. Законом предусмотрена возможность привлечения в качестве эксперта лица, не состоящего в штате экспертно-криминалистического учреждения. Конечно, предпочтительнее привлекать для проведения экспертизы штатных профессиональных экспертов. Однако не всегда такая возможность имеется. В таких ситуациях следователь, дознаватель, суд должен сам тщательно проверить наличие специальных знаний и компетентность лица и выяснить отсутствие оснований, исключающих возможность проведение этим лицом конкретной экспертизы. В любом случае

эксперт не должен скрывать обстоятельства, которые могут повлечь его отвод в порядке ст.70 УПК РФ. В конечном счете сокрытие данных обстоятельств может повлечь признание заключения эксперта недопустимым доказательством.

Непосредственный исследовательский этап проведения экспертизы осуществляется экспертом на основе разработанных научных методик конкретного вида экспертиз, с учетом ведомственных нормативных правовых документов с использованием технических средств. При этом лицу, проводящему расследование по данному уголовному делу, разрешено присутствовать в ходе проведения экспертом исследования и экспертизы в целом, получать от эксперта разъяснения по поводу проводимых действий. Особенно это характерно для судебно-медицинской экспертизы трупа.

На заключительном этапе своего участия в проведении экспертизы эксперт оформляет его в виде заключения и формулирует ответы на поставленные в постановлении о назначении экспертизы вопросы. Затем данное заключение передается следователю, дознавателю, суду, которые в свою очередь производят его оценку. В необходимых случаях эксперт, в целях разъяснения выданного им заключения, может быть допрошен.

Участие эксперта в судебных стадиях в основном осуществляется в судах первой и апелляционной инстанций, поскольку производство экспертизы является составной частью судебного следствия. Экспертиза в судебном следствии проводится по аналогичным правилам, что и на досудебных стадиях.

По многим уголовным делам в судах прослеживается преемственность доказательств, сформированных следователем (дознавателем), несмотря на то что суд в соответствии с условием непосредственности исследует все доказательства стороны защиты и обвинения. Сказанное касается и экспертизы, результаты которой оглашаются в суде одной из сторон, в зависимости от принадлежности заключения эксперта к обвинительным или оправдательным доказательствам, если они не оспариваются сторонами.

Однако в судебном разбирательстве также может возникнуть необходимость назначения и проведения экспертизы, как первоначальной, так и дополнительной и повторной, когда невозможно преодолеть наличие противоречий между заключениями экспертов только путем допроса экспертов. Если в судебном следствии имеется возможность устранить противоречия путем допроса экспертов, то назначать дополнительную или повторную экспертизу нет необходимости. Однако практика показывает, что данные требования выполняются не всегда. К примеру, апелляционная инстанция Т-го областного суда отменила 21 марта 2018 года решение районного суда от 21 декабря 2017 года о возвращении уголовного дела прокурору, так как имеющиеся противоречия между заключениями экспертов могли быть устранены путем допросов экспертов в судебном разбирательстве.

Насколько полно подлежит изложению обоснованность назначения и проведения экспертизы, разумеется, зависит от лица, производящего расследование. Вместе с тем оно должно оптимально благоприятно вводить эксперта в понимание необходимости и целесообразности экспертного исследования. Несмотря на это, как мы уже отмечали ранее, в законе справедливо предусмотрена возможность участия эксперта

в процессуальных действиях в целях получения еще большего количества необходимой информации о материалах, объектах и цели экспертного исследования.

Вопросы, подлежащие постановке перед экспертом, также очень значимы и при формулировании вопросов необходимо соблюдать ряд правил:

- вопросы должны быть сформулированы четко;
- вопросы должны соответствовать компетенции эксперта [6, с. 44].

Для этой цели следователь, дознаватель, суд вправе для их процессуально грамотного формулирования привлечь специалиста, в качестве которого может выступить будущий эксперт, который впоследствии произведет экспертное исследование. В этой части в уголовно-процессуальном законе также предусмотрена возможность ответа эксперта на вопросы, которые не были по какой-либо причине перед ним поставлены, но их формулирование и ответ на них прямо связаны с предметом данной судебной экспертизы.

Как уже отмечалось ранее, экспертиза в суде проводится по общим правилам, с учетом в большей мере состязательности сторон, которая выражается в предоставлении судом сторонами равных возможностей в формулировании вопросов для постановки перед экспертом, в обсуждении их непосредственно в зале судебного заседания. Суд формулирует вопросы, в том числе новые для эксперта, в своем постановлении или определении с учетом мнения сторон, о чем говорится в ч.2 ст.283 УПК РФ. Данные вопросы оглашаются судом, затем заслушиваются мнения стороны обвинения и стороны защиты. Однако оглашение и обсуждение заключения эксперта в этой статье не предусмотрено. Статья 285 УПК РФ предусматривает оглашение заключения эксперта только по ходатайству одной из сторон, т.е. и данная статья не предусматривает обязательного оглашения и обсуждения заключения эксперта.

Одним из видов доказательств, согласно ст.74 УПК РФ, является заключение эксперта. Как мы уже говорили ранее, при наличии противоречий между заключениями экспертов, которые невозможно устранить в результате допросов экспертов, суд назначает дополнительную или повторную экспертизу. Однако статья 283 УПК РФ не предусматривает проведение указанных видов экспертиз при наличии разногласий между заключением эксперта и заключением специалиста. А ведь и то, и другое заключение являются доказательствами. При этом доказательственное значение заключения эксперта не оспаривается, а вопрос о доказательственном значении специалиста в научной литературе до настоящего времени остается дискуссионным. Специалист высказывает свое мнение или суждение по вопросу, который находится в поле его профессиональной компетенции, в то время как эксперт проводит более полноценное исследование, результаты которого могут не совпадать и даже противоречить его предварительному мнению. Кроме того, суждения специалиста отражают только степень его знаний по некоторым вопросам и их предоставление не может выявить некоторый новый материал для осмысления. В то время как в процессе исследования, проводимого экспертом, могут быть получены новые данные, которые не согласуются с первоначальными утверждениями, но являются верными. Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации не отдает предпочтения какому-либо доказательству. Отсюда следует, что заключение эксперта и заключение специалиста как доказательства

по степени значимости равнозначны. Да и статья 17 УПК РФ в пункте 2 конкретно указывает, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Каким образом оценивать данные виды доказательств, если они окажутся противоположны. Можно, конечно, сказать, что эксперт несет уголовную ответственность за заведомо ложное заключение, а специалист нет, и исходя из этого заключение эксперта более значимо. Кстати, суды и идут по этому пути, и, на наш взгляд, в данной ситуации – это наиболее верное решение. Но ведь эксперт может и искренне заблуждаться в своем решении в силу недостаточности специальных познаний и своей недостаточной компетенции. Мы считаем, что в данном случае несколько нарушается принцип состязательности сторон, где сказано, что обе стороны равноправны перед судом. Более того, назначить проведение исследования экспертом вправе только органы предварительного расследования либо суд, как лично, так и по ходатайству сторон. Сторона защиты о производстве данного вида исследования может только ходатайствовать. А ведь ходатайство стороной защиты о проведении исследования экспертом может быть и не заявлено по какой-либо причине, и сторона защиты может ограничиться только заключением специалиста. Поэтому, даже при наличии достаточной правовой базы, часто возникают ошибки в привлечении узких специалистов с целью проведения экспертиз [6, с.42].

Анализ материалов судебной практики показывает, что суд в основном проверяет заключения экспертов, предъявляемые стороной обвинения в качестве доказательств. Так, апелляционной инстанцией С-го областного суда определением от 27 марта 2018 года установлены грубейшие нарушения требования закона при установлении компетенции эксперта, привлеченного для проведения экспертизы в стадии предварительного расследования. У лица, привлеченного для экспертного исследования, оплаченного потерпевшим, не было сертификата на проведение подобного исследования, при проведении исследования эксперт никакими методиками не руководствовался и даже не предупреждался об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение. Приведенные обстоятельства не были выявлены судом первой инстанции, в связи с этим приговор был отменен апелляционной инстанцией. А данное уголовное дело было передано на новое судебное разбирательство в суде первой инстанции.

В связи с этим мы предлагаем внести изменения в ч.4 ст. 283 УПК РФ и дополнить их следующим содержанием: после фразы «заключениями экспертов» добавить фразу «или заключениями эксперта и специалиста», после фразы «допроса экспертов» добавить фразу «или допросов эксперта и специалиста». В данном случае будет предельно ясно, что при наличии разногласий между заключениями эксперта и специалиста дополнительная либо повторная экспертизы расставят все точки над i.

Для фиксации результатов экспертного исследования предусмотрена специальная форма процессуального документа: заключение эксперта, получившая регулирование в общих чертах в рамках ст.204 УПК РФ. Установление в законе особенностей фиксации результатов судебной экспертизы в виде заключения эксперта обусловлено тем, что посредством производства экспертизы происходит привлечение в уголовный процесс научных разработок и положений. Благодаря этому возможно получение, из-

влечение и использование доказательственной информации, что не может быть осуществлено следователем (дознавателем) или судом путем применения ими познаний только в области юридических наук.

Заключение эксперта, как и иной процессуальный документ, имеет единую структуру, состоящую из трех частей, взаимосвязанных между собой и вытекающих одна из другой в связи с поступательной и логически обоснованной формой изложения. Заключение эксперта, исходя из части 1 ст. 204 УПК РФ, структурно можно разделить на вводную часть, исследовательско-описательную и выводы эксперта.

Во вводной части заключения эксперта должны быть отражены такие сведения, как основания проведения экспертизы, лицо, назначившее исследование, и ряд других сведений, которые могут быть взяты только из постановления о назначении экспертизы, на что указывают п.п.3–4, 6–7 ст. 204 УПК РФ. Кроме того, во вводной части заключения должны быть отражены и другие процессуальные требования, обозначенные в п.п. 4–5 ст. 204 УПК РФ (компетентность, ответственность). Компетентность выражается стажем работы по профилю, ученой степенью и ученым званием, образованием, занимаемой должностью. Ответственность определяется предупреждением об уголовной ответственности за заведомо неверные выводы.

Исследовательско-описательной части посвящены, как нам думается, п.п.6, 9 ст. 204 УПК РФ, указывающие на необходимость фиксации содержания и результатов исследования, с изложением примененных методик. При этом исследовательско-описательная часть в содержании заключения эксперта занимает одно из важнейших мест, в связи с чем в нем также необходимо подробно указать методы, примененные на различных этапах исследования и полученные при этом результаты. Необходимо, кроме этого, указать, какие специальные программные средства использовались, какие проводились эксперименты и какие получились результаты и другое. Однако надо отметить, что излишняя ненужная информированность описательно-мотивировочной части, когда объем заключения увеличивается за счет неоднократного повторения реквизитов, а само исследование умещается на нескольких страницах, не приветствуется ни практиками, ни учеными-процессуалистами.

В исключительной компетенции эксперта находится право проводить исследования и формулировать выводы на основании полученных результатов. Выводы в заключении эксперта представляют собой ответы на поставленные вопросы. Ответы должны быть четкими, одновременно вероятными или конкретно-категоричными. Именно выводы ложатся в основу экспертных доказательств. Сущностью заключения эксперта является то, что оно позволяет на основе научных достижений и разработок, характеризующихся постоянным обновлением, отыскивать и устанавливать информацию об обстоятельствах, необходимых доказыванию, извлекать их, исследовать и затем использовать как доказательства в рамках конкретного уголовного дела.

Заключение эксперта может быть использовано в уголовном деле как доказательство только после его оценки, согласно общим правилам ст. 88 УПК РФ в совокупности со всеми другими доказательствами. Оценка заключения эксперта как доказательства производится следователем, дознавателем, судом либо прокурором с точки зрения относимости, допустимости и достоверности. По своему содержанию

заключение эксперта, как и иной вид доказательства, согласно ст. 73 УПК РФ должно иметь связь с обстоятельствами, подлежащими доказыванию в рамках уголовного дела, содержать сведения, доказывающие событие преступления.

Одно из требований, предъявляемых к доказательствам, относимость. Это требование обязательно и для заключения эксперта. Стоит отметить, что основы относимости будущего заключения эксперта создаются еще следователем, дознавателем и судом при формулировании в постановлении о назначении экспертизы вопросов для ответа экспертом. Эксперт должен следовать этому требованию, осуществляя исследование, составляя ответы на вопросы в своих выводах. Выводы эксперта должны соотноситься с другими доказательствами по уголовному делу.

Допустимым доказательством признается заключение эксперта, если оно получено по правилам УПК РФ, соответствует его требованиям и подвергнуто судебной оценке. Это означает, что сведения экспертного исследования могут быть приняты как доказательство только в определенной уголовно-процессуальным законом форме. Допустимость заключения эксперта предполагает оценку многих параметров данного вида доказательства. Одним из значительных критериев допустимости рассматриваемого вида доказательства следует назвать компетентность лица, привлекаемого в качестве эксперта, выражающаяся в обоснованности используемой экспертом научной методологии экспертного исследования, ее обязательное включение в виде содержания исследования в заключение эксперта, грамотность и ясность изложения текста в заключении и т. д.

Особенностью оценки заключения эксперта как доказательства выступает тот факт, что для его составления были использованы специальные знания, которыми ни следователь (дознаватель), ни суд, ни другие участники уголовного судопроизводства не владеют. Поэтому одним из самых сложных в оценке заключения эксперта следует признать оценку содержания исследования, что влияет не только на допустимость, но также на достоверность данного вида доказательства. Это означает, что лица, оценивающие заключение эксперта как вид доказательства, должны обладать хотя бы в общем виде специальными познаниями в данной области исследования, соответствующей подготовкой, чтобы исключить формальный подход к оценке доказательства. При оценке достоверности проверке подлежат следующие вопросы:

– обоснованность и аргументированность выводов эксперта;

– полнота исследования, в том числе полнота использования предоставленных эксперту материалов и объектов и современных научных методик;

– подтверждается ли вывод эксперта проведенным им исследованиям (на данном этапе может возникнуть необходимость в помощи специалиста, который сможет оценить эффективность примененных научных методов и полноту их реализации);

– согласованность выводов эксперта с другими материалами уголовного дела;

– относимость заключения эксперта и др.

Некоторые ученые-правоведы предлагают к обязательным требованиям отнести ряд других, среди которых особое внимание заслуживают такие как научность и практическая значимость.

Из вышесказанного следует, что правовой статус эксперта как одного из участников уголовного судопроизводства во многом определяется положениями УПК

РФ и других нормативных правовых актов. В уголовном процессе эксперт представлен как участник уголовного судопроизводства, основное предназначение которого состоит в обеспечении содействия органам предварительного расследования и суду в ходе собирания и проверки ими доказательств путем проведения исследования посредством такого следственного действия, как судебная экспертиза. Эксперт как специалист в силу компетентного обладания специальными знаниями и практическими навыками по их применению привлекается для экспертного исследования и в дальнейшем составления заключения. В целях достижения стоящих перед ним задач он наделен согласно ст.53 УПК РФ правами и обязанностями.

Также обращено особое внимание на необходимость более тесного взаимодействия органов расследования и эксперта (специалиста – будущего эксперта по данному уголовному делу) в рамках «экспертного сопровождения», поскольку оно способствует эффективности проведения экспертизы и доказательственной деятельности, как в досудебном, так и в судебном производстве. Посредством специальных знаний, исследований, умозаключений и выводов эксперт может предоставить данные и доказательства, имеющие существенное значение для расследования уголовного дела. Заключение эксперта способно устранить пробелы и противоречия в уголовном деле путем опровержения или подтверждения доказательств, полученных в ходе расследования.

В заключение необходимо отметить, что роль эксперта, его заключения в доказывании по уголовным делам невозможно переоценить. Судебная экспертиза является главной, едва ли не единственной процессуальной формой использования специальных-специфических знаний в процессе доказывания по уголовным делам российского уголовного судопроизводства. Деятельность же эксперта позволяет путем проведения комплексного специального исследования решать задачи расследования [1, с. 18].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зайцев, А.П. Митрофанова А.А. К вопросу о возможностях судебно-медицинских экспертиз при расследовании авиационных катастроф // Российский следователь. – 2017.– № 23. – С. 14–19.

2. Валиев, Я.П. Особенности выявления и раскрытия мошенничеств, совершенных при оформлении сделок купли-продажи автотранспортных средств // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021.– № 2 (97). – С. 160–173.

3. Ищенко, И.П., Костюченко, О.Г. Современные технико-криминалистические средства, применяемые для обнаружения доказательств на электронных носителях информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021.– № 2(97). – С. 181–189.

4. Россинская, Е.Р. Современные проблемы судебно-экспертной дидактики // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 12.– С. 56–62.

5. Грибунов, О.П., Милюс, А.И. Применение специальных знаний и назначение судебных экспертиз при расследовании уголовных дел, связанных с хищением нефти и нефтепродуктов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021.– № 2(18). – С.22–30.

6. Зиненко, Ю.В., Сергеева, О.В. Проблемы назначения комиссионных судебно-медицинских экспертиз по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 2(18). – С.38–46.

REFERENCES

1. Zaitsev A.P., Mitrofanova A.A. To the question of the possibilities of forensic medical examinations in the investigation of aviation accidents // Russian investigator. — 2017. — No. 23. — P. 14–19.

2. Valiev Ya.P. Peculiarities of detecting and disclosing fraud committed during the execution of transactions for the purchase and sale of vehicles // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — No. 2 (97). — pp. 160-173.

3. Ishchenko I.P., Kostyuchenko O.G. Modern technical and forensic tools used to detect evidence on electronic media // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — No. 2 (97). — pp. 181–189.

4. Rossinskaya E.R. Modern problems of forensic didactics // Bulletin of the University. O.E. Kutafin (MSUA). — 2015. — No. 12. — P. 56-62.

5. Gribunov O.P., Milyus A.I. The use of special knowledge and the appointment of forensic examinations in the investigation of criminal cases related to the theft of oil and oil products // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. — 2021. — No. 2 (18). —pp.22—30.

6. Zinenko Yu.V., Sergeeva O.V. Problems of appointing commission forensic medical examinations on the facts of improper provision of medical care // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. — 2021. — No. 2(18). — pp.38—46.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Загорьян Сергей Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074,. Иркутск, ул. Лермонтова,110.

Котельникова Оксана Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, 690087, Владивосток, Котельникова, 21

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zagoryan Sergey Georgievich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074, Irkutsk, st. Lermontov, 110.

Kotelnikova Oksana Alexandrovna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure. Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 680020, Khabarovsk, per. Barracks, 15.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 13.09.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022.№ 3 (102). С. 145–154.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (102). P. 145–154.

12.00.09. Уголовный процесс

Научная статья
УДК: 343.1
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.19.31.013

ОЗНАКОМЛЕНИЕ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С СОСТАВОМ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППЫ

Кащак Алёна Вениаминовна
Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, buta90@mail.ru

Введение: статья посвящена анализу правовой регламентации ознакомления подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего с составом следственной группы. Рассматриваются основания подачи жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ в связи с несвоевременным ознакомлением участников уголовного судопроизводства с составом следственной группы. Проводится сравнительный анализ норм УПК РСФСР и УПК РФ, регламентирующих производство предварительного следствия следственной группой. Вносятся предложения о совершенствовании ст. 163 УПК РФ.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, судебная практика. Методологической основой исследования являются исторический, формально-юридический методы, общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения.

Результаты исследования: обозначен пробел в уголовно-процессуальном законодательстве при ознакомлении подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего с составом следственной группы. В уголовно-процессуальном законе не конкретизирован срок ознакомления участников уголовного судопроизводства с составом следственной группы.

Выводы и заключение: в целях правового решения пробела в законодательстве автор предлагает установить срок ознакомления с составом следственной группы не позднее 15 дней после принятия решения о создании, изменении или расформировании следственной группы.

Ключевые слова: следственная группа, отвод, состав следственной группы, ознакомление с составом следственной группы, отвод следователю.

Для цитирования: Кащак А.В. Ознакомление участников уголовного судопроизводства с составом следственной группы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 145–154.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.19.31.013

© Кащак А. В., 2022

12.00.09. Criminal proceedings

Original article

INTRODUCING THE PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS WITH THE COMPOSITION OF THE INVESTIGATIVE GROUP

Alyona V. Kashchak
Postgraduate education student, The East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, buta90@mail.ru

Introduction: The article is devoted to the analysis of the legal regulation of acquaintance of the suspect, the accused and the victim with the composition of the investigation group. The grounds are consider for filing complaints in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the inopportune acquaintance of the participators in penal proceedings with the composition of the investigation group. A comparative analysis of the norms of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which regulate the conducting of a preliminary investigation by an investigative group, is carried out. Proposals are made to improve Art. 163 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Materials and methods: the normative basis of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal procedural legislation, judicial practice. The methodological basis of the research is historical, formal-legal methods, general scientific methods of analysis, synthesis, comparison.

The results of the study: a gap in the criminal procedure legislation is indicated when familiarizing the suspect, the accused and the victim with the composition of the investigation team. The Criminal Procedure Law does not specify the period for familiarizing the participants in criminal proceedings with the composition of the investigation team.

***Findings and Conclusions*:** for the purpose of a legal solution, in the considered article of a gap in the legislation, the author proposes to establish a deadline for familiarization with the composition of the investigation group no later than 15 days after the decision to create, change or disband the investigation group.

Key words: investigation group, challenge, composition of the investigation group, familiarization with the composition of the investigation group, challenge to the investigator.

For citation: Kashchak A.V. Oznakomlenie uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva s sostavom sledstvennoj gruppy [Introducing the participants in criminal proceedings with the composition of the investigative group]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102), pp.145–154 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.19.31.013

От соблюдения законности и обоснованности следственных действий, производимых на стадии предварительного следствия, а также от грамотности следователя во многом зависит результат расследования уголовного дела. Кроме того, важное значение имеет достаточная регламентация прав и обязанностей всех участников уголовного судопроизводства и порядок производства любых процессуальных действий на законодательном уровне. Одним из предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ является право заявлять ходатайства и отводы.

В соответствии с ч. 1 ст. 62 УПК РФ следователь (наряду с другими должностными лицами) относится к лицам, обязанным устраниться от участия в производстве по уголовному делу, при наличии оснований для отвода.

По смыслу закона право на заявление отвода следователя у подозреваемого, обвиняемого, его законного представителя, защитника, а также государственного обвинителя, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей возникает только в случае, если следователь самостоятельно не устранился от участия в производстве по уголовному делу. Как справедливо отметила А.С. Таран, «отвод выступает как процессуальная санкция» [1, с. 25]. То есть в случае, если уголовное дело находится в производстве у следователя, который по закону должен был самоустраниться от его производства, указанные участники уголовного судопроизводства имеют право на заявление отвода, а также на заявление ходатайства о признании недопустимыми следственных действий, проведенных таким следователем.

Можно ли говорить о нарушении права на заявление отвода, если лицо (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и другие участники уголовного судопроизводства) не уведомляется о принятии уголовного дела к производству определенным следователем, о передаче уголовного дела другому следователю в рамках одного подразделения? Ведь руководитель следственного органа может изымать уголовное дело от одного следователя и передавать другому неограниченное количество раз. Разумеется, изъятие и передача уголовного дела должны быть мотивированы.

В практике автора имели место случаи передачи одного уголовного дела в производство семи–десяти следователей поочередно. Вызвано это было, как правило**,** очередными отпусками, больничными и командировками следователей, а также большой их загруженностью.

Следует отметить, что следователи не уведомляют ни одного участника уголовного судопроизводства о принятии уголовного дела к своему производству. Связано это с отсутствием законодательной регламентации такой обязанности у следователя. Если же уголовно-процессуальным законом будет закреплена обязанность следователя уведомлять подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего о принятии уголовного дела к своему производству, то актуальность такого уведомления вызовет некоторые сомнения. Думается, что и без того перегруженные различного рода документами уголовные дела станут еще более объемными из-за большого количества уведомлений.

Судебная практика показывает, что жалобы об отсутствии уведомления о передаче уголовного дела другому следователю в рамках одного следственного органа, в суды не поступают. В случае возникновения ситуаций, при которых следователю

может быть заявлен отвод, ходатайства об отводе удовлетворяются руководителем следственного органа.

Совсем другая ситуация при производстве предварительного следствия следственной группой. Анализ процессуального законодательства о производстве предварительного следствия следственной группой показывает, что на сегодняшний день указанному виду производства по уголовному делу в УПК РФ посвящена лишь одна статья (ст. 163 УПК РФ). При этом в указанной статье не закреплены некоторые необходимые положения, одним из которых является процесс объявления состава следственной группы участникам уголовного судопроизводства.

Во-первых, не установлен круг лиц, обязанных ознакомить подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего с составом следственной группы.

С одной стороны, такой пробел является плюсом для практических работников, поскольку ни о какой персонифицированной ответственности за не ознакомление речи идти не может. С другой стороны, отсутствие в законе определенного круга лиц, обязанных ознакомить подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего с составом следственной группы, может привести к возложению ответственности только на руководителя следственной группы.

Хотя следует отметить, что с практической точки зрения возложение обязанности ознакомления участников уголовного судопроизводства на конкретное лицо (например, руководителя следственной группы) нецелесообразно, поскольку подозреваемых, обвиняемых и потерпевших может быть немалое количество, они могут находиться территориально в разных местах, соответственно, у руководителя следственной группы не будет возможности лично знакомить всех участников уголовного судопроизводства с составом следственной группы. Разумно, что такое ознакомление должно производиться следователем, который проводит следственные действия с определенным лицом.

Во-вторых, законом не установлен срок ознакомления участников уголовного судопроизводства с составом следственной группы.

Разумеется, на практике следователи и руководители следственных органов стараются в кратчайшие сроки ознакомить с составом следственной группы указанных участников, чтобы избежать возможных жалоб на нарушение прав, в том числе права на заявление отвода.

В-третьих, не установлен порядок ознакомления подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего с составом следственной группы. В следственных подразделениях отметка об ознакомлении делается в самом постановлении о производстве предварительного следствия следственной группой, в нем же участникам разъясняют право заявления отвода. При этом обязанность разъяснения права заявления отвода из рассматриваемой статьи была извлечена, в сравнении с предшествующей статьей, регламентирующей бригадное расследование (в соответствии с ч. 3 ст. 129 УПК РСФСР 1960 года («Начало производства предварительного следствия») в случае расследования уголовного дела несколькими следователями установленному кругу участников (подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчику) весь состав следователей должен был объявляться при разъяснении права на отвод.

В-четвертых, к числу лиц, которым в соответствии с УПК РФ должен быть объявлен состав следственной группы, относятся только подозреваемый, обвиняемый и потерпевший, в отличие от УПК РСФСР, в соответствии с ч. 3 ст. 129 которого к их числу относились также гражданский истец и гражданский ответчик. В теории уголовного процесса по сей день возникают вопросы, в связи с чем УПК РФ так сократил состав лиц, которых необходимо ознакомить с составом следственной группы, ведь на заключительном этапе расследования при ознакомлении с материалами дела одно из лиц, не включенных в перечень, указанных в ч. 2 ст. 163 УПК РФ, может заявить о родстве с кем-то из следователей, входящих в состав следственной группы, что является безусловным основанием для отвода следователя. Так, А.С. Бастрыгин предлагал к числу лиц, которых необходимо ознакомить с составом следственной группы, добавить защитника, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей [2, с. 169]. Кроме того, по этому поводу следует согласиться с А.А. Тарасовым в том, что такая ситуация должна быть предотвращена заранее, чтобы избежать дальнейших неблагоприятных последствий [3, с. 138].

Однако в данной ситуации целесообразно принять во внимание Определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. № 300-0, согласно правовой позиции которого «содержащаяся в части 2 статьи 163 УПК РФ норма, предусматривающая обязанность объявить о составе следственной группы обвиняемому и подозреваемому, не может истолковываться как исключающая право других лиц, выступающих как на стороне обвинения, так и на стороне защиты, знать состав следственной группы и при наличии к тому оснований заявлять отводы входящим в нее лицам»[1].

Исходя из решения Конституционного Суда следует, что отсутствие указания в уголовно-процессуальном законе расширенного перечня участников уголовного судопроизводства, которых необходимо знакомить с составом следственной группы, не лишает указанных участников права знакомиться с составом следственной группы и заявлять отвод любому следователю, входящему в состав следственной группы.

В теории уголовного процесса нормы, регулирующие производство предварительного следствия следственной группой**,** часто подвергаются критике. Так, А.Ю. Гордеев и С.Н. Хорьяков [4, с. 24] отмечают существенное понижение уровня соблюдения прав участников уголовного судопроизводства действующим порядком ознакомления с составом следственной группы, поскольку нередко решения суда об отказе в удовлетворении жалоб на несвоевременное ознакомление с составом следственной группы основываются на фактическом отсутствии такого срока в УПК РФ. Необходимость более четкой регламентации законом института производства предварительного следствия следственной группой и обеспечения научно обоснованной концепцией его развития отмечена М.М. Шамсутдиновым в его диссертационном исследовании [5, с. 30].

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 № 300-О «По жалобе гражданина Андреева А.И. на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 5, 11, 12 и 20 ч. 2 ст. 42, ч. 2 ст.163, ч. 8 ст. 172 и ч. 2 ст. 198 УПК РФ» [Электронный ресурс]: https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-11072006-n-300-o-po/ (дата обращения 30.01.2022)

Несмотря на существующие недостатки УПК РФ, необходимо отметить тенденцию к детализации регулирования процесса производства предварительного следствия следственной группой. Так, ранее действующий УПК РСФСР не содержал словосочетания «следственная группа» и «руководитель следственной группы». Вместо указанной терминологии ранее упомянутая ч. 3 ст. 129 УПК РСФСР закрепляла возможность расследования уголовного дела «несколькими следователями», руководил которыми «один из следователей». Хотя определений словосочетаний «следственная группа» и «руководитель следственной группы» УПК РФ в себя не включает, что приводит к дискуссии среди правоведов.

Безусловно, ныне существующая регламентация производства предварительного следствия следственной группой более конкретизирована, хотя и далека от идеальной.

В ходе написания работы автором было изучено 20 решений судов разных инстанций, в частности**,** апелляционные определения Верховного Суда РФ, анализ которых позволил прийти к выводу, что жалобы на действия (бездействия) следователя в связи с производством предварительного следствия следственной группой, подаются стороной защиты и в большинстве своем касаются сроков их ознакомления с составом следственной группы. Основным решением судов является отказ в удовлетворении жалобы в связи с отсутствием подтверждения в суде указанных в жалобе обстоятельств.

Одним из примеров судебных решений является Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда № 22К-2630/2014 от 13 мая 2014 г.[1] Отказ в удовлетворении жалобы заявителя К. об отмене постановления суда первой инстанции и признании незаконным бездействие следователя, выразившегося в не объявлении заявителю состава следственной группы, был аргументирован следующими фактами:

1. К. не был лишен возможности заявлять отводы следователям поскольку «вне зависимости о того, был ли извещен К. о создании следственной группы или не был, он имел возможность заявлять отвод любому лицу, производящему с ним какие-либо следственные действия».

2. В день ознакомления с составом следственной группы К. заявил отвод участникам этой группы, реализовав свои права.

3. В случае признания судом первой инстанции заявленного отвода обоснованным, «все доказательства, полученные при расследовании уголовного дела участниками этой следственной группы, не могут быть признаны допустимыми».

Исходя из обоснования суда, следует, что вне зависимости от времени ознакомления с составом следственной группы, право на заявление отвода не нарушается. Поскольку суд в любой момент может признать недопустимыми доказательства, полученные следователем, который в соответствии со ст. 61 УПК РФ не мог участвовать в производстве по уголовному делу.

В одной из жалоб, направленных в Верховный Суд РФ, адвокат требовал признать недопустимыми доказательства, в связи с тем, что следователь не принял к производству уголовное дело как руководитель следственной группы. Указанное

[1] Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда № 22К-2630/2014 от 13 мая 2014 г. по делу № 22К-2630/2014 [Электронный ресурс]: //sudact.ru/regular/doc/ XvA6IZluRuYT/ (дата обращения 31.01.2022)

нарушение материалами дела подтверждено не было, кроме того, Судебная коллегия Верховного Суда РФ отметила, что «нормы, регулирующие принятие следователем дела к производству, продление сроков предварительного следствия, сроки составления обвинительного заключения – это нормы, дисциплинирующие следователя в его сфере деятельности и на допустимость доказательств, собранных и представленных в соответствии с иными требованиями закона, эти нормы не влияют»[1].

Данное положение Судебной коллегии Верховного Суда РФ не предлагает правоприменителям отказаться от такого процессуального документа, как постановление о принятии уголовного дела к своему производству, а лишь констатирует, что они не являются основополагающими, поскольку уголовное дело следователю передается в соответствии с решением руководителя следственного органа, ни о каком нарушении прав участников речи не идет. И в дальнейшем на производство по уголовному делу не влияет.

Анализируя вопрос принятия уголовного дела к своему производству следователями, входящими в состав следственной группы, стоит согласиться с И.А. Поповым, отметившим, что смена состава следственной группы не должна влечь за собой повторное принятие уголовного дела к производству руководителем следственной группы, если он стался прежним [6, с. 121].

В судебной практике есть случаи оспаривания стороной защиты момента изменения состава или расформирования следственной группы.

Так, в апелляционной жалобе, рассмотренной Верховным Судом РФ 7 октября 2014 г., адвокат осужденного К. указал на право изменения состава следственной группы только должностными лицами, создавшими её. По его мнению, заместитель руководителя СУ СК С. не имел полномочий для осуществления деятельности, предусмотренной ст. 163 УПК РФ, ссылаясь на копию приказа № 14 от 31 января 2014 года «О распределении обязанностей между руководителями СУ СК России по Приморскому краю».

Рассмотрев жалобу, суд, ссылаясь на ч. 5 ст. 39 УПК РФ и приказ Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 5 «Об установлении объема и пределов процессуальных полномочий руководителей следственных органов (следственных подразделений)», указал на «возможность создания и изменения состава следственной группы руководителем и заместителем следственного органа», признав, что указанный защитником приказ не регулирует процессуальные обязанности, а лишь регламентирует должностные обязанности соответствующих лиц, а значит, к рассматриваемому вопросу отношения не имеет.[2]

В этой же жалобе адвокат ссылался на несвоевременное объявление обвиняемым об изъятии, передаче уголовного дела, изменениях в составе следственной группы,

---

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.02.2021 по делу № 18-УД21-3-АЗ. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16022021-po-delu-n-18-ud21-3-az/ (дата обращения: 29.01.2022).

[2] Апелляционное определение Верховного суда РФ по делу № 56-АПУ14-47 от 07 октября 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://supcourt.ru/stor_pdf.php?id=611930 (дата обращения: 08.02.2022).

в связи с чем обвиняемые были лишены возможности заявлять отвод следователям. На это судом было отмечено, что после ознакомления обвиняемых с составом следственных групп ими не было заявлено о наличии оснований для отвода входивших в указанные группы следователей.

Исходя из решения Судебной коллегии Верховного Суда РФ, можно сделать вывод, что жалоба о несвоевременности ознакомления с составом следственных групп может быть состоятельной лишь в случае, если право на заявление отвода было действительно нарушено, то есть предварительное следствие осуществлялось лицом, участие которого в силу закона невозможно (в таком случае следственные действия признаются недопустимыми доказательствами). Если же право нарушено не было, то есть фактически отвод не заявлялся и оснований для отвода не было, то и о нарушении права речи идти не может.

Примером признания доказательств недопустимыми может служить Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.07.2016 № 56-АПУ16-16СП[1], в соответствии с которым единственным основанием отмены приговора и направления дела на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства, послужило ознакомление присяжных заседателей с доказательствами, признанными недопустимыми, а именно с детализацией телефонных соединений между подозреваемыми по рассматриваемому уголовному делу, разрешение на получение которых было выдано судьей, являющейся супругой следователя-криминалиста, входящего в состав следственной группы.

Иным доводам о нарушениях УПК РФ, приведенным в апелляционных жалобах, Судебной коллегией Верховного Суда РФ оценка дана не была, в связи с возможностью их проверки при новом рассмотрении дела.

Рассмотренное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ свидетельствует о важности соблюдения уголовно-процессуального законодательства при производстве расследования уголовного дела лицом, участие которого недопустимо.

Приведенные примеры демонстрируют неудовлетворительное нормативное регулирование положений, связанных с ознакомлением участников уголовного судопроизводства с составом следственной группы. Отсутствие определенного срока для такого ознакомления дает повод для обращения сторон в суд в порядке ст. 125 УПК РФ. При этом суды не удовлетворяют жалобы, связанные со сроками ознакомления с составом следственной группы, ссылаясь на нормы УПК РФ.

Однако в большинстве случаев следователям самим не выгодно поздно знакомить участников уголовного судопроизводства с составом следственной группы, поскольку в случае заявления отвода и признании такового законным, все следственные действия будут признаны недопустимыми, поэтому в подразделении, в котором работал автор, ознакомление происходит в течение нескольких суток.

---

[1] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.07.2016 N 56-АПУ16-16СП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20072016-n-56-apu16-16sp/ (дата обращения: 15.02.2022).

На основании вышеизложенного, представляется необходимым дополнить часть 2 статьи 163 УПК РФ, указав в ней на срок ознакомления с составом следственной группы. Указание данного срока во временном (часовом или суточном) исчислении может создать ряд проблем для правоприменителей при его осуществлении, поскольку не всегда у следователя есть возможность ознакомить подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего с составом следственной группы в определенный срок, по независящим от следователя причинам (например, неявка указанных участников по вызову следователя).

При этом неточное указание срока, такое как разумный или кратчайший срок, не поможет решить проблему несвоевременного ознакомления с составом следственной группы, однако вновь может привести к нарушению прав участников уголовного судопроизводства, в том числе права на заявление отвода.

Учитывая рассмотренные в статье примеры судебной практики, свидетельствующие о том, что ознакомление с составом следственной группы должно осуществляться в рамках досудебного производства, а также опыт собственной следственной работы, считаем необходимым установить срок ознакомления с составом следственной группы не позднее 15 дней после принятия решения о создании, изменении или расформировании следственной группы. Думается, что именно 15-дневный срок не создаст сложностей для следователей, а также позволит соблюсти право подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего на заявление отвода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Таран, А. С. Отвод в свете состязательности уголовного судопроизводства // Российский следователь. – 2013. – № 12. – С. 25–27.

2. Бастрыгин, А. С. Организационно-правовая регламентация производства предварительного следствия следственной и следственно-оперативной группой // Закон и право. – 2015. – № 12. – С. 165–169.

3. Тарасов, А. А. «Бригадное расследование» в контексте общих проблем следственного аппарата современной России // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1(55). – С. 135–140.

4. Гордеев, А. Ю., Хорьяков, С. Н. Процессуальные особенности производства предварительного следствия следственной группой // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2020. – № 3. – С. 19–27.

5. Шамсутдинов, М. М. Производство предварительного следствия следственной группой (процессуальные, управленческие и тактико-психологические аспекты): Дис. ... канд. юрид. наук, Казань, 2005. – 265 с.

6. Попов, И. А. Следственная группа как одна из форм коллективного метода расследования преступлений: современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 3. – С. 119–124.

REFERENCES

1. Taran, A. S. Otvod v svete sostyazatel'nosti ugolovnogo sudoproizvodstva // Rossiyskiy sledovatel'. - 2013. - № 12. - pp. 25-27.

2. Bastrygin, A. S. Organizatsionno-pravovaya reglamentatsiya proizvodstva predvaritel'nogo sledstviya sledstvennoy i sledstvenno-operativnoy gruppoy // Zakon i pravo. - 2015. - № 12. - pp. 165-169.

3. Tarasov A. A. “Brigadnoe rassledovanie” v kontekste obshchih problem sledstvennogo apparata sovremennoi Rossii [“Team investigation” in the context of general problems of the investigative branch of modern Russia] // Pravovoe gosudarstvo: teoriya I praktika [The rule-of-law state: theory and practice]. – 2019. – № 1(55). – pp. 135-140.

4. Gordeev A. YU., Hor’yakov S. N. Protsessual'nyye osobennosti proizvodstva predvaritel'nogo sledstviya sledstvennoy gruppoy [Procedural features of the preliminary investigation by the investigative group] // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. – 2020. – № 3. – pp. 19-27.

5. Shamsutdinov, M. M. Proizvodstvo predvaritel'nogo sledstviya sledstvennoy gruppoy (protsessual'nyye, upravlencheskiye i taktiko-psikhologicheskiye aspekty): Dis. ... kand. yurid. nauk, Kazan', 2005. – 265 p.

6. Popov I. A. Sledstvennaya gruppa kak odna iz form kollektivnogo metoda rassledovaniya prestupleniy: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya [Investigstion group as one of the forms of the collective method investigation of the crimes: modern condition and prospects of the development] // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2013. – № 3. –pp. 119-124.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кащак Алёна Вениаминовна
Адъюнкт, Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, buta90@mail.ru
Alyona Veniaminovna Kashchak
Postgraduate education student, The East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, buta90@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 155–169.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 155–169.

12.00.11. Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Научная статья
УДК: 343.163
DOI: **10.55001/2312-3184.2022.74.20.014**

ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Евдокимов Константин Николаевич
Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Российская Федерация, Иркутск, kons-evdokimov@yandex.ru

Введение: в статье рассматриваются специфические черты прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности, определяющие особенности формирования методики прокурорских проверок в указанной сфере, в частности предмет и объекты прокурорского надзора, вопросы, подлежащие выяснению в ходе проведения прокурорской проверки, типичные нарушения законодательства о противодействии экстремистской деятельности, акты прокурорского реагирования, применяемые при выявлении нарушений антиэкстремистского законодательства, а также профилактика правонарушений экстремистской направленности, устранение причин и условий их совершения.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, административное законодательство в части противодействия экстремистской деятельности, иные федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты, ведомственные нормативные правовые акты, образующие правовую основу прокурорского надзора за исполнением законов в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации. Методологическую основу исследования составили общий диалектический метод научного познания, логические методы: дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания; частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой и специальные научные методы: статистический, кибернетический, метод контент-анализа.

Результаты исследования: позволили уточнить отдельные положения, относящиеся к прокурорскому надзору за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности, определить содержание и практическое значение прокурорских проверок в указанной сфере, раскрыть роль прокуроров в профилактике, борьбе и минимизации (ликвидации) последствий правонарушений экстремистской направленности в Российской Федерации, установить пути межведомственного взаимодействия в сфере противодействия экстремизму.

© Евдокимов К. Н., 2022

Выводы и заключения: проанализированные нормативные правовые акты, материалы судебной и прокурорской практики, предмет и объекты прокурорского надзора в рассматриваемой сфере, научные труды и другие источники в своей взаимосвязи позволили раскрыть особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности как одного из значимых направлений прокурорской деятельности в Российской Федерации. Также автором предлагаются пути совершенствования законодательства об административных правонарушениях в Российской Федерации в части противодействия финансирования экстремизма.

Ключевые слова: законодательство о противодействии экстремистской деятельности, прокурорская деятельность, прокурорский надзор, прокурорская проверка, предмет прокурорского надзора, объекты прокурорского надзора.

Для цитирования: Евдокимов К.Н. Особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности в российской федерации / К.Н. Евдокимов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 155–169.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.74.20.014

12.00.11. Judicial activity, prosecutorial activity, human rights and law enforcement activities

Original article

FEATURES OF THE PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF LEGISLATION ON COUNTERING EXTREMIST ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Konstantin N. Evdokimov
Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Russian Federation, Irkutsk, kons-evdokimov@yandex.ru

Introduction: the article discusses the specific features of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on countering extremist activity, defining the features of the formation of methods of prosecutorial inspections in this area, in particular the subject and objects of prosecutorial supervision, issues to be clarified during the prosecutor's inspection, typical violations of legislation on countering extremist activity, acts of prosecutorial response used in identifying violations of anti-extremist legislation, as well as prevention of extremist offenses, elimination of the causes and conditions of their commission.

Materials and methods: The normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedure legislation, administrative legislation in terms of countering extremist activity, other federal laws and subordinate regulatory legal acts, departmental regulatory legal acts that form the legal basis for prosecutorial supervision of the implementation of laws in the field of countering extremism in the Russian

Federation. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific cognition, logical methods: deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description; private scientific methods: formal legal, comparative legal and special scientific methods: statistical, cybernetic, content analysis method.

The results of the study: They made it possible to clarify certain provisions related to the prosecutor's supervision of the execution of laws on countering extremist activity, to determine the content and practical significance of prosecutor's inspections in this area, to reveal the role of prosecutors in preventing, combating and minimizing (eliminating) the consequences of extremist offenses in the Russian Federation, to establish ways of interdepartmental interaction in the field of countering extremism.

Findings and Conclusions: the analyzed normative legal acts, materials of judicial and prosecutorial practice, the subject and objects of prosecutorial supervision in the field under consideration, scientific works and other sources in their interrelation allowed to reveal the features of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on countering extremist activity as one of the significant areas of prosecutorial activity in the Russian Federation. The author also suggests ways to improve the legislation on administrative offenses in the Russian Federation in terms of countering the financing of extremism.

Keywords: legislation on countering extremist activity, prosecutorial activity, prosecutorial supervision, prosecutorial inspection, subject of prosecutorial supervision, objects of prosecutorial supervision.

For citation: Evdokimov K. N. Osobennosti prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva o protivodejstvii jekstremistskoj dejatel'nosti v rossijskoj federacii [Features of the prosecutor's supervision over the implementation of legislation on countering extremist activity in the russian federation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102), pp.155–169 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.74.20.014

Экстреми́зм (от лат. extremus – «крайний, чрезмерный») как правовое явление, основанное на призывах и иных противоправных действиях (бездействии), направленных на дискриминацию человека и (или) гражданина, унижение человеческого достоинства, насилие по отношению к человеку либо определенным социальным группам по признакам расы, национальности, пола, языка, религиозной принадлежности, имеет в России давние корни, в силу того, что российское государство исторически является многонациональным и многоконфессиональным. Однако юридически было оформлено только с принятием Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон о противодействии экстремистской деятельности).

В настоящее время экстремистская деятельность (экстремизм) выступает системной угрозой для национальной безопасности Российской Федерации, что отражено в таких стратегических документах как указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и указе Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 года № 344

«Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года».

В 2021 году в России было зарегистрировано 1057 преступлений экстремистской направленности (рост на 27.5%). Наибольшее количество экстремистских преступлений зафиксировано в городе Москва (59), Республике Дагестан (58), Кемеровской области (Кузбасс) (54), Ставропольском крае (32), Республике Татарстан (29), Приморском крае (28)[1]. При этом в российском обществе получили распространение молодежный, национальный, религиозный экстремизм, а с учетом проведения российскими вооруженными силами специальной военной операции на Украине и вводимыми против российских граждан и организаций государствами так называемого «коллективного Запада» политических, экономических, научно-технических и иных санкций, набирает силу и политический экстремизм.

Органы прокуратуры в соответствии с частью 2 статьи 1 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре Российской Федерации) осуществляют надзор за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и другими органами контроля (надзора), органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, в том числе за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности.

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 21.03.2018 № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» в пункте 1 определено: важнейшей задачей надзорной деятельности считать своевременное предупреждение экстремистских проявлений, выявление и устранение причин и условий, способствующих экстремизму.

Во исполнение вышеуказанного приказа Генерального прокурора Российской Федерации в 2021 году прокурорами направлено в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 115 требований об ограничении доступа к Интернет-ресурсам экстремистского и террористического характера. По требованиям прокуроров заблокирован доступ к 9,5 тыс. экстремистских сайтов и с 54 тыс. сайтов противоправная информация экстремистского характера удалена[2].

Правовая основа прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности является достаточно объемной и раз-

[1] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года // Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения: 29.06.2022).

[2] Состоялось расширенное заседание Коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2021 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2022 год. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=73312986 (дата обращения: 29.06.2022).

носторонней. Кроме Конституции Российской Федерации, вышеперечисленных Законов о прокуратуре Российской Федерации и о противодействии экстремистской деятельности к специальным правовым актам следует отнести международные правовые акты, например, такие как Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г.; Декларация Генеральной Ассамблеи ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25 ноября 1981 г.; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.; Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001 г.; Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 09.06.2017 г. и другие.

Из числа федеральных законов, помимо Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), устанавливающих ответственность для лиц, совершивших преступления (правонарушения) экстремистской направленности, следует отметить Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» и другие законы, запрещающие гражданам, причастным к экстремистской деятельности, выступать учредителями общественных объединений, религиозных объединений, некоммерческих организаций, быть членами политических партий и общественных объединений, народными дружинниками и внештатными сотрудниками полиции, выдвигать свои кандидатуры на выборные должности в органы государственной власти и местного самоуправления.

К ведомственным правовым актам, кроме вышеуказанного приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 21.03.2018 № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности», следует отнести приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.08.2019 № 596 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения уведомлений о распространяемой с нарушением закона информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет»; приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.05.2018 № 295 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму»; приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 08.02.2017 № 87 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию экстремистской деятельности и терроризма»; приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02.08.2018 № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию»; указание Генерального прокурора Российской Федерации от 21.09.2018 № 602/27 «Об усилении

прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности».

На основании вышеуказанных правовых актов предметом прокурорского надзора в данной сфере является надзор за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций.

При этом объектами прокурорского надзора выступают:

– Своевременность, полнота, законность и обоснованность применяемых федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и их должностными лицами мер по противодействию религиозному экстремизму.

– Соответствие нормативных правовых актов, принятых органами государственной власти и местного самоуправления, законодательству о противодействии религиозному экстремизму.

– Деятельность советов, комитетов, комиссий о противодействии религиозному экстремизму, созданных при органах государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления.

– Реализация государственных и муниципальных программ о противодействии религиозному экстремизму.

– Законность и обоснованность вынесенных решений органов и должностных лиц местного самоуправления (субъектов Российской Федерации) в сфере противодействия религиозному экстремизму.

– Своевременность, полнота, законность и обоснованность применяемых образовательными организациями, культурными учреждениями мер по противодействию религиозному экстремизму.

– Взаимодействие органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления, правоохранительных органов с Росмкомнадзором, Росфинмониторингом, общественными объединениями, гражданами.

– Принятие органами государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления мер по предупреждению, устранению причин и условий совершения преступлений экстремистской направленности (профилактика религиозного экстремизма).

Перечень вышеуказанных объектов прокурорского надзора не является исчерпывающим и может дополняться в зависимости от субъектов прокурорского надзора и сфер общественных отношений, связанных с противодействием экстремистской деятельности.

Также следует обратить внимание на то, что органы прокуратуры в сфере противодействия экстремизму тесно взаимодействуют с другими государственными органами контроля (надзора), к которым относятся:

– Федеральная служба безопасности (должностные лица федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области безопасности Российской Федерации, его территориальных органов составляют протоколы об административных правонарушениях; осуществляют оперативно-разыскную деятельность и расследование преступлений экстремистской направленности, предусмотренных ст. ст. 280, 280.1 УК РФ);

– Следственный комитет Российской Федерации (расследование преступлений экстремистской направленности, предусмотренных ст. ст. 282 – 282.3 УК РФ);

– Министерство внутренних дел Российской Федерации (сотрудники составляют протоколы об административных правонарушениях, осуществляют оперативно-разыскную деятельность, профилактические мероприятия);

– Министерство юстиции Российской Федерации (федеральный список экстремистских материалов; перечень экстремистских общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности и др.);

– Федеральная служба исполнения наказаний (сотрудники осуществляют оперативно-разыскную деятельность, профилактические мероприятия);

– Федеральная таможенная служба (оперативно-разыскную деятельность, профилактические мероприятия);

– Федеральная служба по финансовому мониторингу (рассматривает дела об административных правонарушениях, ведет учет лиц и организаций причастных к экстремистской деятельности и терроризму);

– Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (составляют протоколы об административных правонарушениях, рассматривают дела об административных правонарушениях, блокируют экстремистские Интернет-ресурсы, профилактические мероприятия и др.).

Вместе с тем органы прокуратуры не только взаимодействуют с указанными государственными органами, но и осуществляют за ними надзор по исполнению последними законов о противодействии экстремистской деятельности.

В рамках данного прокурорского надзора прокурорами применяется весь спектр актов прокурорского реагирования на выявленные правонарушения, установленный Законом о прокуратуре Российской Федерации (протесты, представления, предостережения, исковые заявления в суды, постановления о возбуждении дела об административном правонарушении, требования о проведении контрольного (надзорного) мероприятия и др.).

Направлениями прокурорского надзора в указанной сфере, в соответствии со статьей 3 Закона о противодействии экстремистской деятельности, выступают:

– принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;

– выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Так, например, прокурор Республики Алтай обратился в Онгудайский районный суд с административным исковым заявлением о признании религиозного объединения «Каракольская инициативная группа» (иные наименования «Ак-Дян», «JA?Ы АЛТАЙ»-ДВИЖЕНИЕ, «Ак Ja?», «Алтай Ja? Ак Ja?», «Белая Вера», «Алтай Дян Ак Дян», «Алтайская вера Белая вера») экстремистской организацией и запрете его деятельности на территории Российской Федерации.

В результате прокурорской проверки было установлено, что члены данного религиозного объединения уже привлекались к уголовной ответственности по статье 282 УК РФ за возбуждение ненависти и вражды, унижение достоинства человека и групп лиц по признакам отношения к религии (христианам, иудеям, буддистам), а также публично призывали изгнать, ликвидировать буддийские организации (Ак Буркан, Общину лотосовой сутры, Карма Кагью и др.) и сам буддизм из Республики Алтай; сократить количество православных храмов, часовен, крестов, а в идеале полностью очистить от них Республику Алтай. В состав Каракольской инициативной группы входило не менее 40 активных участников, а также многочисленные сторонники.

Решением суда административное исковое заявление прокурора Республики Алтай было удовлетворено и религиозное объединение «Каракольская инициативная группа» (иные наименования «Ак-Дян», «JA?Ы АЛТАЙ»-ДВИЖЕНИЕ«, «Ак Ja?», «Алтай Ja? Ак Ja?», «Белая Вера», «Алтай Дян Ак Дян», «Алтайская вера Белая вера») было признано экстремистской организацией, а его деятельность на территории Российской Федерации была запрещена[1].

В свою очередь, по административному исковому заявлению прокурора Самарской области в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц, решением Самарского областного суда, оставленного без изменения апелляционным определением Верховного Суда Российской Федерации, была признана экстремистской организацией религиозная группа «Алля-Аят» (иные встречающиеся наименования в зависимости от перевода с казахского языка: «Алль Аят», «Алля Аят», «Элле Аят», «Алла Аят», «Эллэ Аят», «Аль Аят» и другие, далее – Религиозная группа) и ее деятельность на территории Российской Федерации запрещена.

Проведенной прокурорской проверкой и судебной психолого-лингвистическо-религиоведческой экспертизой деятельность религиозной группы расценено как вероучение, носящее характер «естественной религии», где большая роль отводится практическим действиям, которые выражаются в смотрении на солнце, употреблении особого напитка – эткен-чая, чтении журналов и повторении «Формулы жизни», являющейся для последователей аналогом молитвы.

[1] Решение Онгудайского районного суда Республики Алтай от 11 декабря 2018 года по административному делу № 2а-331/2018 // Архив Онгудайского районного суда Республики Алтай за 2018 год.

Кроме того, экстремистской признана деятельность, связанная с распространением и хранением с целью распространения конкретных номеров журнала «Звезда Селенной», признанных ранее судами экстремистской литературой[1].

В 2020 году судебная коллегия по административным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции удовлетворила апелляционное представление прокурора Республики Хакасия, отменив решение Верховного суда Республики Хакасия, не удовлетворившего административное исковое заявление прокурора республики о признании экстремистской организацией и запрете деятельности Хакасской региональной общественной организации «Фалунь Дафа», в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Факты массового распространения экстремистских материалов членами организации подтверждены материалами прокурорской проверки и постановлениями суда о признании участников организации виновными в совершении административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.29 КоАП РФ (массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, и хранении в целях массового распространения)[2].

Вышеуказанная прокурорская деятельность по признанию религиозных и общественных объединений экстремистскими организациями носит серьезный профилактический характер по противодействию экстремизму, т.к. в случае продолжения противоправной деятельности членам экстремистской организации уже грозит уголовная ответственность по статье 282.2 УК РФ (Организация деятельности экстремистской организации), предусматривающей наказание до 12 лет лишения свободы.

Следует также отметить, что прокурор не наделен полномочиями по возбуждению уголовного дела о преступлениях экстремистской направленности, но для выявления, предупреждения и пресечения экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц может добиваться привлечения их к административной ответственности, а в случае выявления признаков преступления экстремистской направленности, направлять материалы прокурорской проверки (в порядке пункта 2 части 2 статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) в следственные органы Следственного Комитета Российской Федерации для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

В частности, только прокурорами выносятся постановления о возбуждении дела об административном правонарушении экстремистского характера, предусмотренные статьями 20.3.1 КоАП РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), 20.3.2 КоАП РФ (Публичные призывы к осуществлению

---

[1] Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 46-АПА19-27. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

[2] Апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции по административному делу № 66а-863/2020 от 10.11.2020 «О признании Хакасской региональной общественной организации духовного и физического самосовершенствования человека по Великому Закону Фалунь «Фалунь Дафа» экстремисткой организацией и запрете ее деятельности». Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации), 20.28 КоАП РФ (Организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности), 20.29 КоАП РФ (Производство и распространение экстремистских материалов).

Так, например, Ленинским районным судом Республики Крым рассмотрены в судебном заседании постановление заместителя прокурора Ленинского района Республики Крым о возбуждении дела об административном правонарушении и материалы прокурорской проверки о привлечении к административной ответственности по ст. 20.3.1 КоАП РФ Дервишева М.А.

Судом установлено, что Дервишев М.А. являясь пользователем социальной сети «Вконтакте» под ник-именем «Марлен Дервишев», разместил на своей странице (vk.com/marik_dervish) видеофайл под названием «Русские, принявшие Ислам. На Джихаде в Афганистане». В содержании указанного видеофайла неустановленное лицо высказывает следующее: «Мусульманин – это не тот, который дома сидит и смотрит телевизор, как наших братьев, как наших сестёр убивают, насилуют. И мы не можем быть такими мусульманами. Мы должны восстать против этого тирана, любых ..., против кяфиров, против мушриков, против лицемеров, которые на сегодняшний день мешают нам делать „джихад“ на пути Аллаха (Субханаху уа Тааля), освобождая, как бы мешают освободить землю (Субханааху уа Тааля)». К указанному видеофайлу пользователь «Марлен Дервишев» оставил свой комментарий «Мне даже самому стыдно стало, вот они красавчики!!!!! Настоящие МУЖЧИНЫ!!!».

По заключению психолого-лингвистической экспертизы указанные материалы содержат публичные призывы к совершению экстремистских действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признаку отношения к религии, а равно принадлежности к социальной группе «немусульмане», совершенные публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Постановлением суда Дервишев М.А. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3.1 КоАП РФ и ему назначено наказание в виде административного ареста на срок 5 (пять) суток[1].

Также прокуратурой Малоярославского района Калужской области проведена прокурорская проверка в отношении гр. Крупенкова И.А.

В ходе проверки было установлено, что гр. Крупенков, являясь пользователем социальной сети «Вконтакте» в сети «Интернет» под никнеймом Илья Крупенков, который доступен для общего пользования на своей странице, посредством ее администрирования и наполнения неограниченному кругу лиц графических, аудио, – видеоматериалов деструктивной направленности, разместил в разделе «Видеозаписи» аудиовизульные файлы «11/12/2010» и «Русские против чурок 11 декабря г. Москва».

[1] Постановление Ленинского районного суда Республики Крым от 6 февраля 2019 года по делу об административном правонарушении № 5-26/2019 в отношении Дервишева М. А., предусмотренного ст. 20.3.1 КоАП РФ // Архив Ленинского районного суда Республики Крым за 2019 год.

По результатам психолого-лингвистической экспертизы установлено, что в данных видеороликах имеются: высказывания, выражающие негативную оценку группы лиц, объединенных по признакам расы, национальности, происхождения — «уроженцы Кавказа и Средней Азии», а также группы лиц, объединенных по признаку рода деятельности – «сотрудники полиции». Негативная оценка распространяется на все группы лиц – «уроженцы Кавказа и Средней Азии», «сотрудники полиции»; высказывания, в которых идет речь о преимуществе одной группы лиц – «русские» перед другой группой лиц, объединенных по признакам расы, национальности, языка, происхождения – «нерусские»; высказывания побудительного характера, призывающие к враждебным (связанным с насилием) действиям одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признакам языка, национальности, происхождения – «уроженцы Кавказа и Средней Азии».

Приведенные обстоятельства послужили основанием для возбуждения прокурором Малоярославского района Калужской области в отношении Крупенкова дела об административном правонарушении, предусмотренном статьей 20.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и направлением материалов прокурорской проверки в суд.

Постановлением судьи Малоярославецкого районного суда Калужской области от 28 июля 2020 года гр. Крупенкову назначено административное наказание в виде административного штрафа в размере 12 000 рублей. Решением Калужского областного суда от 10 сентября 2020 года и постановлением Первого кассационного суда общей юрисдикции, наказание оставлено без изменения, а жалоба Крупенкова – без удовлетворения[1].

Анализ прокурорской и судебной практики показывает, что в настоящее время большинство преступлений и правонарушений экстремистской направленности совершается в киберпространстве путем размещения противоправного контента в социальных сетях, мессенджерах, а также на различных Интернет-ресурсах. Данная тенденция обусловлена тем фактом, что использование в экстремистских целях современных информационно-коммуникационных технологий позволяет преступникам (правонарушителям) довести информацию экстремистского характера до большего круга лиц, оставаясь при этом в физической недосягаемости от сотрудников правоохранительных органов. Так, например, с момента начала специальной военной операции на Украине, преступниками (правонарушителями), для публичных призывов к экстремистской деятельности в сети Интернет (например, призывы к нарушению основ конституционного строя или территориальной целостности Российской Федерации), активно используются серверы, находящиеся в Великобритании, Польше, Украине, странах Балтии и других государствах Европейского Союза, находящиеся вне юрисдикции Российской Федерации.

[1] Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 февраля 2021 г. № 16-617/2021 по делу об административном правонарушении, предусмотренном статьей 20.3.1 КоАП РФ в отношении Крупенкова И. А. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

Возвращаясь к прокурорскому надзору за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности, следует отметить, что своевременное предупреждение экстремистских правонарушений, выявление и устранение причин и условий, способствующих экстремизму, является основным направлением деятельности органов прокуратуры.

Вместе с тем в соответствии со статьей 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность также является проявлением экстремизма и разновидностью экстремистской деятельности.

Поэтому прокурорами в рамках рассматриваемого прокурорского надзора осуществляется проверка антитеррористической защищенности объектов массового скопления (гостиниц, торговых центров, кинотеатров, больниц, поликлиник, библиотек, кафе, ресторанов и др.), особенно пристальное внимание уделяется защищенности образовательных организаций (детских садов, общеобразовательных школ, техникумов, колледжей, институтов, университетов и т.д.), что связано с защитой жизни, здоровья несовершеннолетних и молодежи.

Так, например, прокурор города-курорта Кисловодска обратился в суд в интересах неопределенного круга лиц с административным исковым заявлением к администрации города-курорта Кисловодска, управлению образования администрации города-курорта Кисловодска, министерству образования и молодежной политики Ставропольского края о признании незаконным бездействие по несоблюдению требований законодательства по антитеррористической защищенности и технической укрепленности муниципальных дошкольных образовательных и общеобразовательных учреждений, обязав привести муниципальные дошкольные образовательные и общеобразовательные учреждения города Кисловодска в соответствие с требованиями законодательства.

В обоснование административного иска административный истец указал, что в ходе проведенной прокуратурой города проверки муниципальных дошкольных образовательных и общеобразовательных учреждений, выявлены факты нарушения пунктов 2, 15 статьи 28, пункта 8 части 1 статьи 41 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», пункта 1 части 13 статьи 30-го Технического регламента о безопасности зданий и сооружений, Федерального закона от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Системы видеонаблюдения территории и помещений учреждения отсутствуют в муниципальных образовательных учреждениях «Детский сад № 1, 2 (не в полной мере), 4, 8, 14, 15, 18, 25». Система контроля доступа в учреждение отсутствует в МКОУ «Детский сад № 1, 2, 3, 4, 5, 8, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 22, 23, 25, 31 и средних образовательных учреждениях № 1, 2, 4, 7, 8, 9, 10, 12, 14, 15, 16, 19. Ограждения требуют замены, поскольку на них имеются существенные повреждения, способствующие проникновению посторонних лиц на территорию средних общеобразовательных учреждений № 2, 10, 15 (отсутствуют частично), № 17 (отсутствует полностью). Освещение по периметру учреждений отсутствует в СОШ № 7, 9, 10, 19, а также в дошкольных учреждениях № 3,15,25.

Решением Кисловодского городского суда Ставропольского края административное исковое заявление прокурора удовлетворено частично. Признано незаконным бездействие администрации города-курорта Кисловодска, управления образования администрации города-курорта Кисловодска, министерства образования и молодежной политики Ставропольского края, выразившееся в несоблюдении требования законодательства об антитеррористической защищенности и технической укрепленности муниципальных дошкольных образовательных и общеобразовательных учреждений[1].

Таким образом, прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности занимает важное место в системе противодействия экстремизму и является важной составляющей государственной стратегии противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации.

Между тем анализ прокурорской и судебной практики рассмотрения дел о преступлениях (правонарушениях) экстремистской направленности, научных работ по теме исследования [1; 2; 3; 6; 8], показывает необходимость совершенствования уголовного и административного законодательства.

Так, в настоящее время Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд норм, регламентирующих составы преступлений экстремистской направленности: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280^1 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (205^2 УК РФ). При этом по вопросу конкуренции между собой норм статей 205^2, 280, 280^1 и 282 УК РФ большинство представителей научного сообщества [5; 7; 9] придерживается позиции Верховного Суда Российской Федерации, считая, что вышеуказанные статьи Уголовного кодекса Российской Федерации выступают специальными нормами к статье 280 УК РФ, т.к. более полно описывают признаки совершенного преступного деяния и действует правило, предусмотренное ч. 3 ст. 17 УК РФ.

Вместе с тем публичные призывы к нарушению территориальной целостности Российской Федерации и возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, по смыслу статьи 1 Федерального закона от 25 июля 2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» выступают разновидностями деяний, подпадающих под понятие «экстремистская деятельность». В связи с этим, по мнению автора, в силу характера и степени общественной опасности, было бы логичным перевести данные составы преступлений в квалифицирующие признаки части 2 статьи 280 УК РФ. Тем самым проведя отраслевую систематизацию уголовного законодательства, сократив в Уголовном кодексе Российской Федерации излишние составы преступлений [4, с.34].

Кроме того, в КоАП РФ присутствует статья 15.27.1, предусматривающая ответственность юридических лиц за оказание финансовой поддержки терроризму в виде

[1] Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 24 апреля 2018 г. № 33 аа-484/2018. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

штрафа в размере от десяти миллионов до шестидесяти миллионов рублей. Однако отсутствует административная ответственность для юридических лиц за финансирование экстремистской деятельности, несмотря на закрепление в Уголовном кодексе Российской Федерации ответственности физических лиц за указанное деяние (ст. 282^3 УК РФ).

В связи с вышесказанным, автором, для ликвидации пробела в законодательстве об административных правонарушениях, предлагается включить в КоАП РФ новый состав административного правонарушения – «Финансирование экстремистской деятельности», закрепив его в статье 15.27.2 в следующей редакции: «Предоставление или сбор материальных и (или) денежных средств, либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от одного миллиона до десяти миллионов рублей».

В частности, мы приводим законодательство об административных правонарушениях Российской Федерации в соответствие с российским уголовным законодательством, а в целом устраняются пробелы в законодательстве о противодействии экстремистской деятельности. Тем самым полномочия прокурора в указанной сфере становятся более широкими и разносторонними, что, в свою очередь, положительно отразится на эффективности всей отечественной правоохранительной системы в сфере предупреждения и борьбы с экстремизмом в России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агапов, П.В. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере противодействия проявлениям экстремизма в условиях радикализации и роста протестной активности населения: вопросы теории и практики / П.В. Агапов, В.Н. Смыслова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 6. – С. 855-871.

2. Вилинский, Г.О. Классификация полномочий прокурора по надзору за исполнением законов в сфере противодействия финансированию экстремистской деятельности и терроризма / Г.О. Вилинский // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 5. – С. 204-207.

3. Вилинский, Г.О. Задачи и направления надзора за исполнением законов о противодействии финансированию экстремисткой деятельности и терроризма / Г.О. Вилинский, С.В. Борисов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 7-12.

4. Евдокимов, К.Н. Вопросы квалификации публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий (ст. 280 УК РФ) / К.Н. Евдокимов // Российский следователь. – 2022. – № 7. – С.31-34.

5. Кунашев, А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации / А.А. Кунашев // Уголовное право. – 2018. – № 6. – С. 81-89

6. Меркурьев, В.В. Совершенствование регламентации правовых средств прокурорского реагирования на правонарушения экстремистской направленности / В.В. Меркурьев, С.В. Борисов // Мониторинг правоприменения. – 2016. – № 3 (20). – С. 50-57.

7. Степанов, В.В. Проблемы разрешения конкуренции составов преступлений экстремистской направленности / В. В. Степанов, А. В. Струков // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – № 1. – С. 133-140

8. Чукреев, В.А. К вопросу о проблемах прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму / В.А. Чукреев // Бизнес, менеджмент и право. – 2020. – № 1 (45). – С. 58-62.

9. Яни, П. С. Квалификация преступлений экстремистской направленности / П.С. Яни // Российская юстиция. – 2011. – № 10. – С. 11-16.

REFERENCES

1. Agapov P. V. Prosecutor's supervision over the execution of laws in the field of countering manifestations of extremism in conditions of radicalization and the growth of protest activity of the population: issues of theory and practice / P. V. Agapov, V. N. Smyslova // All-Russian Journal of Criminology. – 2020. – Vol. 14. – No. 6. – PP. 855-871.

2. Vilinsky G. O. Classification of the Prosecutor's powers to supervise the execution of laws in the field of countering the financing of extremist activities and terrorism / G. O. Vilinsky // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 5. – PP. 204-207.

3. Vilinsky G. O. Tasks and directions of supervision over the execution of laws on countering the financing of extremist activities and terrorism / G. O. Vilinsky, S. V. Borisov // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. – 2019. – Vol. 19. – No. 2. – PP. 7-12.

4. Evdokimov K. N. Issues of qualification of public calls for extremist activities committed using information and communication technologies (article 280 of the criminal code of the Russian Federation) / K. N. Evdokimov // Russian investigator. – 2022. – No. 7. – PP.31-34.

5. Kunashev A. A. Public calls to carry out terrorist activities, public justification of terrorism or propaganda of terrorism: criminal law analysis and qualification issues / A. A. Kunashev // Criminal Law. - 2018. – No. 6. – pp. 81-89

6. Merkuryev V. V. Improving the regulation of legal means of prosecutorial response to extremist offenses / V. V. Merkuryev, S. V. Borisov // Monitoring of law enforcement. – 2016. – No. 3 (20). – PP. 50-57.

7. Stepanov V. V. Problems of resolving the competition of extremist crimes / V. V. Stepanov, A.V. Strukov // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. – 2015. – No. 1. – pp. 133-140

8. Chukreev V. A. On the issue of the problems of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on countering extremism and terrorism / V. A. Chukreev // Business, management and Law. – 2020. – No. 1 (45). – PP. 58-62.

9. Yani P. S.Qualification of extremist crimes / P. S. Yani // Russian justice. - 2011. – No. 10. – PP. 11-16.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евдокимов Константин Николаевич, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры., Российской Федерации, Российская Федерация, Иркутск, Шевцова, 1.

INFORMATION ON AUTHOR

Evdokimov Konstantin Nikolaevich, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Candidate of Law Sciences, Associate Professor. Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, Russian Federation, Irkutsk, Shevtsova st., 1. 664035.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 13.09.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 170–180
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 170–180.

12.00.11. Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Научная статья
УДК: 343.163
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.72.70.015

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИРОДООХРАННЫХ ПРОКУРАТУР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ермаченко Светлана Викторовна
Прокуратура Иркутской области, прокуратура Ленинского района г. Иркутска, Иркутск, Россия, svetlana.ermachenko@mail.ru

Введение: статья посвещена деятельности специализированных природоохранных прокуратур на территории Российской Федерации. Определяется место природоохранных прокуратур в системе органов публично-правового регулирования. Приведена структура природоохарнных прокуратур, действующих на территории Российской Федерации в настоящее время. Автором приведены результаты тестирования прокурорских работников по впросам деятельности природоохранных прокуратур. Рассматриваются особенности организации деятельности специализированных природоохранных прокуратур и их отличия деятельности от территориальных прокуратур.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют положения Федерального закона Российской Федерации от 17.01.1992 N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», организационно-распорядительные документы Генеральной прокуратуры Российской Федерации, научные исследования в области прокурорского надзора. Методологической основой исследования послужили диалектический метод научного познания, а также методы дедукции, индукции, познавательные методы, приемы сравнения, анализа и обобщения.

Результаты исследования: позволили выявить особенности деятельности природоохранных прокуратур и их роль по обеспечению экологической безопасности на современном этапе, а также сформулировать предложения по совершенствованию организационных форм природоохранных прокуратур и правоохранительных органов.

Выводы и заключения: автор приходит к выводу о том, что развитие института природоохранных прокуратур путем создания на всей территории Российкой Федерации межрегиональных природоохранных прокуратур на правах прокуратур субъектов будет сопосбсовать наиболее эффективному решению государственных задач в области обеспечения экологической безопасности и реализации каждого на благоприятную окружающую среду. Кроме того, по мнению автора, наиболее действенное противодействие экологической преступности возможно обеспечить после возрождения института экологической полиции.

© Ермаченко С. В., 2022

Ключевые слова: природоохранная деятельность прокуратуры, природоохранные прокуратуры, совершенствование работы прокуратуры, экологическая полиции.

Для цитирования: Евдокимов К.Н. Особенности деятельности природоохранных прокуратур на современном этапе / С.В. Ермаченко // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 170–180.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.72.70.015

12.00.11. Judicial activity, prosecutorial activity, human rights and law enforcement activities

Original article

FEATURES OF THE ACTIVITIES OF ENVIRONMENTAL PROSECUTOR'S OFFICES AT THE PRESENT STAGE

Svetlana V. Ermachenko
Prosecutor's Office of the Irkutsk region, Prosecutor's Office of the Leninsky district of Irkutsk, Irkutsk, Russia.svetlana.ermachenko@mail.ru

Introduction: the article is devoted to the activities of specialized environmental prosecutor's offices on the territory of the Russian Federation. The place of environmental prosecutor's offices in the system of public law regulatory bodies is determined. The structure of the nature protection prosecutor's offices operating on the territory of the Russian Federation at the present time is given. The author presents the results of testing prosecutor's employees on the future activities of environmental prosecutor's offices. The features of the organization of the activities of specialized environmental prosecutor's offices and their differences from the territorial prosecutor's offices are considered.

Materials and methods: the normative basis of the study is the provisions of the Federal Law of the Russian Federation of 17.01.1992 N 2202-1 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation", organizational and administrative documents of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, scientific research in the field of prosecutorial supervision. The methodological basis of the research was the dialectical method of scientific cognition, as well as methods of deduction, induction, cognitive methods, methods of comparison, analysis and generalization.

The results of the study: allowed to identify the features of the activities of environmental prosecutor's offices and their role in ensuring environmental safety at the present stage, as well as to formulate proposals for improving the organizational forms of environmental prosecutor's offices and law enforcement agencies.

Findings and Conclusions: the author comes to the conclusion that the development of the institute of environmental prosecutor's offices by creating interregional environmental prosecutor's offices throughout the Russian Federation on the rights of the prosecutor's offices of the subjects will contribute to the most effective solution of state tasks in the field of envi-

ronmental safety and the realization of the right to a favorable environment. In addition, according to the author, the most effective counteraction to environmental crime can be provided after the revival of the institute of environmental police.

Keywords: environmental activities of the prosecutor's office, environmental prosecutor's offices, improvement of the work of the prosecutor's office, environmental police.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.72.70.015

For citation: Ermachenko S.V. Osobennosti dejatel'nosti prirodoohrannyh prokuratur na sovremennom jetape [Features of the activities of environmental prosecutor's offices at the present stage]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102), pp.170–180 (in Russ.).

В последние десятилетия все больше внимания со стороны государства уделяется вопросам охраны окружающей среды и рациональному природопользованию.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии, возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением (статья 42 Конституции Российской Федерации). Согласно ч. 1 ст. 9 Конституции Российской Федерации земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

Вместе с тем состояние окружающей среды в последние десятилетия вызывает опасения. Согласно Государственному докладу «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2020 году» ввиду стремительной урбанизации на население, помимо неблагоприятного качества окружающей среды, также воздействует совокупность таких факторов как химическое загрязнение атмосферного воздуха, воды, почвы и ряд физических факторов (шум, вибрация, электромагнитные поля и проч.).[1] В 2020 г. влиянию санитарно-гигиенических факторов (химические, биологические, физические) были подвержены более чем 93,7 млн чел. в 50 субъектах Российской Федерации (64,2% населения), что на 0,5% больше, чем в 2019 г[2].

Участниками природоохранных правоотношений являются все известные субъекты права - органы государственной власти, органы местного самоуправления, юридические и физические лица, общественные объединения. Такая субъектная репрезентативность позволяет рассматривать охрану окружающей среды в качестве общенародного дела, что вполне соответствует характеру ее целей и задач [1, с.144].

В целях реализации последовательной государственной политики в области экологии принята Экологическая доктрина Российской Федерации.[3] Важное место в ней отведено органам прокуратуры и указано, что укрепление системы прокурорского

---

[1]Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2020 году»// М.: Минприроды России; МГУ имени М.В.Ломоносова, 2021, с. 328 URL: h ttps://38.rospotrebnadzor.ru/c/document_library/get_file?uuid=ecaf4826-c534-47e9-a1d2-d65c6b5c7dcb&groupId=130642&ysclid=l69gipifhy403592434 (дата обращения 30.07.2022).

[2]Там же, с. 316

[3] Экологическая доктрина Российской Федерации, одобренная распоряжением Правительства РФ от 31.08.2002 N 1225-р;

надзора и реализация мер прокурорского реагирования в области охраны окружающей среды являются одним из механизмов экологической безопасности страны.

Роль прокуратуры в обеспечении законности, в том числе в сфере охраны окружающей среды и природопользования, определена в ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[1]. По мнению Карпова Н.Н. исключительно важным представляется конкретное указание уже в первой статье названного закона на то, что прокуратура Российской Федерации осуществляет от имени Российской Федерации (т.е. от имени всего государства, а не отдельных подсистем государственной власти) надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и за исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации [2, с.3].

Стратегические задачи, решаемые прокуратурой в современных условиях, определяются потребностями общества и государства, необходимостью полной защиты и поощрения в России социальных, экономических, культурных, гражданских и политических прав [3, с.18].

Видится, что прокуратура может стать одним из ключевых органов, объединяющих усилия контролирующих, правоохранительных и государственных органов в целях стабилизации и улучшения состояния окружающей среды.

В науке отмечается, что в России сформировалась уникальная модель прокурорского надзора за исполнением законов в сфере экологии [4, с.6]. Природоохранной деятельностью занимаются территориальные, транспортные и иные специализированные прокуратуры. Кроме того, в системе органов прокуратуры созданы специализированные природоохранные прокуратуры.

В настоящее время действуют три межрегиональных природоохранных прокуратуры со статусом прокуратур субъектов. Такие прокуратуры образованы в Волжском бассейне (Волжская межрегиональная природоохранная прокуратура), на Дальнем Востоке (Амурская бассейновая природоохранная прокуратура), на Байкальской природной территории (Байкальская межрегиональная природоохранная прокуратура). В общей сложности в состав этих прокуратур входят 34 межрайонные природоохранные прокуратуры. Кроме того, в каждой межрегиональной прокуратуре созданы подразделения аппарата, которые также осуществляют надзорные и иные направления деятельности. Подчиняются межрегиональные природоохранные прокуратуры напрямую первому заместителю Генерального прокурора Российской Федерации. Такие прокуратуры созданы по бассейновому или иному природному принципу на территории нескольких субъектов, имеющих наиболее серьезные экологические проблемы.

Кроме того, в системе прокуратуры Российской Федерации имеются межрайонные природоохранные прокуратуры, которые действуют на правах районных прокуратур и входят в состав прокуратур субъектов. По состоянию на начало 2022 года создано 58 таких прокуратур.

Развитие системы природоохранных прокуратур началось с 1985 года и продолжается по настоящее время. Значимым для развития специализированных природоохранных прокуратур был год «Экологии» (2017). Именно в это время были созданы

[1] Федеральный закон от 17 января 1992 г. N 2202-I "О прокуратуре Российской Федерации"//Ведомостях Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20 февраля 1992 г., N 8, ст. 366

две больших межрегиональных природоохранных прокуратуры на Дальнем Востоке и на Байкале. В 2021 году произошло расширение поднадзорной территории Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры. В ее состав вошли 2 межрайонных природоохранных прокуратуры на Каспийском море, которые раньше были в составе прокуратур субъектов.

Таким образом, на современном этапе прослеживается тенденция укрупнения природоохранных прокуратур и создания именно межсубъектовых специализированных прокуратур, как одной из возможных форм совершенствования природоохранной деятельности прокуратуры.

В рамках данного исследования было проведено анкетирование среди прокурорских работников территориальных, транспортных, природоохранных и иных специализированных прокуратур по вопросам осуществления природоохранной деятельности. Результаты показали, что по мнению абсолютного большинства опрошенных наиболее оптимально природоохранную деятельность должны осуществлять межрегиональные природоохранные прокуратуры со статусом прокуратур субъекта, в составе которых имеются межрайонные природоохранные прокуратуры (68,4%). Остальные 31,6% разделили свое мнение об оптимальности работы в природоохранной сфере среди следующих прокуратур: межрайонные природоохранные прокуратуры в составе территориальных прокуратур (18,4%); районные прокуратуры и аппарат территориальных прокуратур (9,6%); транспортные, военные и иные специализированные прокуратуры (2,6%).

По мнению ученых, необходимость создания в системе органов прокуратуры Российской Федерации специализированных природоохранных прокуратур обусловлена несколькими объективными обстоятельствами. Во-первых – сложной экологической обстановкой во всех регионах страны, сформировавшейся в результате антропогенного воздействия на окружающую среду, в первую очередь, со стороны промышленности, ЖКХ, добывающей отрасли. Во-вторых – большим массивом и сложной структурой экологического законодательства, ежегодно претерпевающего множество изменений и пополняющегося значительным числом новых правовых актов. В-третьих – значительным числом нарушений законов, регулирующих общественные отношения в сфере охраны земли, почв, обращения с отходами производства и потребления, охраны вод и атмосферного воздуха, охраны и использования животного мира, охраны и добычи водных биоресурсов, лесопользования и др. В-четвертых – потребностью в специализации прокурорских работников по вопросам надзора в рассматриваемой сфере в целях повышения его эффективности [5, с.36-37].

Результативность и эффективность работы природоохранных прокуратур напрямую зависят от правильности определения целей и задач их деятельности. Винокуров А.Ю. цели природоохранной деятельности определял как тот конечный позитивный результат, выражающийся в основном в улучшении состояния окружающей природной среды, к достижению которого должны стремиться прокуроры и следователи [6, с.251].

В научных кругах отмечается, что для достижения целей прокурорского надзора необходимо добиваться такого положения, когда права человека реально соблюдаются, а полномочия государственных органов и иных лиц реализуются в достаточной мере. При этом, задачи не являются статичными, они должны изменяться в соответствии с развитием экономических и социально-политических процессов, происходящих в государстве и обществе [7, с.25, 8, с.190].

В настоящее время в целях решения задач, стоящих перед прокуратурой по обеспечению законности в сфере охраны окружающей среды, приняты ведомственные правовые акты.

В соответствии с п. 1 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 №195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» надзор в сфере экологической безопасности отнесен к одному из основных направлений надзорной деятельности.

В целях совершенствования организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере Генеральным прокурором Российской Федерации 15.04.2021 года принят приказ № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере» (далее – Приказ № 198). Данным приказом прокурорам поручено, с учетом складывающейся обстановки, обеспечить эффективный надзор за исполнением законов в экологической сфере, в том числе об охране атмосферного воздуха, вод, лесов, почв, недр, объектов растительного и животного мира, водных биологических ресурсов, особо охраняемых природных территорий, об обращении с отходами, о рациональном использовании природных ресурсов, о промышленной безопасности. (п. 3.1 Приказа № 198).

Кроме того, в соответствии с названным приказом, прокуроры должны организовывать системный сбор и анализ сведений характеризующих состояние законности в экологической сфере (п. 3.2. Приказа № 198), информировать органы государственной власти и местного самоуправления о наиболее острых проблемах (п. 3.3 Приказа № 198), координировать деятельность правоохранительных органов по противодействию экологической преступности (п. 3.3. Приказа № 198), обеспечить тесное взаимодействие с общественными и иными некоммерческими объединениями (п. 3.6 Приказа № 198).

Данные ведомственные приказы Генерального прокурора Российской Федерации распространяются на все прокуратуры. Вместе с тем, «узкая» специализация природоохранных прокуратур, по нашему мнению, может способствовать наиболее эффективному решению стоящих перед прокурорами задач. Несомненным преимуществом в данном случае у работников специализированных природоохранных прокуратур является приобретение в процессе своей профессиональной деятельности более глубоких специфических знаний экологического и смежного с ним законодательства, что позволяет им действовать быстро и результативно, глубоко и досконально разбираться в существующих экологических проблемах.

Эффективность выполнения поставленных государством задач, по нашему мнению, зависит от грамотной организации работы в природоохранных прокуратурах, которая имеет определенные отличия от организации работы в территориальных, транспортных и иных специализированных прокуратурах.

Анализ организационных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что прежде всего специфика деятельности природоохранных прокуратур заключается в «узком» предмете надзора (исполнение законов об охране окружающей среды и природопользования и соблюдением прав граждан на благоприятную окружающую среду). Объекты прокурорского надзора также будут достаточно ограниченными по сравнению с поднадзорными территориальным прокуратурам объектами. Например, к объектам, поднадзорным природоохранным прокурорам, будут относится только органы власти и контроля, осуществляющие функции в природоохранной сфере. Но даже в этих органах не все полномочия

смогут проверять природоохранные прокуроры (проверка исполнения трудового законодательства в данных органах будет относится к компетенции территориальных прокуратур). Сосредоточение внимания на определенных предметах и объектах надзора может позволить природоохранным прокурорам детально и глубоко разобраться в сложившихся правоотношениях и, в случае выявления нарушений закона, принять меры прокурорского реагирования, направленные на наиболее оптимальное устранение нарушений закона.

Еще одной особенностью в организации работы природоохранных прокуратур будет являться и поднадзорная территория с большой площадью при относительно небольшой штатной численности работников. Учитывая это обстоятельство, целесообразным будет планировать работу таким образом, чтобы у работников была возможность проводить надзорные и ненадзорные мероприятия с учетом отдаленности объектов и времени на командировки до таких объектов.

Определенную специфику на организацию работы природоохранной прокуратуры накладывает большое количество органов экологического надзора (контроля). Амирбеков И.А. отмечает, что подмена государственными органами друг друга противоречит сущности правового государства и здравому смыслу функционирования государственных органов. Данное положение всецело распространяется на взаимоотношения органов прокуратуры Российской Федерации и поднадзорных прокуратуре государственных органов, в том числе и особенно государственных органов контроля (надзора) [9, с.20]. В данном случае можно отметить, что природоохранным прокурорам необходимо организовывать свою работу таким образом, чтобы исключить факты подмены органов экологического надзора (контроля) и сосредоточить свои усилия на активизации их деятельности.

Анализ практической деятельности природоохранных прокуратур, позволяет сделать вывод и о том, что при принятии мер прокурорского реагирования и контроле за реальным устранением выявленных прокурорами нарушений, необходимо учитывать, что, природоохранные мероприятия достаточно затратны и значительно растянуты во времени. Например, только на проектирование очистных сооружений для двух населенных пунктов на берегу Байкала требуется не менее 46 млн. руб., а на их строительство с учетом проектирования понадобиться 3-4 года[1]. Получается, что для того, чтобы нарушения, связанные с загрязнением озера Байкал от сточных вод населенных пунктов были реально устранены, природоохранному прокурору необходимо планировать свою деятельность на перспективу, обеспечивая постоянный и действенный надзор на каждом этапе выполнения мероприятий по проектированию и строительству очистных сооружений, осуществляя надзор за исполнением природоохранного и бюджетного законодательства.

Несмотря на то, что институт природоохранных прокуратур создан относительно недавно (с 1985 года), результаты надзорной деятельности специализированных природоохранных прокуратур позволяют сделать вывод о том, что их роль в решении экологических проблем и реализации государственной политики в данной сфере очень существенна.

[1] См. Власти ищут проектировщика для строительства очистных в Слюдянке – Байкальск Сегодня (irk.today) (дата обращения 27.07.2022).

Например, в сфере охраны вод прокурорами органы власти различных уровней и хозяйствующие субъекты понуждаются к проведению мероприятий по организации надлежащего водоснабжения и устранения нарушений законодательства при эксплуатации оборудования, осуществляющего сбросы в водные объекты. Для этого, прокурорами используется арсенал мер прокурорского реагирования, в том числе внесение представлений об устранении нарушений закона, а также обращение в суд с заявлениями о понуждении обеспечить сброс в водные объекты в соответствии с требованиями законодательства.

На особом контроле природоохранных прокуратур находится исполнение законодательства на озере Байкал, представляющим собой 80% запасов чистой, пресной питьевой воды России и являющимся объектом всемирного наследия ЮНЕСКО.

Например, по результатам проверок Байкальской межрегиональной природоохранной прокуратурой органы государственной власти регионов и местного самоуправления понуждались реализовывать мероприятия, предусмотренные схемами комплексного использования и охраны водных объектов (далее – СКИОВО). Например, по 9-ти административным исковым заявлениям прокурора Министерство природных ресурсов и экологии Иркутской области понуждено к выполнению мероприятий СКИОВО по укреплению берегов и расчистке русел водных объектов, по капитальному ремонту защитных дамб, экологической реабилитации водных объектов. Правительством Республики Бурятия выделены денежные средства (11 млн. рублей) на разработку ПСД на выполнение мероприятий по восстановлению и экологической реабилитации озера Гусиное, улучшение экологического состояния озера Котокельское.

После вмешательства прокурора (внесения представления) Енисейским бассейновым водным управлением и его территориальными органами активизирована работа по мониторингу водных объектов, проведению мероприятий по охране озера Байкал, усилен контроль за соблюдением условий договоров водопользования и деятельностью подведомственного ФГБУ «Центррегионводхоз». [1]

Байкальской межрегиональной природоохранной прокуратурой в целях предотвращения незаконной застройки и загрязнения озера Байкал по искам природоохранных прокуроров в федеральную собственность истребованы значительные земельные участки, включающие акваторию озера Байкал и береговую полосу, а также иные водные объекты[2].

Прокурорами в ряде случаев инициировалось уголовное преследование по фактам причинения экологического ущерба сточными водами. Так, по материалам Астраханской природоохранной прокуратуры следственными органами возбуждены и расследуются уголовные дела по статье 247 УК РФ (нарушение правил обращения экологически опасных веществ) о загрязении нефтесодержащими стоками акватории

[1]Докладная записка Байкальской межрегиональной природоохранной прокуратуры по итогам работы за 2020 год

[2] Байкальской межрегиональной природоохранной прокуратурой проведено межведомственное совещание по вопросам охраны водных объектов на Байкальской природной территории. https://procrf.ru/news/2458011-baykalskoy-mejregionalnoy-prirodoohrannoy-prokuraturoy.html?ysclid=l67l7v7kmq354942986 (дата обращения 14.05.2022)

р. Волги, причинившем ущерб в размере 16 млн рублей. Аналогичные примеры реагирования природоохранных прокуроров имеются в Республике Татарстан, Волгоградской, Костромской, Нижегородской, Рязанской, Ульяновской областях. [1]

Учитывая, что наиболее криминальной сферой в сфере природопользования является лесопользование, специализированными природоохранными прокуратурами посредством осуществления надзорных мероприятий и координации деятельности правоохранительных органов, особое внимание уделяется борьбе с преступностью в данной сфере.

По результатам проверки Байкальской межрегиональной природоохранной прокуратуры были выявлены грубые нарушения закона при распоряжении лесными ресурсами на территории Иркутской области, которые повлекли причинение значительного ущерба государству.

По результатам проверок Байкальской межрегиональной природоохранной прокуратуры и оспаривания в судебном порядке договоров пресечено незаконное использование особо защитных лесов в границах особо охраняемых природных территорий и в центральной экологической зоне озера Байкал, путем принесения протестов оспорены лесохозяйственные регламенты, разрешающие незаконную рубку лесных насаждений и прекращено незаконное использование лесов, в том числе границах заказников «Туколонь», «Озерный», «Эдучанкский». [2]

В результате комплекса принятых мер прокурорского реагирования (представления, обжалование незаконных договоров, объявление предостережений) прекращена незаконная заготовка древесины на территории Иркутской области под видом санитарно-оздоровительных мероприятий. Кировский районный суд г. Иркутска вынес приговор по уголовному делу в отношении бывшего министра лесного комплекса Иркутской области и трех должностных лиц. В зависимости от роли и степени участия они признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 260 УК РФ (пособничество в незаконной рубке лесных насаждений), ч. 5 ст. 33, ст. 262 УК РФ (пособничество в нарушении режима особо охраняемых природных территорий). Кроме того, суд удовлетворил иск потерпевшего о взыскании причиненного преступлением ущерба в сумме 480 млн рублей[3].

Особенностью организации работы природоохранных прокуратур по осуществлению надзора в уголовно-процессуальной сфере является отсутствие специализированных правоохранительных органов по противодействию преступности в экологической сфере. Вместе с тем, экологические преступления имеют определенную специфику, связанную с необходимостью установления ущерба компонентам окружающей среды и причинно-следственных связей от действий или бездействия лиц, что требует углубленных познаний в сфере экологии у следователей и дознавателей. С нашей точки зрения, одной из мер по улучшению противодействия экологическим преступлениям,

---

[1]Обзор практики и задач прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере охраны водных ресурсов и обеспечения населения чистой питьевой водой Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 09.08.2018 №74/3-35-2018

[2] Генеральная прокуратура Россиис кой Федерации: офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/ bmtp/mass-media/news/archive?item=37249582 (дата обращения: 27.03.2022).

[3] Там же. https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=73831197 (дата обращения 18.05.2022)

могло бы стать создание специализированных подразделений, входящих в состав Следственного комитета Российской Федерации и Министерства внутренних дел.

Подводя итог проведенному исследованию, стоит отметить, что ученые и практические работники прокуратур отмечают все возрастающую значимость природоохранных прокуратур в современном мире. По мнению Ашурбекова Т.А. одной из важнейших тенденций современного правового развития становится «экологизация» права, что обусловлено интенсивным развитием хозяйственной жизни, обострением в стране экологической ситуации [10, с.17]. Состояние экологии на современном этапе накладывает на специализированные природоохранные прокуратуры высокую ответственность за реализацию государственных задач в сфере охраны природы.

Автор приходит к выводу о том, что организация деятельности специализированных природоохранных прокуратур по сравнению с территориальными прокуратурами имеет определённую специфику, связанную с ограниченными полномочиями, небольшой штатной численностью при значительной поднадзорной территории, характером выявляемых нарушений и способами контроля за их устранением. Анализ практики работы природоохранных прокуратур межрегионального уровня свидетельствует о достаточной эффективности надзорной деятельности данных прокуратур, так как позволяет посредством принятия мер прокурорского реагирования и обеспечения взаимодействия с различными органами власти регионального и федерального уровня, а также правоохранительными и контролирующими органами, добиваться реального устранения нарушений и обеспечения экологической безопасности.

Представляется, что для решения наиболее серьезных экологических проблем требуется дальнейшее расширение института специализированных природоохранных прокуратур такого уровня и постепенное создание межрегиональных природоохранных прокуратур на территории всей страны. Усилению борьбы с экологическим преступлениями, по мнению автора, будет способствовать возрождение института специализированных правоохранительных органов в данной сфере. Такая специализация органов прокуратуры одновременно с правоохранительными органами позволит объединить усилия по обеспечению экологической безопасности на территории всей страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хлуденева, Н.И. Эффективность правового регулирования охраны окружающей среды в России: от "конфликта целей" к экологическому правопорядку // Журнал российского права. 2017. N 12. С. 141 – 150.

2. Карпов, Н.Н. К вопросу о правовом статусе прокуратуры Российской Федерации / Н.Н. Карпов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – № 2(46). – С. 3-8.

3. Паламарчук, А.В. Сеченова Р.Р., Зимин В.П. Деятельность органов прокуратуры вне уголовно-правовой сферы. – М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2013. С. 18.

4. Буксман, А.Э./Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства: пособие/под общ. ред. Начальника Главного управления по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации А.В. Паламарчука. – М., 2014 – 336 с., стр. 6

5. Добрецов, Д.Г. Природоохранные прокуратуры// Прокуратура России 1991-2016: Сборник статей, 2016. — С. 36-37.

6. Винокуров, А.Ю. Проблемы совершенствования природоохранной деятельности прокуратуры Российской Федерации: дис. … д-ра юридических наук: 12.00.11, М., 2006. С. 251

7. Бессарабов, В.Г. Актуальные проблемы прокурорской деятельности: курс лекций / под ред. О.С. Капинус. Академия Генеральной прокуратуры РФ. – М.: Проспект, 2016. – С. 24-25.

8. Бессарабов, В.Г. Прокурорский надзор: учебник. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. с. 189-190.

9. Амирбеков, К.И. К вопросу о недопустимости подмены иных государственных органов при осуществлении органами прокуратуры надзора за исполнением законов / К.И. Амирбеков // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 4(84). – С. 20–25.

10. Ашурбеков, Т.А. Российская прокуратура на новом этапе трансформации правовой системы: контуры новой доктрины ее развития // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2008. № 2 (4). С. 15–19.

REFERENCES

1. Khludeneva N.I. Efficiency of legal regulation of environmental protection in Russia: from the "conflict of goals" to environmental law and order // Journal of Russian Law. 2017. N 12. pp. 141 – 150.

2. Karpov, N. N. On the issue of legal criteria for distinguishing an agreement of intent and a preliminary agreement// Actual problems of Russian private law : Materials of the V International Scientific and Practical Conference, Saransk, September 25, 2020 / Editorial Board: G.P. Kuleshova [et al.]. – Saransk: Limited Liability Company "YuRexPraktik", 2020. – pp. 38-42.

3. Palamarchuk A.V. Sechenova R.R., Zimin V.P. Activities of the prosecutor's office outside the criminal law sphere. - Moscow: Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2013. p. 18.

4. Buksman A.E./Prosecutor's supervision over the implementation of environmental legislation: the manual/under the general ed. Head of the Main Department for Supervision of the Execution of Federal Legislation of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation A.V. Palamarchuk. – M., 2014 – 336 p., p. 6

5. Dobretsov D.G. Environmental Prosecutor's Offices// Prosecutor's Office of Russia 1991-2016: Collection of articles, 2016. — pp. 36-37.

6. Vinokurov A.Yu. Problems of improving environmental protection activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: dis. ... doctor of Law: 12.00.11, Moscow, 2006. p. 251

7. Bessarabov V.G. Actual problems of prosecutorial activity: a course of lectures / edited by O.S. Kapinus. Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. – M.: Prospect, 2016. – pp. 24-25.

8. Bessarabov V.G. Prosecutor's supervision: textbook. M.: TK Velbi, Publishing house Prospect, 2006. pp. 189-190.

9. Bessarabov V.G. Human rights activities of the Russian Prosecutor's Office (1722 – 2002): history, events, people. – M., 2003. – p. 249.

10. Ashurbekov T.A. The Russian Prosecutor's office at a new stage of transformation of the legal system: contours of a new doctrine of its development // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2008. No. 2 (4). pp. 15-19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ермаченко Светлана Викторовна – заместитель прокурора Ленинского района г. Иркутска, Прокуратура Иркутской области, 664002, г. Иркутск, ул. Жукова, 7
https://orcid.org/0000-0003-2460-9390

NFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ermachenko Svetlana Viktorovna – Deputy Prosecutor of the Leninsky district of Irkutsk, Prosecutor's Office of the Irkutsk region, 664002, Irkutsk, Zhukova str., 7
https://orcid.org/0000-0003-2460-9390

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 181–193.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 181–193.

12.00.12. Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-розыскная деятельность.

Научная статья
УДК: 343.9
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.53.37.016

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСХОДНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ И ВЕРСИОННАЯ РАБОТА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ИЗМЕНЕНИЕМ МАРКИРОВОЧНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Агафонов Артем Сергеевич
Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, Иркутск, agafonov_1990@mail.ru

Введение: в статье, с учетом особенностей реализации тактических приемов расследования уголовного дела и раскрытия преступления, обращено внимание на необходимые отличительные качества процесса мышления, связанного с версионной работой субъекта расследования. Также представлены и проанализированы различные вариации понимания структуры, сущности, природы и роли теории следственной ситуации как одной из ключевых криминалистических категорий.

Материалы и методы: обусловлены философским (всеобщим) диалектико-материалистическим методом научного познания. Кроме того, автором в процессе исследования применялись общие методы: сравнительно-правовой, индукции и дедукции, системно-функциональный, описания, обобщения, анализа и синтеза и др.

Результаты исследования: позволили определить базовые исходные следственные ситуации по преступлениям, связанным с изменением маркировочных обозначений транспортных средств (далее – МО ТС). Вместе с тем представлены общие и частные версии о совершении преступных деяний исследуемой направленности.

Выводы и заключения: на основе систематизации основных исходных следственных ситуаций по уголовным делам, связанным с изменением МО ТС, в целях выбора верного вектора расследования, определен алгоритм (рабочие этапы последовательности действий) следователя (дознавателя), который, по нашему мнению, будет способствовать полному и качественному раскрытию преступления, изобличению виновных и обеспечению правильного применения закона.

Ключевые слова: следственные ситуации; следственные версии; маркировочные обозначения транспортных средств.

© Агафонов А. С., 2022

Для цитирования: Агафонов А.С. Характеристика исходных следственных ситуаций и версионная работа по уголовным делам, связанным с изменением маркировочных обозначений транспортных средств / А.С. Агафонов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 181–193.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.53.37.016

12.00.12. Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Original article

CHARACTERISTICS OF INITIAL INVESTIGATIVE SITUATIONS AND VERSION WORK ON CRIMINAL CASES RELATED TO CHANGES IN MARKING VEHICLE MARKINGS

Artem S. Agafonov
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk, agafonov_1990@mail.ru

Introduction: in the article, taking into account the peculiarities of the implementation of tactical methods of investigating a criminal case and solving a crime, attention is drawn to the necessary distinctive qualities of the thinking process associated with the version work of the subject of the investigation. Also, various variations of understanding the structure, essence, nature and role of the theory of the investigative situation as one of the key forensic categories are presented and analyzed.

Materials and methods: due to the philosophical (universal) dialectical-materialistic method of scientific knowledge. In addition, in the process of research, the author used general methods: comparative legal, induction and deduction, system-functional, description, generalization, analysis and synthesis, etc.

***The results of the study*:** made it possible to determine the basic initial investigative situations for crimes related to changing the markings of vehicles (hereinafter referred to as the MO TS). At the same time, general and particular versions of the commission of criminal acts of the researched direction are presented.

Findings and Conclusions: based on the systematization of the main initial investigative situations in criminal cases related to changes in the Ministry of Defense of the Customs Union, in order to select the right vector of investigation, an algorithm (working stages of a sequence of actions) of the investigator (interrogator) is determined, which, according to in our opinion, will contribute to the full and high-quality disclosure of the crime, the exposure of the perpetrators and ensure the correct application of the law.

Keywords: investigative situations; investigative versions; vehicle markings.

For citation: Agafonov A. S. Harakteristika ishodnyh sledstvennyh situacij i versionnaja rabota po ugolovnym delam, svjazannym s izmeneniem markirovochnyh oboznachenij transportnyh sredstv [Characteristics of initial investigative situations and versioning work on criminal cases related to the change of vehicle markings]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102), pp.181–193 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.53.37.016

Расследование любого преступного деяния представляет собой поисково-познавательную деятельность следователя либо дознавателя, которая преследует цель получить достоверное знание о произошедшем событии. Основой организационно-управленческой деятельности субъекта расследования являются мотивированные следственные версии, которые складываются на основе объективных и субъективных факторов, предопределяющих выбор и особенности реализации тактических приемов расследования уголовного дела и раскрытия преступления.

Как утверждает Х. Павлов [1, с. 43–46], процесс мышления, связанный с версионной работой субъекта расследования, должен обладать следующими отличительными качествами: широтой и углубленностью деятельности мышления; критичностью и логичностью мысли; оперативностью, подразумевающей умственные операции на основе анализа и синтеза, абстракции и обобщения; обоснованностью суждений и умозаключений; познавательным характером и многостепенностью, последовательностью деятельности мышления.

По нашему мнению, к указанным выше необходимым характеристикам процесса мышления, связанного с версионной работой следователя (дознавателя), следует добавить гибкость, интеграцию и систематизацию деятельности мышления. Под гибкостью понимается разнообразие обоснованных следственных версий, способность к их быстрому переключению, а также выдвижению нетрадиционных версий. Под интеграцией следует понимать способность учитывать одновременно несколько различных (противоположных) следственных версий. А к систематизации относится мысленное распределение следственных версий по группам или подгруппам в зависимости от их сходства или различий.

В случае выдвижения правильной обоснованной версии, как справедливо отмечает О.П. Грибунов, и, соответственно, ее подобающей проверки вероятностное суждение следователя (дознавателя), основанное на внутреннем убеждении, обращается в полезное знание [2, с. 136], которое имеет ключевое значение в криминалистическом обеспечении расследования преступлений.

Следственные версии, которые органически связаны и, в свою очередь, складываются в соответствии с исходными следственными ситуациями, являются ориентирующим процессом начала расследования. Научная категория «следственная ситуация» уже давно прочно вошла в понятийный аппарат криминалистики и до сих пор находится под пристальным вниманием видных ученых-криминалистов, рассматривающих природу, понятие, содержание и структуру «следственной ситуации» как одной из ключевых криминалистических категорий. Отдельные криминалисты следственным ситуациям посвятили специальные исследования, по результатам которых была разработана целая теория криминалистической ситуалогии [3].

Понимание структуры, сущности, роли теории следственной ситуации характеризуется многообразием подходов к описанию данных составляющих, поэтому сложно определить один, единственно верный подход [4, с. 65]. Традиционно, как и многие значимые криминалистические категории, рассматриваемая дефиниция не имеет общепризнанного (доктринального) определения. Рассмотрим некоторые существующие вариации.

Так, И.Ф. Герасимов определял следственную ситуацию как совокупность обстоятельств и факторов, характеризующих расследование на том или ином отрезке времени. Ученый отмечал: поскольку отличительная особенность следственной ситуации проявляется в информационном содержании, несомненно, велика ее значимость

при выдвижении различных обоснованных версий, сущность которых непременно сопряжена с наличием либо отсутствием информативных данных [5, с. 14]. С ним солидарен Г.М. Меретуков, дополняя, что рассматриваемая дефиниция как совокупность объективных и субъективных ее компонентов функционирует в виде некоего специфического «моста» между теорией и практикой криминалистики [6, с. 654–655]. Действительно, исследование познавательного характера сложившейся следственной ситуации невозможно без синтеза теоретических основ и практических аспектов криминалистической науки, что в свою очередь ведет к установлению истины по уголовному делу.

С методологической точки зрения более приемлемое определение, на наш взгляд, принадлежит Л.Я. Драпкину, который считает, что «следственная ситуация выступает как динамическая информационная система (сумма, совокупность данных), отражающая с различной степенью адекватности информационно-логическое, тактико-психологическое, тактико-управленческое и организационное состояние, реально сложившееся по уголовному делу и характеризующее благоприятный или неблагоприятный характер процесса расследования» [7, с. 31]. А под исходной следственной ситуацией им понимается информационная модель, с тем или иным уровнем адекватности отражающая положение, установившееся по уголовному делу на начальном этапе расследования [7, с. 30].

Отдельного внимания заслуживает диссертационное исследование Т.С. Волчецкой, где впервые была предпринята довольно удачная попытка создания целостной теории криминалистических ситуаций (построения концептуальных основ, содержания, структуры, принципов и основных функций общей криминалистической теории ситуаций – криминалистической ситуалогии). В этой фундаментальной работе рассмотрены не только следственные, но и иные криминалистические ситуации (судебные, оперативно-разыскные, экспертные). И главное, автор сумел выявить и рассмотреть криминальные ситуации в ходе анализа преступной деятельности, указав, что следственная ситуация – это «степень информационной осведомленности следователя о преступлении, а также состояние процесса расследования, сложившееся на любой определенный момент времени, анализ и оценка которого позволяют следователю принять наиболее целесообразные по делу решения» [3, с. 140]. Причем любая следственная ситуация может быть представлена в практическом и теоретическом аспектах.

С.Э. Воронин рассмотрел познавательные и психологические аспекты ситуационного анализа в контексте проблемно-поисковой следственной ситуации как одной из основных ее классификационных форм [8].

Еще одно диссертационное исследование, которое следует отметить, принадлежит Д.В. Киму, проанализировавшему природу, понятие, сущность, структуру, динамику, связь, зависимость, их соотношение между собой и место в системе научного познания различных ситуаций, находящихся в поле зрения криминалистической науки. В общем виде ученый говорит о следственной ситуации как о сложной динамической системе, возникающей в деятельности по расследованию преступлений и влияющей на дальнейшую организацию этой деятельности [9, с. 277].

Безусловно, представители Барнаульской научной школы, основоположником которой является уважаемый профессор В.К. Гавло, внесли, как и сам их учитель, огромный вклад в разработку теоретических основ рассматриваемой криминалистической категории – следственной ситуации, предлагая обоснованные практико-ориентированные решения. Отметим, что в результате исследования, проведенного группой

авторов под руководством В.К. Гавло, были комплексно рассмотрены криминалистические ситуации в сочетании с полидисциплинарным подходом, требующим интеграции методологического и методического арсенала различных наук (в частности, в контексте психологического тезауруса и «ситуации» как многомерного явления) [10].

Мы поддерживаем мнение ученых, полагающих, что «следственная ситуация есть динамично эволюционирующая под воздействием объективных и субъективных факторов, формирующаяся в рамках информационного, процессуально-тактического, психологического, организационного и материально-технического компонентов, обстановка, в которой происходит расследование преступления» [11, с. 50], в данной обстановке предварительные тактические задачи по расследованию и раскрытию преступления должны решаться на основе оценки и всестороннего анализа конкретной (или исходной) следственной ситуации [12, с. 44], компоненты которой могут иметь как субъективную, так и объективную природу [13, с. 209].

Заметим, что ценность ситуационного подхода, являющегося «локальной парадигмой современной криминалистики» [14, с. 62], состоит в анализе и учете многовариантности развития следственной ситуации. В этой связи следователь (дознаватель) не должен довольствоваться только наличием имеющейся на данный момент времени криминалистически значимой информацией, ему необходимо предусматривать типизацию и возможность построения эффективной модели различных тактических приемов, учитывая обстоятельства совершения конкретного вида или группы преступных деяний, обусловленных единым объектом преступного посягательства. Деятельность по эффективному планированию и организации расследования преступлений, согласимся с И.М. Комаровым, должна реализовываться с учетом использования субъектом расследования ресурсов ситуационного подхода [15, с. 127].

Содержание первоначального этапа расследования преступлений напрямую обусловливается исходной следственной ситуацией, которая образуется вне зависимости от деятельности следователя (дознавателя), однако дальнейшее ее развитие непосредственно связано с поисково-познавательной деятельностью субъекта расследования. Как справедливо заключает В.И. Брылев, повышение эффективности расследования преступлений во многом зависит от научного познания и выделения в частной криминалистической методике типичных следственных ситуаций [16, с. 204].

Итак, исходя из теоретических положений и анализа уголовных дел по преступлениям, связанным с изменением маркировочных обозначений транспортных средств (МО ТС), выделим базовые исходные следственные ситуации, которые, по нашему мнению, можно разделить на две основные группы.

Первая ситуация. Имеются заявление, рапорт и (или) акт о выявленных признаках изменения идентификационной маркировки ТС (в ходе его осмотра) от сотрудников межрайонного ремонтно-эксплуатационного отдела (МРЭО), ДПС ГИБДД или иных сотрудников правоохранительных органов, а также частных лиц. Какие-либо сведения о подозреваемом лице отсутствуют.

Данная следственная ситуация является наиболее распространенной, сложной и малоинформативной (73 % изученных случаев). Могут быть выдвинуты общие версии о совершении преступного деяния, например, что преступление совершено: 1) непосредственно «титульным» владельцем (собственником) ТС. Так, например, в ходе расследования одного из изученных уголовных дел установлено, что гр. Ц. тайно похитил ТС «Тойота Королла Спассио», на котором в дальнейшем произвел капитальный ремонт, изменил идентификационную маркировку кузова путем вырезания фрагмента

металла с первичным номером и вставки в образованный проем фрагмента со знаками вторичной маркировки, демонтированного из маркируемой панели своего старого автомобиля такой же марки и модели. После чего гр. Ц. владел, пользовался и распоряжался данным ТС[1]; 2) прежним владельцем (владельцами) ТС. А также версии:

– о причастности указанных лиц к совершению иных аналогичных преступных деяний;

– о причастности к совершению преступления других подозреваемых (например, иных лиц, имеющих право на управление данным ТС);

– о причастности к совершению преступного деяния родственников владельца ТС, его друзей, знакомых, коллег по работе и т.д.;

– о причастности к совершению преступления лиц, ранее судимых за аналогичные преступления, а также судимых за хищения ТС (и состоящих в организованных преступных группах).

После проведения следственных, иных процессуальных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий могут быть выдвинуты и другие версии.

Необходимо проверить версии, выдвинутые владельцем ТС, учитывая, что он может оговорить невиновных лиц.

Могут также выдвигаться и частные версии:

– о способах подготовки, совершения и сокрытия преступного деяния, а также использованного при этом материально-технического оборудования, орудий и инструментов;

– о наличии у преступника специальных автотехнических знаний или знаний в области технико-криминалистического исследования документов, полиграфии, а также специальных знаний в сфере компьютерных технологий;

– о причастности к совершению преступления лиц, работающих в близлежащих автосервисах (автомастерских) и др.

В целях выбора верного вектора расследования необходимо осуществить следующие действия: допросить владельца (собственника) об обстоятельствах приобретения ТС; установить и допросить прежних владельцев и лиц, которые управляют данным ТС, отработать их на причастность к совершению преступления; провести обысковые мероприятия в месте нахождения ТС (гараже, крытой стоянке и т.д.), иных помещениях в целях нахождения других ТС, запчастей, орудий преступления (инструментов, оборудования, в том числе и полиграфического); попытаться отследить всю историю ТС (запросы в таможенные органы, на завод-изготовитель, проверка по базам ГИБДД, проверка на участие в дорожно-транспортных происшествиях, при установлении первичной идентификационной маркировки – запрос в НЦБ Интерпола и т.д.); провести осмотр ТС с привлечением лица, обладающего специальными знаниями (эксперта, специалиста), если в ходе осмотра найдены следы пальцев рук, микрообъекты (частицы ЛКП) и др., то осуществить их проверку по экспертно-криминалистическим учетам; отправить ТС и регистрационные документы на экспертное исследование; провести комплекс необходимых оперативно-разыскных мероприятий; провести выемку ТС и регистрационных документов; для проверки на причастность лиц, ранее привлеченных к уголовной ответственности за аналогичные преступления, осуществить проверку по оперативно-справочным учетам, розыскным и криминалистическим учетам. Отдельно

[1] Уголовное дело № 160181007192219 9/2018 // Архив СО ОП № 1 СУ УМВД России по г. Улан-Удэ.

следует проверить на причастность к совершению преступления лиц, работающих в близлежащих автосервисах, автомастерских (при необходимости отправить такое поручение в соседние регионы), а также отработать лиц, занимающихся на постоянной основе куплей, обменом, продажей автомобилей – «перекупов». В данной ситуации очень важно проводить вдумчивый анализ всех деталей произошедших событий.

Вторая ситуация. Имеются сведения о событии преступления, личность подозреваемого установлена (в том числе при реализации оперативных материалов). Данная ситуация подразделяется на следующие подгруппы:

2.1. подозреваемый полностью признает свою вину (3 % изученных случаев);

2.2. подозреваемый отрицает свою причастность к совершению преступления (5 % изученных случаев);

2.3. подозреваемый частично признает свою вину, без подробного описания основных обстоятельств события преступления (7 % изученных случаев);

2.4. подозреваемое лицо скрылось (2 % изученных случаев).

Указанной следственной ситуации могут быть присущи следующие типичные версии:

– подозреваемый совершил преступление один;

– преступление совершенно группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом. В этом случае лицо, совершившее преступление, всяческим образом старается скрыть данный факт, чтобы не выдать своих сообщников и получить менее тяжкое наказание;

– преступление совершено в целях эксплуатации ТС;

– преступление совершено в целях сбыта (продажи) ТС;

– преступление совершено «по заказу» иных лиц, которые занимаются преступной деятельностью;

– идентификационная маркировка была изменена «небрежно» или же, наоборот, на довольно высоком профессиональном уровне и др.

Выдвинутые версии могут меняться, корректироваться, подтверждаться или опровергаться в связи с поступающей новой криминалистически значимой информацией.

В ситуации 2.1 процесс расследования довольно простой (благоприятный) и не должен вызывать каких-либо трудностей. Здесь главное – дополнительно проверить достоверность показаний подозреваемого, установить все обстоятельства совершения преступления (мотив, причины и условия и т.д.) и отработать иных лиц, которые могут быть причастны к совершению преступления. Но также необходимо понимать, что позиция подозреваемого может поменяться в любой момент расследования и тут важно войти в доверие и заключить досудебное соглашение о сотрудничестве.

Следственная ситуация 2.2 наименее благоприятна, в основном она проблемная или конфликтная. При данных обстоятельствах в план расследования дознавателя (следователя) необходимо включать следующие действия: незамедлительный подробный допрос подозреваемого с установлением психологического контакта (необходимо понимать, что один из способов противодействия расследованию – это оговор невиновных лиц и к данному способу может прибегнуть подозреваемый); допрос свидетелей (друзей, соседей); обыск по месту жительства подозреваемого и его родственников (в том числе в гаражах, складских помещениях и т.д.); осмотр ТС и осмотр места происшествия; выемка оборудования и инструментов, с помощью которых происходило

изменение маркировочных данных; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; назначение и производство необходимых экспертиз; очная ставка (если установлено, что к преступлению могут быть причастны иные лица); направление поручения о производстве оперативно-разыскных мероприятий, которые также могут быть ориентированы на получение информации о многоэпизодной преступной деятельности подозреваемого. Целью проведения указанных действий является установление фактических обстоятельств по делу и опровержение недостоверных сведений, указанных подозреваемым лицом (в отдельных случаях – опровержение следственной версии о причастности к преступлению подозреваемого). Если же достоверно известно, что подозреваемый дает ложные показания, как справедливо замечает А.С. Князьков, может применяться тактический прием «внезапное задавание вопроса». «Его информационным началом будут выступать сведения, имеющиеся у следователя; другими словами, тактический прием будет иметь смысловую нагруженность, соотнесенную с тактической задачей оптимизации существующей следственной ситуации» [17, с. 81].

При ситуации 2.3 алгоритм действий следователя (дознавателя) такой же, как и при ситуации 2.2. Однако, если лицо дает хотя бы какие-либо малоинформативные показания, с ним все-таки легче установить психологический контакт, нежели если он будет полностью скрывать свою вину. В данной ситуации возможно применение тактического приема максимальной детализации показаний подозреваемого, например, «задать ряд уточняющих вопросов» [18, с. 43], естественно, избегая наводящих. Отметим, что субъект расследования должен использовать все методы, не противоречащие процессуальному законодательству, чтобы предугадать варианты действий противоположной стороны (т.е. подозреваемого). Следователю (дознавателю) на основе логических действий необходимо стремиться к трансформации сложных, проблемных и конфликтных ситуаций в простые, непроблемные и неконфликтные. Согласимся с Л.Я. Драпкиным, что для преодоления конфликтных ситуаций наиболее эффективным методом является «последовательное или параллельное проведение тактических комбинаций и операций» [19, с. 81].

При ситуации 2.4, когда подозреваемое лицо скрылось, необходимо принять все меры гласного и негласного характера для установления и изобличения преступника. Каким бы высококвалифицированным, образованным и хорошо подготовленным специалистом ни был субъект расследования, его профессиональные навыки не ориентированы на розыск лица, скрывшегося от уголовного преследования, однако всевозможные розыскные меры он предпринять обязан. В этой связи следователь (дознаватель) вправе и должен обратиться за помощью и дать отдельные поручения оперативно-разыскному аппарату, осуществляющему оперативное сопровождение по уголовному делу.

Как мы уже отметили, следователем, дознавателем должны приниматься меры разыскного характера для установления лица, подозреваемого в совершении преступного деяния, которые могут в себя включать: установление его связей и возможных мест нахождения; установление свидетелей и их допрос; при необходимости составление словесного и композиционного портрета; запросы в ГИАЦ МВД России, проверку лица по различным видам учетов (адресно-справочным, по базам ГИБДД, по базам Федеральной миграционной службы, обращение в Федеральную службу судебных приставов и т.д.); запрос к операторам сотовой связи для получения данных о принадлежности мобильных номеров подозреваемому, после судебного решения получить биллинг номеров и др. Также вполне эффективно могут применяться иные технические

средства розыска. Сегодня перспективным направлением (помимо цели повышения общего уровня общественной безопасности) при раскрытии преступлений общеуголовной направленности и розыске преступников, скрывшихся от органов следствия, дознания или суда, является развитие правоохранительного сегмента аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» (в настоящее время он функционирует более чем в 1200 населенных пунктах страны).

Со своей стороны, оперативные подразделения проводят комплекс оперативно-тактических и оперативно-разыскных мероприятий разведывательного характера, с незамедлительным информированием правоохранительных органов соседних регионов о розыске лица.

Отметим, что особую, ключевую роль при установлении и пресечении преступной деятельности, в том числе носящей организованный характер, играет качественное и эффективное проведение оперативно-разыскных мероприятий. Как пишет М.А. Шматов, «человечество еще не выработало более эффективного способа пресечения и раскрытия преступления, чем оперативно-разыскная деятельность. Ее разведывательная функция может быть использована для негласного проникновения в преступную среду» [20, с. 120]. Совместными оперативно-разыскными и криминалистическими средствами, заключает Н.П. Яблоков, раскрываются практически все преступления [21, с. 43]. Здесь важное значение играет отлаженное, тесное взаимодействие сотрудников правоохранительных органов.

Хотелось бы обратить внимание на еще одну, факультативную (третью) ситуацию, когда преступное деяние установлено в ходе расследования другого уголовного дела (10 % изученных случаев). Обычно такая ситуация формируется при расследовании и раскрытии преступлений, связанных с хищением ТС. Порядок действий следователя (дознавателя) при данной следственной ситуации довольно подробно описан в работе А.В. Лесных [22, с. 128], поэтому останавливаться на ней нет необходимости.

В ходе изучения дел о рассматриваемых нами преступлениях мы также выделили следственные ситуации, которые можно классифицировать по предмету преступного посягательства: 1) изменены (подделаны) идентификационная маркировка и документы на право владения, пользования и распоряжения ТС (48 % изученных уголовных дел). Такая ситуация обычно складывается после хищения ТС; 2) изменена (подделана) идентификационная маркировка ТС под регистрационные документы (40 % изученных уголовных дел). В этом случае ТС похищают «под заказ»; 3) подделаны регистрационные документы под имеющееся ТС (12 % изученных уголовных дел). Данная ситуация характерна при незаконном ввозе ТС через таможенную границу.

Заметим, что индивидуальность исходной следственной ситуации обусловлена воздействием на нее различных факторов, которым пристальное внимание уделила А.Р. Арсланова. Присоединяясь к позиции ученого, перечислим факторы, влияющие на тактику процессуальных действий: информационные, материальные, динамичные, территориальные, организационно-технические и методические, информационно-психологические, фактор «эмпирического обобщения» и фактор «случайного поиска» [23, с. 50–53].

Таким образом, одним из первостепенных факторов, влияющих на полноту, всесторонность и объективность расследования преступлений, связанных с изменением МО ТС, является формируемая на определенный момент времени исходная следственная ситуация, которая нередко сопровождается сложностью процесса становления

доказательственной базы. «Происходит это потому, что, несмотря на наличие ориентирующей информации в руках правоохранительных органов, на практике реализовать ее в доказательственную форму – достаточно сложная и трудоемкая задача. Так, наличие очевидцев преступления еще не означает, что эти лица будут давать свидетельские показания, изобличающие виновного, в силу различных обстоятельств личного характера (близкие отношения, чувство страха из-за возможности последующей расправы, правовой нигилизм и т.д.)»[1] [24, с. 193].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что объективная и грамотная оценка типичной следственной ситуации с учетом специфики конкретного уголовного дела и в сочетании с творческим, научным подходом к выбору средств и методов расследования, процессуальных и тактических решений позволит следователю (дознавателю) эффективно решать задачи уголовного судопроизводства по своевременному, полному и качественному раскрытию преступления, изобличению виновных и обеспечению правильного применения закона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Павлов, Х. Характеристика процесса мышления, связанного с выдвижением и проверкой следственных версий // Российский следователь. – 2012. – № 6. – С. 43–46.

2. Грибунов, О.П. Особенности версионной работы по делам о преступлениях против собственности, совершаемых на транспорте // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4 (27). – С. 135–142.

3. Волчецкая, Т.С. Криминалистическая ситуалогия : дис. … д-ра юрид. наук. – М., 1997. – 395 с.

4. Грибунов, О.П. Ситуационный подход и его влияние на организацию и тактику расследования преступлений против собственности, совершаемых на железнодорожном и воздушном транспорте // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – № 5 (34). – С. 64–73.

5. Герасимов, И.Ф. Криминалистическая тактика и следственные ситуации // Теоретические проблемы криминалистической тактики : Межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск : УрГУ, 1981. С. 13–18.

6. Меретуков Г.М., Лунина Е.С. Сущность, природа и виды следственных ошибок, возникающих на основе следственных ситуаций на досудебном производстве // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. –№ 96. – С. 653–665.

7. Драпкин, Л.Я. Исходные следственные ситуации: генезис и динамика // Исходные следственные ситуации и криминалистические методы их разрешения : сб. науч. тр. – М. : ВЮЗШ, 1991. – С. 30–35.

8. Воронин, С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве : дис. … д-ра юрид. наук. – Барнаул, 2001. – 404 с.

9. Ким, Д.В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел : дис. … д-ра юрид. наук. – Барнаул, 2009. – 428 с.

10. Гавло, В.К., Клочко, В.Е., Ким, Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты : монография. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 226 с.

[1] Агафонов А.С. Некоторые особенности организации расследования преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XXIV Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2019. – С. 193.

11. Варданян, А.В. Методологические проблемы классификации исходных следственных ситуаций, типичных для расследования злоупотреблений полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // Юристъ-Правоведъ. – 2013. – № 1 (56). –С. 50–53.

12. Головин, А.Ю., Баранов М. В. Алгоритмы расследования в структуре частных криминалистических методик: проблемы разработки и практического применения // Российский следователь. – 2013. – № 11. – С. 42–44.

13. Коновалов, С.И. Теоретико-методологические основы криминалистики: современное состояние и проблемы развития : дис. … д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2001. – 261 с.

14. Волчецкая, Т.С. Учение о криминалистических ситуациях: генезис, современное состояние и перспективы развития // Союз криминалистов и криминологов. – 2019. – № 2. – С. 59–64.

15. Комаров, И.М., Ян Е.И. Ситуационный подход и его значение для расследования преступлений // Воронежские криминалистические чтения. – 2018. – № 20. – С. 122–132.

16. Брылев, В.И., Сокол Ю.В. Типичные следственные ситуации по делам о вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий // Общество и право. – 2012. – № 1 (38). – С. 204–209.

17. Князьков, А.С. Следственная ситуация и выбор тактических приемов // Уголовная юстиция. – 2014. – № 2 (4). – С. 80–83.

18. Гавло, В.К., Сафронов, А.Ю. К вопросу о классификации типичных следственных ситуаций по делам о фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности, складывающихся на первоначальном этапе расследования // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – № 2-1 (86). – С. 41–45.

19. Драпкин, Л.Я. Ситуационный подход в криминалистической теории и практике расследования преступлений // Российский юридический журнал. – 2017. – № 2 (113). – С. 78–86.

20. Шматов, М.А., Шматов, В.М. Контроль и запись телефонных переговоров как следственное действие в соотношении с оперативно-разыскным мероприятием – прослушивание телефонных переговоров // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2017. – № 1 (40). – С. 117–121.

21. Яблоков, Н.П. Криминалистические основы оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2009. – № 3. – С. 43–60.

22. Лесных, А.В. Расследование подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства : дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2001. – 216 с.

23. Арсланова, А.Р. Криминалистическая тактика процессуальных действий при рассмотрении сообщения о преступлении : дис. … канд. юрид. наук. – Уфа, 2017. – 226 с.

24. Агафонов, А.С. Некоторые особенности организации расследования преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIV Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2019. – С. 191–194.

REFERENCES

1. Pavlov H. Characteristics of the thinking process associated with the nomination and verification of investigative versions // Russian investigator. - 2012. - No. 6. - P. 43–46.

2. Gribunov O. P. Features of versioning work on cases of crimes against property committed in transport // Forensic Library. Science Magazine. - 2016. - No. 4 (27). – P. 135–142.

3. Volchetskaya T. S. Forensic situational science: dis. … Dr. jurid. Sciences. - M., 1997. - 395 p.

4. Gribunov O. P. Situational approach and its impact on the organization and tactics of investigating crimes against property committed in the railway and air transport // Forensic Library. Science Magazine. - 2017. - No. 5 (34). – P. 64–73.

5. Gerasimov I. F. Forensic tactics and investigative situations // Theoretical problems of forensic tactics: interuniversity. Sat. scientific tr. - Sverdlovsk: Ural State University, 1981. S. 13–18.

6. Meretukov G. M., Lunina E. S. Essence, nature and types of investigative errors arising on the basis of investigative situations in pre-trial proceedings // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. - 2014. - No. 96. - P. 653-665.

7. Drapkin L. Ya. Initial investigative situations: genesis and dynamics // Initial investigative situations and forensic methods of their resolution: Sat. scientific tr. - M. : VYuZSH, 1991. S. 30–35.

8. Voronin S. E. Problem-searching investigative situations and establishing the truth in criminal proceedings: dis. … Dr. jurid. Sciences. - Barnaul, 2001. - 404 p.

9. Kim D.V. Problems of the theory and practice of resolving forensic situations in the process of disclosure, preliminary investigation and judicial review of criminal cases: dis. … Dr. jurid. Sciences. - Barnaul, 2009. - 428 p.

10. Gavlo V. K., Klochko V. E., Kim D. V. Judicial-investigative situations: psycho-criminal aspects: monograph. - Barnaul: Alt. un-ta, 2006. - 226 p.

11. Vardanyan A. V. Methodological problems of classification of initial investigative situations typical for the investigation of abuses of authority by persons performing managerial functions in commercial and other organizations // Yurist-Pravoved. - 2013. - No. 1 (56). -WITH. 50–53.

12. Golovin A. Yu., Baranov M. V. Investigation algorithms in the structure of private forensic methods: problems of development and practical application // Russian investigator. - 2013. - No. 11. - P. 42–44.

13. Konovalov S. I. Theoretical and methodological foundations of criminalistics: current state and development problems: dis. … Dr. jurid. Sciences. - Volgograd, 2001. - 261 p.

14. Volchetskaya T. S. The doctrine of forensic situations: genesis, current state and development prospects // Union of criminalists and criminologists. - 2019. - No. 2. - P. 59–64.

15. Komarov I. M., Yan E. I. Situational approach and its significance for the investigation of crimes // Voronezh forensic readings. - 2018. - No. 20. - P. 122–132.

16. Brylev V. I., Sokol Yu. V. Typical investigative situations in cases involving the involvement of a minor in committing antisocial acts // Society and Law. - 2012. - No. 1 (38). – S. 204–209.

17. Knyazkov A. S. Investigative situation and choice of tactics // Criminal justice. - 2014. - No. 2 (4). – P. 80–83.

18. Gavlo V. K., Safronov A. Yu. On the classification of typical investigative situations in cases of falsification of evidence and the results of operational-search activities that develop at the initial stage of the investigation. Izvestiya Altai State University. - 2015. - No. 2-1 (86). – P. 41–45.

19. Drapkin L. Ya. Situational approach in forensic theory and practice of crime investigation // Russian Journal of Law. - 2017. - No. 2 (113). – P. 78–86.

20. Shmatov M. A., Shmatov V. M. Control and recording of telephone conversations as an investigative action in relation to the operational-search measure - wiretapping of telephone conversations // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2017. - No. 1 (40). - S. 117–121.

21. Yablokov N. P. Forensic bases of operational-investigative activity // Bulletin of the Moscow University. Episode 11: Right. - 2009. - No. 3. - P. 43–60.

22. Lesnykh A. V. Investigation of forgery or destruction of the identification number of the vehicle: dis. … cand. legal Sciences. - Krasnodar, 2001. - 216 p.

23. Arslanova A. R. Forensic tactics of procedural actions when considering a report of a crime: dis. … cand. legal Sciences. - Ufa, 2017. - 226 p.

24. Agafonov A. S. Some features of the organization of the investigation of crimes related to the change in the markings of vehicles // Law enforcement activities in modern conditions: a collection of materials of the XXIV Intern. scientific-practical. conf. - Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. - P. 191–194.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Агафонов Артем Сергеевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД Восточно-Сибирского института МВД России, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
ORCID: 0000-0003-3939-4660; SPIN-код: 1073-9475; AuthorID: 934101.
INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Agafonov Artem Sergeevich, Candidate of Law, Lecturer of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment at the Department of Internal Affairs of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074, Russia, Irkutsk, st. Lermontov, 110.
ORCID: 0000-0003-3939-4660; SPIN code: 1073-9475; AuthorID: 934101.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 194–203.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 194 – 203

12.00.12. Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Научная статья
УДК: 343.98
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.65.32.017

ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КРАСКОНАПОЛНЕННЫХ ПЕЧАТЕЙ

Задоров Александр Геннадьевич
Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация, zadorexpert37@mail.ru

Введение: в работе затрагиваются трудности, возникающие у экспертов при производстве технико-криминалистической экспертизы документов в отношении диагностирования красконаполненных удостоверительных печатных форм по их оттискам.

Материалы и методы: теоретическую основу составили источники специальной литературы, типовые экспертные методики, эмпирической базой послужили оттиски удостоверительных печатных форм.

В качестве универсального метода реализован диалектический метод познания, а также описания и анализа, в качестве специального – микроскопический метод исследования.

Результаты исследования: в статье определены признаки, характеризующие (диагностирующие) удостоверительную красконаполненную печатную форму, уточнено, конкретизировано их наименование. Проведено экспериментальное исследование, по результатам которого выявлены условия, способствующие более выраженному проявлению этих признаков. Подготовлен сопутствующий иллюстративный материал.

Выводы и заключения: в рамках проведенного исследования, а также анализа (обработки) данных выявлен ряд признаков, которые, в отличие от признаков, указанных в официальном источнике, более точно и верно позволяют решить экспертную задачу по диагностированию красконаполненных печатей в процессе производства технико-криминалистической экспертизы документов.

Ключевые слова: красконаполненные печати, оттиски, условия нанесения, красящее вещество, сила нажима, признаки, диагностика, исследование.

Для цитирования: Задоров А.Г. Проблемы и возможности диагностического исследования красконаполненных печатей // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. №.3 (102). С. 194–203.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.65.32.017

© Задоров А. Г., 2022

12.00.12. Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Original article

PROBLEMS AND POSSIBILITIES OF DIAGNOSTIC EXAMINATION OF INK-FILLED SEALS

Aleksandr G. Zadorov
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russian Federation, zadorexpert37@mail.ru

Introduction: the article focuses on the difficulties that experts have to face when conducting forensic technical examination of documents related to the diagnostics of ink-filled certifying seal forms by their impressions.

Materials and methods: the theoretical basis include special literature sources and standard expert methods while the empirical basis consists of the impressions of certifying seal forms.

The dialectical method of cognition, as well as description and analysis, is applied as a universal method while the microscopic method of research is used as a special one.

The results of the study: the author of the article determines the signs characterizing (diagnosing) a certifying ink-filled seal form and specifies their names. The author also conducts the experimental study and, as a result, reveals conditions that make these signs appear more clearly. The related illustrative material has been prepared.

Findings and Conclusions: within the framework of the conducted study as well as the analysis (processing) of data, the author determines a series of signs that, as opposed to the signs indicated in the official source, more accurately and correctly allow solving the expert problem of diagnosing ink-filled seals when conducting forensic technical examination of documents.

Keywords: ink-filled seals, impressions, application conditions, coloring agent, pressure force, signs, diagnostics, examination.

For citation: Zadorov A. G. Problemy i vozmozhnosti diagnosticheskogo issledovanija kraskonapolnennyh pecha-tej [Problems and possibilities of diagnostic examination of ink-filled seals]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102), pp.194–203 (in Russ.).
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.65.32.017

Основным назначением документа является оформление правоотношений между физическими, юридическими лицами посредством возникновения, изменения и прекращения прав и обязанностей. Существуют различные определения понятия документа применительно к разным отраслям права. С точки зрения науки криминалистики документом считается «материальный объект, который может иметь значение для расследования уголовного дела, как в связи с содержащейся в нем информацией вербального и (или) невербального характера, так и в связи с местом его обнаружения» [1, с. 21]. Как известно, документ должен содержать определенные реквизиты, без которых он по своей сути таковым являться не может. К основным реквизитам любого

официального документа относятся подпись, оттиски удостоверительных печатных форм. Соответственно, оттиск печати в документе, наряду с подписью, служит для удостоверения его подлинности [2, с. 665].

При этом ввиду особой их важности относительно оформления документа уголовным законодательством предусмотрена ответственность в виде ряда статей (к примеру, ст. 325 УК РФ устанавливает ответственность за похищение, уничтожение, повреждение, сокрытие штампов и печатей, совершенные из корыстной или иной заинтересованности; ст. 327 УК РФ предусматривает ответственность за изготовление в целях использования или сбыт поддельных печатей).

В настоящее время документы с сомнительными оттисками удостоверительных печатных форм являются распространенными объектами технико-криминалистической экспертизы документов (далее – ТКЭД). При этом для подделки оттисков печатей применяется, в том числе и оргтехника [3, с. 61]. Соответственно, дифференцировать оттиск удостоверительной печатной формы от его изображения, изготовленного, к примеру, репрографическим способом, становится затруднительно даже экспертам со значительным стажем работы в данной области. Так, к примеру, трудности возникают при установлении факта имитации оттиска удостоверительной печатной формы, полученной способом капельно-струйной печати (в случае использования чернил исключительно голубого цвета) [4, с. 143–144].

Таким образом, в ряде ситуаций перед экспертами в области ТКЭД, в части диагностирования оттисков печатей, возникают сложности. В этой связи лимца, осуществляющие исследование по таким объектам, вынуждены отказываться от решения вопроса по существу. В свою очередь, это влечет за собой отказ и от проведения идентификационного исследования: эксперт, если не может определить – оттиск перед ним или его изображение, не имеет права (согласно методике) переходить к отождествлению.

В настоящее время существуют следующие наиболее распространенные технологии изготовления современных печатей: 1) лазерное гравирование по резине, 2) фотополимерная; 3) красконаполненная («флэш-технология»). Она основана на выборочном спекании пор специальной термочувствительной микропористой резины. При этом используется углеродная светочувствительная пленка. В качестве источника выступает лампа-вспышка, световая энергия которой преобразуется в тепловую.

Если в отношении удостоверительных печатных форм, изготовленных способом лазерного гравирования, не возникает особых трудностей при решении диагностической задачи (ввиду специфики признаков), то в остальных двух случаях существуют определенные трудности. Этот факт вполне объясним: признаки фотополимерных печатей и красконаполненных удостоверительных печатных форм схожи, и эксперт в силу ряда причин объективного и субъективного характера не может ответить на поставленный перед ним вопрос. В связи с этим, как полагаем, необходимо провести более детальную дифференциацию признаков, отображающихся в штрихах оттисков вышеуказанных печатей.

В типовых экспертных методиках признаки красконаполненных удостоверительных печатных форм, отображающиеся в оттисках, представлены следующим образом [5, с. 329]:

1) красящее вещество распределено в штрихах относительно равномерно;

2) края штрихов относительно чёткие;

3) углы букв закруглены;

4) наличие красок нескольких цветов.

Если не брать в расчет признак № 4 (печать может быть изготовлена в одноцветном исполнении), то остальные признаки, полагаем, носят общий характер и в некоторых случаях зависят от условий получения оттисков. При этом признак № 3 характеризует в том числе и фотополимерный способ изготовления удостоверительных печатных форм.

Анализ специальной литературы [6-10] показал, что ученые, изучающие данную проблематику, трактуют признаки, приведенные в вышеуказанных методиках, исходя из собственного их видения, предлагают свои варианты, названия. Также диагностические признаки красконаполненных печатей представлены авторами в своих трудах разным количеством. Различное толкование обусловлено, полагаем, их изначально неточной (общей) формулировкой. В этой связи считаем, что они нуждаются в уточнении, переработке.

Как уже было сказано выше, признаки, указанные в официальном источнике, не дают полноценной, необходимой информации лицу, проводящему экспертизу. Следовательно, в процессе работы нами были выявлены, рассмотрены и отобраны признаки, которые, как полагаем, имеют высокую значимость с точки зрения диагностирования соответствующей удостоверительной печатной формы.

Соответственно, решение задачи предполагает проведение экспериментального исследования. С этой целью при помощи графического редактора на персональном компьютере изготовлен макет, в котором использованы четыре различных гарнитуры шрифтов: Times New Roman; Calibri и др. Содержание предполагает наличие обычного текста, микротекста высотой 0,8 мм, схематическое изображение птицы и «звездочек» (рис. 1).

Рис. 1. Оригинал-макет будущей печати

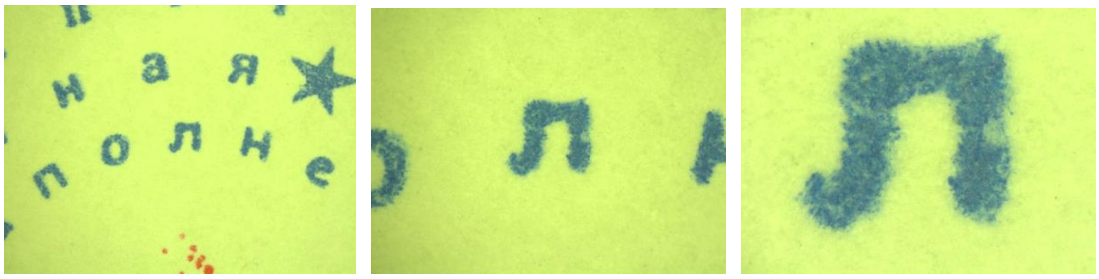
Созданный таким образом оригинал-макет в дальнейшем задействовался при получении непосредственно удостоверительной печатной формы. В результате изготовлена печать, рабочая поверхность которой выглядит следующим образом (рис. 2).

Рис. 2. Рабочая поверхность красконаполненной удостоверительной печатной формы

Далее нами определены условия, в которых будут проставляться оттиски. Первым условием выбрана сила нажима. Оттиски оставлялись на стандартных листах офисной бумаги с плотностью 80 г/м^2, на мягкой и твердой подложке, с разной силой нажима. В совокупности было получено 240 оттисков.

Второе условие – бумага разной плотности. В эксперименте использовалась бумага следующей плотности: 65 г/м^2, 80 г/м^2, 100 г/м^2, 160 г/м^2, 200 г/м^2, 250 г/м^2, 280 г/м^2, 300 г/м^2 . При этом на каждом листе оттиски проставлялись также со слабым, средним и сильным нажимом. Для листов с плотностью 65 г/м^2, 80 г/м^2, 100 г/м^2, 160 г/м^2 использовалась подложка (10 листов офисной бумаги), а для листов с повышенной плотностью (200 г/м^2, 250 г/м^2, 280 г/м^2, 300 г/м^2) в качестве подложки выступала ровная твердая поверхность с ровной текстурой. Оттиски в этом случае также проставлены в количестве 240 штук.

Для изучения и последующего анализа признаков использовался микроскоп Carl Zeiss Stemi 508 с максимальным увеличением 125^x. Увеличение, необходимое для изучения признаков, нами выбрано максимальное. Именно оно, по нашему мнению, необходимо и в то же время достаточно для полноценного изучения признаков, их анализа. Логично полагать, что чем меньше увеличение, тем ровнее и чётче наблюдаются штрихи в оттиске. При увеличении 125^x видно, что края штрихов чёткие, но неровные. Несомненно, понятие четкости относительная категория. Однако при малом увеличении краям любого штриха будут ровными, с бомльшим увеличением картина меняется, результаты становятся реальнее, объективнее (рис. 3).



а б в

Рис. 3. Увеличенная буква «л» (а – увеличение 20^x, б – 50^x, в – 125^x)

Далее по тексту обозначены наиболее удачные (по мнению автора) варианты названия выявленных в процессе изучения оттисков признаков. Следующий этап исследования предполагает непосредственно их анализ.

Первый выделенный признак – «наличие красок нескольких цветов» – сам по себе не является отличительным при диагностировании красконаполненных печатей, так как существуют и многоцветные удостоверительные печатные формы, изготовленные по иным технологиям. Однако он поможет сузить круг объектов исследования. При этом основные правила при разработке макета и изготовлении многоцветных печатей (такие, например, как выдержка минимального размера зоны для одного цвета и минимальное расстояние между цветами) распространяются как на фотополимерные печати, так и на красконаполненные печатные формы. Но в данном случае здесь внимание заслуживает само красящее вещество: во флэш-технологии используется специальный краситель на масляной основе, обладающий рядом специфических свойств. К примеру, базовые цвета красок (синий, чёрный, красный, зелёный, фиолетовый) отличаются от аналогичных на водной и спиртовой основе. Также их свойства обеспечивают глубокое проникновение в толщу листа бумаги, поэтому удалить оттиск без разрушения материала практически невозможно. При этом краски не копируются ни водой, ни спиртом, не выцветают на солнечном свете[1].

Такой признак, как «наличие посторонних штрихов на пробельных (незапечатанных) участках оттиска» проявился в оттисках печати, оставленных с сильным нажимом, в виде окрашенных точек различной формы. Точки образованы краской, которая поступает через незапекшиеся поры (рис. 4).

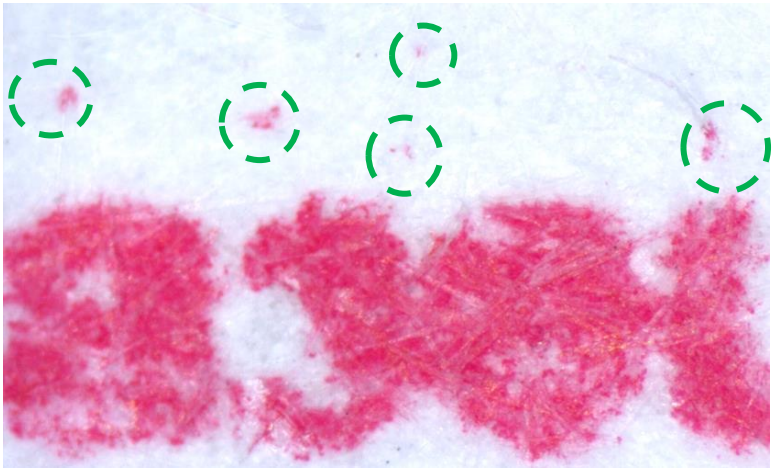


Рис. 4. Окрашенные точки в оттиске

Признак «различная толщина одноименных элементов (штрихов) в букве», встречается в большинстве оттисков (рис. 5).

[1] Чернила для флэш-технологии / краска для флэш-печатей // URL: https://www.pechati-lubye.ru/oborudovanie/expendables-paints.html (дата обращения 26.11.2021).

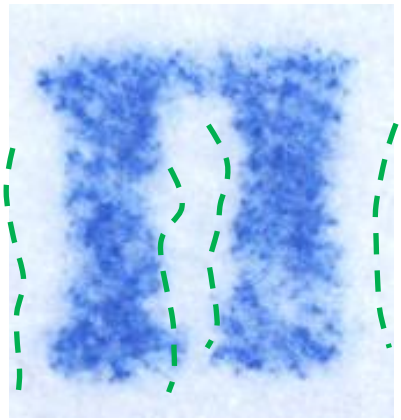


Рис. 5. Различная толщина штрихов

Признак «Наличие расплывов красящего вещества» наблюдается при сильном нажиме. Это обусловлено такими факторами, как размер пор, свойства красящего вещества и следовоспринимающей поверхности (рис. 6).

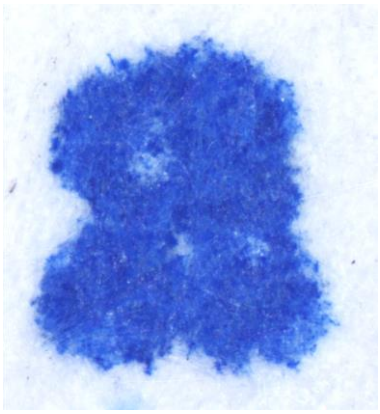


Рис. 6. Расплывы красителя по краям штрихов

Также при сильном нажиме проявляется такой признак, как «слияние красящего вещества между близко расположенными элементами» (рис. 7).

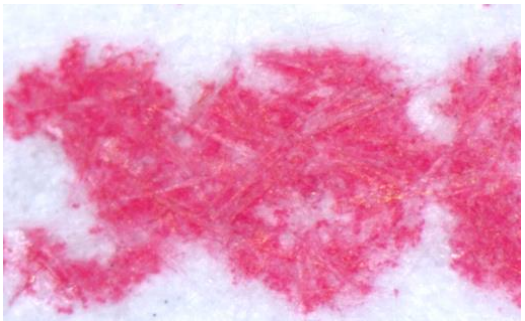


Рис. 7. Утрата пробелов между буквами за счет слияния краев штрихов

Заслуживает более пристального внимания признак «особенности отображения угловых и прямоугольных контуров элементов знаков». Нами были сравнены контуры

элементов в электронном оригинал-макете и непосредственно в оттиске. Исследованием установлено, что углы букв именно в оттисках скруглены независимо от гарнитуры шрифта (рис. 8, 9).

Рис. 8. Края штрихов элементов буквы в оригинал-макете

Рис. 9. Края штрихов элементов буквы в оттиске

Стоит отметить, что распределение красящего вещества зависит от количества краски: чем больше красящего вещества, тем насыщеннее получается оттиск, и краситель равномернее распределяется в штрихе (рис. 6), и, наоборот – при среднем и малом количестве краски наблюдается неравномерность окраски оттиска (рис. 5).

Результаты проведенного экспериментального исследования и последующего анализа позволили определить некоторые закономерности в отношении оттисков красконаполненных печатей. Так, к примеру, установлено, что сила нажима влияет на распределение красящего вещества: чем сильнее нажим, тем меньше площадь неокрашенных участков. При этом происходит слияние букв, обусловленное расплывом (выступанием) красящего вещества за границы штриха. Мягкая подложка и плотность бумаги от 80 г/м^2 и выше способствует более ярко выраженному проявлению данных признаков. Практически во всех оттисках отобразились закруглённые углы букв, не зависимо от гарнитуры шрифта. Различная толщина элементов наблюдается в большинстве букв. Также, учитывая, что для красконаполненных печатных форм используется специальная краска на масляной основе, может проявляться признак «маслянистый блеск красящего вещества». Однако он в нашем случае проявился в оттисках, оставленных на бумаге плотностью свыше 200 г/м^2.

Таким образом, вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что диагностирование красконаполненных удостоверительных печатных форм по их оттискам представляет для экспертов-практиков определенные сложности. Результаты проведенного экспериментального исследования, полагаем, будут способствовать объективизации экспертных заключений, где в качестве объектов исследования выступают оттиски красконаполненных печатей, оставленные в различных условиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Досова, А.В.* Теоретические и практические особенности комплексного криминалистического исследования документов с измененными реквизитами : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Досова. – Волгоград, 2014. – 233 с.

2. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учеб. / М.П. Журавлев [и др.] ; под ред. А.И. Рарога. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 704 с.

3. *Задоров, А.Г.* Некоторые вопросы исследования оттисков удостоверительных форм, изготовленных с одного оригинал-макета (негатива) / А.Г. Задоров // Современные проблемы предварительного следствия в ОВД : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., 4 декабря 2015 г. – Краснослободск : ИП Головченко Е. А., 2015. – С. 60–63.

4. *Досова, А.В., Задоров А.Г., Попов В.Л.* О сложностях экспертного исследования оттисков печатей (штампов) и их изображений, полученных с помощью компьютерных технологий // Судебная экспертиза. 2015. № 4 (44). С. 139–147.

5. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010. – 568 с.

6. *Сафроненко, Т.И.* Криминалистическое исследование удостоверительных печатных форм (печатей и штампов), изготовленных по новым технологиям [Текст] : метод. рекомендации / Т.И. Сафроненко, М.Н. Сосенушкина, Г.Г. Белоусов. - Москва : ЭКЦ МВД России, 1999. – 40 с., 21 ил., библиогр.

7. Судебно-почерковедческое и технико-криминалистическое исследование документов : практ. пособие / отв. ред. М.В. Бобовкин, А.А. Проткин. – 2-е изд., перераб. и доп.– М. : Издательство Юрайт, 2018. – 286 с. : [30] с. цв. вкл.– (Серия : Профессиональная практика).

8. Технико-криминалистическая экспертиза документов: практические и тестовые задания по дополнительной профессиональной программе : учеб. пособие / под общ. ред. Н.Н. Шведовой; Волгоград. акад. М-ва внутренних дел Рос. Федерации. - Волгоград : ВА МВД России, 2019. – 184 с.

9. Технико-криминалистическая экспертиза документов: учебник / под ред. В.Е. Ляпичева, Н.Н. Шведовой. 2-е изд., стереотип. – Волгоград : ВА МВД России, 2013. – 268 с.

10. Технико-криминалистическое исследование оттисков печатей и штампов, изготовленных по новым технологиям : учебно-методическое пособие / А.А. Волков, А.В. Ефименко, В.Ф. Финогенов, О.А. Косыгин, – Саратов : Саратовский юридический институт МВД России, 2010. – 76 с.

REFERENCES

1. Dosova A. V. Theoretical and practical peculiarities of comprehensive forensic examination of documents with changed requisites. Cand. Sci. (Law) dissertation. A.V. Dosova. Volgograd; 2014: 233p. (in Russian).

2. Criminal law of Russia. General and Special Parts. Textbook. M. P. Zhuravlev, et al. Ed. by A. I. Rarog. 5th ed., revised and updated. Moscow: TK Velbi, Izdatelstvo Prospekt; 2006: 704 p. (in Russian).

3. Zadorov A. G. Some issues of examination of impressions of certifying forms made from the same original layout (negative). A. G. Zadorov. Modern problems of preliminary investigation in internal affairs bodies. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference of December 4, 2015. Krasnoslobodsk: IP Golovchenko E. A.; 2015: pp.60-63 (in Russian).

4. Dosova A. V., Zadorov A. G., Popov V. L. On the difficulties of expert examination of impressions of seals (stamps) and their images obtained using computer technologies. *Forensic Examination*. 2015; 4 (44): 139-147 (in Russian).

5. Standard expert methods of examining real evidence. Part 1. Ed. by Candidate of Technical Sciences Iu. M. Dildin. Under the general editorship of Candidate of Technical Sciences V. V. Martynov. Moscow: EKTS MVD Rossii; 2010: 568 (in Russian).

6. Safronenko T. I. Forensic examination of certifying forms (seals and stamps) made using new technologies. Methodological recommendations. T. I. Safronenko, M. N. Sosenushkina, G. G. Belousov. Moscow: EKTS MVD Rossii; 1999: 40; 21 ill. (in Russian).

7. Forensic handwriting and technical examination of documents. Practical guide. Ed. by M. V. Bobovkin, A. A. Protkin. 2nd ed., revised and updated. Moscow: Izdatelstvo Yurait; 2018: 286; [30] with col. ins. (Series: Professional practice) (in Russian).

8. Forensic technical examination of documents: practical and test tasks for the additional professional program. Study guide. Ed. by N. N. Shvedova; Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Volgograd: VA MVD Rossii; 2019: 184 (in Russian).

9. Forensic technical examination of documents. Textbook. Ed. by V. E. Liapichev, N. N. Shvedova. 2nd ed., stereotyped. Volgograd: VA MVD Rossii; 2013: 268 (in Russian).

10. Forensic technical examination of impressions of seals and stamps made using new technologies. Teaching guide. A. A. Volkov, A. V. Efimenko, V. F. Finogenov, O. A. Kosygin. Saratov: Saratovskii Yuridicheskii Institut MVD Rossii; 2010: 76 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Задоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности. Волгоградская академия МВД России, 400075, Россия, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.
ORCID: 0000-0002-7646-2012

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zadorov Aleksandr Gennadevich, candidate of juridical sciences, associate professor at the department of document examination of the training and scientific complex of expert criminalistic activity. Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Historical Street, 130, Volgograd, Russia. 400075.
ORCID: 0000-0002-7646-2012

Статья поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 204–214.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 204–214.

Научная статья
УДК: 343.985
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.82.67.018

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОЗЫСКА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ И САМОВОЛЬНО УШЕДШИХ ИЗ СЕМЕЙ ИЛИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Кудра Дмитрий Михайлович
Восточно-Сибирский институт МВД России, k1977d@mail.ru

Введение: автором рассмотрены особенности правового регулирования разыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по розыску без вести пропавших и самовольно ушедших несовершеннолетних. Проанализированы нормы действующего законодательства, регулирующие правоотношения, возникающие в процессе осуществления указанной деятельности. Делается акцент на необходимость устранения законодательных противоречий и совершенствование правового регулирования правоотношений, возникающих в рассматриваемой сфере деятельности.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют оперативно-разыскное законодательство, законодательные акты, регламентирующие вопросы обеспечения розыска различных категорий безвестно исчезнувших лиц, не достигших совершеннолетнего возраста. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также познавательные методы обобщения и описания, приемы наблюдения, сравнения и анализа.

Результаты исследования: позволили сформулировать предложения, направленные на совершенствование законодательства в сфере розыска несовершеннолетних, пропавших без вести и самовольно ушедших из семей или специализированных государственных учреждений.

Выводы и заключения: анализ действующего законодательства в рассматриваемой сфере указывает на необходимость внесения предложений, направленных на совершенствование правового регулирования общественных отношений в этой сфере, для их упорядочения, развития в соответствии с общественными потребностями.

Ключевые слова: розыск несовершеннолетних, пропавший без вести, самовольно ушедший, нормативное правовое регулирование, сотрудники оперативных подразделений, разыскной процесс.

Для цитирования: Кудра, Д.М. Некоторые аспекты нормативного правового регулирования розыска несовершеннолетних, пропавших без вести и самовольно ушедших из семей или специализированных государственных учреждений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. №3 (102). С.204–214.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.82.67.018

© Кудра Д. М., 2022

12.00.12. Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Original article

SOME ASPECTS OF THE NORMATIVE LEGAL REGULATION OF THE SEARCH FOR MINORS WHO HAVE MISSED AND ARBITRARILY DEPARTED FROM FAMILIES OR SPECIALIZED STATE INSTITUTIONS

Dmitry M. Kudra
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
k1977d@mail.ru

Introduction: The author considers the features of the legal regulation of the search activity of operational units of the internal affairs bodies for the search for missing and unauthorized minors. The norms of the current legislation governing legal relations arising in the process of implementing this activity are analyzed. An emphasis is on the need to eliminate legislative contradictions and improve the legal regulation of legal relations arising in the field of activity under consideration.

Materials and methods: the normative basis of the study forms operational-search legislation, legislative acts governing the searches for the search for various categories of unknown persons who have not reached the age of age. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as cognitive methods of generalization and description, techniques of observation, comparison and analysis.

The results of the study: allowed us to formulate proposals aimed at improving legislation in the field of searching for minors who have missed and arbitrarily departed from families or specialized state institutions.

Findings and Conclusions: Analysis of the current legislation in the area under consideration indicates the need to make proposals aimed at improving the legal regulation of social relations in this area, for their streamlining, development in accordance with social needs.

Keywords: the search for minors, missing, unauthorizedly departed, normative legal regulation, employees of operational units, and the search process.

For citation: Kudra D.M. Nekotorye aspekty normativnogo pravovogo regulirovanija rozyska nesovershenno-letnih, propavshih bez vesti i samovol'no ushedshih iz semej ili specializirovan-nyh gosudarstvennyh uchrezhdenij [Some aspects of the normative legal regulation of the search for minors, who have missed and arbitrarily departed from families or specialized state institutions]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102), pp.204–214 (in Russ.).
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.82.67.018

Необходимость изучения особенностей правового регулирования розыска лиц, пропавших без вести, в том числе несовершеннолетних, связана с тем, что ежегодно в результате различных причин в России пропадает значительное количество граждан. Анализ статистических сведений Главного информационно-аналитического центра

МВД России[1] в период с 2015 по 2021 годы о состоянии разыскной деятельности органов внутренних дел[2] по розыску лиц, пропавших без вести, в том числе несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей или специализированных государственных учреждений, показал, что количество поступающих заявлений о безвестном исчезновении граждан не только не снижается, но имеет тенденции к росту.

Так, в рассматриваемый период произошло ежегодное увеличение количества поступающих в правоохранительные органы сообщений о безвестном исчезновении граждан с 132 404 – в 2015 г. до 208 685 – в 2021 г. В то же время обратим внимание на то, что местонахождение значительного количества граждан было установлено без заведения разыскного дела (2015 г. – 112267; 2021 г. – 193 685). Представленные статистические показатели наглядно свидетельствуют о том, что проблема исчезновения людей актуальна, и сотрудники ОВД прилагают значительные усилия для установления местонахождения разыскиваемых граждан, в том числе несовершеннолетних.

Каждый год в ОВД регистрируется до 50 тысяч заявлений о безвестном исчезновении несовершеннолетних (2015 год – 48 394, 2016 год – 47 749, 2017 год – 45 195, 2018 год – 44 654, 2019 год – 44 356, 2020 год – 42 155, 2021 год – 39 297). При этом доля несовершеннолетних, заявленных в розыск, составила за этот период в среднем от 25 до 36 % от общего числа зарегистрированных сообщений о розыске безвестно исчезнувших лиц. Стоит отметить, что с каждым годом процент не найденных несовершеннолетних, пропавших без вести, снижается, однако высоким остается число детей, ставших жертвами преступлений, погибших в результате несчастного случая или совершенного суицида и др. Растет и количество возбужденных уголовных дел, связанных с безвестным исчезновением несовершеннолетних. К примеру, за последние пять лет ежегодно более 100 разыскиваемых безвестно исчезнувших лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, становились жертвами совершенного в их отношении преступления. Так, за 2021 год в отношении 119-ти несовершеннолетних были совершены противоправные действия, в результате которых погибло 19 детей. Количество погибших несовершеннолетних по иным причинам (суицид, несчастный случай и др.), в период их безвестного исчезновения или самовольного ухода, тоже не может не вызывать поводов для беспокойства (2015 – 124, 2016 – 142, 2017 – 125, 2018 – 152, 2019 – 91, 2020 – 109, 2021 – 83)[3].

Безвестное исчезновение или самовольный уход несовершеннолетнего всегда вызывает тревогу у его близкого окружения. Мысль о том, что с ребенком может произойти что-то ужасное, например, он похищен, потерялся, погиб в результате несчастного случая или совершенного в его отношении преступления либо просто убежал из дома, приводит любого родителя в панику. В этой связи каждое сообщение о пропавшем несовершеннолетнем – это чрезвычайное происшествие, требующее объединения усилий всех правоохранительных органов, общественности, а также организаций и учреждений, связанных с работой с несовершеннолетними [2, с. 51].

Основу нормативного правового регулирования разыскной деятельности оперативных подразделений по розыску лиц, пропавших без вести, несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей или специализированных государственных учреждений,

[1] Далее — ГИАЦ МВД России
[2] Далее — ОВД.
[3] Форма статистической отчетности «18» ЦСИ ФКУ ГИАЦ МВД России 10.5.0.16/csi.

составляет совокупность законодательных, подзаконных и иных нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения, возникающие в данной сфере деятельности [9, с. 201].

В оперативно-разыскной деятельности в целом, так и в разыскной работе ОВД по розыску лиц, пропавших без вести, в том числе несовершеннолетних, Конституция Российской Федерации[1] выступает базовым источником правового регулирования правоотношений, возникающих в процессе осуществления указанной деятельности, имеет высшую юридическую силу и прямое действие. Закрепленные в ней нормы носят основополагающий характер, как для организации деятельности, так и для ее эффективного регулирования.

Одобренные общероссийским голосованием 01 июля 2020 г. поправки в Конституцию определили, что «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России», тем самым возложив на государство обязанность по защите прав и интересов детей (поднимая эту защиту на самый высокий уровень правового регулирования) и по созданию все более достойных условий для их существования.

Значительную роль в правовом регулировании разыскной деятельности ОВД играет Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[2]. Ст. 2 ФЗ «Об ОРД» определяет розыск лиц, в том числе пропавших без вести, в качестве самостоятельной задачи оперативно-разыскной деятельности.

Существенным шагом в расширении возможностей оперативных подразделений при проведении розыска без вести пропавших граждан, в том числе несовершеннолетних, d повышении эффективности предпринимаемых безотлагательных мер реагирования на заявления (сообщения) о безвестном исчезновении стало принятие Федерального закона от 01.07.2021 № 252-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Внесенные поправки сделали возможным проведение оперативно-разыскных мероприятий[3], ограничивающих ряд конституционных прав, посредством получения информации о соединениях абонентского устройства и его местоположении, находящегося у лица, пропавшего без вести.

При этом стоит отметить, что в норму закона в части розыска без вести пропавших несовершеннолетних были внесены изменения, а именно: формулировка «при наличии письменного согласия одного из родителей несовершеннолетнего или лиц, их заменяющих» заменена на «при наличии письменного согласия законного представителя несовершеннолетнего». На наш взгляд, сформулированное положение (в ред. Федерального закона от 02.09.2019 № 331-ФЗ)[4] являлось принципиально важным элементом поправок в ФЗ «Об ОРД», поскольку эта норма расширяла круг заинтересованных лиц, выступающих в качестве субъекта правоотношений, связанных с розыском пропавшего несовершеннолетнего. Так как родители или иные законные представители

[1] Далее — Конституция.

[2] Далее – ФЗ «Об ОРД».

[3] Далее – ОРМ.

[4] О внесении изменений в ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Федеральный закон от 02.09.2020 № 311-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.05.2022).

несовершеннолетнего не всегда могут оказаться рядом и дать свое согласие на проведение мероприятия, закон упрощал процедуру проведения ОРМ, позволяя действовать более оперативно.

Привлечение внимания законодателя к проблемам розыска без вести пропавших, в том числе несовершеннолетних, безусловно, обеспечило оперативные подразделения инструментом, позволяющим в короткие сроки установить их местонахождение. Наряду с этим отметим, что в теории и правоприменительной практике все чаще поднимаются вопросы о предоставлении оперативно-разыскным органам возможности проведения других ОРМ, требующих судебного санкционирования в ходе розыска без вести пропавших несовершеннолетних.

Необходимость осуществления ОРМ, требующих судебного разрешения, по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетних, без явных признаков криминального исчезновения, прежде всего продиктована принятием незамедлительных мер по спасению ребенка, так как в его отношении может быть совершено преступление или произошел несчастный случай, его жизни угрожает опасность, и ему потребуется срочная помощь. В настоящее время сотрудники оперативных подразделений не имеют полномочий по проведению в отношении пропавшего несовершеннолетнего, его связей, а также иных лиц, которые могут быть причастны к его исчезновению или обладать информацией о его местонахождении на начальном этапе розыска, таких ОРМ, как контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, получение компьютерной информации [4, с. 31]. Однако опыт оперативной работы показывает, что проведение некоторых из них (данные, содержащиеся в электронном почтовом ящике, содержимое страниц в социальных сетях и др.) позволило бы получить сведения о связях разыскиваемого несовершеннолетнего. Такие сведения могут позволить получить информацию об увлечениях пропавшего, его интересах, возможных запланированных действиях (путешествиях, суицидах, участии в движениях, например, в таких как «колумбайн», «скулшутинг», «синий кит») [7, с. 88].

Необходимо учитывать и тот факт, что в настоящее время значительное число разыскиваемых несовершеннолетних использует для общения социальные сети, которые являются одним из крупнейших источников информации о личности человека. Содержащиеся в них сведения позволяют получать информацию не только о самом человеке, но и о его связях – лицах, которым, возможно, известно его местонахождение.

Так, например, Информационно-аналитическим агентством «TelecomDaily» проведено исследование самых популярных российских мобильных приложений, собирающих информацию о личности гражданина, на основании которого в топ-рейтинг вошли «ВКонтакте», «Госуслуги» и «Одноклассники». По его результатам самой популярной среди несовершеннолетних оказалась сеть «ВКонтакте», разрешающая регистрироваться в ней лицам старше 12 лет. На данный момент только в России насчитывается более 74 млн пользователей данной сети, свыше 28 млн ежемесячно ее используют, до 17 % пользователей составляют лица до 18-ти лет[1]. Объем получаемых адми-

[1] Названы топ-20 приложений, которые следят за нами больше всех // TELECOMDAILY URL: https://tdaily.ru/news/2020/11/30/nazvany-top-20-prilozheniy-kotorye-sledyat-za-nami-bolshe-vseh (дата обращения: 20.04.2022).

нистраторами социальных сетей данных о личности пользователя, а также их концентрация в одном приложении, безусловно, представляют огромный оперативный интерес для правоохранительных органов, являясь порой важнейшим источником получения данных о разыскиваемом несовершеннолетнем. Анализ материалов сообщений и разыскных дел по розыску различных категорий несовершеннолетних позволяет утверждать, что практически каждый второй пропавший несовершеннолетний использовал какую-либо социальную сеть для общения, в связи с чем в некоторых случаях их социальные сети становились единственным источником получения сведений о несовершеннолетнем, связи с ним и инструментом для установления его местонахождения.

Исходя из вышесказанного, следует учитывать, что доступ к аккаунту социальной сети, сообщениям разыскиваемого, его переписке, сведениям, хранящимся на серверах о платежах, проводимых через социальную сеть, о местоположениях пользователя, используемом абонентском устройстве, истории посещений сайтов и публикаций, медиафайлам и др., затрагивают целый ряд охраняемых Конституцией прав человека и гражданина. Вместе с тем их получение невозможно без привлечения специалистов, а также использования специальной техники и (или) программ оперативно-техническими подразделениями при проведении такого ОРМ, как «получение компьютерной информации» [3, с. 30–31]. Осуществление указанного ОРМ на первоначальном этапе розыска несовершеннолетних, с точки зрения ФЗ «Об ОРД», не допустимо, когда нет сведений о его криминальном исчезновении.

Право проводить указанное ОРМ с целью оперативного получения информации, содержащейся в различных информационных Интернет-ресурсах, позволило бы работать на опережение при поступлении сообщения о пропаже несовершеннолетнего, с целью предотвращения наступления в его отношении общественно-опасных последствий. Указанные проблемы могут быть разрешены путем изменения законодательства в области защиты конституционных прав и свобод гражданина, при этом порядок проведения указанного мероприятия должен быть четко урегулирован, соблюдены основания его проведения, определены условия и закреплен механизм восстановления прав и свобод гражданина в случае их нарушения.

Исходя из вышеуказанного, считаем целесообразным законодательно закрепить возможность проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, при розыске несовершеннолетних, пропавших без вести и самовольно ушедших из семей или специализированных государственных учреждений.

В связи с этим предлагаем следующую редакцию п. 2 ст. 8 «Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий» ФЗ «Об ОРД»: «… о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно, а также лицах, пропавших без вести».

Другим законодательным актом, неоспоримо влияющим на розыск лиц, пропавших без вести, является Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»[1]. Получение геномной информации прежде всего обусловлено необходимостью расширения возможностей правоохра-

[1] Далее — ФЗ № 242.

нительных структур и повышения эффективности их деятельности в раскрытии и расследовании преступлений, в том числе связанных с безвестным исчезновение граждан. Однако существующие в настоящее время положения ФЗ № 242 не позволяют в полной мере использовать возможности современных геномных технологий в разыскной деятельности при установлении местонахождения без вести пропавших граждан, в том числе несовершеннолетних, идентификации их личности среди живых или умерших. Так, по состоянию на 1 января 2020 г. в Федеральной базе данных геномной информации[1] содержатся сведения о 965 315 объектах учета, что составляет лишь 0.6 % от всего населения Российской Федерации[2].

В контексте рассматриваемого нами вопроса следует иметь в виду, что обязательной геномной регистрации подлежат лишь неопознанные трупы. Обращаясь к статистике, раскрывающей состояние идентификационной деятельности правоохранительных органов по установлению личности граждан, в том числе неопознанных трупов, в 2020 году устанавливалась личность 2 794 граждан, из них прекращено дел в связи с установлением личности 2 580, в том числе с использованием ДНК установлено 715, прекращено по срокам давности было 271 дел, соответственно личности граждан установлены не были. Остаток на 2019 год составил 12 207 не идентифицированных останков человека. В 2021 году устанавливалась личность 2 471 граждан. При этом было прекращено в связи с установлением 2 293, в том числе с использование ДНК – 701. Прекращено по срокам давности 247, остаток составил 12071. При внимательном изучении приведенных данных не трудно проследить, что остаток неустановленных лиц не снижается, и если в него включить дела, которые были прекращены по истечении срока давности, то цифра будет колоссальная. Так, за последние пять лет подразделениями МВД России было прекращено в связи с истечением сроков давности около 10 000 дел оперативного учета, заведенных с целью установления личности неопознанных трупов, т.е. этот показатель практически равен количеству дел, находящихся в производстве.

Похожая ситуация прослеживается и по установлению личности граждан, которые в силу возраста, состояния здоровья или по иным причинам не могут сообщить сведения о себе. К примеру, в 2020 году остаток неустановленных лиц составил 249, в 2021 году – 247[3]. При этом стоит обратить особое внимание, что снижение остатка дел по установлению личности граждан произошло в основном за счет прекращения дел по истечению сроков давности, это значит, что личности граждан так и остались неустановленными. При всем этом за последние пять лет с помощью ДНК-анализа была подтверждена личность только пяти устанавливаемых лиц указанной категории.

Опыт правоохранительной деятельности подсказывает, что практически все не идентифицированные лица, данные которых легли в официальную статистику, могли одновременно быть в розыске в качестве лиц, пропавших без вести. А это значит,

---

[1] Далее — ФБДГИ.

[2] Пояснительная записка к проекту Федерального закона 1048800-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации» от 03.11.2020 г. // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1048800-7 (дата обращения: 25.05.2022).

[3] Форма статистической отчетности «3». ЦСИ «ГИАЦ МВД России» 10.5.0.16/csi.

что их личность можно было установить, используя данные об обнаруженных неопознанных трупах и гражданах, которые не смогли предоставить сведений о себе. В связи с этим, закономерно возникает вопрос: если цель государственной геномной регистрации – идентификация личности человека, почему объектами таких данных, с точки зрения законодательства, не является биологический материал лиц, пропавших без вести и их близких родственников? Ведь использование этих генетических сведений могло бы «пролить свет» на судьбы многих пропавших.

В подтверждение вышесказанного тезиса обратимся к статистическим данным ГИАЦ МВД России, раскрывающим сведения о состоянии розыска лиц, пропавших без вести. В 2020 г. в стране официально (с заведением разыскного дела) разыскивалось 10 595 граждан, 769 из них несовершеннолетние, 7 287 удалось разыскать, из них несовершеннолетних 710, осталось в розыске на конец года 29 563, несовершеннолетних 956 (с учетом остатка не разысканных за прошлые годы). За 2021 год в розыск объявлено 10021 гражданин, из них 709 несовершеннолетних, местонахождение 6 838 граждан, в том числе 649 несовершеннолетних, осталось в розыске 29 060 человек, 961 из них несовершеннолетние. Анализ приведенных цифр позволяет предположить, что среди необнаруженных без вести пропавших граждан есть (были) те, чьи тела (останки) уже выявлены, но нет возможности их идентифицировать, без проведения геномного исследования[1].

Как ни странно, на заседаниях Совета безопасности РФ[2], в научной литературе [5, с. 70; 1, с. 151], в средствах массовой информации неоднократно поднимался вопрос о необходимости расширения круга лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, в том числе ставился вопрос о включении в него круга лиц, близких родственников без вести пропавшего лица. Однако в представленном в Государственную Думу РФ законопроекте № 1048800-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации» от 03.11.2020 г.[3] об этом речи не шло, а проект закона был уже принят в первом чтении.

Следует отметить, что в соответствии с Положением об организации и осуществлении розыска и идентификации лиц[4], сотрудники правоохранительных органов при получении сообщения о розыске лица, пропавшего без вести, должны для проведения последующего исследования и проверки по базе ФБДГИ инициировать в ходе проведения осмотра места происшествия поиск биологических образцов ДНК пропавшего лица, а в случае их отсутствия или невозможности изъятия, получение их у его близких родственников. Информация, полученная в ходе исследования образцов ДНК, и результаты ее проверки, в соответствии с действующим законодательством, должны быть возвращены инициатору запроса, поскольку не подлежат обязательному учету в базе геномной информации. Получается, что в каждом случае обнаружения неопознанного трупа эта процедура должна вновь повторяться, поскольку через несколько месяцев или через год осуществить это в автоматическом режиме невозможно.

---

[1] Форма статистической отчетности «3». ЦСИ «ГИАЦ МВД России» 10.5.0.16/csi.

[2] В Совбезе России предложили расширить обязательную геномную регистрацию граждан // ТАСС URL: https://tass.ru/obschestvo/7838875 (дата обращения: 22.12.2020).

[3] См. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1048800-7 (дата обращения: 25.12.2020).

[4] Положение об организации и осуществления розыска и идентификации лиц: Приказ МВД России, Минюста России, Минздрава России, МЧС России, Министерства обороны РФ, Следственного комитета РФ от 01 марта 2018 г. № 117дсп/40дсп/88н/82дсп/114дсп/17дсп.

В связи с указанным законодательным противоречием включение в круг лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, перечня близких родственников лица, пропавшего без вести, а также биологического материала самого пропавшего, изъятого с мест происшествия или в ходе проведения иных следственных действий, а также ОРМ, значительно сократит количество не разысканных лиц указанной категории. Особенно это актуально при осуществлении розыска безвестно исчезнувших лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, когда получение биологического материала близких родственников такого лица невозможно или затруднено в силу объективных причин, например, несовершеннолетний – сирота или опекаемый, и его родители лишены прав в отношении ребенка и их местонахождение неизвестно и др.).

02.02.2021 г. на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов была размещена информация о подготовке проекта Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации (в части уточнения перечня лиц, подлежащих государственной геномной регистрации)[1], подготовленного МВД России. Проектом законодательного акта предлагается расширить перечень лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, за счет лиц, пропавших без вести, и их близких родственников, закрепляется понятие «близкие родственники лица, пропавшего без вести». Предусмотрен порядок получения биологического материала, сроки хранения геномной информации и перечень подразделений правоохранительных органов, правомочных на получение биологического материала. Законопроект в настоящее время находится на согласовании у заинтересованных органов исполнительной власти.

Анализируя ст.1 законопроекта, считаем необходимым отметить, что перечень лиц, находящихся в биологическом родстве с лицом, пропавшим без вести, закреплённом в понятии «близкие родственники лица, пропавшего без вести», должен быть расширен за счет включения иных категорий лиц, находящихся в близком родстве (дед/бабка, внуки, дядя/тетя). Предлагаемые изменения напрямую связаны с тем, что значительное число несовершеннолетних в России являются сиротами и оставшимися без попечения родителей, содержатся в специализированных государственных учреждениях, находятся на воспитании в замещающих семьях или под опекой других близких родственников. Особо необходимо отметить ситуации, когда получение биологического материала пропавших несовершеннолетних с мест их последнего пребывания невозможно.

Кроме того, нормы законопроекта закрепляют проведение обязательной геномной регистрации, фактически являющейся добровольной, близких родственников лица, пропавшего без вести, на основании их письменного заявления (согласия). Поэтому, на наш взгляд, следует выдвинуть предложение о получении биологического материала указанных лиц в ходе осуществления добровольной геномной регистрации, предусмотрев ее проведение на бесплатной основе, в целях реализации задач, закрепленных в законе.

Внесение в круг объектов, подлежащих государственной геномной регистрации, близких родственников, лица, пропавшего без вести, а также биологического материала самого пропавшего, изъятого с мест происшествия или в ходе проведения иных следственных действий, будет способствовать эффективному развитию поисковых алгоритмов, в том числе с использованием соответствующих информационных систем,

[1] URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=112827 (дата обращения: 20.05.2022 г.).

как одному из перспективных направлений противодействия безвестному исчезновению граждан, а также раскрытию преступлений, связанных с их пропажей.

Подводя итог, хотелось бы обратить внимание, что анализ действующего законодательства в рассматриваемой сфере правового регулирования указывает на имеющиеся проблемы, возникающие в процессе осуществления розыска несовершеннолетних, пропавших без вести и самовольно ушедших из семей или специализированных государственных учреждений. Их разрешение обусловливает необходимость внесения предложений, направленных на совершенствование правовых норм в этой сфере, их упорядочения, развития в соответствии с общественными потребностями. Законодательное решение обозначенных нами вопросов позволит активизировать разыскную работу оперативных подразделений ОВД.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абсатаров, Р.Р. Законодательный путь повышения эффективности использования ДНК-профилей в розыске лиц, пропавших без вести / Р.Р. Абсатаров, А.В. Крапивина // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1(59). С. 148–152.

2. Айгистов, О.В. Особенности организации розыска лиц без вести пропавших на примере УМВД России по Камчатскому краю / О.В. Айгистов // Академическая мысль. – 2019. – № 4(9). – С. 50–54.

3. Буряков, Е.В. Информационные технологии в розыскной деятельности / Е. В. Буряков // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 3. – С. 29–32.

4. Буряков, Е.В. Проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, в процессе розыска без вести пропавших лиц / Е.В. Буряков // Оперативно-розыскное право. – 2017. – № 1. – С. 30–33.

5. Игуменов, А.С. Отдельные вопросы нормативного правового регулирования розыска лиц, пропавших без вести при криминальных обстоятельствах / А.С. Игуменов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2018. – № 3. – С. 68–71.

6. Карякин, А.М. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях розыска лиц, пропавших без вести / А.М. Карякин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2(86). – С. 160–162.

7. Карякин, А.М. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий при решении задач по розыску лиц, без вести пропавших / А.М. Карякин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – № 4. – С. 88–94.

8. Лепехин, Д.И. К вопросу о законодательном регулировании розыска несовершеннолетних, пропавших без вести / Д.И. Лепехин // Оперативник (Сыщик). – 2016. – № 1. – С. 36–38.

9. Парфенов, А.В. Особенности методики организации оперативно-розыскной деятельности по раскрытию убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан / А.В. Парфенов // Правоохранительная деятельность территориальных органов МВД России: проблемы и пути их решения. Сборник научных трудов. № 2. – М.: Академия управления МВД России, 2017. – С. 200–204.

REFERENCE

1. Absatarov R. R., Krapivina A. V. Zakonodatel'nyi put' povysheniya effektivnosti ispol'zovaniya DNK-profilei v rozyske lits, propavshikh bez vest [The legislative way to increase the efficiency of the use of DNA profiles in the wanted list of persons missing] Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 1 (59), pp. 148–152.

2. Aigistov O. V. Osobennosti organizatsii rozyska lits bez vesti propavshikh na primere UMVD Rossii po Kamchatskomu krayu [Features of the organization of the search for persons missing using the

example of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kamchatka Territory] Akademicheskaya mysl' – Academic Thought. 2019, no. 4 (9), pp. 50–54.

3. Buryakov E. V. Informatsionnye tekhnologii v rozysknoi deyatel'nosti [Information technologies in the search activity] Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018, no. 3, pp. 29–32.

4. Buryakov E. V. Provedenie operativno-rozysknykh meropriyatii, ogranichivayushchikh konstitutsionnye prava cheloveka i grazhdanina, v protsesse rozyska bez vesti propavshikh lits [Conducting operational-search measures that limit the constitutional rights of human and citizen, in the process of searching for missing persons]. Operativno-rozysknoe pravo – Operational-search law. 2017, no. 1, pp. 30–33.

5. Igumenov A. S. Otdel'nye voprosy normativnogo pravovogo regulirovaniya rozyska lits, propavshikh bez vesti pri kriminal'nykh obstoyatel'stvakh [Certain issues of normative legal regulation of the search for persons missing under criminal circumstances] Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018, no. 3, pp. 68–71.

6. Karyakin A. M. Osobennosti provedeniya operativno-rozysknykh meropriyatii v tselyakh rozyska lits, propavshikh bez vesti [Features of conducting operational-search measures in order to search for persons missing]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 2 (86), pp. 160–162.

7. Karyakin A. M. Osobennosti provedeniya operativno-rozysknykh meropriyatii pri reshenii zadach po rozysku lits, bez vesti propavshikh [Features of conducting operational-search measures when solving problems for the search for persons missing] Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki ― Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2017, no. 4, pp. 88–94.

8. Lepekhin D. I. K voprosu o zakonodatel'nom regulirovanii rozyska nesovershennoletnikh, propavshikh bez vesti [On the issue of legislative regulation of the search for minors missing]. Operativnik (Syshchik) – Operationsman (detective). 2016, no. 1, pp. 36–38.

9. Parfenov A. V. Osobennosti metodiki organizatsii operativno-rozysknoi deyatel'nosti po raskrytiyu ubiistv, svyazannykh s bezvestnym ischeznoveniem grazhdan [Features of the methodology of organizing operational-search activities for the disclosure of murders related to the unknown disappearance of citizens]. Pravookhranitel'naya deyatel'nost' territorial'nykh organov MVD Rossii: problemy i puti ikh resheniya. Sbornik nauchnykh trudov. № 2. ― M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii – Law enforcement activities of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia: problems and ways to solve them. Collection of scientific papers. no. 2. – M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017, pp. 200–204.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кудра Дмитрий Михайлович
преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД Восточно-Сибирского института МВД России

Kudra Dmitry Mikhailovich
lecturer at the department of operational-search activities and special equipment at the Department of Internal Affairs of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Статья поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 215–229.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 215–229.

02.00.12. Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Научная статья
УДК: 343.9
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.66.79.019

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО: ФАКТОРЫ ЕГО ОБОСНОВАННОСТИ И ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТИ

Дмитрий Анатольевич Корытов[1], Елена Игоревна Третьякова[2]
[1]Экспертно-криминалистический центр Главного управления МВД России по Иркутской области, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: dkorytov@mvd.ru
[2]Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерации, eit20@mail.ru

Введение: В современных социально-экономических условиях, с учетом неблагоприятных тенденций трансформации и развития преступности, уголовное судопроизводство неразрывно связано с необходимостью использования специальных знаний, повышения качества судебно-экспертного сопровождения. Несмотря на интенсивное развитие новых видов судебных экспертиз, все же широко востребованной остается дактилоскопическая экспертиза. Такая популярность дактилоскопических исследований связана прежде всего с возможностью в ходе их выполнения осуществить криминалистическую идентификацию личности, в основе которой лежит индивидуальность папиллярных узоров. Несмотря на такие идентификационные возможности, результаты дактилоскопической экспертизы все же не всегда могут быть бесспорным доказательством. Поэтому, как и любое другое, заключение эксперта по результатам дактилоскопического исследования не имеет заранее установленной силы, и его доказательственное значение определяется всесторонней критической оценкой в совокупности имеющихся доказательств по уголовному делу.

Безусловно, установленные федеральным законодательством принципы законности, объективности, всесторонности и полноты государственной судебно-экспертной деятельности должны найти свое отражение в заключении эксперта.

В этой связи, придерживаясь позиции необходимости улучшения качества заключений экспертов по дактилоскопическим экспертизам, в статье даны рекомендации, которые бесспорно окажут влияние на уровень развития организационного и методического обеспечения судебно-экспертной деятельности и профессиональных компетенций эксперта на получение результативных и доброкачественных заключений, не вызывающих сомнений в их объективности.

© Корытов Д. А., Третьякова Е. И., 2022

Материалы и методы: основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы назначения и производства судебной экспертизы. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, а также познавательные методы обобщения, описания, приемы наблюдения, сравнения и анализа. Эмпирическую базу исследования составили заключения дактилоскопических экспертиз, проведенных экспертами ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области в период 2019–2021 г.г.

Результаты исследования: после рассмотрения в содержательном аспекте отдельных вопросов формирования заключения эксперта по результатам дактилоскопической экспертизы осуществлена выработка конкретных рекомендации, основанных на основных принципах судебно-экспертной деятельности – законности, полноты и объективности.

Выводы и заключения: наряду со знаниями и соблюдением методологии производства исследования, немаловажным аспектом в формировании системы доказательств по уголовному делу, является умение правильно и грамотно оформлять результаты проведённого исследования, во многом именно от этого зависит его результативность и доброкачественность.

Ключевые слова: специальные знания, судебная экспертиза, судебно-экспертная деятельность, заключение эксперта, дактилоскопическая экспертиза, доказательство.

Для цитирования: Корытов Д.А., Третьякова Е.И. Факторы, определяющие законность и обоснованность заключения эксперта по дактилоскопической экспертизе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 215–229.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.66.79.019

12.00.12. Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Original article

EXPERT'S CONCLUSION ON THE RESULTS OF FINGERPRINT EXAMINATION AS PROOF: FACTORS OF ITS VALIDITY AND GOOD QUALITY

Dmitriy A. Korytov[1], Elena I. Tretyakova[2]
[1]Forensic Expertise Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Irkutsk Region, e-mail: dkorytov@mvd.ru
[2]East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: eit20@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4069-6626

Introduction: In modern socio-economic conditions, taking into account unfavorable trends in the transformation and development of crime, criminal proceedings are inextricably linked with the need to use special, improving the quality level of forensic support. Despite the intensive development of new types of forensic examinations, fingerprint examination remains widely in demand. Such popularity of fingerprinting studies is connected, first of all, with the possibility in the course of their implementation to carry out forensic identification of a person,

which is based on the individuality of papillary patterns. Despite such identification capabilities, the results of fingerprint examination still may not always be indisputable evidence. Therefore, like any other, the expert's conclusion based on the results of fingerprinting has no pre-established force, and its evidentiary value is determined by a comprehensive critical assessment of the totality of available evidence in a criminal case.

Of course, the principles of legality, objectivity, comprehensiveness and completeness of state forensic expert activity established by federal legislation should be reflected in the expert's conclusion.

In this regard, adhering to the position of the need to improve the quality of expert opinions on fingerprint examinations, the article provides recommendations that will undoubtedly have an impact on the level of development of organizational and methodological support for forensic expert activities and professional competencies of an expert to obtain effective and high-quality expert opinions that do not cause doubts about their objectivity.

Materials and methods: The basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure, departmental regulatory legal acts regulating the appointment and production of forensic examination. The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific cognition, as well as cognitive methods of generalization, description, methods of observation, comparison and analysis. The empirical basis of the study was the conclusions of fingerprint examinations conducted by experts of the ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Irkutsk region in the period from 2019-2021.

The results of the study: Having considered in the substantive aspect certain issues of forming an expert opinion based on the results of fingerprint examination, specific recommendations were developed based on the basic principles of forensic expert activity - legality, completeness and objectivity.

Findings and conclusions: Along with knowledge and compliance with the methodology of research, an important aspect in the formation of a system of evidence in a criminal case is the ability to correctly and competently formalize the results of the conducted research, in many respects its effectiveness and quality depends on this.

Keywords: special knowledge, forensic examination, forensic expert activity, expert opinion, fingerprint examination, proof.

For citation: Korytov D.A., Tretyakova E.I. Zaklyuchenie eksperta po rezul'tatam daktiloskopicheskogo issledovaniya kak dokazatel'stvo: faktory ego obosnovannosti i dobrokachestvennosti [Expert's conclusion on the results of fingerprint examination as proof: factors of its validity and good quality]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no, 3 (102) pp. 215 - 229 (in Russ.). DOI: 10.55001/2312-3184.2022.66.79.019

Современная преступность проходит процесс трансформации, ее изменяющаяся структура характеризуется использованием современных информационных технологий, даже уже в ставших «традиционными» общеуголовных преступлениях. В этой связи на фоне стабильно высокого уровня преступности и низкой раскрываемости, а

она, к слову, составляет чуть более 50 %[1], возрастает роль и значение использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений.

Отдельные вопросы уголовно-процессуальных и криминалистических возможностей использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений постоянно рассматриваются научным сообществом на различных этапах становления научного знания. Формы и виды использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, возможность назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела, отличие заключения эксперта и заключения специалиста, доказательственное значение заключения специалиста и другие аспекты не раз становились и становятся предметом научных исследований. Часть из обозначенных проблем была решена законодательно, например, назначение судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела, что послужило импульсом появления новых проблем правоприменения [1, 2, 3, 4, 5], а часть так и осталась не решенной, что определяет необходимость глубокой их проработки.

Однако, не вступая в дискуссию по обозначенным направлениям исследования, поскольку это не входит в предмет исследования данной статьи, следует отметить, что бесспорно судебная экспертиза является одним из главных видов процессуальной формы использования специальных знаний. Данный тезис является вовсе не голословным, а подтверждается многими учеными. Так, например, ведущий ученый-криминалист, роль и научные достижения которого внесли огромный вклад в развитие криминалистической науки, Елена Рафаиловна Россинская, отмечает, что трудно переоценить значение заключения судебного эксперта как доказательства в уголовном судопроизводстве, когда в силу интеграции достижений научно-технического прогресса во все сферы человеческой деятельности раскрытие и расследование преступлений практически всегда возможно только с использованием специальных знаний, основной процессуальной формой применения которых является судебная экспертиза. [6, с. 90]

Кроме того, С.Б. Россинский, анализируя критерии разграничения заключений эксперта и специалиста обозначил, что основное средство доказывания – это заключение эксперта и невозможность его получения или исключение его из разряда доказательств, как недопустимого, не позволит установить определенные факты, что определяет появление «белых пятен» в предмете доказывания [7, с. 18].

В этой связи, поскольку заключению эксперта отводится одна из лидирующей роли в системе доказательств, оно должно отвечать критериям законности и обоснованности.

В соответствии с ФЗ-73 от 31.05.2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности» судебно-экспертная деятельность должна быть основана на принципах полноты, объективности исследования, т.е. соответствии исследования современным научным данным, непредвзятость и беспристрастность эксперта при проведении исследования, при этом эксперт должен прийти к какому-либо окончательному выводу при условии, что им были исследованы и проверены все возможные экспертные гипотезы, что свидетельствует о его всесторонности и убедительности, а также отсутствии

[1] Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 г. [Электронный ресурс] // https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/ (дата обращения 20.05.2022)

внутренних противоречий, последовательность и логичность изложения; использование точной, понятной терминологии, лаконичный язык и проявление специальной и юридической грамотности.

В этой связи, наряду со знаниями и соблюдением методологии производства исследования, немаловажным аспектом в формировании системы доказательств по уголовному делу, является умение правильно и грамотно оформлять результаты проведённого исследования, что во многом определяет его результативность и доброкачественность.

В соответствии со статистическими данными о результатах работы экспертных подразделений МВД России за 2021 г.[1] всего по России проведено 751 881 экспертиз, 263 565 проведено дактилоскопических экспертиз, что составляет 35,1 %, уступая место только трасологическим исследованиям (41,1 %). Это свидетельствует о распространенности использования результатов дактилоскопической экспертизы как средства в механизме уголовно-процессуального доказывания.

То есть, несмотря на наметившиеся тенденции смещения содержания экспертной деятельности, в целях идентификации личности в сторону генно-молекулярных методов исследования дактилоскопические исследования, являясь надежным традиционным средством идентификации личности, не утратили своей значимости.

Формирование заключения эксперта должно быть осуществлено с учетом соблюдения рекомендаций, закрепленных в приказе МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»[2], а также соблюдением приказа МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации».

Ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» определяет структуру заключения эксперта, состоящую из вводной, исследовательской и заключительной частей.

В водной части, наряду с общими сведениями о наименовании экспертного подразделения, времени и месте производства судебной экспертизы, данных об эксперте, наименовании органа, назначившего экспертизу, необходимо отразить объекты, представленные на исследование, их упаковку и ее состояние, вопросы, поставленные перед экспертом, а также основание для производства экспертизы.

Формирование вводной части, как правило, не вызывает сложностей, поскольку часть сведений имеются в постановлении о назначении экспертизы, в котором и отражена потребность органа расследования в использовании специальных знаний в форме проведения исследования для установления обстоятельств расследуемого события.

В случае же назначения повторной или дополнительной экспертизы следователь должен отразить основания для ее назначения и предоставить эксперту результаты еще и первичной экспертизы.

---

[1] Форма № 1НТП, утверждена приказом МВД России от 01.11.2008 № 952 «Об утверждении статистической отчетности «1-НТП» (в ред. приказа МВД России от 30.12.2012 № 1071)».

[2] Далее – «Инструкция».

Поскольку они экспертизы должны найти свое отражение в начале исследовательской части заключения: *«В ходе проведения осмотра мест происшествия с поверхности входной двери павильона на один отрезок ленты «скотч» были изъяты следы папиллярных линий.*

Следы папиллярных линий были исследованы в ходе проведения первичной экспертизы № 5 от 20.03.2019 г., выполненной экспертом МЭКО № 9 ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области Цукановым Андреем Андреевичем. Выводы первичной экспертизы: «1. На поверхности отрезка ленты «скотч» размером 20х50мм имеются два следа пальцев рук размерами 10х20мм и 15х20, пригодные для идентификации личности. 2. След пальца руки размером 10х20мм оставлен большим пальцем правой руки потерпевшим Сидоровым Николаем Петровичем, след пальца руки размером 15х20мм оставлен не Сидоровым Николаем Петровичем, а другим лицом».

В ходе предварительного следствия по подозрению в совершении преступления задержан Иванов Иван Иванович, 12.05.1970 г.р., в связи с чем возникла необходимость назначения дополнительной судебной дактилоскопической экспертизы для решения вопроса о том, не оставлен ли им след пальца руки размером 15х20мм»

На экспертизу представлено:

1. Заключение эксперта № 5 от 20.03.2019 г. на пяти листах, в неупакованном виде.

2. Следы пальцев рук на одном отрезке ленты «скотч» размером 20х50мм, упакованные в бумажный конверт, клапан которого заклеен. На конверте имеется пояснительный текст, выполненный красящим веществом чёрного цвета следующего содержания: «Отрезок ленты «скотч» со следами пальцев рук, заключение эксперта № 5 от 20.03.2019г., эксперт Цуканов А.А.», подпись от имени эксперта, заверенная оттиском круглой печати «№ 5 МЭКО № 9 ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области».

3. Оттиски пальцев рук Иванова Ивана Ивановича, 12.05.1970 г.р. в неупакованном виде.

Перед экспертом поставлен вопрос:

Не оставлен ли след пальца руки размером 15х20мм, изъятый на отрезок ленты «скотч», размером 20х50мм, в ходе осмотра места происшествия по факту кражи из павильона, подозреваемым Ивановым Иваном Ивановичем 12.05.1970 г.р.?».

Однако, как справедливо отмечает А.С. Яковлева в своей научной публикации, одной из распространенных ошибок экспертов является то, что при производстве дополнительных экспертиз следователи не предоставляют материалы первичных экспертиз, а эксперты их не запрашивают и начинают проводить исследование фактически заново [8, с. 117]. Анализ правоприменительной практики действительно подтверждает данный факт.

Кроме того, реализуя п. 30 Инструкции о необходимости указать объекты исследований и материалы, представленные для производства экспертизы, наличие и состояние их упаковки, необходимо проверить и их соответствие. В то же время при несоответствии представленных объектов их перечню в постановлении, производство экспертизы приостанавливается до устранения причин. В случае отказа либо невозможности устранения причин, а также отсутствия ответа лица, назначившего экспертизу, материалы экспертиз возвращаются без исполнения. Таким образом, если эксперт установил несоответствие реально представленных объектов их перечню, то экспертиза не исполняется вовсе. Поэтому предложение о том, что «*наименование*

объектов и их количество соответствует перечню, указанному в постановлении о назначении судебной экспертизы», во вводной части заключения эксперта отражать не нужно.

Далее в исследовательской части заключения необходимо осуществить описание следов при раздельном исследовании.

При описании общих признаков следа пальца руки не нужно одновременно использовать терминологию с названием потоков и зон, чтобы не путать названия «зон» и «потоков», не допускать таких словосочетаний, как «центральный поток», «внутренняя зона», «базисный поток», «нижняя зона».

Описание может быть осуществлено следующим образом:

«…верхний наружный дуговой формы и внутренний, папиллярные линии которого образуют узор в виде петель. Судя по форме и размеру следа, направлению потоков папиллярных линий, особенностям строения центра, можно сделать вывод о том, что след папиллярных линий оставлен ногтевой фалангой пальца руки с петлевым типом папиллярного узора, вид – простой».

«…правая латеральная и центральная зоны ногтевой фаланги пальца руки; дельта, расположенная слева от центра узора. Тип и вид папиллярного узора – петлевой простой, ножки петель направлены вправо».

Описание частных признаков, отобразившихся в следах папиллярных линий, рекомендуется осуществить следующим образом: *«…Совокупность общих (форма, направление и крутизна потоков папиллярных линий) и частных признаков (начало, окончание, разветвление папиллярных линий, точка), отобразившихся в следе, устойчива, индивидуальна, что позволяет сделать вывод о том, что данный след пригоден для идентификации личности».*

Или: *«…Наряду с общими признаками, в достаточном количестве отобразились частные признаки: начало, окончание, разветвление папиллярных линий, точка.*

Совокупность общих и частных признаков, отобразившихся в следе, индивидуальна, что позволяет сделать вывод о том, что данный след пригоден для идентификации личности».

В ряде случаев, при оценке совокупности общих и частных признаков, наряду с индивидуальностью употребляется понятие устойчивости, неповторимости, достаточности.

Согласно методике[1], устойчивость, взаимозависимость и идентификационная значимость характеризуются при оценке признаков, после чего определяется их достаточность.

При этом необходимо помнить, что *«устойчивость»* признака в данном случае рассматривается как характеристика, на которую влияет механизм следообразования, эмоциональное и физическое состояние человека. В связи с чем частные признаки могут вполне обоснованно «трансформироваться» (начало – в разветвление, окончание – в слияние и т.п.). Если в ходе сравнительного исследования будет установлено, что в следе частный признак – «разветвление папиллярных линий», а в оттиске – «начало папиллярной линии» и это изменение будет объяснимо, то «устойчивость», а равно и

[1] Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. Ю.М. Дильдина, общ.ред. В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. Ч. 1.

идентификационная значимость при признании следа пригодным для идентификации личности на стадии раздельного исследования будут неприемлемыми.

Признание совокупности общих и частных признаков *индивидуальной* – это результат всех вышеперечисленных действий, т.к. не может быть индивидуальности, если не учтены: устойчивость, взаимозависимость, идентификационная значимость и *достаточность.*

Таким образом, при оценке выявленных общих и частных признаков, образующих индивидуальную совокупность, неуместно указывать их «достаточность», «устойчивость» и т.д., просто необходимо их учитывать.

Достаточность полагается возможным указать только при перечислении частных признаков: *«…Наряду с общими признаками, в достаточном количестве отобразились частные признаки: начало, окончание, разветвление папиллярных линий, точка».*

После этого необходимо указать, что совокупность общих и частных признаков, отобразившихся в следе, *«индивидуальна».*

В некоторых источниках по производству дактилоскопических экспертиз указывается, что оценка всей выявленной совокупности признаков «приводит эксперта к убеждению о её индивидуальности и неповторимости».

При этом необходимо разграничивать значение слов «неповторимость» и «индивидуальность».

Так, неповторимость означает невозможность повторить, а индивидуальность – «совокупность характерных своеобразных черт, отличающих какого-либо одного человека от другого».

В этой связи следует заметить, что «индивидуальность» и «неповторимость», расцениваются не как синонимы, а как различные понятия.

Если же неповторимость рассматривать как невозможность повторения комплекса признаков в той совокупности, которая является индивидуальной, то получается, что след может быть оставлен лишь один раз и оставить ещё один такой же след просто невозможно, что совершенно не так. Поскольку, способность неоднократного отображения точно такого же комплекса признаков, совокупность которых присуща только одному лицу, возможна и именно это отличает лицо от других, это по сути является индивидуальностью. Таким образом, усиливать значение индивидуальности неповторимостью не нужно.

Необходимо помнить о том, что исследование следов папиллярных линий на липком слое отрезков тёмной и светлой дактилоскопических плёнках, ввиду их зеркального отображения (на тёмных дактилоскопических плёнках, кроме этого, папиллярные линии белого цвета), осуществляется только по их фотоизображениям.

При поступлении нескольких следов рук, после стадии раздельного исследования каждого из них, по возможности необходимо сравнить следы между собой (при сопоставимости следов).

Наиболее ценны результаты дактилоскопического исследования, когда оно носит идентификационный характер, т.е. среди объектов исследования представлены и образцы для сравнительного исследования.

Процессуальные аспекты получения образцов для сравнительного исследования довольно часто становятся предметом научных дискуссий [9, 10, 11], не вдаваясь в суть этих дискуссий, следует отметить, что И.П. Попова права, что получение образцов

для сравнительного исследования в нарушение норм закона влечет недопустимость заключения судебной экспертизы [12, с. 229]. При этом обязанность проверки экспертом законности получения образцов для сравнительного исследования не предусмотрена. Кроме того, необходимо помнить, что получение образцов для сравнительного исследования – это не дактилоскопирование, проводимое в целях постановки на дактилоскопический учёт с соблюдением соответствующих для этой процедуры требований, а следственное действие. Хотя вопрос о всеобщей дактилоскопической регистрации не раз обсуждался, в том числе и в научных публикациях [13, 14, 15].

Итак, к сравнительным образцам, в нашем случае, следует отнести отпечатки ногтевых фаланг пальцев рук, выполненные путём прокатки, контрольные оттиски и оттиски ладонных поверхностей.

Разграничение понятий «отпечатки» для сравнительных образцов, полученных путём прокатки, и «оттиски» для сравнительных образцов, полученных путём нажатия ладонной поверхности на следовоспринимающую поверхность, фактически внутриведомственное, т.к. понятия «оттиск» и «отпечаток» – синонимы.

Таким образом, не будет являться ошибкой эксперта использование только одного слова «отпечатки» при описании сравнительных образцов, полученных различными способами (прокаткой, нажатием).

Однако употребление способа получения дактилоскопических образцов должно быть уместным, т.е. понятие «прокатка» надо употреблять в тех случаях, когда действительно отпечаток получен данным способом, а не простым нажатием ладонной поверхности на лист бумаги или бланк дактилоскопической карты.

Если для сравнительного исследования представлены отпечатки пальцев и ладоней рук, описание необходимо построить следующим образом:

– если для сравнительного исследования необходимы отпечатки пальцев и ладоней рук: *«Прокатка пальцев рук полная, отображение в них папиллярных узоров чёткое. На оборотной стороне листа имеются отпечатки ладоней рук, отображение всех участков ладоней полное, чёткое. Отпечатки пальцев и ладоней рук удовлетворительного качества, и они пригодны для сравнительного исследования в целях идентификации личности».*

– если для сравнительного исследования необходимы только отпечатки пальцев рук, а в материалах, используемых для сравнительного исследования, имеются отпечатки не только пальцев, но и ладоней рук: *«Прокатка пальцев рук полная, отображение в них папиллярных узоров чёткое. Отпечатки пальцев рук удовлетворительного качества, и они пригодны для сравнительного исследования в целях идентификации личности. На оборотной стороне листа имеются отпечатки ладоней рук».*

– если для сравнительного исследования необходимы только отпечатки ладоней рук: *«На оборотной стороне листа имеются отпечатки ладоней рук, отображение всех участков ладоней полное, чёткое. Отпечатки ладоней рук удовлетворительного качества, и они пригодны для сравнительного исследования».*

Получение образцов осуществляется для конкретного сравнительного исследования и способ их получения зависит от механизма образования следов рук (следы захвата или нажима, объёмные или поверхностные и т.п.), с которыми сравнительное исследование будет осуществлено.

Так, например, особую сложность может вызвать сравнительное исследование со следами захвата или искажёнными следами, в которых может различаться не только

направление и крутизна потоков папиллярных линий, но и расстояние между частными признаками. В этом случае, лишь учитывая механизм следообразования, можно получить сравнительный образец, более приближенный к следу, изъятому на месте происшествия, соответственно, сравнительное исследование проводить проще и различий будет меньше.

Описание типов и видов папиллярных узоров образцов может быть изложено в табличной форме:

«В отпечатках пальцев рук на дактилоскопической карте на имя подозреваемого Марченко Олега Витальевича отобразились зоны ногтевых фаланг пальцев рук, в которых отобразились следующие типы и виды папиллярных узоров см. таблицу ниже)».

Правая рука

Большой	*Указательный*	*Средний*	*Безымянный*	*Мизинец*
петлевой простой	*петлевой простой*	*петлевой простой*	*петлевой простой*	*петлевой простой*

Левая рука

Большой	*Указательный*	*Средний*	*Безымянный*	*Мизинец*
завитковый спираль	*петлевой простой*	*петлевой простой*	*петлевой простой*	*петлевой простой*

Практикой определены критерии правильности сравнительного исследования, к которым относятся прежде всего полнота сравнения, т.е. нельзя ограничиваться сравнением только частных признаков, его двусторонность, определяющая необходимость соотносить не только тождественные признаки, но и расхождения, а также реальность совпадения, т.е. совпадение должно быть установлено по всем параметрам.

Так, например, невозможно установить совпадение следа с оттиском по типу и виду папиллярного узора, если в следе он не определяется, по направлению и крутизне потоков папиллярных линий, если в следе отобразился всего один поток и т.п. Также невозможно провести дальнейшее сравнительное исследование по частным признакам, если след и оттиск различаются по типу и виду папиллярного узора.

Далее, в заключениях экспертов, в оценочной (резолютивной) его части, можно обнаружить: «*Установленные совпадающие общие и частные признаки устойчивы, в своей совокупности индивидуальны и достаточны для вывода о том, что след оставлен определённым лицом»,* что является не совсем корректным.

Дать характеристику устойчивости признаков, как указывает Ивашков В.А. [16, с. 84], «практически невозможно из-за единичности встречаемости признака (один раз – в следе и один – в отпечатке), поэтому признак «устойчивости» полагается возможным использовать в том случае, если эксперт хочет подтвердить совпадение частных признаков в точном соответствии с их названиями. Если же хотя бы один из признаков принял вид другой детали, то говорить об устойчивости совпадающих признаков в этом случае эксперту не приходится.

Признак достаточности же уместно определять в отношении признаков, по которым установлено совпадение: «*…установлено совпадение следа на представленном отрезке с отпечатком ногтевой фаланги указательного пальца правой руки К.,*

по общим признакам: типу и виду папиллярного узора, направлению потоков папиллярных линий и их крутизне, а также по наличию достаточного количества частных признаков строения деталей папиллярного узора - начал, окончаний, слияний папиллярных линий, точки, короткой папиллярной линии и их взаиморасположению», а не в оценке совпадений, совокупность которых признана индивидуальной.

Правильным будет писать: «*Установленные совпадающие общие и частные признаки в своей совокупности индивидуальны и дают основание для вывода о том, что...».*

Итак, сравнение частных признаков осуществляется только после установления совпадений общих признаков. И уже на этапе фактического процесса сопоставления частных признаков экспертом решается вопрос о совпадении следа с оттиском.

Такие совпадения могут быть обозначены не только по 10 частным признакам, которых достаточно для утверждения тождества, но и по большему их количеству. Если в заключении эксперта обозначено: «*Совпадение установлено по следующим признакам…*» и осуществлено размещение разметки, т.е. даётся оценка совпадающим признакам, это свидетельствует, что экспертом проиллюстрированы все частные признаки, по которым след совпал с отпечатком. Если эксперт при этом при разметке указывает лишь некоторые частные признаки из большого числа совпавших (например, в количестве 9-12), то оценка совпадения **всех** признаков, размещённая после разметки, теряет смысл.

В теории и на практике выработано, что для признания следа пригодным для идентификации личности бывает достаточно 8-ми деталей папиллярного узора в следе с определяемым типом или видом узора и возможностью анализа строения фрагмента центральной части узора, дельты узора и части центра узора, двух дельт и др. и 10-ти деталей папиллярного узора – в следе с неопределяемым типом и видом узора, следообразующий участок которого определяется условно. Эксперты придерживаются мнения, что должно быть отображено не менее 9-ти деталей папиллярного узора».

Учитывая изложенное, а также то, что эксперту не всегда для проведения сравнительного исследования требуется фотографирование следа и оттиска, иллюстрация совпадения не всегда осуществляется (когда следы оставлены потерпевшими, свидетелями; когда совпавших следов одного человека, изъятых с одного места происшествия, несколько, а разметка делается лишь по одному из них), логичнее текст о проведённой разметке в качестве иллюстрации установленного факта совпадения размещать после того, как объективно оценены результаты сравнительного исследования *(…в целях иллюстрации совпадения изготовлены фотоснимки следа пальца руки размером 15х12мм и оттиска мизинца правой руки (фото 29,30), где линиями разметки с одноимёнными цифровыми обозначениями красящим веществом красного цвета отмечены совпадающие детали папиллярного узора следа пальца размером 15х12мм с отпечатком мизинца правой руки М.».)*

Формулировать выводы необходимо в соответствии с вопросами, поставленными перед экспертом.

Кстати, что касается вопросов, заданных эксперту, Е.Р. Россинская справедливо отмечает, что неправильная постановка вопросов эксперту, когда, например, вместо идентификационного вопроса задается диагностический, является фактором, влияющим на возможность использования результатов судебной экспертизы в доказывании [6, с. 155].

Поэтому эксперт вправе группировать вопросы, излагая их в той последовательности, которая обеспечивает наиболее целесообразный порядок проведения исследования, а также вправе изменить редакцию вопросов, не изменяя их смысл. При редактировании вопросов, эксперты используют формулировку: «*…по согласованию со следователем редакция вопросов изменена*», либо «*…вопросы в редакции эксперта по согласованию со следователем, без изменения смыслового содержания*». Однако подтвердить факт такого согласования невозможно, поскольку оно осуществляется в устной форме. Получается, что лишь в случае, если следователем письменно изложен факт согласования, редактирование вопросов и формулировка: «*…по согласованию со следователем…*» будут обоснованы.

К заключению эксперта приобщается фототаблица. Фотографировать при разметке совпадений след и оттиск необходимо в одном масштабе (фотосъемка с масштабной линейкой либо указание масштаба непосредственно под фотоснимком, последнее неприемлемо в случаях, когда при помещении фотоснимков в фототаблицу, эксперт обрезает, смещает фотоснимок следа, а потом фактически «подгоняет» под размер фотоснимка оттиска).

Фотоснимки совпавших следа и оттиска должны размещаться на одном уровне. Контрольные фотоснимки необходимо размещать на одном листе, под соответствующими им фотоснимками следа и совпавшего с ним оттиска.

Пояснительный текст необходимо размещать под каждым фотоснимком.

Итак, результативность и доброкачественность заключений эксперта обеспечивается не только правовыми, методическими и организационными аспектами судебно-экспертной деятельности, но и компетентностью следователя, который и определяет необходимость использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений, формируя постановление о назначении судебной экспертизы. И несмотря на достаточную разработанность методики проведения дактилоскопической экспертизы и наличие различных рекомендаций по оформлению ее результатов, в практике имеют место быть недостатки в деятельности экспертов, которые негативно сказываются на качестве заключений, ставят под сомнение профессиональный уровень эксперта и снижают доказательственную силу заключения эксперта в суде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилов, Б.Я. Проблемы совершенствования законодательства о производстве судебных экспертиз / Б.Я. Гаврилов // Юридическая техника. – 2022. – № 16. – С. 411–419.

2. Калюжный, А.Н. Проверка сообщений о преступлениях: пути совершенствования / А.Н. Калюжный, В.Н. Чаплыгина // Lex russica. – 2015. – № 7. – С. 37–42.

3. Мельников, М.В. Заключение эксперта в стадии возбуждения уголовного дела как доказательство по уголовному делу / М.В. Мельников // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 16 декабря 2021 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 249–254.

4. Аксенова, Л.Ю. Некоторые особенности назначения и производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела о дорожно-транспортных происшествиях / Л. Ю. Аксенова, Р.В. Богданов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – С. 21–28.

5. Перякина, М.П. О назначении и производстве судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела / М.П. Перякина // Закон и право. – 2018. – № 12. – С. 105–107.

6. Россинская, Е.Р. Факторы, определяющие результативность и доброкачественность заключений судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве / Е.Р. Россинская // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 1. – С. 89–93.

7. Россинский, С.Б. Заключение эксперта и заключение специалиста как средства доказывания в уголовном судопроизводстве: каковы критерии их разграничения? / С.Б. Россинский, Н.С. Расулова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 2(34). – С. 15–20.

8. Яковлева, А.С. Информационное сопровождение дактилоскопических экспертиз / А.С. Яковлева // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 1. – С. 115–117.

9. Колегов, А.Л. Проблемы принудительного получения образцов для сравнительного исследования / А.Л. Колегов, И.В. Волосников // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 4 (91). – С. 96–106.

10. Смолькова, И.В. Допустимо ли принуждение при получении образцов для сравнительного исследования в российском уголовном судопроизводстве / И.В. Смолькова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 4 (87). – С. 146–154.

11. Тангриева, В.Н. Проблемные вопросы получения образцов для сравнительного исследования в ходе дознания по уголовному делу / В.Н. Тангриева // Научный портал МВД России. – 2015. – № 3. – С. 30–33.

12. Попова, И.П. Получение образцов для сравнительного исследования / И.П. Попова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 3(15). – С. 226–233.

13. Волынский, А.Ф. Дактилоскопия: влияние общественного сознания на ее возникновение и развитие // Эксперт-криминалист. – 2014. – № 4. – С. 3–6.

14. Грибунов, О.П. Всеобщая дактилоскопическая регистрация граждан как элемент реализации криминалистического предупреждения преступлений // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 402. – С. 188–191.

15. Усачев, С.И. Современные проблемы дактилоскопического учета граждан / С. И. Усачев // Современность в творчестве начинающего исследователя : Сборник материалов научно-практической конференции молодых ученых, Иркутск, 29 марта 2018 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 80–83.

16. Ивашков, В.А. Особенности составления заключения эксперта при выполнении дактилоскопических экспертиз : Учебное пособие. – М: ЭКЦ МВД России, 1999. – 240 с.

REFERENCES

1. Gavrilov B. YA. Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva o proizvodstve sudebnyh ekspertiz [Problems of improving legislation on the production of forensic examinations]. YUridicheskaya tekhnika – Legal technique, 2022 no 16. pp. 411—419. (in Russian).

2. Kalyuzhnyj A. N.? CHaplygina V.N. Proverka soobshchenij o prestupleniyah: puti sovershenstvovaniya [Verification of crime reports: ways of improvement]. Lex russica – Lex russica, 2015. no 7. pp. 37—42. (in Russian).

3. Mel'nikov M. V. Zaklyuchenie eksperta v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela kak dokazatel'stvo po ugolovnomu delu [Expert's conclusion at the stage of initiation of a criminal case as evidence in a criminal case]. Ugolovnyj process i kriminalistika: teoriya, praktika, didaktika: Sbornik materialov VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii – Criminal procedure and criminalistics: theory, practice, didactics: Collection of materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference— Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij. , Ryazan'. Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2022. — pp. 249-254. (in Russian).

4. Aksenova, L. YU. Bogdanov R. V. Nekotorye osobennosti naznacheniya i proizvodstva sudebnyh ekspertiz do vozbuzhdeniya ugolovnogo dela o dorozhno-transportnyh proisshestviyah

[Some features of the appointment and production of forensic examinations before the initiation of a criminal case on road accidents]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra: sbornik nauchnyh trudov – Criminalistics: yesterday, today, tomorrow: a collection of scientific papers. – Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016. – pp. 21-28. (in Russian).

5. Peryakina M. P. O naznachenii i proizvodstve sudebnyh ekspertiz do vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [On the appointment and production of forensic examinations before the initiation of a criminal case]. Zakon i pravo. – Law and Law, 2018. – no 12. – pp. 105—107. (in Russian).

6. Rossinskaya E. R. Faktory, opredelyayushchie rezul'tativnost' i dobrokachestvennost' zaklyuchenij sudebnoj ekspertizy v ugolovnom sudoproizvodstve [Factors determining the effectiveness and quality of forensic examination conclusions in criminal proceedings]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. – no 1. – pp. 89—93. (in Russian).

7. Rossinskij S. B., Rasulova N. S. Zaklyuchenie eksperta i zaklyuchenie specialista kak sredstva dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: kakovy kriterii ih razgranicheniya? / S. B. Rossinskij, N. S. Rasulova [Expert opinion and expert opinion as means of proof in criminal proceedings: what are the criteria for their differentiation?]. Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. – no 2(34). – pp. 15—20. (in Russian).

8. YAkovleva A. S. Informacionnoe soprovozhdenie daktiloskopicheskih ekspertiz / A. S. YAkovleva [Information support of fingerprint examinations]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. – no 1. – pp. 115—117. (in Russian).

9. Kolegov A. L., Volosnikov I. V. Problemy prinuditel'nogo polucheniya obrazcov dlya sravnitel'nogo issledovaniya [Problems of forced obtaining of samples for comparative research]. Vestnik Vostochno—Sibirskogo instituta MVD Rossii — Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. — no 4 (91). — pp. 96—106. (in Russian).

10. Smol'kova I. V. Dopustimo li prinuzhdenie pri poluchenii obrazcov dlya sravnitel'nogo issledovaniya v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve [Is coercion permissible when obtaining samples for comparative research in Russian criminal proceedings]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. — no 4 (87). — pp. 146—154. (in Russian).

11. Tangrieva V. N. Problemnye voprosy polucheniya obrazcov dlya sravnitel'nogo issledovaniya v hode doznaniya po ugolovnomu delu [Problematic issues of obtaining samples for comparative research during a criminal investigation]. Nauchnyj portal MVD Rossii — Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. — no 3. — pp. 30—33. (in Russian).

12. Popova I. P. Poluchenie obrazcov dlya sravnitel'nogo issledovaniya [Obtaining samples for comparative research]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra – Criminalistics: yesterday, today, tomorrow, 2020. – no 3(15). – pp. 226-233. (in Russian).

13. Volynskij A.F. Daktiloskopiya: vliyanie obshchestvennogo soznaniya na ee vozniknovenie i razvitie [Fingerprinting: the influence of public consciousness on its emergence and development] // Ekspert-kriminalist— Expert criminalist, 2014. — no 4. — pp. 3–6. (in Russian).

14. Gribunov O. P. Vseobshchaya daktiloskopicheskaya registraciya grazhdan kak element realizacii kriminalisticheskogo preduprezhdeniya prestuplenij [Universal fingerprint registration of citizens as an element of the implementation of criminalistic crime prevention]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Tomsk State University, 2016. — no 402. — pp. 188—191. (in Russian).

15. Usachev S. I. Sovremennye problemy daktiloskopicheskogo ucheta grazhdan [Modern problems of fingerprint registration of citizens]. Sovremennost' v tvorchestve nachinayushchego issledovatelya: Sbornik materialov nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchenyh – Modernity in the work of a novice researcher: A collection of materials of the scientific and practical conference

of young scientists. – Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. – pp. 80-83. (in Russian).

16. Ivashkov V.A. Osobennosti sostavleniya zaklyucheniya eksperta pri vypolnenii daktiloskopicheskih ekspertiz: Uchebnoe posobie. [Features of drawing up an expert opinion when performing fingerprint examinations: Textbook]. – M: EKC MVD Rossii, 1999. –240 p. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корытов Дмитрий Анатольевич, начальник межмуниципального экспертно-криминалистического отдела №8. ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Баррикад, 54.

Третьякова Елена Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России. 664071, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Korytov Dmitry Anatolyevich, head of the intermunicipal forensic department No. 8. Forensic Expert Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Irkutsk Region. 54 Barricade st., Irkutsk, Russia 664019.

Tretyakova Elena Igorevna, Ph.D., Associate Professor, associate professor of the Department of Criminalistics of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664071, Russia, Irkutsk, ul. Lermontova, 110.

ORCID: 0000-0002-4069-6626

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 10.06.2022.

The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 10.06.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 230–240.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 230–240.

12.00.12. Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Научная статья
УДК: 343.9
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.49.47.020

О РОЛИ КОНСУЛЬТАЦИОННОЙ И СПРАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЕДУЩИХ ЛИЦ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ АВТОСТРАХОВАНИЯ

Усачев Сергей Игоревич
Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация, ysachef@list.ru

Введение: статья посвящена исследованию вопросов, касающихся возможностей использования консультативной помощи сведущих лиц на разных этапах расследования уголовных дел, возбужденных по факту совершения мошеннических действий в сфере автострахования.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составили всеобщий диалектический метод научного познания, общенаучные методы познания, а также некоторые частнонаучные методы, среди которых: обобщение следственной и судебной практики, литературных и Интернет-источников, освещающих различные вопросы использования специальных знаний при расследовании мошенничества в сфере автострахования, а также в целом касающихся вопросов раскрытия, расследования и предупреждения рассматриваемой категории преступлений.

Результаты исследования: позволили определить, что консультативная (справочная) деятельность сведущих лиц нередко позволяет обеспечивать колоссальную помощь при раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничества в сфере автострахования. Необходимость такой помощи обусловлена разнообразием способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений. Так, в рамках расследования мошенничества в сфере автострахования прибегать к консультативной помощи уместно для подготовки ко многим следственным действиям и, безусловно, для подготовки и проведения целого ряда оперативно-разыскных мероприятий.

Выводы и заключения: проведенное исследование показало, что использование консультативной помощи необходимо при подготовке и назначении различных судебных экспертиз и исследований по делам, касающимся расследования мошеннических действий в сфере автострахования, а также для качественной и всесторонней подготовки к производству следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. В этой связи необходимо пользоваться такими возможностями при расследовании каждого уголовного дела, возбужденного по факту мошеннических действий в сфере автострахования.

© Усачев С. И., 2022

Ключевые слова: мошенничество в сфере автострахования, специальные знания, консультативная помощь, специалист, сведущие лица.

Для цитирования: Усачев С. И. О роли консультационной и справочной деятельности сведущих лиц при расследовании мошенничества в сфере автострахования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 230–240.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.49.47.020

12.00.12. Criminalistics; forensic expert activity; operational and investigative activities

Original article

ON THE ROLE OF CONSULTATION AND REFERENCE ACTIVITIES OF INTELLIGENT PERSONS IN THE INVESTIGATION OF FRAUD IN THE FIELD OF AUTO INSURANCE

Sergey I. Usachev
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, ysachef@list.ru

Introduction: the article is devoted to the study of issues related to the possibility of using the advice of knowledgeable persons at different stages of the investigation of criminal cases initiated on the fact of committing fraudulent actions in the field of auto insurance.

Materials and methods: the methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, general scientific methods of cognition, as well as some particular scientific methods, including: generalization of investigative and judicial practice, literary and Internet sources covering various issues of using special knowledge in the investigation of fraud in the field of auto insurance, as well as in general concerning the issues of disclosure, investigation and prevention of the category of crimes under consideration.

The results of the study: made it possible to determine that the advisory (reference) activities of knowledgeable individuals can often provide tremendous assistance in detecting, investigating and preventing fraud in the auto insurance industry. The need for such assistance is due to the variety of ways of preparing, committing and concealing crimes. So, as part of the investigation of fraud in the field of auto insurance, it is appropriate to resort to advisory assistance for preparing for many investigative actions and, of course, for preparing and conducting a number of operational-search activities.

Findings and conclusions: the study showed that the use of advisory assistance is essential in the preparation and appointment of various forensic examinations and research on cases related to the investigation of fraudulent activities in the field of auto insurance, as well as for high-quality and comprehensive preparation for the production of investigative actions and operational search activities. In this regard, it is necessary to use such opportunities in the investigation of each criminal case initiated on the fact of fraudulent activities in the field of auto insurance.

Keywords: auto insurance fraud, special knowledge, advisory assistance, specialist, knowledgeable persons.

For citation: Usachev S. I. O roli konsul`tacionnoj i spravochnoj deyatel`nosti svedushhix licz pri rassledovanii moshennichestva v sfere avtostraxovaniya [On the role of consultation and reference activities of intelligent persons in the investigation of fraud in the field of auto insurance]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2022, no, 3 (102), pp. 230–240 (in Russ.).
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.49.47.020

Раскрытие, расследование и предупреждение преступлений – ключевые задачи правоохранительных органов, качественное и своевременное расследование всегда является приоритетным направлением в их деятельности [3, с. 105]. Всесторонний подход к процессу раскрытия, расследования и предупреждения преступлений включает в себя, помимо процессуальной формы, также и непроцессуальную форму использования специальных знаний, т.е. ту, что не закреплена нормами уголовно-процессуального кодекса РФ. При этом отметим, что отсутствие такой формы в нормах УПК РФ не говорит об их невысокой значимости, напротив, зачастую именно непроцессуальная форма использования специальных знаний играет важную роль в дальнейшем процессе доказывания.

На сегодняшний день к непроцессуальной форме использования специальных знаний ученые относят следующие виды:

– консультационную и справочную деятельность сведущих лиц;

– участие специалистов в подготовке и проведении различных оперативно-разыскных мероприятий [8, с. 14];

– специальные проверочные обследования должностными лицами; ведомственные исследования;

– документальные ревизионные действия;

– анализ заключений эксперта на предмет выявления нарушений методического и процессуального характера [1, с. 158];

– оказание технической помощи следователю или оперативному сотруднику.

Непроцессуальная форма использования специальных знаний является крайне актуальной при расследовании мошеннических действий в сфере автострахования. Однако анализ судебно-следственной практики показал, что при расследовании преступлений зачастую этой формой применения специальных знаний пренебрегают [9, с. 159].

Отметим, что наиболее распространенным видом непроцессуальной формы использования специальных знаний принято считать консультативную (справочную) деятельность сведущих лиц. Нередко это позволяет обеспечивать колоссальную помощь при раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничества в сфере автострахования. Согласимся с С.Р. Низаевой, которая констатировала, что необходимость такой помощи обусловлена разнообразием способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений [6, с. 63]. Так, консультации оказываются нужны при подготовке перечня вопросов, подлежащих рассмотрению в рамках производства различных судебных экспертиз и исследований, составлении вопросов, необходимых для качественного

осуществления допросов потерпевших, подозреваемых и свидетелей, а также для определения материальных и цифровых следов, подлежащих изъятию в ходе выемки, обыска и т. д.

Считаем, что в рамках расследования мошенничества в сфере автострахования прибегать к консультативной помощи уместно для подготовки ко многим следственным действиям и, безусловно, для подготовки и проведения целого ряда оперативно-разыскных мероприятий.

Консультация – это обсуждение какого-либо специального вопроса со специалистом; совещание специалистов [10, с. 245]; совет специалиста [7]. Отметим, что в общем смысле под консультацией принято считать какой-либо научно обоснованный совет, который вправе давать лицо, являющееся специалистом в определенной отрасли знаний. Акцентируем внимание на точке зрения М.А. Мамошина, который заключил, что в случаях, когда следователь обращается к специалисту за консультацией, могут возникнуть противоречивые ситуации: при консультировании с целью построения версий, т.е. когда это носит сугубо организационный характер, следует считать такую форму взаимодействия строго непроцессуальной, однако, когда специалистом выдается заключение по конкретному вопросу расследования с приобщением к делу соответствующих документов, это, безусловно, процессуальная форма взаимодействия [5, с. 21].

Очевидно, что консультативная помощь специалистов направлена на быстрое, своевременное и уместное получение информации лицом, осуществляющим предварительное расследование, или же применяется в рамках производства оперативно-служебной деятельности. Такая форма использования специальных знаний призвана помочь органам следствия и дознания наиболее эффективно выстроить план расследования, выбрать комплекс следственных и оперативно-разыскных мероприятий, определить участников этих действий и мероприятий, подобрать оптимальные технические средства, спрогнозировать рабочие тактические приемы и методы.

Относительно рассматриваемого вида преступлений консультативная помощь актуальна как для органов следствия, так и для органов дознания. В частности, это касается постановки вопросов при назначении различных судебных экспертиз. В связи со спецификой мошенничества в сфере автострахования даже классические виды экспертных исследований зачастую требуют от органов следствия определенных познаний для качественного формулирования вопросов, направляемых на разрешение эксперту. В подобных случаях разумным считаем обращаться за помощью к специалистам, которые по роду своей деятельности смогут сформировать тот перечень вопросов, который наиболее полно и четко будет отражать суть расследуемого события и позволит не допустить получения вероятных заключений, которые невозможно использовать в качестве доказательства по делу.

В зависимости от используемого способа мошенничества в сфере автострахования варьируются и виды назначаемых судебных экспертиз. Так, если речь идет о назначении судебной автотехнической экспертизы, консультативная помощь эксперта необходима для правильной постановки вопросов, отражение которых должно лечь в основу постановления о назначении судебной экспертизы. В ситуациях, когда есть

объективные основания полагать, что заявленные потерпевшим повреждения автомобиля были получены еще до момента наступления зарегистрированного ДТП, т.е. речь идет о мошеннических действиях, именно производство автотехнической экспертизы может позволить установить данный факт. Для того чтобы исследование было информативным, а заключение эксперта положительным, считаем необходимым прибегать к консультативной помощи в части формулирования вопросов.

Автотранспортное средство несет в себе огромное количество криминалистической информации, отдельно следует выделить элементы пассивной системы безопасности, к которым относятся различные виды подушек безопасности, ремни с устройством предварительного натяжения, набор фиксирующих датчиков, устройства размыкания контактов аккумуляторной батареи, блоки управления. Однако по роду своей деятельности следователь может и не обладать достаточным уровнем знаний о том, какие именно детали автотранспорта и при каких обстоятельствах могут послужить источником этой криминалистической информации, необходимой для всестороннего и эффективного осуществления процесса расследования по делу. Более того, изучение материалов доследственной проверки, а также отказных материалов показало, что на практике даже сотрудники экспертных подразделений не всегда знают о том, что пассивные системы безопасности Supplementary Restraint System (SRS) на современных транспортных средствах активируются посредством блока управления Airbag (SRS), имеющего флеш-память, которая хранит данные с датчиков и иные параметры автотранспорта, к которым относится целый перечень таких значимых данных, как: скорость транспортного средства до и в момент столкновения; пробег транспортного средства в момент столкновения; дата и время ДТП; нахождение человека на сиденьях автомобиля; положение педали тормоза; угол наклона транспортного средства относительно дорожного покрытия; положение педали акселератора; положение запирающего механизма ремней безопасности; наличие и исправность подушек безопасности в момент ДТП; показатели активных систем безопасности (при их наличии); показатели электронной системы динамической стабилизации автомобиля; давление в шинах; срабатывание антиблокировочной системы, работоспособность и активация внешних световых приборов до и в момент ДТП. При правильной постановке вопросов эксперту, исследование позволит решить вопрос о возможности получения повреждений транспортного средства при определенных обстоятельствах, указанных в заявлении о наступлении страхового случая, что, в свою очередь, станет одним из оснований полагать, что речь идет о мошеннических действиях.

Консультативная помощь также является неотъемлемой частью подготовки постановления о назначении судебной экспертизы материалов, веществ и изделий (КЭМВИ). Грамотно сформулированные вопросы позволят установить однородность исследуемых объектов [2, с. 119], единство источников происхождения объектов, способ наслоения частиц, тип и вид изделия, их групповую принадлежность, а также порядок проведения экспертизы.

Говоря о расследовании мошенничества в сфере автотранспорта, нельзя не акцентировать внимание и на необходимости использования консультативной помощи эксперта при назначении судебной видеотехнической экспертизы. Это обусловлено тем, что она является относительно новым видом экспертиз и на сегодняшний день

на достаточном уровне еще не сформулированы четкие перечни вопросов, которые возможно разрешить в рамках ее производства. Между тем данная экспертиза может позволить установить обстоятельства дорожно-транспортного происшествия, в отношении которого имеются основания предполагать, что наступление страхового случая было сфальсифицировано. Например, установить лицо, находящееся за рулем в момент совершения ДТП, время совершения ДТП, объем полученных повреждений, определить факт того, что указанные повреждения не совпадают с теми, что обнаружены на видеозаписи в момент ДТП, скорость движения автотранспорта, его направление движения и иные обстоятельства, необходимые для сбора доказательственной базы.

Многообразие способов и форм совершения мошеннических действий в сфере автострахования определяет необходимость применения консультативной помощи при подготовке вопросов для производства допросов.

Анкетирование, проведенное среди сотрудников органов следствия, занимавшихся расследованием мошенничества в сфере автострахования, показало, что насколько бы они ни были осведомлены об особенностях совершения таких преступлений, это не исключает необходимости в постоянном совершенствовании уровня знаний по раскрытию, расследованию и предупреждению этих противоправных деяний. Часто необходимость восполнения «пробелов» относительно особенностей способов совершения расследуемых преступлений возникает при подготовке к допросам подозреваемых лиц.

Так, очевидно, что уровень знаний лица, совершившего преступление рассматриваемой категории, не ограничен лишь теоретическими познаниями; заблаговременная подготовка и выбор способов осуществления своих преступных намерений, а также наличие определенных профессиональных и специальных знаний у преступника делают его более «подкованным» по сравнению с лицами, осуществляющими предварительное расследование. Для заполнения «пробелов» относительно специфики преступлений, повышения уровня профессионализма и компетентности помощь специалистов, на наш взгляд, является крайне актуальной.

В случаях, если предполагается допрос лица, работающего в должности специалиста страховой компании, имеет смысл заранее обсудить перечень специальных вопросов с лицом, имеющим специальные познания в данной отрасли, учитывая его однозначную незаинтересованность в исходе расследуемого уголовного дела. Как правило, в должностные обязанности специалиста страховой компании входит консультация входящего потока клиентов по разным видам страхования «каско», ОСАГО и заключение договоров страхования. Эти сведения можно назвать общедоступными и достаточно понятными, однако тонкости проведения предстрахового осмотра, дальнейшая идентификация транспортного средства, особенности фотографирования и заключительное подписание акта осмотра относятся к области специальных знаний, овладение которыми в полной мере доступно непосредственно специалистам страховых компаний. Нередки мошеннические схемы, когда среди членов преступного сговора имеется именно такое лицо, и качественно проведенный его допрос может позволить устранить несоответствие фактов, предшествующих наступлению страхового случая.

Так, например, в ситуациях, когда лицо, проводившее предварительный осмотр предполагаемого к страхованию автотранспорта, намеренно составляло акт осмотра ТС с нарушением инструкций или же умышленно скрывало уже существующие повреждения или несоответствия идентификационных данных. При наличии у органов следствия сомнений в правдивости проведенных мероприятий, направленных на выдачу страхового полиса, важно перед допросом специалиста обращаться за общеконсультативной помощью справочного характера к сведущему лицу. Это поможет при формировании перечня вопросов, касающихся особенностей осуществления идентификации транспортного средства и страхователя, проверки соответствия идентификационных данных предъявленным документам, установления и фиксации оснащения ТС и дополнительного оборудования, определения и фиксации наличия, характера и степени механических и коррозионных повреждений и отсутствующих деталей/элементов ТС, наличия, вида, характеристик и работоспособности противоугонных устройств и систем и т.д. Очевидно, что заранее спланированный, подготовленный и обдуманный допрос позволит установить психологический контакт с допрашиваемым, покажет подкованность следователя и уровень его знаний, что, вероятно, нарушит планы лица относительно возможности введения в заблуждение органов предварительного следствия по факту расследуемого события.

Если же речь идет о мошеннических действиях, сопряженных с изменением маркировочных данных ТС, здесь важно при производстве допроса особое внимание уделять особенностям выявления измененных идентификационных номеров автотранспортных средств. Здесь в качестве участников преступной группы могут выступать разные категории граждан: специалисты страховых компаний, сотрудники ГИБДД МВД России, аварийные комиссары, эксперты как государственных, так и негосударственных учреждений.

В этой связи перед их допросом уместно также пользоваться консультативной помощью сведущих лиц для составления вопросов, которые в дальнейшем станут подспорьем в формировании доказательственной базы по делу, а также в определении перечня лиц, причастных к совершению преступления. Для этого важно, чтобы следователь обладал необходимой информацией об особенностях изменения идентификационных данных ТС. Выявление признаков подделки маркировки возможно при сверке марки, модели, номерных агрегатов, года выпуска, весовых и мощностных параметров, занесенных в паспорт транспортного средства (свидетельство о регистрации), с имеющимися в действительности на конкретном транспортном средстве, с последующим внесением необходимых корректировок в регистрационные документы. Однако в силу специфики рассматриваемых преступлений даже у опытного следователя возникают сложности в понимании тех средств и методов, которыми пользуются преступники при выборе того или иного способа совершения мошеннических действий. Проведенное интервьюирование сотрудников следственных подразделений показало, что 58 % сотрудников не обладают даже минимальным уровнем знаний, касающихся путей и методов выявления измененных идентификационных номеров автотранспортных средств [9, с. 216]. Такие пробелы в знаниях негативно сказываются на производстве разных следственных действий, в частности разбираемых нами допросов подозреваемых и свидетелей. В этой связи актуальным считаем перечислить кратко места ТС, которым

необходимо уделять особое внимание при осмотре с целью установления соответствия маркировок и выявления признаков подделки. Эти знания позволят исключить возможное введение в заблуждение следователей, ведущих допрос. Так, все без исключения производители автомобилей, вне зависимости от модели, обязательно указывают свое наименование в виде надписей, выполненных разными способами (краска, штамповка, декоративные накладки, трафареты), или эмблемы с обязательным указанием производителя и названия модели. Модель автомобиля может быть определена как цифровым индексом, так и конкретным названием (однако следует обращать внимание на то, что существует различие между определением модели автомобиля и его коммерческого названия). При определении мест штатной маркировки несущей части конструкции (кузова, шасси) и двигателя необходимо знать, что на автомобилях разных производителей, и даже у одного производителя на разных моделях, места штатной маркировки несущей части конструкции и двигателя могут располагаться в разных местах. Для определения мест штатной маркировки шасси, кузова и двигателя используются либо описание автомобиля, либо справочные данные. Осмотр мест штатной маркировки кузова (шасси) позволит обнаружить ограничительные знаки, которые служат препятствием к неправомерному добавлению лишних знаков и возможности подделки шрифта. Кроме того, цифровые и буквенные символы должны быть одинаковыми по форме, глубине набивки, наклону и качеству выполнения. Все знаки маркировки, выполненные «заводским» способом, имеют одинаковые межзнаковые расстояния. Также о подделке говорит и наличие на деталях сварных швов, излишних слоев краски, шпаклевки, креплений маркировочного участка в нарушение технологии предприятия-изготовителя, прилегающих к другим элементам кузова.

Следует знать, что самая важная информация, т.е. идентификационный номер (номер кузова) автомобиля, обозначение модели и номера двигателя наносится способами, наиболее защищенными от возможной подделки (т.е. давлением либо гравировкой). Вторичная информация (весовые параметры) и название производителя может быть нанесена другим способом.

Все ведущие производители, кроме табличек заводских данных, устанавливают на автомобили таблички кодов краски, указанные таблички изготовлены из металла (кузовная сталь), окрашены в цвет кузова автомобиля и закреплены заклепками. Располагаются на панели крепления замка капота и легко доступны для осмотра. Маркировка на указанных табличках производится способом давления. При осмотре табличек кодов краски необходимо обращать внимание на соответствие оттенков краски на указанных табличках и кузове автомобиля, место и качество крепления. При повторной установке указанных табличек в местах, прилегающих к местам крепления (клепки), образуются сколы краски с последующей коррозией металла.

Многие производители, помимо обязательной маркировки автомобилей идентификационным номером, номером двигателя, табличками заводских данных и кодов краски, закрепляют на внутренних полостях автомобиля полимерные наклейки, на которых продублирован идентификационный номер и указана дополнительная информация.

При осмотре автомобиля необходимо не ограничиваться беглой сверкой номеров на кузове и двигателе с данными ПТС (свидетельства о регистрации).

Исходя из результатов осмотра по совокупности полученной информации необходимо сделать заключение о том, насколько соответствуют данные, указанные в регистрационных документах, транспортному средству, предъявленному в действительности, а также о состоянии и подлинности маркировок несущей части конструкции и двигателя, основных мощностных и весовых параметрах (или по каждой из описанных выше позиций в отдельности в том случае, если осмотр автомобиля проводится с конкретной целью, например, для простого подтверждения (определения) мощности двигателя для определения правильного размера сбора с владельцев транспортных средств в дорожный фонд).

Минимальные знания в качестве общеконсультативной помощи следователь может получить от сведущего лица (эксперт, страховой агент, сотрудник ГИБДД отдела МРЭО), не заинтересованного в исходе расследуемого уголовного дела, а правильно поставленные вопросы, подготовленные на основании имеющихся специальных знаний об особенностях маркировки на ТС, позволят понять, насколько достоверную информацию сообщает допрашиваемое лицо.

Подводя итог, отметим, что мошенничество в сфере автострахования является крайне специфичным видом преступной деятельности, и положительный исход по делу во многом зависит от качества проведения предварительного следствия [4, с. 29]. Проведенное нами исследование показало, что неоценимым подспорьем в расследовании рассматриваемых преступлений является использование консультативной и справочной помощи сведущих лиц. Использование консультативной помощи крайне необходимо при подготовке и назначении различных судебных экспертиз и исследований по делам, касающимся расследования мошеннических действий в сфере автострахования, а также для качественной и всесторонней подготовки к производству следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. В связи с чем считаем необходимым пользоваться этими возможностями при расследовании каждого уголовного дела, возбужденного по факту мошеннических действий в сфере автострахования, что позволит существенно повысить качество расследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белякова, Е.Г. Формы использования специальных знаний по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 5 (57). – С. 153–159.

2. Грибунов О.П. Особенности проведения трасологического исследования запорно-пломбировочных устройств при расследовании хищений грузов из подвижного состава грузовых поездов // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 2. С. 116–120.

3. Грибунов, О.П. Совершенствование правового регулирования геномной регистрации в контексте предупреждения преступности // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16. – № 1. – С. 101–110.

4. Грибунов, О.П., Малыхина Е.А. Отдельные вопросы тактики допроса при расследовании взяточничества // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 4 (7). – С. 28–32.

5. Мамошин, М.А. Участие специалиста в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Московская академия экономики и права, 2013. – 29 с.

6. Низаева, С.Р. Непроцессуальные формы использования специальных знаний при расследовании мошенничества в сфере жилищных отношений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2016. – № 4 (74). – С. 61–63.

7. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка. / Под ред. Л.И. Скворцова. – Москва: Оникс, 2011. – 736 с.

8. Трифонова, Н.А. Специальные знания в раскрытии и расследовании корыстно-насильственных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Трифонова. – Иркутск, 2006. – С. 26.

9. Усачев, С.И. Особенности использования специальных знаний при расследовании мошенничества в сфере автострахования: дис. ... канд. юрид. наук / С.И. Усачев. – Калининград, 2022. – 224 с.

10. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д.Н. Ушаков. – М.: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.

REFERENCES

1. Belyakova E. G. Formy ispol'zovaniya spetsial'nykh znanij po delam o prednamerennom bankrotstve yuridicheskikh lits [Forms of using special knowledge in cases of intentional bankruptcy of legal entities]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGUA) — Vestnik of the University named after O. E. Kutafin (MSUA). 2019, no. 5 (57), pp. 153—159. (in Russian).

2. Gribunov O.P. Osobennosti provedeniya trasologicheskogo issledovaniya zaporno-plombirovochnykh ustrojstv pri rassledovanii khishhenij gruzov iz podvizhnogo sostava gruzovykh poezdov [Features of the traceological study of locking and sealing devices in the investigation of theft of goods from the rolling stock of freight trains]. Problemy pravookhranitel'noj deyatel'nosti — Problems of Law Enforcement. 2016. no. 2, pp. 116—120. (in Russian).

3. Gribunov O.P. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya genomnoj registratsii v kontekste preduprezhdeniya prestupnosti [Improving the legal regulation of genomic registration in the context of crime prevention]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal — All-Russian Criminological Journal. 2022. t. 16. no. 1, pp. 101—110. (in Russian).

4. Gribunov O.P., Malykhina E.A. Otdel'nye voprosy taktiki doprosa pri rassledovanii vzyatochnichestva [Separate questions of interrogation tactics in the investigation of bribery]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. no. 4 (7), pp. 28—32. (in Russian).

5. Mamoshin M. A. Uchastie spetsialista v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo sudoproizvodstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Participation of a specialist in the pre-trial stages of criminal proceedings: author. dis. ... cand. legal Sciences]. Moscow, 2013, 29 p. (in Russian).

6. Nizaeva S. R. Neprotsessual'nye formy ispol'zovaniya spetsial'nykh znanij pri rassledovanii moshennichestva v sfere zhilishhnykh otnoshenij [Non-procedural forms of using special knowledge in the investigation of fraud in the sphere of housing relations]. Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016, no. 4 (74), pp. 61—63. (in Russian).

7. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 2011. 736 p. (in Russian).

8. Trifonova N. A. Spetsial'nye znaniya v raskrytii i rassledovanii korystno-nasil'stvennykh prestuplenij: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Special knowledge in the disclosure and investigation

of mercenary and violent crimes: author. dis. ... cand. legal Sciences]. Irkutsk, 2006, 26 p. (in Russian).

9. Usachev S.I. Osobennosti ispol'zovaniya spetsial'nykh znanij pri rassledovanii moshennichestva v sfere avtostrakhovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. [Features of the use of special knowledge in the investigation of fraud in the field of auto insurance: dis. ... cand. legal Sciences]. Kaliningrad, 2022, 224 p. (in Russian).

10. Ushakov D.N. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Big explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 2008. 959 p. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Усачев Сергей Игоревич, преподаватель кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, 664071, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
ORCID: 0000-0002-4306-0535
Researcher ID: ABE-3261-2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Usachev Sergey Igorevich, lecturer of the Department of Criminalistics. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664071, Russia, Irkutsk, st. Lermontov, 110.
ORCID: 0000-0002-4306-0535
Researcher ID: ABE-3261-2021

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 241–252.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no.3 (102). P. 241–252.

12.00.12 Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Научная статья
УДК: 343.148
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.11.75.021

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ЗОНИРОВАНИЯ ТЕРМИЧЕСКИХ ПОВРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ОЧАГА ПОЖАРА В АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВАХ

Харченко Ирина Владимировна[1], Гераськин Михаил Юрьевич[2], Шеков Анатолий Александрович[3]
[1]Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация, irina_kharchenko_irina@mail.ru
[2]Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация, a258a216@mail.ru
[3]Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация, shek@inbox.ru

Введение: современная методика установления очага пожара в автотранспортных средствах основана на изучении термических повреждений сохранившихся конструктивных элементов. Большую сложность для практических работников представляют случаи, когда в результате теплового воздействия пожара практически полностью уничтожены все горючие и сгораемые материалы в автомобиле. Как правило, традиционные методики по ряду причин становятся неприменимыми.

Материалы и методы: для проведения исследования были использованы общенаучные и специальные методы научного познания, такие как системный, сравнительно-правовой, метод логической дедукции и индукции, а также методы толкования, структурного анализа и наблюдения.

Результаты исследования: проанализировав характер всех возможных термических повреждений кузова автомобиля авторы выделили четыре типичные зоны одинаковых по характеру термических повреждений лакокрасочного покрытия на кузове автомобиля. Сопоставив взаиморасположение границ указанных зон с другими сохранившимися очаговыми признаками, специалист может достаточно точно установить местоположение очага (очагов) пожара и, в конечном счёте, определить техническую причину пожара. В статье также рассматривается влияние на образование типичных зон таких факторов, как гравитационное поле Земли, ограждающие конструкции автомобиля и наличие в зоне очага пожара интенсификатора горения в виде разлитой горючей жидкости.

© Харченко И. В., Гераськин М. Ю., Шеков А.А., 2022

Выводы и заключения: авторами предлагается использовать при осмотре сгоревшего автомобиля метод зонирования термических повреждений в сочетании с традиционной методикой выявления очаговых признаков. Данный метод основан на определении на пораженном огнём объекте границ зон, имеющих одинаковый характер поражения, и успешно применяется при осмотрах сгоревших сооружений из древесины.

Ключевые слова: пожар, специалист, судебная пожарно-техническая экспертиза, очаг пожара, автотранспортное средство, лакокрасочное покрытие, интенсификатор горения.

Для цитирования: Харченко И. В., Гераськин М. Ю., Шеков А. А. Использование метода зонирования термических повреждений для установления очага пожара в автотранспортных средствах // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 241–252.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.11.75.021

12.00.12. Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Original article

THE USE OF THE METHOD OF ZONING THERMAL DAMAGE TO ESTABLISH THE SEAT OF FIRE IN THE MOTO VEHICLE

Irina Vladimirovna Kharchenko[1], Mikhail Yuryevich Geraskin[2], Anatoly Alexandrovich Shekov[3]
[1]Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia, Volgograd, Russian Federation, a258a216@mail.ru
[2]Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia, Volgograd, Russian Federation, a258a216@mail.ru
[3]East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, shek@inbox.ru

Introduction: The modern method of establishing a seat of fire in vehicles is based on the study of thermal damage to preserved structural elements. A great difficulty for practitioners is cases when, as a result of the thermal effects of a fire, all combustible and burnable materials in the car are almost completely destroyed. As a rule, traditional methods become inapplicable for a number of reasons.

Materials and Methods: for the study, general scientific and special methods of scientific knowledge were used, such as systemic, comparative legal, the method of logical deduction and induction, as well as methods of interpretation, structural analysis and observation.

The results of the study: After analyzing the mode of all possible thermal damage to the car body, the authors identified four typical zones of identical thermal damage to the paint coating on the car body. By comparing the relative position of the boundaries of these zones with other preserved focal features, a specialist can fairly accurately determine the location of the seat (seats) of the fire and, therefore, ultimately determine the technical cause of the fire. The article also considers the influence of factors such as the gravitational field of the

Earth, the enclosing structures of the car and the presence of a accelerant in the form of a spilled combustible liquid in the zone of the seat of fire on the formation of typical zones.

Findings and Conclusions: The authors propose to use the method of zoning thermal damage in combination with the traditional method of detecting focal signs when examining a burned car. This method is based on determining the boundaries of zones with the same mode of damage on a fire-struck object and is successfully used during inspections of burnt structures made of wood.

Keywords: fire, specialist, forensic fire-technical expertise, seat of fire, motor vehicle, paint coating, accelerant.

For citation: Kharchenko I. V., Geraskin M. Yu., Shekov A.A. Ispol'zovanie metoda zonirovanija termicheskih povrezhdenij dlja ustanovlenija ocha-ga pozhara v avtotransportnyh sredstvah [The use of the method of zoning thermal damage to establish the seat of fire in the moto vehicle]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102), pp.241–252 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.11.75.021

В настоящее время обстановка с расследованием уголовных дел по фактам пожаров в России остается достаточно сложной. Согласно официальной статистике МЧС России только в 2021 году на территории Российской Федерации зарегистрировано 390 411 пожаров, в результате которых погибло 84 016 человек, а получили повреждения различной степени тяжести 8 403 человек [1].

Особую опасность представляют пожары, возникшие с целью умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, то есть поджоги. Несмотря на их относительно низкий удельный вес в общей массе зарегистрированных пожаров, каждый поджог, как правило, вызывает большой общественный резонанс, и раскрытие и расследование данного вида преступлений представляет собой одну из важнейших задач, стоящих перед правоохранительными органами. Анализ статистических данных за последние пять лет показывает, что если прямой материальный ущерб от поджогов, как и их общее количество, неуклонно снижаются, то аналогичный показатель по пожарам в автотранспортных средствах (АТС) наоборот растёт [2, с. 4–9].

Значительное количество пожаров произошло на транспортных средствах, включая легковые и грузовые автомобили. Основными их причинами являются аварийные режимы работы электрооборудования, разгерметизация топливной системы с последующим попаданием топлива на нагретые поверхности, а также искусственное инициирование горения, то есть поджог.

Главнейшей задачей осмотра места сгоревшего автомобиля, так же, как и любого другого места пожара, является установление технической причины возгорания. Решение этой задачи невозможно без установления местоположения очага (очагов) пожара, их количества и взаимосвязи. Место возникновения пожара часто связывают с местом наибольшего выгорания и разрушения, так как сильное выгорание обусловлено более длительным действием высокой температуры. Однако вывод о положении очага пожара только по характеру поражений может оказаться ошибочным и ввести в заблуждение работников, занимающихся расследованием данного происшествия. Поэтому, чтобы не ошибиться, необходимо своевременно и технически грамотно провести осмотр места происшествия, опираясь на законы развития горения и закономерности,

присущие этому процессу, а также иметь правильное представление об обстановке, предшествующей пожару. Для установления места расположения очага пожара сначала необходимо проанализировать характер термических повреждений конструкций автомобиля, полученных в результате пожара. При этом учитываются:

– вид и наличие горючей загрузки внутри автомобиля;

– условия и особенности горения с учетом введения огнетушащих средств на ликвидации пожара;

– результаты осмотра места происшествия.

Все выявленные факты анализируются, устанавливается их причинно-следственная связь с возникновением пожара [3].

Несмотря на то, что площадь возгорания в АТС значительно меньше аналогичной площади сгоревшего строения (квартиры, частного дома и т.п.), установление местонахождения очага пожара очень часто представляет значительную трудность даже для квалифицированного специалиста в области пожарной техники. Это обусловлено тем, что все узлы и агрегаты АТС расположены достаточно компактно, и в случае быстрого развития горения следовая картина на объектах-носителях очаговых признаков как минимум может быть сильно изменена или даже уничтожена. В связи с этим качественное проведение осмотра места происшествия (ОМП) является важнейшей задачей при исследовании пожара АТС [4, с. 84–88]. Таким образом, для объективной оценки термических повреждений и выявления очаговых признаков необходимо знать ориентировочную продолжительность горения.

В настоящее время существует несколько научно обоснованных методик определения минимальной продолжительности пожара. Во всех данных методиках для корректного определения минимальной продолжительности пожара необходимо инструментальное исследование углей древесины, изъятой из зоны очага пожара. Так как в автомобиле отсутствуют подобные горючие материалы, то применить данные методики не представляется возможным. Поэтому можно установить минимальную продолжительность пожара в данном случае только приближенно. Из общетеоретических положений теории горения применительно к развитию пожара в автомобиле и экспертного опыта пожарно-технических лабораторий ЭКЦ МВД России и ЭКЦ ряда регионов Российской Федерации известно, что пожары в автомобилях, независимо от причины их возникновения, протекают в три стадии.

Первая стадия – стадия возникновения и распространения горения. На этой стадии горение развивается из небольшого по площади очага в объёме одного из отсеков автомобиля (моторного, багажного или салона). Продолжительность данной стадии (в зависимости от причины возникновения пожара) составляет 1–10 минут. Данная стадия характеризуется локальным (ограниченным) характером распространения термических повреждений, которые сосредоточены в основном в зоне очага пожара, где достигается максимальная температура. Как показывает экспертная практика, устойчивое горение в автомобиле происходит даже при полностью закрытых окнах и дверях, что объясняется наличием в АТС системы вентиляционных отверстий. Продолжительность пожара будет определяться условиями газообмена. То есть при открытых окнах, например, процесс горения за счёт поступления потока воздуха будет ускоряться. Естественно, при наличии интенсификаторов горения (при поджоге), например, в виде разлитых каких-либо горючих или воспламеняющихся жидкостей (ГЖ или ЛВЖ) скорость распространения пожара увеличивается в разы. Как правило, если пожар удалось

потушить на этой стадии, то можно всегда довольно точно определить место возникновения пожара.

Вторая стадия – стадия интенсивного горения. Данная стадия характеризуется значительными термическими повреждениями. Именно в этот период времени выгорает основная часть горючих материалов в АТС. Продолжительность данной стадии (в зависимости от причины возникновения пожара) составляет 10–20 минут (от начала пожара). На этой стадии очаговые признаки, выявляемые традиционными методиками, сглаживаются, а к концу стадии могут даже исчезнуть. Поэтому в таких случаях можно лишь точно указать на отсек автомобиля, где возник пожар. В отличие от первой стадии определить, где конкретно находился очаг пожара внутри отсека автомобиля, то есть локализовать место возникновения пожара часто можно лишь в вероятностной форме.

Третья стадия – стадия затухания горения. Продолжительность данной стадии (в зависимости от причины возникновения пожара) составляет 20–30 минут от момента возгорания пожара. Если пожар был потушен на данной стадии, вещная обстановка места пожара характеризуется практически полным выгоранием всех горючих и сгораемых материалов в автомобиле. Как правило, в большинстве случаев, пользуясь традиционными методиками, либо нельзя вообще определить место возникновения пожара, либо можно лишь указать в вероятностной форме на отсек АТС, в котором возник пожар.

Анализ экспертной практики показывает, что чаще всего пожарно-техническим экспертам приходится осуществлять осмотры места пожаров в автомобилях, которые были потушены на второй или третьей стадии, то есть когда большая часть горючих и сгораемых материалов уничтожена пламенем пожара, и выявление очаговых признаков становится проблематичным.

Существует достаточное количество методик, альтернативных традиционной, основанной на визуализации очаговых признаков (признаков направленности распространения горения и т.п.), но их применение, с одной стороны, связано с применением инструментальных методов, требующих использования различных приборов, которые, как правило, имеются лишь в комплекте оборудования передвижных пожарно-технических лабораторий, количество которых в экспертно-криминалистических подразделениях (ЭКП) МВД России ограничено. С другой стороны, специалист, прибегнув к этим методикам, может значительно удлинить продолжительность ОМП, что не всегда приемлемо с оперативной точки зрения [3].

Поэтому представляется наиболее целесообразным при ОМП по факту сгоревшего автомобиля использовать метод зонирования термических повреждений в сочетании с традиционной методикой выявления очаговых признаков, разработанной более 50-ти лет назад [5, с. 143–185]. Данный метод основан на определении на пораженном огнём объекте границ зон, имеющих одинаковых характер поражения. Метод был разработан А.В. Даниловым на примере термических поражений конструкций из древесины [6, с. 31–44].

В зависимости от характера поражений автор выделил четыре возможных зоны (участка), степень поражения которых можно легко выделить визуально:

– зона древесины, не подвергшейся термическому воздействию пожара;

– зона древесины, которая в результате теплового воздействия изменила свой естественный цвет до темно-коричневого;

– зона обугливания древесины;

– зона полного переугливания древесины до зольного остатка (например, в виде образовавшегося прогара в деревянном перекрытии сооружения).

Фактически взаиморасположение зон, имеющих различный характер термического поражения, представляет собой интегральное соотношение характеристик теплового воздействия, основанном на особенностях термических повреждений на различных геометрических поверхностях элементов конструкций автомобиля.

При возникновении горения АТС основным объектом исследования и источником информации об очаге пожара будет служить металлический кузов. Визуально наиболее заметными являются термические повреждения лакокрасочного покрытия (ЛКП) [7, с. 42]. ЛКП образуются на различных поверхностях при нанесении на них лакокрасочных материалов (ЛКМ). ЛКМ представляют собой многокомпонентные смеси, в состав которых входят следующие основные компоненты:

– пигменты, которые, собственно, и придают ЛКМ определённый цвет;

– наполнители, присутствие которых позволяет не только экономить пигменты, но и улучшить механические свойства и долговечность ЛКП;

– связующие (плёнкообразователи), назначение которых состоит в соединении частиц пигментов и наполнителей как между собой, так и с окрашиваемой поверхностью.

Кроме них, в состав ЛКМ входят:

– растворители и разбавители, испаряющиеся при высыхании краски;

– сиккативы, ускоряющие высыхание краски;

– пластификаторы, эмульгаторы и т.п.

Наиболее распространенными наполнителями ЛКМ являются цинковые белила (ZnO), рутил (TiO_2), аэросил (SiO_2), каолин ($Al_2O_3 \cdot 2SiO_2 \cdot 2H_2O$), тальк ($3MgO \cdot 4SiO_2 \cdot H_2O$). Все вышеперечисленные вещества относятся к негорючим. Наиболее распространенными связующими являются органические смолы: глифталевые (типа ГФ), пентафталевые (типа ПФ), меламиновые (типа МЛ), фенольные (типа ФЛ), фенолоалкидные (типа ФА), поливинилацетатные (типа ВА) и ряд других. Все указанные смолы являются твердыми или вязкими горючими веществами.

Пигменты, используемые при изготовлении ЛКМ, могут иметь как органическую, так и неорганическую природу. Для приготовления ЛКМ используют такие неорганические пигменты, такие как:

– сажа (технический углерод);

– оксиды и гидроксиды металлов: охра ($Fe(OH)_3$; железный сурик Fe_2O_3; свинцовый сурик (Pb_3O_4); желтый сурик или массикот (PbO); оксиды хрома (Cr_2O_3), (CrO_3); умбра (MnO_2);

– соли (ультрамарин ($2(Na_2O \cdot Al_2O_3 \cdot 3SiO_2) \cdot Na_2S_4$), берлинская лазурь $KFe[Fe(CN)_6]$); литопон ($BaSO_4$ и ZnS). За исключением сажи все они представляют собой негорючие материалы.

Пигменты органического происхождения являются горючими веществами и используются для придания ЛКМ светлых и ярких цветов: желтого, зелёного, красного, синего, фиолетового, голубого и т.п.

Также внутренняя и внешняя поверхности кузова перед окраской фосфатируются негорючими нерастворимыми в воде фосфорнокислыми соединениями, слой которых закрепляется на металлической поверхности негорючей грунтовкой [8, с. 29].

Проанализировав характер термических повреждений кузова автомобиля, можно выделить следующие типичные зоны, одинаковые по характеру повреждений:

– зона ЛКП, не подвергшаяся термическому воздействию пожара и не утратившая свой первоначальный цвет;

– зона вспучивания и утраты первоначального цвета ЛКП, которая в результате теплового воздействия изменила свой естественный цвет до черного;

– зона полного выгорания ЛКП без осыпания наполнителя и отслоения грунтовки;

– зона полного выгорания ЛКП с осыпанием наполнителя и полным отслоением грунтовки от поверхности металла.

Зона полного выгорания ЛКП без осыпания наполнителя представляет собой участок кузова, на котором отсутствуют следы ЛКП какого-либо цвета, но на поверхности металла наблюдается слой порошкообразного вещества белого цвета. Все наполнители ЛКМ представляют собой вещества белого цвета, впрочем, как и грунтовка.

Выделить отдельно зону осыпания наполнителя без отслоения грунтовки от зоны полного выгорания ЛКП без осыпания наполнителя и отслоения грунтовки довольно трудно даже опытному специалисту, а с точки зрения выявления признаков направленности горения и нецелесообразно.

Рис. 1. Термические повреждения на крышке капота автомобиля ВАЗ-2112.

В качестве примера на рис. 1 представлены все четыре возможные зоны термических поражений ЛКП на крышке капота сгоревшего автомобиля ВАЗ-2112. Наиболее удалена от лобового стекла зона ЛКП, не подвергавшаяся термическому воздействию пожара и не утратившая свой первоначальный серо-голубой цвет. Далее по мере приближения от края крышки капота к лобовому стеклу расположены зона вспучивания ЛКП и зона полного выгорания ЛКП без осыпания наполнителя и отслоения грунтовки. Внутри последней зоны расположена зона полного выгорания ЛКП с осыпанием

наполнителя и полным отслоением от поверхности металла грунтовки, границы которой образуют форму овала. Следует отметить, что границы всех зон имеют четко очерченные конфигурации, характерные для образующихся при розливе жидкости на горизонтальную поверхность. Это является специфичным признаком наличия горения интенсификатора горения в виде разлитой ГЖ или ЛВЖ. Проведенной комплексной пожарно-технической экспертизой было установлено, что технической причиной пожара в данном случае являлось воспламенение горючих и сгораемых материалов в выявленном очаге пожара на крышке капота от источника открытого огня (зажжённый факел и т.п.) при наличии интенсификатора горения в виде разлитой ЛВЖ или ГЖ, то есть это поджог.

При оценке границ зон термических повреждений ЛКП на кузове автомобиля необходимо учитывать следующий фактор.

При воздействии источника зажигания на горючие и сгораемые материалы горение возникает практически в точке контакта. При этом на поверхности материала образуется зона горения, которая постепенно приобретает шарообразную форму, увеличивающуюся с течением времени. В результате воздействия гравитационного поля Земли над точкой возгорания образуется так называемая конвективная колонка газообразных продуктов горения, представляющая собой смесь нагретого воздуха с образующимися продуктами горения (оксидами углерода и т.п.) [6, с. 32–35].

Скорости распространения горения в различных направлениях неравномерны. Скорость распространения горения вниз минимальна, а по горизонтали – скорость значительно больше. По вертикали (вверх) – скорость наибольшая (на несколько порядков больше скорости по горизонтали). Различие скоростей в различных направлениях объясняется следующим. Подходящий к зоне горения холодный воздух нагревается, при этом за счёт отбора тепла снижает прогрев горючих материалов, тем самым уменьшая скорость распространения горения в нижней части зоны горения. В этот момент зона горения в разрезе будет иметь каплевидную форму. Далее горение, распространяясь вверх, может встретить горизонтальное препятствие в виде плоскости перекрытия (например, потолка салона, крышки капота и т.п.). Это препятствие способствует развитию зоны горения в стороны от вертикальной оси с сечением в виде расширяющейся окружности. В результате форма зоны горения принимает третью разновидность – форму перевернутой воронки (в сечении – конуса). Граница вертикальной проекции зоны горения на данной стадии сначала представляет собой так называемый очаговый конус – треугольник, обращенный одной из вершин вниз. На практике эта граница никогда не образует прямую линию, а является параболой с вершиной в точке проекции центра первоначальной шарообразной зоны.

Если пожар в дальнейшем развивается без препятствий, граница зоны горения может достичь вертикальных ограждающих плоскостей (конструктивных элементов кузова), которые изменяют направления движений конвективных потоков, направляя их сверху вниз. В результате зона горения приобретает чашеобразную форму. Граница вертикальной проекции зоны горения на данной стадии представляет собой параболу или гиперболу с вершиной в точке проекции центра первоначальной шарообразной зоны. Граница горизонтальной проекции зоны горения на данной стадии представляет собой овальную или округлую форму с вершиной в точке проекции центра первоначальной шарообразной зоны.

Рис. 2. Термические повреждения на левой (по ходу движения) стороне кузова автомобиля «Тойота Королла»

В качестве примера на рис. 2 представлены зоны термических поражений ЛКП на левой (по ходу движения автомобиля «Тойота Королла») стороне кузова. В отличие от примера на рис.1 в результате теплового воздействия пожара образовались только три зоны (отсутствует зона полного выгорания ЛКП с осыпанием наполнителя). Границы всех зон представляют собой ветвь параболы, вершина которой проецируется на нижнюю часть моторного отсека (то есть место очага пожара).

Рис. 3. Термические повреждения на левой (по ходу движения) стороне кузова автомобиля «ВАЗ-2110»

В качестве примера на рис. 3 представлены зоны термических поражений ЛКП на левой (по ходу движения автомобиля «ВАЗ-2110») стороне кузова. Как и в примере на рис.2, в результате теплового воздействия пожара образовались только три зоны (отсутствует зона полного выгорания ЛКП с осыпанием наполнителя). Границы всех зон являются кривыми линиями, представляющими ветви параболы. Левая ветвь наблюдается на левой передней (водительской) двери, а правая – на левой задней двери.

Вершина образовавшихся параболических границ зоны вспучивания и утраты первоначального цвета ЛКП, а также зоны полного выгорания ЛКП без осыпания наполнителя и отслоения грунтовки находится на уровне пола салона в районе кресла водителя, где в результате проведения комплексной пожарно-технической экспертизой

было установлено местоположение очага пожара. Технической причиной пожара, как и в первом примере, являлось воспламенение горючих и сгораемых материалов в выявленном очаге пожара от источника открытого огня при наличии интенсификатора горения в виде разлитой ЛВЖ или ГЖ.

На образование характерных форм зоны горения влияют два постоянных фактора – гравитационное поле Земли и ограждающие конструктивные элементы автомобиля. Любая ассиметрия следа или его аномальное искажение позволяют выделить вид переменного фактора: неравномерное расположение горючего материала; наличие до пожара вскрытых проемов, наличие на горючей поверхности разлитой ЛВЖ (ГЖ). Аномальное распространение горения (сверху вниз, а не наоборот) дополнительно свидетельствует о присутствии переменного фактора, влияющего на пути распространения огня в виде наличия в очаговой зоне разлитой ЛВЖ или ГЖ. Однако делать категоричные выводы о наличии в этой зоне подобного интенсификатора горения следует после соответствующего химического исследования [9].

Сопоставив взаиморасположение границ указанных зон с другими сохранившимися очаговыми признаками, специалист может достаточно точно установить местоположение очага (очагов) пожара и, следовательно, определить техническую причину пожара. При этом необходим учёт влияния на образование типичных зон таких факторов, как гравитационное поле Земли, ограждающие конструкции автомобиля и наличие в зоне очага пожара интенсификатора горения в виде разлитой ЛВЖ или ГЖ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чечетина, Т.А., Гончаренко В.С., Сибирко В.И., Загуменнова М.В. Обстановка с пожарами в Российской Федерации в 2021 году // Пожарная безопасность. – М.: ВНИИПО МЧС РФ, 2022 – №1 (106) – С. 98–115.

2. Пожары и пожарная безопасность в 2020 году: Статистический сборник / Под общей редакцией Д.М. Гордиенко. – М.: ВНИИПО, 2021. – 112 с.

3. Гераськин, М.Ю., Довбня, А.В. Применение современной передвижной пожарно-технической лаборатории при осмотре места пожара и производстве пожарно-технической экспертизы // Судебная экспертиза. Волгоград: ВА МВД России, 2016. – № 1 (45). – С. 119–129.

4. Гераськин, М.Ю. Динамический осмотр сгоревшего автомобиля // Следственная деятельность: настоящее и будущее: сборник тезисов и статей международной научно-практической конференции (Краснодар, 10 июля 2018 г.) ред. колл. С.Ю. Бирюков, Д.В. Кайргалиев. – Волгоград: ООО «Перископ-Волга», 2018. – 388 с.

5. Мегорский, Б.В. Методика установления причин пожаров. – М.: Стройиздат, 1966. – 350 с,

6. Данилов, А.В. Техника установления обстоятельств возникновения пожара. – Волгоград: УГПС УВД Волгоградской области, 1997. – 108 с.

7. Богатищев, А.И. и др. Исследование причин возгорания автотранспортных средств: Учебное пособие / Под ред. канд. техн. наук А.И. Колмакова. – М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2003. – 82 с.

8. Пожар в автомобиле: как установить причину?: практическое пособие / Н.М. Булочников, С.И. Зернов, А.А. Становенко, Ю.П. Черничук. – М.: ООО «НПО «ФЛОГИСТОН», 2006. – 224 с.

9. Гераськин, М.Ю., Плотникова Г.В., Шеков А.А. Особенности обнаружения, изъятия и предварительного исследования вещественных доказательств при осмотре места поджога // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. – № 2 (14). – С. 59–65.

REFERENCES

1. Chechetina T.A., Goncharenko V.S., Sibirko V.I., Zagumennova M.V. Obstanovka s pozharami v Rossijskoj Federacii v 2021 godu [Fire situation in the Russian Federation for 2021] // *Fire safety*. 2022, No. 1 (106), pp. 98-115.

2. Pozhary i pozharnaya bezopasnost' v 2020 godu: Statisticheskij sbornik [Fires and fire safety in 2020: Statistical collection] / Under the general editorship of D.M. Gordienko. Moscow, VNIIPO, 2021, 112 p.

3. Geraskin M. Y., Dovbnya A.V. Primenenie sovremennoj peredvizhnoj pozharno-tekhnicheskoj laboratorii pri osmotre mesta pozhara i proizvodstve pozharno-tekhnicheskoj ekspertizy [The application of modern mobile fire-technical laboratory while examining the fire site and producing the fire-technical expertise] // *Forensic examination*. 2016, No. 1 (45), pp. 119-129.

4. Geraskin M.Y. Dinamicheskij osmotr sgorevshego avtomobilya [Dynamic inspection of a burnt-out car] // Investigative activity: present and future: collection of abstracts and articles of the international scientific and practical conference (Krasnodar, July 10, 2018) ed. Col. S.Y. Biryukov, D.V. Kairgaliev. Volgograd, LLC "Periscope-Volga", 2018, 388 p.

5. Megorsky B.V. Metodika ustanovleniya prichin pozharov [Methodology for determining the causes of fires]. Moscow, Stroyizdat, 1966, 350 p.

6. Danilov A.V. Tekhnika ustanovleniya obstoyatel'stv vozniknoveniya pozhara [Method of establishing the circumstances of a fire]. Volgograd, UGPS of the Volgograd Region Department of Internal Affairs, 1997, 108 p.

7. Bogatishev A.I. and others. Issledovanie prichin vozgoraniya avtotransportnyh sredstv: Uchebnoe posobie [Investigation of the causes of ignition of motor vehicles: school work] / under order. kand. tehn. science. A. Kolmakova. Moscow, FC MIA Russia, 2003, 82 p.

8. Pozhar v avtomobile: kak ustanovit' prichinu?: prakticheskoe posobie [Fire in the car: how to establish the cause?: practical guide] / N.M. Bulochnikov, S.I. Zernov, A.A. Stanovenko, Yu.P. Chernichuk. Moscow, OOO «NPO «FLOGISTON», 2006, 224 p.

9. Geraskin M.Y., Plotnikova G.V., Shekov A.A. Osobennosti obnaruzheniya, iz"yatiya i predvaritel'nogo issledovaniya veshchestvennyh dokazatel'stv pri osmotre mesta podzhoga [Features of detection, seizure and preliminary investigation of physical evidence at the scene of an arson] // *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*. 2020, No. 2 (14), pp. 59-65.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Харченко Ирина Владимировна, кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности. Волгоградская академия МВД России, 400075, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.
ORCID: 0000-0001-9479-1445

Гераськин Михаил Юрьевич, старший преподаватель кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности. Волгоградская академия МВД России, 400075, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.
ORCID: 0000-0003-0906-0897

Шеков Анатолий Александрович, кандидат химических наук, доцент, заместитель начальника кафедры судебно-экспертной деятельности. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
ORCID: 0000-0003-2111-718X

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kharchenko Irina Vladimirovna, Candidate of Biological Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of Forensic Techniques of the Educational and Scientific Complex of Expert and Forensic Activities. Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 130, Historical st., Volgograd, Russia, 400075.
ORCID: 0000-0001-9479-1445

Geraskin Mikhail Yuryevich, senior lecturer of the Department of Forensic Techniques of the Educational and Scientific Complex of Expert and Forensic Activities. Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 130, Historical st., Volgograd, Russia, 400075.
ORCID: 0000-0003-0906-0897

Shekov Anatoly Alexandrovich, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Forensic Activity. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110, Lermontov st., Irkutsk, Russia, 664074.
ORCID: 0000-0003-2111-718X

Статья поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 253–263.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 253–263.

12.00.14. Административное право; административный процесс

Научная статья
УДК: 342.95
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.11.96.022

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ

Абакумова Екатерина Борисовна
Новосибирский военного ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Российская Федерация, Новосибирск, civilization1981@mail.ru
Институт философии и права СО РАН, Российская Федерация, Новосибирск, civilization1981@mail.ru

Введение: в статье поднимается ряд дискуссионных вопросов правового регулирования инвестиционной деятельности военнослужащих на рынке ценных бумаг на современном этапе развития российской правовой системы. В настоящее время, несмотря на наличие соответствующей нормативной базы, как в научной среде, так и среди должностных лиц органов военного управления, нет четкого понимания объема и характера антикоррупционных ограничений по поводу приобретения и владения ценными бумагами, налагаемых в связи с несением военной службы.

Материалы и методы: нормативной основой исследования выступили Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральные законы: «О статусе военнослужащих», «О воинской обязанности и военной службе», «О государственной гражданской службе Российской Федерации», «О противодействии коррупции», «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» и другие нормативные правовые акты. Методологический базис исследования составили методы индукции и дедукции, системного анализа, толкования правовых норм, сравнительно-правовой метод.

Результаты исследования: в работе осуществлен комплексный теоретико-правовой анализ современного законодательства Российской Федерации в сфере запретов и ограничений военной службы, касающихся инвестирования на рынке ценных бумаг, на основе которого дана авторская трактовка соответствующих нормативных положений и показана необходимость уточнения некоторых законодательно установленных антикоррупционных предписаний.

© Абакумова Е. Б., 2022

Выводы и заключения: автор приходит к выводу, что законодательство Российской Федерации не устанавливает категоричного запрета на инвестирование в ценные бумаги военнослужащими. Однако законодатель налагает некоторые ограничения на данный вид деятельности, связанные с несением государственной службы. Поскольку в правоприменительной практике зачастую наблюдается расширительное толкование установленных ограничений, результаты проведенного исследования имеют не только теоретическое, но и практическое значение, и могут быть использованы с целью правового просвещения военнослужащих, а также должностных лиц кадровых служб, ответственных за соблюдение антикоррупционных мер в военных организациях.

Ключевые слова: антикоррупционные запреты и ограничения государственной службы, инвестиционная деятельность военнослужащего, ценные бумаги, конфликт интересов, иностранные финансовые инструменты.

Для цитирования: Абакумова, Е.Б. Антикоррупционное регулирование инвестиционной деятельности военнослужащих на рынке ценных бумаг / Е.Б. Абакумова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. – № 3 (102). С. 253–263.
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.11.96.022

12.00.14. Administrative law; administrative process

Original article

ANTI-CORRUPTION REGULATION OF INVESTMENT ACTIVITIES OF MILITARY PERSONNEL IN THE STOCK MARKET

Ekaterina B. Abakumova
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation, Russian Federation, Novosibirsk, civilization1981@mail.ru
Institute of Philosophy and Law SB RAS, Russian Federation, Novosibirsk, civilization1981@mail.ru

Introduction: the article raises a number of controversial issues of legal regulation of investment activity of military personnel in the securities market at the present stage of development of the Russian legal system. Currently, despite the existence of an appropriate regulatory framework, both in the scientific community and among officials of the military administration, there is no clear understanding of the scope and nature of anti-corruption restrictions on the acquisition and possession of securities imposed in connection with military service.

Materials and Methods: the normative basis of the study was the Constitution of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, Federal Laws "On the status of military personnel", "On Military Duty and Military Service", "On the State Civil Service of the Russian Federation", "On Combating Corruption", "On the prohibition of certain categories of persons to open and have accounts (deposits), store cash and valuables in foreign banks located outside the territory of the Russian Federation, own and (or) use foreign financial instruments" and other regulatory legal acts. The methodological basis of the study was the

methods of induction and deduction, system analysis, interpretation of legal norms, comparative legal method.

The results of the study: the work carried out a comprehensive theoretical and legal analysis of the modern legislation of the Russian Federation in the field of prohibitions and restrictions of military service related to investment in the securities market, on the basis of which the author's interpretation of the relevant regulations was given and the need to clarify some legislatively established anti-corruption regulations was shown.

Findings and Conclusions: the author comes to the conclusion that the legislation of the Russian Federation does not establish a categorical ban on investing in securities by military personnel. However, the legislator imposes some restrictions on this type of activity related to public service. Since there is often an expansive interpretation of the established restrictions in law enforcement practice, the results of the study have not only theoretical, but practical significance, and can be used for the purpose of legal education of military personnel, as well as officials of personnel services responsible for compliance with anti-corruption measures in military organizations.

Key words: anti-corruption bans and restrictions of public service, investment activity of a serviceman, securities, conflict of interest, foreign financial instruments.

For citation: Abakumova E. B. Antikorrupcionnoe regulirovanie investicionnoj dejatel'nosti voennosluzhashhih na rynke cennyh bumag **[**Anti-corruption regulation of investment activities of military personnel in the stock market]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102), pp.253–263 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.11.96.022

В последние годы государственная политика по вопросам военной службы демонстрирует стабильный тренд на улучшение качества жизни военнослужащих, усовершенствование системы льгот и компенсаций, повышение размеров денежного довольствия. На расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ 21 декабря 2021 года Президент России Владимир Путин объявил: «Одним из безусловных приоритетов является повышение уровня социальных гарантий военнослужащих. Защитники Родины выполняют особые задачи, зачастую очень сложные, ответственные, связанные с риском, и мы будем добиваться, чтобы за свою службу они получали достойное вознаграждение»[1]. По данным, которые озвучил Президент РФ, средний ежемесячный уровень денежного довольствия военнослужащего в воинском звании «лейтенант» в 2021 году составлял 81,2 тысячи рублей, что уже существенно превышает уровень средней заработной платы в ведущих отраслях экономики. В 2022 году Правительство РФ продолжило повышение окладов и индексацию денежного довольствия военнослужащих[2].

[1] Расширенное заседание коллегии Минобороны // Сайт «Президент России» [Электронный ресурс] – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/67402 (дата обращения 11.05.2022).

[2] Постановление Правительства РФ от 21.04.2022 г. №719 «О повышении денежного довольствия военнослужащих и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 22.04.2022.

На фоне роста доходов для военнослужащих все более актуальным становится вопрос сохранения и приумножения накопленных сбережений. Одним из механизмов, который позволяет решить данную задачу, выступает инвестирование в различные финансовые инструменты, в том числе в ценные бумаги. Инвестиционная деятельность военнослужащих в силу присутствия государственно-служебных отношений в их профессиональной жизни является предметом специального правового регулирования.

Все государственные служащие, в том числе и военнослужащие, помимо специальных прав и социальных гарантий, имеют установленные государством обязанности, ограничения и запреты. В соответствии с абз. 2 ч. 2 ст. 1 Гражданского кодекса РФ, гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Военнослужащие обладают правами и свободами человека и гражданина с ограничениями, установленными законодательством РФ. Среди прочего законодательством РФ лимитированы инвестиционные возможности военнослужащих на фондовом рынке.

В ст. 27.1 Федерального закона от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» дана отсылка к положениям, установленным Федеральным законом от 25.12.2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» и статьями 17, 18 и 20 Федерального закона от 27.07.2004 г. №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», при этом указывается, что в отношении военнослужащих федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации может быть предусмотрен специальный правовой режим в этой сфере. Кроме того, в рассматриваемой статье закрепляется исключение из установленного правила – если запреты и ограничения препятствуют исполнению военнослужащим обязанностей по осуществлению оперативно-разыскной деятельности или обеспечению безопасности Российской Федерации, они могут не применяться в отношении данного военнослужащего. Введение таких исключений в каждом отдельном случае осуществляются в порядке, устанавливаемом соответствующим нормативным правовым актом.

Если обратиться к Федеральному закону от 27.07.2004 г. №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», то п. 4 ч. 1 ст. 17 данного документа государственным служащим в случаях, определенных федеральным законом, запрещается приобретать ценные бумаги, по которым может быть получен доход. Как известно, доход от ценных бумаг может быть двух основных типов: начисляемый (дивиденды от акций, купоны от облигаций) и спекулятивный (разница между ценой покупки и ценой продажи ценной бумаги). Поскольку в обозначенной норме не содержится уточнения по поводу типа дохода, следует полагать, что имеются в виду оба типа дохода.

В российском законодательстве на сегодняшний день не установлены случаи, когда в отношении всех государственных служащих действует запрет на приобретение ценных бумаг определенного вида. При этом в научной литературе зачастую высказывается мнение о целесообразности подобного рода запретов, в том числе запрета на прямое владение ценными бумагами государственными служащими [2]. Аргументация данной позиции лежит в плоскости антикоррупционной борьбы и предотвращения конфликта интересов.

На наш взгляд, такой подход не имеет под собой конституционно-правовых оснований и ведет к необоснованному нарушению гражданских прав государственных

служащих. Мы согласны с А.В. Кудашкиным, что выбор деятельности человека определяется им в качестве наиболее подходящего способа к обеспечению его существования и к удовлетворению его потребностей [5]. Поэтому, как верно подмечает указанный автор, ограничение свободы выбора человека может быть оправдано только наличием более важного интереса в публичной сфере, который стоит выше частного интереса. Но невозможно отрицать, что абсолютное большинство государственных служащих не имеют каких-либо рычагов воздействия на фондовый рынок или на поведение отдельных эмитентов, а наиболее массовый вариант владения ничтожно малой долей акций или облигаций в общем объеме размещенных ценных бумаг крупного хозяйственного общества не несет в себе никакой коррупционной угрозы. Поэтому совершенно очевидно, что ограничения на владение государственным служащим ценными бумагами должны накладываться только избирательно – в тех случаях, когда эта коррупционная угроза действительно может возникнуть.

Другой теоретико-правовой проблемой в исследуемой теме является вопрос соотнесения деятельности по приобретению и владению ценными бумагами с запретами, установленными в ч. 7 ст. 10 Федерального закона от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». Так, норма абз. 2 ч. 7 ст. 10 указанного нормативного акта закрепляет общее правило в отношении государственных служащих об отсутствии у них права заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, в том числе участвовать в управлении коммерческими организациями.

Запрет на занятие предпринимательской деятельностью означает, что совершение военнослужащим действий, содержащих признаки предпринимательства, будет считаться правонарушением. Напомним, что согласно абз. 3 ч. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. На первый взгляд, деятельность военнослужащего по приобретению ценных бумаг на бирже на свой риск, а также систематическое получение по ним дохода в виде дивидендов, подходит под указанное в Гражданском кодексе РФ определение предпринимательской деятельности. В литературе можно встретить обоснование запрета на владение ценными бумагами военнослужащими именно по причине отнесения данной деятельности к предпринимательству [4]. Однако большинство авторов все же проводят четкое разграничение инвестиционной и предпринимательской деятельности [7], что полагаем верным.

Ценные бумаги приобретаются на бирже при посредничестве профессиональных участников торгов (брокеров), определенных в ст. 16 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах». То есть военнослужащий как физическое лицо может лишь давать поручения на покупку или продажу той или иной ценной бумаги на основании договора на брокерское обслуживание. Сами же операции по покупке/продаже лота ценных бумаг на бирже совершает брокер [1]. При этом брокер выступает налоговым агентом – он обязан исчислить и удержать налог с полученного инвестором на фондовом рынке дохода (ст. 226.1 Налогового кодекса РФ). Следовательно, инвестиционная деятельность, связанная с покупкой и продажей ценных бумаг, равно как и с получением дивидендов по ним, не содержит в себе такого неотъемлемого признака предпринимательской деятельности, как самостоятельность. Именно по этой причине данная деятельность не подлежит специальной государственной регистрации физического лица в качестве

индивидуального предпринимателя в отличие от деятельности предпринимательской, которая, согласно абз. 3 ч. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ, требует от лица, ее осуществляющего, регистрацию в этом качестве.

Вместе с тем закон ограничивает право военнослужащего не только на занятие предпринимательской, но и любой иной, помимо прохождения военной службы, оплачиваемой деятельностью, за исключением педагогической, научной и иной творческой (абз. 1 ч. 7 ст. 10 Федерального закона от 27.05.1998 г. №76-ФЗ «О статусе военнослужащих»). В этой связи следует разобраться, можно ли относить инвестиционную деятельность к оплачиваемой.

В законодательстве РФ не раскрывается значение термина «оплачиваемая деятельность». Но, исходя из лексического анализа слова «оплачиваемая», согласимся с Е.А. Свининых, что под оплачиваемой деятельностью следует понимать деятельность, осуществляемую на возмездной основе путем реализации человеком своих физических и умственных способностей. И, как пишет указанный автор, «к оплачиваемой деятельности следует, в частности, отнести деятельность по трудовому договору, выполнение работ и оказание услуг по гражданско-правовым договорам, занятие адвокатской и нотариальной деятельностью, совместительство на государственной и муниципальной службе, разрешение споров в качестве третейского судьи» [10].

Что касается инвестиционной деятельности, то соответствующая легальная дефиниция представлена в ст. 1 Федерального закона от 25.02.1999 г. №39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». Согласно указанной норме, инвестиционная деятельность – это вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта; а инвестиции, в свою очередь, – это денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта.

Таким образом, инвестиции – это вложение капитала, которое за счет его оборачиваемости может принести доход. Следовательно, инвестиции военнослужащего в ценные бумаги – это способ распорядиться своими уже заработанными деньгами, а не вид оплачиваемой кем-либо деятельности. Это означает, что запрет, налагаемый абз. 1 ч. 7 ст. 10 Федерального закона от 27.05.1998 г. №76-ФЗ «О статусе военнослужащих», не имеет отношения к приобретению и владению военнослужащим ценными бумагами.

Возвращаясь к положениям абз. 2 ч. 7 ст. 10 Федерального закона от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», запрещающим военнослужащим участвовать в управлении коммерческими организациями, предлагаем исследовать применение указанной нормы относительно приобретения военнослужащим на фондовом рынке акций, поскольку другие финансовые инструменты (облигации, фьючерсы, опционы и т.д.) не предполагают никакого участия в управлении коммерческой организацией.

Исходя из ч. 1 ст. 47 Федерального закона от 26.12.1995 г. №208-ФЗ «Об акционерных обществах», высшим органом управления коммерческой организации, такой как акционерное общество, является общее собрание акционеров. Владельцы любого числа акций могут участвовать в общем собрании акционеров числом голосов, которое пропорционально их доле в имуществе общества. Однако это является их правом, а не обязанностью (ст. 31, 32 Федерального закона от 26.12.1995 г. №208-ФЗ «Об акционерных обществах»). Другими словами, акционер может не совершать никаких активных действий в отношении компании, чьими акциями он владеет, полагаясь

на волеизъявление других субъектов экономической деятельности. Сказанное означает, что военнослужащий, воздерживающийся от голосований на общем собрании акционеров за принятие тех или иных решений, фактически не принимает участия в управлении коммерческой организацией, хотя потенциально и имеет такую возможность.

Таким образом, закон в принципе не запрещает военнослужащим инвестировать в ценные бумаги, получать по этим бумагам купоны и дивиденды, извлекать выгоду от разницы в цене покупки и цене продажи на фондовом рынке. Но, приобретая ценные бумаги, инвестор-военнослужащий не должен участвовать в управлении хозяйственным обществом, поскольку в виду ограничений, возникающих в связи с несением государственной службы, ему разрешается получать лишь пассивный доход на акции, аналогично тому, который бывает при начислении процентов по депозитному счету в банке.

Однако даже пассивное владение ценными бумагами иногда может нести в себе риски использования государственными служащим своего служебного положения в личных целях. Коррупционные отношения могут возникнуть при наличии ситуации «конфликта интересов», т.е. ситуации, при которой, по определению законодателя, «личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)» (ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»). Например, конфликт интересов может возникнуть, если военнослужащий – член комиссии по осуществлению государственных закупок, является владельцем ценных бумаг некой компании, которая стала участником конкурса на заключение контракта по поставке товаров для нужд воинской части. В этом случае, в соответствии с ч. 7 ст. 11 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», военнослужащий обязан в целях предотвращения конфликта интересов передать ценные бумаги данной компании в доверительное управление.

Отметим, что ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» регулирует аналогичные правоотношения, однако здесь норма сформулирована несколько иначе – обязанность передать в доверительное управление принадлежащие государственному служащему ценные бумаги устанавливается при условии, если владение ценными бумагами приводит или может привести к конфликту интересов. То есть в указанном нормативном акте определено условие, когда у государственных служащих возникает обязанность передать свои ценные бумаги в доверительное управление (наличие конфликта интересов или реальная угроза его возникновения в перспективе). В то время как закон о противодействии коррупции устанавливает лишь цель (предотвращение конфликта интересов) и безусловную превентивную обязанность государственного служащего передавать ценные бумаги в доверительное управление.

На описанную коллизию в правовом регулировании уже неоднократно обращалось внимание в литературе [6, 8, 9]. При этом одни авторы полагают, что приоритетными являются положения более нового и специального закона о противодействии коррупции, и передача ценных бумаг в доверительное управление должна осуществляться государственными служащими независимо от вероятности возникновения конфликта интересов [2], другие приходят к выводу, что «не обусловленное ничем требование об обязательности передачи ценных бумаг в доверительное управление выглядит

достаточно абсурдным» [10]. Точка зрения последних, на наш взгляд, представляется более убедительной, поскольку в ряде случаев достаточно сложно представить создание коррупционной схемы (например, в случае, когда военнослужащий владеет ничтожно малым пакетом акций крупного акционерного общества или небольшим количеством облигаций с невысокой номинальной стоимостью). Более того, ценные бумаги не всегда порождают право управления коммерческой организацией, хотя именно этот фактор чаще всего подразумевается в качестве коррупциогенного. Как верно замечает Е.А. Дорожинская, «приходится догадываться о том, что запрет распространяется на эмиссионные ценные бумаги, поскольку в отношении неэмиссионных природа конфликта интересов не совсем очевидна» [3].

Таким образом, мы полагаем, что применительно к военнослужащему обязанность передать в доверительное управление ценные бумаги возникает только тогда, когда владение данными ценными бумагами потенциально может выступать препятствием к добросовестному осуществлению им обязанностей военной службы или каким-то иным способом может нанести вред интересам государства.

Примечательно, что Методические рекомендации по применению типовых ситуаций конфликта интересов в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденные Минобороны России 12.03.2015 г., трактуют ситуацию конфликта интересов, связанную с владением военнослужащими ценными бумагами, несколько иначе. Согласно данному документу, конфликт интересов заключается в том, что государственный служащий и (или) его родственники владеют ценными бумагами организации, в отношении которой государственный служащий осуществляет отдельные функции государственного управления.

Несмотря на то, что в отношении родственников государственных служащих законом не установлено ограничений на владение российскими ценными бумагами (об иностранных речь пойдет ниже), авторы Методических рекомендаций предположили, что наличие в собственности у родственников ценных бумаг организации, на деятельность которой государственный служащий может повлиять в ходе исполнения должностных обязанностей, тоже влечет конфликт интересов. Поэтому предложенный порядок урегулирования конфликта интересов предполагает, что военнослужащий должен рекомендовать родственникам передать ценные бумаги в доверительное управление либо рассмотреть вопрос об их отчуждении. На наш взгляд, здесь имеет место произвольное расширительное толкование закона.

Помимо ограничений в ситуации конфликта интересов, законодательство налагает запреты, связанные со статусом определенных групп государственных служащих. Федеральным законом от 07.05.2013 г. №79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» определен соответствующий круг лиц. Перечень конкретных должностей военной службы, на которые распространяются устанавливаемые данным законом запреты, утверждается внутренними нормативными актами каждого ведомства отдельно[1]. В таких перечнях должностей к военнослужащим, которым нельзя владеть ценными бумагами иностранных

[1] Приказ Министра обороны Российской Федерации от 02.06.2015 г. №309 «О мерах по реализации в Вооруженных Силах Российской Федерации Указа Президента Российской Федерации от 8 марта 2015 г. №120 "О некоторых вопросах противодействия коррупции"» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 06.07.2015; Приказ

компаний и открывать счета у зарубежных брокеров, отнесены представители руководящего состава и все военнослужащие с допуском к сведениям особой важности. Положения законодательства о данном запрете также распространяются на ближайших родственников этих военнослужащих: жену (мужа), несовершеннолетних детей.

Важно отметить, что определение страны выпуска ценной бумаги военнослужащий обязан осуществлять самостоятельно путем проверки международного идентификационного кода ценной бумаги – ISIN (International Securities Identification Number) на сайте Национального расчетного депозитария. При этом следует обратить внимание, что некоторые российские компании могут иметь иностранную регистрацию – в этом случае они считаются иностранным финансовым инструментом [1]. Кроме того, запрет распространяется на владение еврооблигациями российских компаний, которые выпускаются в валюте через дочерние структуры, зарегистрированные в иностранных юрисдикциях. Также надо иметь в виду, что непрямое владение иностранными бумагами приравнивается к прямому. Следовательно, под запретом паи российских ПИФов и БПИФов, инвестирующих в иностранные активы; акции иностранных биржевых фондов (ETF), независимо от состава их активов; доверительное управление с инвестициями в иностранные финансовые инструменты и т.д.

Если должность военнослужащего подпадает под действие Федерального закона № 79-ФЗ от 07.05.2013 г., он обязан декларировать сведения о доходах, имуществе и инвестициях. Ежегодную справку необходимо предоставить до конца апреля следующего за отчетным года. В справку включаются доходы военнослужащего, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Заполнить данную справку можно с помощью СПО «Справки БК», доступной для скачивания на портале «Госслужба» с инструкцией по ее заполнению. К инвестициям относятся разделы справки 1.5, 5.1, 5.2 и 6.2. В них следует указать виды ценных бумаг, их количество, информацию об эмитентах, а также

МВД России от 03.06.2015 г. №658 «Об утверждении Перечня должностей федеральной государственной службы в Министерстве внутренних дел Российской Федерации и отдельных должностей, замещаемых на основании трудового договора в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством внутренних дел Российской Федерации, осуществление полномочий по которым предусматривает участие в подготовке решений, затрагивающих вопросы суверенитета и национальной безопасности Российской Федерации, замещение которых влечет за собой запрет открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 30.06.2015; Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 24.07.2017 г. №231 «Об утверждении Перечня должностей военнослужащих, лиц, имеющих специальные звания полиции, федеральных государственных гражданских служащих войск национальной гвардии Российской Федерации и отдельных должностей, замещаемых на основании трудового договора в организациях, создаваемых для выполнения задач, возложенных на Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации, замещение которых влечет за собой запрет открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и(или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 15.08.2017.

[1] Например, известная российская компания «Яндекс» зарегистрирована в Нидерландах, ISIN-код ее акций: NL0009805522.

сведения по индивидуальному инвестиционному счету (ИИС). Заметим, что в настоящее время владельцы ИИС получают от государства льготу по налогообложению. Право на получение инвестиционного налогового вычета у владельца ИИС возникает в размере до 52 тысяч рублей – в зависимости от суммы денежных средств, внесенных им в налоговом периоде на ИИС (п. 3 ст. 210, ст. 214.1, ст. 214.9, пп. 2 п. 1 ст. 219.1 Налогового кодекса РФ). Военнослужащий может оформить налоговый вычет как по месту службы через финансово-экономическое подразделение, так и самостоятельно, предоставив в ФНС России справку 2-НДФЛ.

Несоблюдение военнослужащим, его супругой или супругом, несовершеннолетними детьми ограничений и запретов, установленных действующим законодательством, в соответствии с Федеральным законом от 28.03.1998 г. №53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (ст. 51), Указом Президента РФ от 16.09.1999 г. №1237 «Вопросы прохождения военной службы» (ст. 34), влечет применение к нему санкции в виде досрочного увольнения с военной службы, в том числе в связи с утратой доверия со стороны должностного лица, имеющего право принимать решение о его увольнении. Возможность применения такого строгого дисциплинарного взыскания, как досрочное увольнение с военной службы, требует досконального изучения военнослужащими правовых аспектов инвестирования в ценные бумаги, четкого понимания своих прав и обязанностей в этой сфере деятельности.

Подытоживая изложенное, можно сделать вывод, что современное российское законодательство в части правового регулирования инвестиционного поведения военнослужащих на рынке ценных бумаг характеризуется наличием бланкетных норм, что в ряде случаев может приводить к неоднозначному толкованию антикоррупционных предписаний и необоснованному сужению гражданских прав военнослужащих. Разброс мнений, представленный в литературе по данной проблеме, свидетельствует о необходимости доработки соответствующих правовых положений и более детальной регламентации правил, в том числе административно-правового характера, устанавливающих запреты и ограничения при приобретении и владении ценными бумагами военнослужащими.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вильданова, М.М. Об инвестиционной деятельности физических лиц на российском рынке ценных бумаг // Право и практика. – 2019. – №3. – С. 157–164.
2. Грачева, М.В., Новоселова, Н.В. Запрет на приобретение ценных бумаг государственными гражданскими служащими: административно-правовой механизм реализации // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2020. – №2 (41). – С. 118–128.
3. Дорожинская, Е.А. Корпоративно-правовой аспект конфликта интересов при реализации статусов государственных и муниципальных служащих // Развитие территорий. – 2021. – №2 (24). – С. 111–117.
4. Душкин, И.В. Право военнослужащих на владение ценными бумагами и участие в управлении организациями // Право в Вооруженных Силах. – 2011. – №6. – С. 93–95.
5. Кудашкин, А.В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. Монография. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 574 с.
6. Кудашкин, А.В., Козлов, Т.Л. Порядок регулирования конфликта интересов нуждается в совершенствовании // Российская юстиция. – 2010. – № 10. – С. 45–50
7. Куницкая, Е.В. Различия инвестиционной и предпринимательской деятельности через категорию интереса и риска // Юридическая наука. – 2021. – №1. – С. 27–31.
8. Курилова, Е.В. Владение государственными и муниципальными служащими ценными бумагами // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2020. – Т: 1. – №1 (2). – С. 346–352.

9. Рамазанов, К.Н. Об интерпретации нововведений в системе запретов, связанных с государственной гражданской службой // Вестник ПАГС. – 2015. – №4 (49). – С. 16–23.

10. Свининых, Е.А. Ограничение гражданской правоспособности военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, как участников имущественных отношений // Право в Вооруженных силах. – 2012. – № 10. – С. 74– 84.

REFERENCES

1. Vildanova M. M. On the investment activity of individuals in the Russian securities market // Pravo i praktika. 2019. No.3. pp. 157-164.

2. Gracheva M. V., Novoselova N. V. Prohibition on the acquisition of securities by state civil servants: administrative and legal mechanism of implementation // Vestnik VSU. Series: Law. 2020. No.2 (41). pp. 118-128.

3. Dorozhinskaya E. A. Corporate-legal aspect of conflict of interests in the implementation of statuses of state and municipal employees // Development of territories. 2021. No.2 (24). pp. 111-117.

4. Dushkin I. V. The right of military personnel to own securities and participate in the management of organizations // Law in the Armed Forces. 2011. No. 6. pp. 93-95.

5. Kudashkin A.V. Military service in the Russian Federation: theory and practice of legal regulation. Monograph. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. - 574 p.

6. Kudashkin A.V., Kozlov T. L. The procedure for regulating conflicts of interest needs to be improved // Russian justice. 2010. No. 10. pp. 45-50

7. Kunitskaya E. V. Differences of investment and entrepreneurial activity through the category of interest and risk // Legal science. 2021. No. 1. pp. 27-31.

8. Kurilova E. V. Ownership of state and municipal employees of securities // Modern criminal procedure law - lessons of history and problems of further reform. 2020. T: 1. No.1 (2). pp. 346-352.

9. Ramazanov K. N. On the interpretation of innovations in the system of prohibitions related to the state civil service // Bulletin of the PAGS. 2015. No. 4 (49). pp. 16-23.

10. Svininykh E. A. Restriction of civil legal capacity of servicemen undergoing military service under contract as participants in property relations // Law in the Armed Forces. 2012. No. 10. pp. 74-84.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумова Екатерина Борисовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права. Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации.
630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2. Старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований. Институт философии и права СО РАН. 630090, Новосибирск, Николаева, 8.

INFORMATION ON AUTHORS

Abakumova Ekaterina Borisovna, Candidate of Law, docent of civil law. Novosibirsk military Order of Zhukov Institute of the national guard of the Russian Federation named after General of the army I. K. Yakovlev, 630114, Novosibirsk, st. Key-Kamyshenskoe plateau, 6/2. Senior research fellow of the Department of social and legal research of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS. 630090, Новосибирск, Николаева, 8.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. .264–274.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. no. 3 (102). P. 264–274.

**12.00.14. Административное право.
Административный процесс.**

Научная статья
УДК: 342.9:351.745.5
DOI: 10.55001/2312-3184.2022.97.79.023

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖБЫ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МВД РОССИИ

Карнаухов Олег Петрович
Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул, Российская Федерация, karnauhov.oleg@bk.ru

Введение: в статье рассматриваются проблемы правоприменительной деятельности, связанные с несовершенством оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации и соответственно одного из подразделений – службы участковых уполномоченных полиции. Через анализ ряда нормативных правовых актов и практику применения процедуры оценки деятельности службы выявляются существенные недостатки в эффективности фактической системы их оценивания. Предлагаются пути решения данной проблемы через изменение методик оценивания с взаимосвязанной необходимостью совершенствования самой службы участковых уполномоченных полиции.

Материалы и методы: материалами исследования послужили нормативные правовые акты и практическая деятельность в сфере оценки эффективности деятельности участковых уполномоченных полиции. Методологической основой послужил диалектический метод научного познания, а также методы эмпирический и системного анализа.

Результаты исследования: позволили сформулировать предложения, которые, по мнению автора, будут способствовать более результативному формированию оценки деятельности участковых уполномоченных полиции, а также напрямую связанному с этим – мерам для совершенствования самой службы.

Выводы и заключения: проанализировав практику применения оценивания результатов деятельности участковых уполномоченных полиции, автор приходит к выводу о его не полном соответствии законодательству и иным нормативным правовым актам, формальному подходу в его реализации, а также оперативной необходимости изменений в данной сфере.

Ключевые слова: проблемы правоохранительной деятельности, совершенствование оценки эффективности деятельности участковых уполномоченных полиции, общественное мнение.

© Карнаухов О. П., 2022

Для цитирования: Карнаухов О. П. Вопросы совершенствования оценки деятельности службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3(103). С. 264–274. DOI: 10.55001/2312-3184.2022.97.79.023

12.00.14 12.00.14. Administrative law; administrative process

Original article

ISSUES OF IMPROVING THE ASSESSMENT OF THE ACTIVITIES OF THE SERVICE OF THE DISTRICT AUTHORIZED POLICE OF THE TERRITORIAL BODIES OF THE MIA OF RUSSIA

Oleg P. Karnaukhov
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Barnaul

Introduction: the article deals with the problems of law enforcement activities associated with the imperfection of the assessment of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation and, accordingly, one of the units - the service of district police officers. Through the analysis of a number of normative legal acts and the practice of applying the procedure for evaluating the activities of the service, significant shortcomings in the effectiveness of the actual system for evaluating them are revealed. Ways to solve this problem are proposed through a change in assessment methods with the interconnected need to improve the very service of district police officers.

Materials and methods: the research materials were normative legal acts and practical activities in the field of evaluating the effectiveness of the activities of district police officers. The methodological basis was the dialectical method of scientific knowledge, as well as the methods of empirical and system analysis.

The results of the study: made it possible to formulate proposals that, in the author's opinion, will contribute to a more effective formation of an assessment of the activities of district police officers, as well as the necessary measures to improve the service in question.

Findings and Conclusions: after analyzing the practice of applying the assessment of the results of the activities of district police officers, the author comes to the conclusion that it does not fully comply with the law and other regulatory legal acts, as well as the need for changes in this area.

Key words: problems of law enforcement, improving the assessment of the effectiveness of the activities of district police officers, public opinion.

For citation: Karnaukhov O. P. Voprosy sovershenstvovanija ocenki dejatel'nosti sluzhby uchastkovyh upolnomochen-nyh policii territorial'nyh organov MVD Rossii [Issues of improving the assessment of the activities of the service of the district authorized police of the territorial bodies of the mia of Russia].]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 3 (102), pp.264–275 (in Russ.).

DOI: 10.55001/2312-3184.2022.97.79.023

Участковый уполномоченный полиции остается главным связующим звеном полиции с населением, а также представителем полиции, реализующим обширный перечень возложенных на него задач практически по всем направлениям деятельности полиции на закрепленном административном участке.

Ряд авторов научных работ, в частности, А.Ю. Харыбин [2, с. 147], А.Г. Репьев[1, с. 90] справедливо отмечают, что для оптимизации служб и подразделений органов внутренних дел большую роль играет учет, анализ и оценка их деятельности. Они являются и элементами контроля.

Эффективность системы МВД России во многом зависит от заданных критериев оценки ее деятельности и связанной с этим мотивацией исполнения служебных обязанностей ее сотрудниками. Несовершенство таких положений в нормативных актах либо их формальная реализация затрудняет объективную оценку деятельности подразделений территориальных органов МВД России (далее – теробраны), соответственно, одного из ведущих его подразделений – службы участковых уполномоченных полиции (далее – УУП, участковые), а также не верно «нацеливает» на результат ее сотрудников. Не случайно, что в ходе реформирования системы МВД России в целях повышения эффективности ее деятельности необходимо было решение ряда задач, важнейшими из которых были совершенствование правовой и организационно-управленческой деятельности. Необходимым составляющим при этом должно было быть решение вопроса, связанного с критериями по оцениванию деятельности теробраны со стороны общественных институтов.

В действовавшей системе МВД России длительное время одним из основных критериев оставались направления, нацеленные на увеличение показателей по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (АППГ). Несмотря на то, что в последующем такому подходу неоднократно давалась критическая, негативная оценка, а также ввиду меняющихся за период последнего десятилетия нормативных правовых актах в этом направлении (приказы МВД России №№ 25-2010 г.,[1] 735-2011 г.,[2] 1310-2011 г.,[3] 1040-2013 г.[4]) вопрос остается до конца не решенным.

В отмеченных приказах постепенно происходило смещение акцента от ведомственных показателей к вневедомственным, в основу которых были заложены основополагающие принципы деятельности полиции, касающиеся оценивания со стороны

---

[1] Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и органов предварительного расследования [Электронный ресурс]: приказ Мин-ва внут. дел России от 19 января 2010 года № 25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ утратил силу.

[2] Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Мин-ва внут. дел России от 29 июня 2011 года № 735. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ утратил силу.

[3] Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Мин-ва внут. дел России от 26 декабря 2011 г. № 1310. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ утратил силу.

[4] Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Мин-ва внут. дел России от 31.12.2013 № 1040. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

гражданского общества. Вносимые дополнения и изменения, в конечном итоге, должны были соответствовать назначению полиции, так: в соответствии со ст. 1 Федерального закона № 3-ФЗ[1] полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и обеспечения общественной безопасности.

Согласно ст. ст. 5, 6 ФЗ № 3-ФЗ МВД России должно проводить мониторинг общественного мнения о деятельности полиции, а также мониторинг по взаимодействию полиции с институтами гражданского общества. Данные должны доводиться до сведения государственных и муниципальных органов, граждан через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. Общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, определяемых МВД России (ст. 9).

В приказе МВД России № 205[2], регламентирующем службу участковых уполномоченных полиции, в разделе 4, п. 14 закреплены такие критерии деятельности, в числе которых – общественное мнение об их деятельности, которое должно определяться по итогам проведения опроса населения, информации в средствах массовой информации.

Приказ МВД России № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России» в большей мере отвечает требованиям законодательства и иным нормативным правовым актам.

Изучение общественного мнения о работе участковых входит в обязанности начальника подразделения участковых. Контроль за изучением общественного мнения о деятельности УУП должен осуществляться в рамках проверок, проводимых представителями МВД России, терорганов на региональном уровне при проведении инспектирования, контрольных проверок, комплексных и целевых выездов в терорганы МВД России и их подразделения, а также уполномоченными должностными лицами, которым участковые подчинены по службе. Однако в практике данные по такой работе не отражаются и не публикуются.

Фактическая действующая система оценивания базируется на количественных показателях результатов деятельности. Так, существует прямая связь по оцениванию с предыдущими показателями прошлого периода и их ростом. Например, в рамках реализации приказа МВД России № 1040 отражается динамика ведомственной статистической оценки деятельности Главного управления МВД России по Алтайскому краю, где за основу берутся показатели направлений деятельности:

1) административный надзор (сумма отношений числа лиц, подпадающих под административный надзор, к числу лиц, состоящих под административным надзором, совершивших преступления (за исключением лиц, совершивших преступления, инициативно выявленные сотрудниками полиции, предусмотренные рядом статей УК РФ, в частности,

[1] О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ Минва внут. дел России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

112, 115, 116, 116.1, 117, 119 и др.) в расчете 100 лиц, состоявших под административным в отчетном периоде (из 1000);

2) число несовершеннолетних, совершивших преступления (на 1 тысячу несовершеннолетних в возрасте 14-17 лет).

3) количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных на бытовой почве (в расчете на 100 тысяч населения, из 1000).

4) количество предварительно расследованных преступлений по ст. ст. 112, 115, 116, 116.1, 117, 119 УК РФ и др. (из числа лиц, выявленных терорганами и подразделениями ОВД в расчете на 100 единиц штатной численности подразделений полиции и следственных подразделений (из 1000).

5) число лиц, выявленных сотрудниками ОВД, уголовные дела в отношении которых направлены в суд по преступлениям, предусмотренных гл. 26 УК РФ, а также число должностных и юридических лиц, в отношении которых составлены протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных гл.8 КоАП РФ, в расчете на 100 ед. штатной численности сотрудников полиции и следственных подразделений.

Положения приказа МВД России № 205 в большей части дополняют и конкретизируют порядок организации ведомственного контроля и оценочных показателей службы, подтверждая приоритетность оценочных статистических показателей [3, с.77].

О не решенных вопросах в данной сфере свидетельствует проведение анкетирования в Барнаульском юридическом институте МВД России по теме, связанной с проблемами совершенствования деятельности полиции, и ее оценкой институтами общества, как в целом, так и отдельно службы УУП. В работе принимали участие обучающиеся факультетов заочного обучения, профессиональной (первоначальной) подготовки, переподготовки и повышения квалификации из различных регионов с 2015 по 2022 гг. Кроме того, автором проводились беседы с сотрудниками службы УУП со сроком службы более 10 лет по указанным выше вопросам. Данные мероприятия подтверждают, что большой процент опрошенных сотрудников отмечают с отрицательной стороны остающуюся практику оценивания результативности их деятельности и установлении приоритетов в основном через количественный результат в сравнении с АППГ. Ряд руководителей службы считают, что именно по количественным показателям можно оценить конкретный результат деятельности.

К сожалению, у некоторых сотрудников полиции и граждан формируется представление о формальном отношении к законодательному назначению полиции, вневедомственным критериям оценивания и фактической мотивации полицейских на выполнение определенного «ведомственного плана в реализации палочной системы».

В практической деятельности это может выражаться в примере, когда сотрудники дорожно-патрульной службы (ДПС) и УУП в последний день рабочей недели, подают сигнал об остановке транспортного средства водителю, выявляют нарушение, составляя протокол об административном правонарушении. Граждане в большей части уверены в том, что полицейских мало интересуют факторы, которые действительно влияют на безопасность участников дорожного движения (находящийся на перекрестке разросшийся кустарник, дерево, закрывающее обзор водителям, либо нарушение покрытия проезжей части), что нередко приводит к авариям. Подобную практику можно отнести к различным подразделениям терорганов, соответственно и к УУП.

Так, на подведении итогов по результатам деятельности начальника службы УУП дается негативная оценка, в его адрес направлена критика вышестоящего руководства за низкие количественные показатели по выявлению и раскрытию преступлений, в том числе по ст. ст. 115, 119 УК РФ, несмотря на то, что добросовестными сотрудниками была проделана значительная профилактическая работа, направленная на снижение такого рода преступлений, что и привело к такому итогу.

Полагаем, что одним из главных критериев оценивания деятельности УУП должна быть положительная оценка (отношение) гражданами на административном участке, а также низкое количество преступлений и административных правонарушений, в идеале их отсутствие. Важно предупреждение правонарушений, а также их повторности, при их совершении – оперативное раскрытие. Например, чьи права были нарушены и при усилиях участкового в конечном итоге восстановлены (возвращено похищенное имущество, найден и привлечен к ответственности правонарушитель, причинивший телесные повреждения и т.п.).

Такой подход подтверждают и требования Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020 - 2023 годы (далее – Концепция)[1]. В соответствии с п. 14 отражены критерии достижения цели совершенствования службы, среди которых на первом месте значится «отрицательная динамика 2-х индикаторов, указанных в подпунктах 13.1, 13.11». Это количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных на бытовой почве и число подтвердившихся жалоб граждан в отношении участковых уполномоченных. По сути, здесь заложен важнейший критерий оценивания, который должен быть одним из приоритетных.

Основными оценочными критериями должны быть фактическая защита прав и свобод граждан и снижение уровня совершаемых правонарушений на административном участке. Данные должны дополнятся опросами общественного мнения, доступными для любого гражданина, проживающего на участке. На основании изучения такой информации можно принимать необходимые управленческие решения по совершенствованию эффективности служебной деятельности и, соответственно, повышать уровень доверия и поддержки граждан к их участковым. Как уже отмечалось, создание таких механизмов закрепляют основополагающие положения ФЗ «О полиции», в частности, что мнение населения является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции (статья 9).

На практике такая деятельность остается в большей степени формальной и не реализованной, несмотря на то что еще к середине 2018 в этом направлении проведена большая работа. Научно-методическое сопровождение изучения мнения населения на районном уровне осуществлялось ФГКУ "ВНИИ МВД России" совместно с Академией управления МВД России. Также эксперты Комитета гражданских инициатив Л. Косалс и А. Зимин

[1] Об утверждении Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020 - 2023 годы [Электронный ресурс]: приказ Мин-ва внут. дел России от 30.03.2020 № 191. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

совместно с представителями Центра стратегических разработок провели серьезное исследование по созданию форм и методов проведения оценки работы участковых уполномоченных полиции населением [4].

В числе выводов, к которым пришли специалисты в ходе исследования:

1. Такого рода масштабные опросы не должны исключать локальные на районном уровне, где получение информации даст возможность руководителю терорган проводить анализ для совершенствования управленческих решений, для повышения уровня защиты прав граждан, эффективности самой службы и, соответственно, уровня доверия населения.

2. Принимать участие должны независимые организации заинтересованными во взаимодействии с полицией.

3. Важным моментом для реализации нужных изменений должны стать формирование условий, где и руководители и их подчиненные могли бы сами быть заинтересованы в этом.

Также независимыми специалистами были сделаны дополнительные выводы:

1. В настоящее время у руководителей терорганов нет правовой, служебной обязанности и мотивации использовать показатели общественной оценки эффективности деятельности участкового (сотрудника полиции).

2. Отсутствуют методики, позволяющие это сделать, нет опыта такой деятельности, соответственно, предстоит большая работа.

3. При заинтересованности определенного руководителя терорган на региональном уровне имеющаяся правовая база позволяет в сотрудничестве с определенными общественными организациями использовать разработанную Методику при аттестации участковых в терорганах для оценки деятельности УУП на районном уровне и принятия обоснованных управленческих решений, направленных на повышение уровня доверия населения к деятельности полиции.

Также эксперты убеждены, что в обществе имеется потребность в развитии партнерства с целью создания действующего механизма обратной связи между полицией и обществом. В системе управления МВД России имеются правовые основы для создания такого механизма.

Использование предложенной методики применения своих технологий для учета мнения институтов общества по оценке деятельности участковых важен для реализации указанных выше положений законодательства и ведомственного приказа МВД России № 205.

Полагаем, что данные методики должны активно внедрятся в практику. Как вариант, можно предложить подобное оценивание на сайтах терорган, в мобильном официальном приложении МВД России, при проведении регулярных выборных мероприятий. В профессионально разработанной анкете есть возможность оценить деятельность, как подразделения, так и конкретного сотрудника полиции.

При реализации вышеуказанных рекомендаций специалистов, вероятно, нужно учитывать, и другие немаловажные факторы. Для объективности оценивания необходимо, чтобы граждане предварительно владели информацией о значительном объеме требований и проделанной работе УУП в соответствие с п. 14 по ряду оценочных показателей ранее упомянутого приказа МВД России № 205. В частности, речь идет об оперативной

обстановке, криминальной статистике с детальностью до административного участка, принимаемых мерах по ее нормализации; предупреждению и пресечению преступлений, административных правонарушений, а также по выявлению и раскрытию противоправных деяний, предусмотренных приказом определенных статей УК РФ; проведению индивидуальной профилактической работы с лицами, состоящими на профучете; работе с поступающими обращениями граждан и принятых по ним решениям; обстоятельствах, затрудняющих исполнение обязанностей.

При анализе вневедомственного опроса и объективности оценочных суждений нужно учитывать, что при большом объеме обращений граждан в терорган они не редко не соотносятся с закрепленными в нормативных актах компетенциями его сотрудников. Также при закрепленном значительном объеме обязанностей и направлений его деятельности участковый имеет права, четко ограниченные законодательством. Можно привести пример, когда при нарушении тишины и покоя гражданин обращается в отдел полиции с заявлением о нарушении своих прав. Пресечение правонарушения с последующим привлечением к юридической ответственности нарушителя будет зависеть от профессионализма сотрудника, а также реальных его полномочий при необходимости применения мер принуждения. Как представляется, даже при положительных составляющих, связанных с профессионализмом, сотрудник зачастую не имеет полномочий, дающих ему право оперативно выполнить данную задачу, в связи с отсутствием возможности силовым способом проникнуть в жилище. В результате шум может продолжиться через короткое время, а может и не прекращаться. Соответственно, какая будет оценка его деятельности со стороны граждан? Другое заявление в сельской местности о том, что соседская собака потоптала грядки на приусадебном участке. Подобного рода обращения требуют временных затрат от УУП и нередко проблематичны для привлечения к юридической ответственности лиц. Поэтому необходимо учитывать данный фактор и объективно оценивать реальные права, возможности УУП.

Оценка деятельности посредством изучения общественного мнения необходима как отражение уровня социальной безопасности и правовой защищенности граждан. На официальном сайте МВД России ежегодно размещаются сведения Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Данные социологических опросов в период 2017 – 2021 гг. свидетельствуют о незначительной стабилизации и повышении значений показателей оценки гражданами России деятельности полиции на уровне предыдущих лет. Тенденция стабилизации оценок населением работы полиции в 2021 г. по сравнению с 2020 г. отмечается по показателям эффективности работы ОВД (с 43,8% до 44,4%) и доверия сотрудникам полиции (с 44,9% до 45,4%) [5].

Несомненно, что главным показателем будет являться эффективная профессиональная деятельность самих участковых уполномоченных полиции. Считаем, что главным направлением в совершенствовании деятельности службы участковых уполномоченных полиции должен стать неформальный подход в анализе причин недостающих процентов доверия положительной оценки граждан. Важно объективно оценивать реальное положение дел, а не пытаться сглаживать или не замечать недостатки. Нужно признавать ошибки и принимать необходимые меры для их исправления. Для этого важно оперативное решение существующих вопросов, отмеченных в Концепции, а также в ряде работ авторов,

где затрагивались объективные причины такого положения дел и деятельности по их устранению. [2 с. 93; 6 с.128–30].

Напомним, что одним из главных направлений реформы системы МВД России было освобождение ее сотрудников от несвойственных ей функций, однако за годы реформирования произошло многократное увеличение нагрузки, в первую очередь на УУП. Очевидно, что причины недостатков службы кроются не только в человеческом факторе, некомпетентности, плохом контроле руководства, а в создании соответствующих условий для плодотворной службы ее сотрудников. Усугубляется положение явно недостаточным правовым и социальным обеспечением, в том числе материально-техническим. Вышесказанное серьезно отражается на качестве служебной деятельности и формирует отток кадров из подразделений.

Пути решения существующих проблем лежат в создании развитого института полиции, соответственно совершенствовании оценки деятельности полиции, в первую очередь в лице службы участковых уполномоченных полиции. Для этого необходимо: повышение уровня профессиональной подготовленности сотрудников полиции; обеспечение оптимизации распределения нагрузки; повышение уровня социальных и правовых гарантий; снижение документооборота и развитие института презумпции доверия сотрудников полиции; совершенствование материально-технической обеспеченности УУП, в том числе компьютерной техникой на опорных пунктах, оптимизация доступа к базам данных, необходимой автоматизацией рабочих мест. Также важны: разработка типовых алгоритмов действий для правоприменительной деятельности в типовых ситуациях; повышение информирования граждан на сайтах сети Интернет актуальной информацией, детализированной до уровня района, административного участка, а также о результатах рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях, состоянии преступности, административных правонарушений; публичный отчет, как сотрудников, так и руководителей службы участковых уполномоченных полиции, где целесообразно присутствие прокуратуры, исполнительной и законодательной власти.

Немаловажным является и то, чтобы в сознании граждан формировался положительный образ современного участкового, схожий с героями фильмов, ставших классикой отечественного кинематографа: М. Жаров (Анискин) «Деревенский детектив», В. Золотухин (Серёжкин) «Хозяин тайги», М. Ульянов (Ковалёв) «Самый последний день», С. Безруков (Кравцов) «Участок». Эти и другие фильмы отразили образ не супермена, а защитника правопорядка, реального человека, создав неформальное доверие к нему в обществе.

Общественное мнение для оценки деятельности УУП, как представляется, выступает одновременно самым важным, но в тоже время и не простым критерием оценки оперативно-служебной деятельности [7, с.16].

Затронутые аспекты и предложения по корректировке критериев оценки эффективности деятельности участковых уполномоченных полиции должны прямо ориентировать повседневную службу ее сотрудников на нужды гражданских институтов. Это даст возможность совершенствовать существующую систему общественного контроля, которую нередко критикуют за недостаточную результативность и воздействие на деятельность полиции. Пути их достижения, на наш взгляд, приемлемы и при их правильной реализации позволят приблизить к одной из целей реформирования полиции – ориентированности на общественное мнение и оценку со стороны гражданских институтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Харыбин, А.Ю. Оценка работы участкового уполномоченного полиции / А.Ю. Харыбин // Закон и право. – 2015. – № 3. – С. 147–148.

2. Репьев, А.Г. Оценка эффективности деятельности участковых уполномоченных полиции на основе статистических данных: анализ, планирование, прогнозирование / А.Г. Репьев // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 1(45). – С. 90–93.

3. Бачурин, А.Г. Осуществление контроля и оценки деятельности участковых уполномоченных полиции // Вестник БЮИ МВД России. 2021. № 1 (40). С. 76-78.

4. Косалс, Л.Я., Белянин, А.В., Зимин, А.В. 2018. На пути к эффективному общественному контролю деятельности полиции: о методах учета мнения населения при оценке деятельности участковых уполномоченных полиции, 2018. Доклад по результатам исследования, проведенного по заказу Комитета гражданских инициатив и Центра стратегических разработок.

5. Общественное мнение. Работа полиции: доверие и оценки: [Электронный ресурс]: https://мвд.рф/publicopinion (дата обращения: 23.03.2022).

6. Карнаухов, О.П. Актуальные проблемы реализации концепции взаимодействия полиции и общества / О.П. Карнаухов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2021. – № 21–1. – С. 128–130.

7. Вихляев, А.А. К вопросу о совершенствовании ведомственной системы оценки оперативно-служебной деятельности участкового уполномоченного полиции на административном участке, в том числе определения параметрических показателей формирования общественного мнения о его работе с населением /А.А. Вихляев // Криминологический журнал. – 2021. – № 3. – С. 13–17.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Kharybin, A. Yu. Evaluation of the work of the district police officer / A. Yu. Kharybin // Law and law. - 2015. - No. 3. - P. 147-148.

2. Repiev, A. G. Evaluation of the effectiveness of the activities of district police officers based on statistical data: analysis, planning, forecasting / A. G. Repiev // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2018. - No. 1 (45). - S. 90-93.

3. Bachurin A.G. Implementation of control and evaluation of the activities of district police officers // Bulletin of the Bureau of Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1 (40). pp. 76-78.

4. Kosals L. Ya., Belyanin A. V., Zimin A. V. 2018. Towards effective public control of police activities: On methods of taking into account the opinion of the population when assessing the activities of district police officers, 2018. Report on the results of a study conducted commissioned by the Committee of Civil Initiatives and the Center for Strategic Research.

5. Public opinion. Police work: trust and assessments: [Electronic resource]: https://mvd.rf/publicopinion (date of access: 03/23/2022).

6. Karnaukhov, O.P. Actual problems of implementing the concept of interaction between the police and society / O.P. Karnaukhov // Actual problems of combating crimes and other offenses. - 2021. - No. 21-1. - S. 128-130.

7. Vikhlyaev, A. A. On the issue of improving the departmental system for assessing the operational and service activities of the district police officer in the administrative area, including the definition of parametric indicators for the formation of public opinion about his work with the population /A. A. Vikhlyaev // Journal of Criminology. - 2021. - No. 3. - P. 13-17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Карнаухов Олег Петрович, преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел. Барнаульский юридический институт МВД России, 656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Karnaukhov Oleg Petrovich, Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 656038, Russia, Barnaul, st. Chkalova, 49.

Статья поступила в редакцию 24.03.2022; одобрена после рецензирования 31.03.2022; принята к публикации 13.09.2022.
The article was submitted 24.03.2022; approved after reviewing 31.03.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Информация для авторов

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.

2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.

3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее — Институт) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащем его полнотекстовую версию.

4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.

5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.

6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.

7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.

10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.

11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в информационно-коммуникационной сети Интернет.

14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллеги осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом Института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале

доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем — 7 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем — 15 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Cyr).

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) – концевые, нумерация сквозная.

Фотографии, рисунки представлять отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать).

Затекстовые библиографические ссылки оформляются как «Список источников». Внутритекстовые ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных

скобках с указанием порядкового номера источника в списке источников (затекстовых ссылках) и страниц, на которые ссылается автор *(например, [2, с. 46])*.

Список источников оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (обязательно с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц). Список источников оформляется по степени упоминания в тексте (не по алфавиту) в соответствии с ГОСТ Р7.07—2021.

НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ: SNOSKA.INFO – онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников. В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке литературы.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёное звание, учёную степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (при этом данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённой приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 1027 номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста

статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью, а лишь помогает рецензенту всецело оценить научный материал.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

К представленному научному материалу должна прилагаться **справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати**, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес Института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, может быть направлена по электронной почте в адрес: **esiirk-vestnik@mvd.ru**. При этом оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков настоящего журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 3 (102) 2022

Редактор: Н. А. Платонова
Технический редактор: Л. Е. Ким
Редактор-переводчик: Е. С. Фидель
Дизайн обложки: М. А. Полянская

НИиРИО ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110